

Музыка льда
Осколки

Анна Беляева

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Анна Беляева

Музыка льда. Осколки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68831556

SelfPub; 2023

Аннотация

Прекрасный и жестокий мир фигурного катания, через перипетии которого идут сильные и устремленные люди: тренеры, спортсмены. Любовь и взаимная поддержка помогают преодолеть все трудности, непонимания и обиды, возникающие неизбежно там, где вся жизнь – преодоление. И в преодолении победа.

Содержание

Я очутился в призрачном лесу...	7
А ты уйди, тебе нельзя тут быть, живой душе, среди мертвых!	24
Чувств собственных не ведая тогда, одни мы оставались в те мгновенья...	36
Мы шли вперед, ступая по пустоте, имевшей облик тел...	55
Ты видишь, сын, какой обман летучий даяния Фортуны...	71
В этой тьме глубокой тебя и дальше буду я блюсти	83
Но в милый мир да обретешь возврат!	96
Обман и сила – вот орудья злых	110
Разрушая кровный союз любви, вдобавок не щадит союз доверья...	125
И ствол воскликнул: «Не ломай, мне больно!»	137
Я сам себя казнил в моем жилище	151
Там, где душа восходит к омовенью, когда вина избытая спадет	170
Мы истину, похожую на ложь, должны хранить сомкнутыми устами	182
Ты – господин, чья власть мне всех дороже	198
И даже здесь, не чтит ключей верховных, тебе	208

врученных в радостные дни	
И здесь она, чуждаясь всех, осела со слугами, гаданьям предана	220
Я здесь не первый раз, и я привык к подобным стычкам, ты не беспокойся	231
Но вызволиться было невозможно, настолько прочно влипли их крыла	241
Мне так дыханья в легких не хватало, что дальше я не в силах был идти	255
Тогда я встал; я показать хотел, что я дышу свободней, чем на деле	267
Один успел упасть, другой – подняться	280
Все, что меня пленяло, я отсек	290
Здесь каждый дух затерян внутри огня, которым он горит	305
Мольбу, быть может, позднюю творя, молю, помедли здесь, где мы страдаем	317
Объем рассудка нашего и речи, чтобы вместить так много, слишком мал	336
Суровая карает Правота поддельщиков, которых числит строго	349
Поставим сеть для львицы со львятами и путь им преградим!	363
Зачем твой взор прикован к глубине? Чего ты ищешь?..	371
Крупней вину смывает меньший стыд	382

Взгляд начинает различать немного все то, что муть туманная крала	392
Отчаянных невзгод ты в скорбном сердце обновляешь бремя	406
Когда без слез ты слушаешь о том, что этим стоном сердцу возвещалось, – ты плакал ли когда-нибудь о чем?	418
Душа катится вниз, на дно колодца	431
Ожидает нас немалый путь, и нелегка дорога, а солнце входит во второй свой час	442
Ступили, чтоб вернуться в ясный свет, и двигались все вверх, неутомимы	453
И только через тьму мог вывести его стезею чудной	463
В великой буре судно без кормила	473
Когда одну из наших сил душевных боль или радость поглотит сполна	482
Не все ль равно, что люди говорят? Иди за мной, и пусть себе толкуют!	491
Чтоб огонь любви мог уничтожить вмиг долг, ими здесь платимый повсечасно	500
А новый странник на пути своем пронзен любовью, дальний звон внимая	509
Оставь сомненья, мы уже у цели, не робостью, но силой облекись!	519
Тот ангел, что земле принес обет столь слезно	528

чаемого примиренья	
Быть может, на пути к стезе прощенья тебе до слуха этот звук дойдет	536
Твои глаза отраду обретут, насколько услаждаться в состояньи	545
И ежели она осилит с небом первый бой опасный	554
И если мир шатается сейчас, причиной – вы... Взгляни на колос, чтоб не сомневаться; по семени распознается злак	563
Мы были там, где, выйдя в новый круг, кончалась лестница...	571
И мне глядел в глаза, чтобы узнать, вполне ли я постиг его уроки	580
Огонь благой любви зажжет другую, блеснув хоть в виде робкого следа	591
Не – только я, но все, кто с нами рядом, глядят туда, где свет тобой разьят	603
Здесь та и эта соединена, та – покоряясь, эта – созида	615
Это отпрыск древа, которое растет на высотах и от которого вкусила Ева	625
Bead, quorum tecta sunt peccata!*	637
	651

Анна Беляева

Музыка льда. Осколки

Я очутился в призрачном лесу...

– Миша, Илья, проводите девочек, вернитесь. Надо обсудить один вопрос.

Этот круг ада начался с такой простой фразы. Привычной. Неожиданной. Да, пожалуй, именно неожиданной в том контексте, который предлагался.

Ледовая арена переливалась звуками: криками, аплодисментами, безумной в своей настойчивости мелодией культовой уже "Матрицы" братьев-сестер Вачовски. Нервная музыка иголками колола души людей тем больше, что на льду жила истинная драма.

Три тренера. Надёжная и верная команда досматривали программу той, о ком за последние три года даже не говорили практически. И видели много больше, чем стоило рассказывать обывателю.

Холодная зеленоглазая блондинка без возраста со строгой прической, из которой постоянно выбивались непокорные кудрявые пряди, и пристальным взглядом, наблюдала за прокатом очередной спортсменки с безэмоциональным надменным выражением лица.

Вообще-то, все детство и юность заслуженный тренер Домбровская была хохотушкой, но жизнь на спортивном олимпе быстро научила прятать все свое в себе и многоуважаемой толпе не показывать: ни хорошее, ни плохое. Врать Виктория Робертовна не научилась, изображать то, чего в душе не было – тоже. А прятаться за маской равнодушия удавалось. Об истинных бурях, творящихся в душе этой запертой на сто замков женщины знали очень немногие. Например тот, кто стоял по левую руку сейчас и то и дело бросал на нее короткие взгляды.

Слева в темном, тяжелом пальто, добирая одеждой солидности, замер скуластый мужчина лет тридцати, с едва намекающимися первыми мимическими морщинками, которые рисует на лицах тонко чувствующих и не скрывающих своих эмоций людей, время очень рано. Хореограф Ландау лишь бросал короткие взгляды, больше интересуясь реакцией коллеги, чем происходящим на катке. Его подвижное лицо отражало всю ту гамму переживаний, которую глаза привычно считывали под маской полной незаинтересованности жен-

щины рядом. То, что происходило на самом льду интересовало молодого мужчину сильно меньше. Он почти забыл эту давно, по его меркам, покинутую их команд спортсменку и жил без нее не хуже, чем с ней. Их мало связывало. От силы один полноценный сезон и легкие сокасания за пару лет до него. Одна из многих в его работе, к которым не прикипаешь душой. А для его коллег эта девушка была не проходным эпизодом, а огромной частью их жизни. Ребенком, из которого они вырастили спортсмена мечты, довели до высших ступеней и потеряли на вершине олимпа.

Виктория страдала относительно честно, как минимум позволила себе вслух проговорить свою печаль, а стоящий справа от нее вернейший из помощников, человек огромного сердца и неоценимых педагогических талантов, отмолчался, позволяя женщине быть женщиной и требуя от себя оставаться мужчиной до конца. Внешне казалось, что их техническому специалисту, мастеру постановки всей прыжковой и вращательной базы, не составило труда простить и проститься уже со второй чемпионкой, выросшей в его руках. Что же там было внутри – неизвестно.

Коренастый светлоглазый соратник, мнущийся с ноги на ногу по другую сторону, от надменной снежной королевы, прошедший с ней огонь и воду, внимательно анализировал то, что видел, хотя по его части все было до того кошмарно,

что смотреть стоило лишь из скрытого мазохизма. Михаил мазохистом не был, но оценить сейчас фактически окончательно разломанную собственную работу считал своим долгом. На льду была, в конце концов, его ученица. Пусть и в прошлом. Он вообще не любил забрасывать то, что делал своими руками и своими мозгами. Больше ему не нравилось, лишь когда его труд не берегли. И перед глазами был именно такой случай.

Итак, довольных увиденным в этом трио не было. И, между тем, все терпеливо ждали, когда фигуристка домучит фатальный прокат.

С последним тактом музыки Викторию начало отпускать. Она боялась. Боялась, что совершенно расклеенная и потерянная бывшая воспитанница так шарахнется о лед, что никаких дальнейших разговоров о ее перспективах уже не будет. Боялась и самого разговора, который был неизбежен и грозил конфликтом, потому что решение уже принято. И, как ни странно, даже без нее, хотя, видит бог, она в глубине души желала, чтобы был кто-то, кто ей его навяжет. И была рада.

С небольшим опозданием старший тренер ледового подразделения спортшколы "Самоцветы Москвы" сделала несколько энергичных хлопков и произнесла: "Она молодец

все же... – а после, отвернувшись от всевидящих телевизионных камер, следивших за всеми и вся, а за ними особенно пристально, продолжила – Надо ее брать обратно".

С этими словами Виктория Домбровская покинула свое место и удалилась в подтрибунные помещения. Тренер Григорьев и хореограф Ландау, молча, последовали за ней.

– Развозим по домам девочек и возвращаемся в мой кабинет. У нас неотложное совещание, – устало сказала Виктория Робертовна мужчинам.

Она вся погрузилась в собственные внутренние переживания, от чего шаг из равнодушно-размеренного стал резким и широким, что при ее росте, с которым можно ходить по подиуму и отбираться в волейбольную команду, превращало движение в стремительный полет скоростного лайнера. И обычным самолетам, таким, как оба коллеги, пришлось перейти почти на трусцу, догоняя локомотив их команды.

Общее впечатление было тяжкое, горькое, просто невозможно давящее. Но музыка яркая, в последние годы незатасканная, постановка интересная. Спортсменки не осталось. А так все неплохо, пожалуй.

***

В семь лет Вика поняла, где ее мечта, ее сила жизни и ее неудержимость. В тот день, когда папа не успел приехать, чтобы отвезти дочку на каток через пол Москвы. Сняв школьную форму, совсем еще новенькую, купленную специально ей, что не так часто случалось с одеждой в их большой семье, младшая из шестерых детей Домбровских взяла сумку с коньками и бодро пошла в гордом одиночестве на автобус, потом в метро, потом до катка пешком. И дошла без всяких приключений, не считая того, что никто ее не отпускал бродить одной по шумной даже тогда столице.

Вечером был большой разбор полетов. Папа ругался, наверное, в первый и последний раз в ее жизни. Мама тихо сидела в углу и не говорила не слова. Говорила Вика, отдувая светлые пряди растрепанных волос от лица: обещала быть разумной и клялась, что будет ходить на каток, не отвлекаясь и никуда не сворачивая, но ходить будет в любом случае. Это не обсуждается. Именно в том разговоре она в запале и прокричала: “Вы решили лишить меня самого главного в жизни!”

И лед и правда стал в ее жизни самым главным. Самой жизнью. Именно на нем она жизнь и познавала во всех ее красках. С радостями, горестями, обидами и предательствами. Первыми, самыми злыми, и последними, которые пре-

вращались часто в обыденность. То, что приключилось почти три года назад оказалось больше обыденности, нашло еще не загрубевшую поверхность души и разодрало в кровь.

Она держалась молодцом. Не всякая б смогла, увидев последнее прости от человека, которому посвятила чуть не полтора десятка лет, в новостях. Вот так вот с ней попрощалась та, кого она без всякой задней мысли публично называла родной. Да и к душе допустила почти так же близко, как собственного ребенка. А дети всегда обижают жесточе, чем кто бы то ни был.

Мила, Милочка, Милаха! Как же ты хладнокровно и наотмашь ответила за собственный проигрыш всей маленькой, но огромной спортивной жизни. Виктории оставалось только отбиваться от вопросов и терять потихоньку лицо, которое и потерять в тот момент было не страшно. Страшно было понять, что история повторяется. Второй раз ее бросают спортсмены после высшего достижения в своей карьере. Мучительно уходят, чтобы забыть, словно кошмарный сон, тренера, с которым еще совсем недавно вся жизнь была одним целым. В общем стремлении к победам.

И потом, когда не осталось вечерних слез, истерик, и даже горе этой страшной потери притупилось. Да, последние два года она была молодец. Она почти не вспоминала. Она

отпустила. Нет, неверно, загнала в самый темный угол воспоминания. Видит бог, она ценила и любила своих новых и грядущих чемпионков. Но есть раны, которые не рубцуются хорошо. Аля была первой такой раной. Настолько глубокой. Мила... Мила была другой, почти смертельной, потому что казалась ближе, роднее, горячее.

Когда, вертя в руках олимпийскую медаль, Аля посмотрела на нее пустыми, умершими глазами, Вика испугалась. Никогда раньше она не видела, чтобы человек так мгновенно терял внутреннюю мотивацию. Все, что было потом – лишь завершало формальное расставание. Они перестали существовать друг для друга в тот момент, когда у Али изменился взгляд.

Забавно, что для Милы она перестала существовать, потому что у той взгляд не изменился и мотивации все остались на месте. И в этом тоже была внезапность. Для Домбровской при всей тяжести их сотрудничества после олимпийского поражения ничего не закончилось и ничего не поменялось в отношении ее Милки. Она была готова продолжать, работать, двигать, любить эту девочку. А девочка пошла искать другую любовь. Эта не оправдала надежды на мечту. Мечту подарила не того калибра.

Ну вот... человек-Вика и тренер-Домбровская не умерла.

Она ждала, что заживёт. Выключила память, отрешилась сознанием. Не сразу. Не сразу. Но со временем все стало спокойнее. А последние полтора года даже почти не снились кошмары, особенно, когда засыпала не одна.

***

Автомобиль пискнул сигнализацией и женщина пошла по давно знакомому пути от стоянки к своему кабинету. Мимо ледовой коробки, мимо зала славы отделения "Сапфировый" школы "Самоцветы Москвы". Привычная дорога, давно выученная до последней трещинки в полу.

В кабинете прижился и стал частью интерьера запах ее духов.

Виктория ещё помнила, как впервые села в это кресло, за этот стол. Не так давно это случилось. И не так много времени она тут проводит. И все же – все это было две жизни назад. Ушла Аля. Сбежала Милка. Маленькая Милка, которая смотрела на нее с чистым обожанием незамутненной любви.

Две жизни назад. И каждый раз ничего не менялось и менялось все. Теперь был шанс снова все изменить, но уже не потерей, а возвращением и приобретением, пусть и спорного достоинства на данный момент.

***

Григорьев подъехал первым. И это было хорошо. Вика и сейчас искренне считала, что встреча с Мишкой-Медведем на профессиональном поприще – это дар небес. Он не лез не в свои дела. Не комментировал ничего помимо своей работы и непосредственно к ней относящегося. Всегда был приветлив, улыбчив, бесконечно профессионален и предан абсолютно. Один раз доверившись Виктории, он оставался верен ей до конца. Это звено в их цепи было самым крепким.

Он не произнес ни слова о переходе Али, хотя любил эту девочку больше всех, что были до и появились после, к далекому тренеру в далекий город, где ребенку окончательно добили уже пожеванную олимпийской муштрой команды Домбровской психику. И только раз он позволил себе реплику, которая говорила, что не выпускал чемпионку Извицкую из внимания. После тренировки перед ее последним выходом на спортивный лёд. Все, что он сказал было: "Ванька не уследил". Тогда Вика поняла, что эта история завершилась. Спортсменки Алевтины Извицкой больше нет. Тогда казалось, что больше души на мучения не останется, вся по Альке в лоскуты истрепалась. Уход Милы показал, что болевых точек на душе так много, что невозможно все пересчитать.

Про Милку Медведь молчал, но, вероятно, тоже все понимал и знал. Сейчас это было важно. Пришло время заполнить пробел в два года.

– Рассказывай.

Виктория смотрела пристально, взгляд сосредоточенный, такой, который видел каждый любитель фигурного катания. Взгляд профи во время работы.

– Что тебе сказать? Спина у нее не сегодня заболела. И сегодня не худший её день. В общем-то, нужно признать, что спины у нее нет. Но ты же знаешь, что это было слабым местом еще при нас. Мега-профи заокеанский добил ее позвоночник. Но, по-чесноку уж, не он, так мы добились бы ее. Ну, или кто-то другой.

Это было правдой. Первые проблемы с позвоночником начались у Людмилы еще здесь в "Сапфире". Такая же правда была в том, что спорт высших достижений, при любом тренере, усугубил бы эти проблемы. Но все равно казалось, что она бы заметила, помогла, восстановила. А теперь... что есть, то есть. Да и самообман это, помноженный на обиду расставания.

– Какие варианты, Миш?

– Да по сути никаких. Сезона у нее так и так не будет. Будь это моя дочь, я бы её сразу снял со всех стартов и отправил лечиться.

Ну что же... Отношение Григорьева обозначено. Его определение дуэта Домбровской и беглой спортсменки названо. Он не полезет в эти отношения и противиться возвращению не будет. Уже легче. Мишка-Медведь, как же хорошо ты читаешь людей и, что бесценно, молчишь о прочитанном.

И тут Григорьев второй раз сказал больше, чем ожидала женщина:

– С Илюхой будет трудно. Не руби с плеча. Он тебя держит и готов уживаться с твоими демонами. Это важно для тебя и нужно ему.

Тоже правда. И тоже тяжело.

– Сейчас придет, будем разговаривать. Знаешь, Миш, я ведь все равно не могу сказать "нет". Даже если бы не хотела. Ахмедов наш любимый мне очень тонко намекнул, что всегда можно найти чемпионке другого тренера, а тренеру можно и перекрыть кислород, если он слишком строптив. Иногда хорошо, когда большой начальник функционер, а не

бабник, если честно.

Михаил улыбнулся. Немного грустно. Железная Вика красива, и он знал, что тонкие намеки и прямые предложения с интонацией требования ответить правильно на ухаживания "ах, какого уважаемого человека" ей поступают регулярно. Быть женщиной не так просто, а красивой и целеустремленной и подавно.

– Вот это ему и скажи. Пусть мальчик понимает, с чем ты имеешь дело тогда, когда одна идешь в высокие кабинеты. И про бабников тоже расскажи. Пусть он знает, Стальная Кнопка. Он мужчина. Ему нужно знать и о таких угрозах, которые ты отражаешь.

Домбровская грустно усмехается:

– “Постельный хореограф”. Знаешь, что его так называют в прессе и на форумах? Талантливый и заботливый мужчину, преданного. И им не стыдно. Я опять люблю не того, Мишка, вот только теперь уже я могу разрушить чужую жизнь.

Откровений для Григорьева было, пожалуй, даже многовато на этот вечер, но, в конце концов, и это тоже дорога к сближению. Вот так вот слушать о маленьких и больших

слабостях человека, с которым ты хлебаешь из одного котла полной ложкой. И амброзию, и помои.

О том, что коллега, начальница и, что уж там, подруга, она-то ему точно подруга, он ей, может, и не друг, но это ладно, наконец-то упокоилась под крылом молодого дарования их команды Михаил понял очень быстро. Когда женщина перестает прятать красные от слез и бессонницы глаза и умиротворяется, трудно не обнаружить источник умиротворения, тем более, когда он совсем рядом. Не сказать, чтобы ему полегчало от этого открытия, но лучше так, чем ждать нервного срыва. Они пока неплохо сосуществуют: и эти вдвоем, и весь их коллектив. Так что оно и пусть.

Ответить мужчина ничего не успел. Распахнулась дверь и в нее ворвался взъерошенный как черный вороненок после купания в луже Ландау. В руках пакет и три чашки кофе. Заботливый. И не только по отношению к Вике. Он просто умел видеть и помнить, кто в чем нуждается и давать это, недостающее, в жизнь людей. Даже в мелочах. Вот как этот кофе и пакет с едой. Ведь они устали, они не ели. Но кому пришло в голову вспомнить об этом? Не Домбровской, само собой, она жить-то забывает регулярно, не Григорьеву. Только Илья не забывал про простые земные мелочи.

– Я хочу понять, что это сегодня было. Чему мы обяза-

ны такой немотивированной щедрости с твоей стороны? И вообще нахуа это нужно? – все эти слова постановщик программ произнес, садясь на стул и вытягивая ноги под стол старшего тренера, так, что его ботинки соприкоснулись с ее сапогами.

Женщина опустила глаза в стол и начала говорить:

– По сути выбора у нас нет, что б мы сейчас не решили и не говорили. Мы все равно будем ее забирать к себе. Ахмедов, напоминаю, наш хозяин, бог и господин этого отделения и всей школы, для самых забывчивых. Так вот уважаемый человек Карен Магометович Ахмедов весьма ясно дал понять, что возможности отказаться от такого щедрого и судьбоносного предложения у нас не будет. Сегодня я позвала вас посмотреть на материал, с которым мы в любом случае обязаны будем работать. Так что – эмоции в сторону. Жаловаться можно дома, женам или собутыльникам, если найдете время на запой. Здесь будем просто работать дальше.

– Ты лучший тренер России! Тебе что льда в этой стране не найдется помимо этого? – вспыхнул Ландау.

– Илюх, не шуми! – одернул его Григорьев.

– Илюш, ты знаешь, где я начинала работать в России? –

Домбровская прямо смотрела в глаза своему хореографу. Ландау только кивнул, – Да, Илюшенька, теперь это знают все. Никто не знает, почему, вернувшись с осязательным опытом тренерской работы из Штатов, где у меня были весьма неплохие на тот момент ученики, я не смогла найти свободную вакансию нигде, кроме как на том занюханном катке в торговом центре. Вспомнила свои 18 – и по новой!

Нет, не так. Все, кому надо, знают. И если их правильно попросят, вспомнят. У нас очень узкий круг и тесная тусовка. И здесь не прощают. Сил второй раз рвать жилы у меня уже нет. Да и уроки я усваиваю хорошо.

Мы ее забираем. Миш, подготовь выкладки по своей работе, по контенту в короткой и произвольной. Менять ничего не будем принципиально, но облегчать набор пока необходимо. Она не вывезет на больной спине ничего серьезного. Илюш, нам надо будет посмотреть обе программы, можно ли сделать их удобнее для нее без потери качества. Но это уже дома. Я зверски устала.

В темноте трое вышли из дверей ледового спорткомплекса и разъехались по домам. Виктория в качестве пассажирки уносилась в машине Ландау. Собственная осталась ждать хозяйку на стоянке “Сапфирового”.

Ночь лениво слизывала последние минуты первого часа
нового дня.

А ты уйди, тебе нельзя тут быть, живой душе, среди мертвых!

За любой бедой и любой проблемой рано или поздно можно разглядеть кого-то конкретного, с именем, фамилией и уникальными фактами биографии. Если долго и пристально всматриваться. Вика еще в девяностых решила, что искать конкретного виновника, если это не ты сам – дело неблагодарное. Проще читать любые неудачи стечением обстоятельств и собственной неподготовленностью и предусмотрительностью. Даже тот взрыв, даже те летящие осколки, которые разделили ее жизнь на до знания о смерти и после. Даже это удобнее было списать на собственную ответственность, чем на дебила, затащившего в их многоквартирную тexasкую халупу газовый баллон.

С того знакомства с умиранием и готовности к нему и начался по-настоящему новый этап в жизни Домбровской. Она перешла из состояния фигуристка в состояние тренер. Так с 19 и до 43 лет в нем и пребывает. Не глядя, кто стоит за всеми ее трудностями, хотя тут и глядеть не нужно. Просто бессмысленно. Ничего не изменишь. И фигуристам будут нашептывать, и палки в колеса по возможности встав-

лять. Такой уж мир вокруг нее. Именно в нем она придумала прожить свою жизнь.

Жить всего лишь желательно с осторожностью, минимально обременяя тех, кому случайно довелось оказаться на одной тобой дороге и кто не планирует длить совместный путь. Это общий принцип. Людей нужно беречь от своих травм и болей. Получается не всегда. Это угнетает. Удивительно, но есть те, кто принимают и делят ее боли. Это удивляет. И радует, конечно, радует.

До 2002 года она была уверена, что никакого ПТСР у нее нет. Шрамы от осколков стекла по телу есть. Воспоминания гнетущей тишины и раз и навсегда изменившегося мира – тоже. А ПТСР – нет.

С 2002 года она не засыпает в транспорте. По крайней мере очень старается. На всякий случай. В чужих авто, в самолетах, аэроэкспрессах. Нигде. Никогда. Старается. Не пугать людей.

Сейчас они едут в тишине наполняющейся блюзом из музыкальных запасов Ильи. Молчат. Вика знает, что этот блюз для нее. Это тоже его забота. И сегодня они уже вряд ли поговорят о чем-то, даже о работе, тем более не будут воевать. Остается только музыка. Щемящая, вливающаяся под каж-

дый шрам тела, сердца, души. Он ее принял: с вечно напряженными плечами, с ночными кошмарами, с забитой мыслями о работе головой. И ему, казалось, ничего больше не нужно. Но, наверное, нужно. Как всем.

****

Ей всего 20. Они сидят на лавочке в парке, уличные музыканты, начинают новую мелодию, горькую как топленый темный шоколад и воздушную, словно легкие облачка над Техасом этим вечером, и смешливая Аманда, встряхивая забавными кудряшками смотрит Вике в лицо и говорит:

– Тори, а ты знаешь, что блюз – это тоска черных по родине, которой у нас тут них..я нет и не будет?

У Аманды настолько жуткий южный английский с примесью афроамериканского говора, что понять ее человеку из России невозможно, боже, да ее и не всякий житель Нью-Йорка поймет! Кажется, эти южане специально сжирают треть звуков, тянут вторую треть и еще треть изменяют до неузнаваемости, чтобы их никто и никогда не понимал, кроме своих.

– Вот, Тори, ты же русская, да? – шоколадное личико Аманды становится забавно-сосредоточенным. Вика увере-

на, что ей до сих пор прикольно, что когда-то после ночи эвакуации людей с улицы убитой взрывом, к ним в дом брат привел эту странную не вяжущую от страха пары слов на чужом языке девчонку, с которой она потом таскалась по эмердженси, чтоб вытащить осколки, менять повязки, лечить воспаления там, где раны не хотели нормально рубцеваться. Объясняться с врачами. Эта русская совершенно не умела говорить на человеческом английском. Чему, спрашивается, их там учат в их тоталитарных школах, да? Если они даже прилично два слова не могут связать? Долбаный Оксфорд середины 50-х у них там что ли?

– Вообще, я этническая полячка?

Аманда морщит лоб, потому что для нее Польша – это что-то загадочное за пределами ее кругозора. И уж, что она точно знает, что Виктория никакого отношения к Польше не имеет:

– Ну, ты же из России? Я помню ты говорила, что в Москве жила. Значит ты русская. В общем, ладно. Это фигня. Я про что... Тори, а ты не хочешь назад? Ну, домой. Ну, там ностальгия и вся вот эта хрень?

– Иногда бывает, Мэнди. По маме и сестрам, конечно, скучаю больше, а не по месту, но иногда бывает. Ага.

Аманда улыбается. Ее русская подруга ее понимает. Для остальных Аманда слишком заумная и много всякого говорит странного. А с Торри на одной волне.

– Вот... А блюз – это про то, что ты хочешь домой, но даже не понимаешь, где он, твой дом. И, может быть, ты найдешь его в ком-то другом. Ну, с кем-то рядом. Но и того, другого, его тоже нет. Это призыв, блюз то есть, чтобы нашелся кто-то, кто будет твоим домом.

Через 6 лет Вика позвонит ей и скажет: “Мэнди, ты можешь стать моим домом? Хотя бы ненадолго?”. И улетит из промозглой октябрьской Москвы туда, где никого не волновало, права ли она была, и никто не ждал, что она кому-то должна. Ее просто любили. Просто принимали.

****

В первый раз боль и смерть пришли напомнить о себе по пути туда, к человеку, готовому стать ее домом. В самолете впервые Виктория узнала, что будет теперь неотъемлемой частью жизни всегда.

Под мерный гул моторов крылатой птицы, везущей молоденькую и внушительно уже обремененную новой жизнью

женщину, Вика погрузилась в сон. Что ещё делать, когда впереди девять часов сидения на месте.

В набежавшем прибоем сне она шла по коридору, собираясь принять душ, почистить зубы и потом, может быть, даже сразу, завалиться спать, в руке полотенце и зубная щетка. Было какое-то приятно-приподнятое настроение. Днём они с партнером, с которым вместе укатили на поиски лучшей жизни из обнищавшей России середины 90-х, под напевы очередных любящих бога, прослушали лекцию о прелести жизни, чем отработали бесплатный обед. Умеют эти сектанты убеждать, что жизнь прекрасна, улыбнулась себе Вика. Жизнь и была прекрасна. Уж точно не хуже, чем в голодной Москве, тут хоть морозов -30 не бывает. В 19 лет все прекрасно, что не смерть.

Ей всегда казалось, что первым погас свет, а лишь потом где-то сбоку раздался взрыв, вынесший стекла, часть перекрытий и даже стену комнаты, в которой, по счастью, не было ни ее, ни ее партнёра в тот момент.

Стекло и обрезки пластмассы секли кожу рук, спины, бедер. Это не ощущалось сном. Боль была та, из 96. Настоящая.

Темные капли крови повисают на кончиках пальцев и медленно обрываются на пол. Выхода нет. Она одна. Только

боль от осколков. И тут она увидела тень, которой просто не могло быть в том далёком вечере боли и страха. “Вова!”... Тень швырнула в ее сторону конверт, из которого на лету выскользнул посадочный талон. “Исчезни!” Новый взрыв. Осколок стекла летит и врежется в позвонок, трещина в котором заросла давным-давно.

– Девушка! Девушка! Проснитесь! Это только сон! Пожалуйста, не кричите! Вас даже в соседнем салоне слышно! – лицо стюардессы стало белым от испуга, беременная пассажирка металась и стонала сначала, а потом взвыла, как раненое животное и забилась словно в конвульсиях, но не проснулась. Так и продолжала вскрикивать.

С тех пор Виктория Домбровская не спала в самолетах, чужих автомобилях, поездах и другом общественном транспорте. Свои кошмары она охраняла от постороннего внимания не менее тщательно, чем любую другую часть личной жизни. Самая таинственная персона спортивного мира, кажется, как-то так писала о ней пресса.

****

Ника Владимировна Грин, лучшая девочка этой вселенной по мнению ее матери, родилась в середине января, “макушке зимы”, как написала в ответ на электронное послание

дочери из Штатов мама.

Это маленькое беззащитное создание, дороже которого отныне и впредь никого в жизни Виктории не будет, в буквальном смысле открыло ящик Пандоры в душе своей матери. Впервые пришедший после восьмилетнего молчания кошмар стал постоянным спутником ночей молодой матери.

Преломляясь и уточняясь в деталях, он был неизменен в своей сути и реакции на него женщины. Теперь она закрывала собой малышку-дочь. Тень, швыряющая под ноги взрыв, больше не имела узнаваемых черт, но все так же несла боль и смерть, а она не успевала увернуться от летящих в ее ребенка осколков. И никогда сама не просыпалась. Ее предавало даже собственное тело, что уж говорить про людей. Все, все просыпаются от кошмаров, когда становится невыносимо страшно, а она – нет. Она ползла в крови, израненная, с ребенком на руках к выходу и просыпалась только после того, как выбиралась на улицу и пряталась за камень. Чтобы выбраться из кошмара каждый раз нужно было убежать от смерти. Успешно.

В тяжелые дни успешно не удавалось. Тогда во сне она видела, что дочь исчезает. И большего ужаса просто не могло быть.

Если бы она когда-то рассказала об этих ночных терзаниях, а ее спросили, что она из них вынесла. Единственное, что можно было бы ответить: никто не должен терять детей. Никогда.

****

Илья плавно затормозил, будто боясь, что женщина рядом очнется от воспоминаний слишком рано и слишком резко. Блюз продолжал плыть в салоне. Он положил свою ладонь на тонкую руку, нащупав уже привычный шрам на тыльной стороне запястья. Эта половина тела пострадала сильно при взрыве, почти все плечо и чуть меньше предплечье было иссечено короткими и подлиннее шрамами разной степени толщин и глубины, а по спине рубцы заплетались в диковатый плотный узор.

Когда Ландау первый раз увидел ее тело не в полумраке ночи, не в угаре страсти, а при ярком спокойном свете безжалостного дня, единственное, что он подумал: “Я бы назвал этот кадр “Жестокость к нежности””.

Впрочем, ей он ничего не сказал. Вика своего израненного тела стеснялась. Нежности смущалась. В чужую любовь не верила, а значит – и не принимала никого из посторонних до конца. А он был посторонним. В этом смысле Илья Серге-

вич не питал иллюзий. Кто с кем не спит в мире фигурного катания?! Иным крюкам и выкрюкам межличностных взаимоотношений спортсменов друг с другом, тренеров, хореографов и всей “обслуги” мог бы позавидовать паноптикум нашей эстрадной тусовки.

Просто ближайший свободный совместный вечер он посвятил томному и долгому исследованию ее тела, изучая языком, губами, кончиками пальцев каждый шрам. Наслаждаясь то тихими стонами, то просто тяжелым дыханием, то вскриками своей снежной королевы.

И в чем он мог поклясться: в ту ночь ей точно не снилось никаких снов!

****

– Ты так загадочно чему-то улыбаешься. Чему? Расскажешь?

Илья хмыкнул:

– Даже покажу, но не сегодня. Сегодня мы устали и очень хотим спать. Особенно ты.

Виктория не спорила. О чем тут спорить второй час ночи?

После вчерашнего нервного дня. Сто лет назад, видя ее усталый вид, старый друг, а по совместительству отличный хореограф-постановщик, катающий по стране пяток собственных шоу, Макс Рудин сказал: “Домбровская, ты знаешь, что нужно, чтобы высыпаться? Ложиться не в тот день, в который встаешь”. А еще через неделю позвонил и предложил взять знакомого в помощь. “Приличный хореограф, и на льду стоит прочно”.

Вика шла от машины, погруженная в воспоминания. Она ведь даже резюме его не смотрела. Морозов, их штатный хореограф, единственный на тот момент, смотрел, вроде бы. Собственно он и сказал: “Бери. Если он не умеет ставить, то хоть за кофе будет бегать. Все помощь”. И она взяла. Хоть за кофе бегать.

-Ой!

Женщина почувствовала, что ноги больше не стоят на земле, а через секунду услышала тихие слова, произносимые ей в шею, когда она обхватила руками плечи мужчины:

-

Бояться не надо, душа моя будет рядом

Твои сновидения до рассвета охранять.

Засыпай на руках у меня, засыпай...

И все-таки так, как мужчины ухаживают в молодости, максимум лет до 35, они потом уже не ухаживают. Или ей просто до этого совершенно не везло на мужчин. Она уткнулась ему в пальто носом и замерла в объятьях. Так вносят в дом новобрачную. Так нежат невест.

Нет, она не сомневалась в его любви. Она просто не знала, сколько еще эта любовь будет иметь отношение к ней. Вряд ли долго. Вряд ли...

Чувств собственных не ведая тогда, одни мы оставались в те мгновенья...

Осеннее солнце еще только планирует вступать в свои права. Первые лучи едва окрашивают горизонт, намечая настроение нового дня. В темной спальне очертания людей и предметов не до конца верные. И все же день уже начался. Длинный и полный движения.

В 6 утра обнаженный молодой мужчина рассматривает на экране хрупкую девушку... И это просто работа. Дуга позвоночника в охвате крепких мышц спины чуть подрагивает, так как хореограф проживает вместе со спортсменкой прокат, и мозг привычно отдает команды телу, видя знакомое движение. Зеркальный механизм в действии. Как зевать, как улыбаться, так у всех, связанных со спортом, включаться в каждое знакомое движение, чтобы не понять, а прочувствовать его вместе с тем, кто движется.

Виктория перекачивается на кровати, откидывая с лица растрепавшиеся пряди волос, и прикасается губами к самому выступающему позвонку на пояснице, медленно и со вку-

сом продвигаясь вверх. До лопатки, дальше выше – на ключицу. Кладет подбородок на плечо молодому человеку и вынимает один наушник, вставляя его себе в ухо. Безмолвное движение на экране синхронизируется со звуками нежнейшего вальса Евгения Доги.

Так они, молча, обнявшись, она у него за спиной, держа его за талию и чувствуя его ладони на замке своих рук, продолжают смотреть последние полторы минуты проката. Музыка красивая. Нежная. Непростая. История любви, предательства, обиды и ошибок.

– Скольжение у нее стало и правда лучше, в произвольной тоже видно – задумчиво говорит Домбровская, озвучивая мнение многих специалистов фигурного катания, отметивших прогресс Милы именно в этом компоненте.

Илья молча кивает, не отрываясь от экрана. Ему не нравится последнее вращение. Ни то как оно сделано, ни то, как оно задумано. Но в целом это единственное, о чем можно сказать – “неудачно”. Иностранные специалисты постарались на славу, учитывая, что музыка для них незнакомая. Любопытно, Милка объясняла суть? Если – да, то она молодец.

– На льду я хотя бы могу думать о работе, когда на те-

бе, как на капусте. Но вид голой начальницы совершенно не способствует трудовому процессу, знаешь ли!

Он откидывается назад и заваливает женщину на кровать.

Утро, начавшееся смехом, по определению прекрасно, а уж продолжающееся таким томным и голодным поцелуем – и подавно. “Ты меня соблазняешь...” шепчет ей в ухо молодой человек: “Теперь моя очередь!”

Губы ниже, туда, где подрагивает мягкая кожа живота, бледнеет тонкий шрам на бедре... еще ниже, глубже, пока не слышит ее тихий стон, ему кажется, что она даже стонать от страсти умеет шепотом, чтобы ни одно лишнее ухо не услышало.

Губы ее чуть влажные от частого дыхания под его губами. И дальше первобытно и прекрасно до боли. Вечный ритм начала жизни. “Держи меня крепче”, – шепчет она в полузабытьи между всхлипами и вздохами, когда он вжимается пальцами в ее ягодицы. И он держит. Крепко, как только может.

****

На груди остались царапинки от щетины, на подвздошной косточке засос, во всем теле расслабленность такая, что, ка-

жется, даже немного больно и ни одна мышца не держит.

Виктория Робертовна не была монашкой, ни по духу, ни по поведению. Спорт вообще учит с уважением относиться к потребностям тела. Тело должно хорошо спать, полноценно питаться, о теле надо заботиться, чтоб оно оставалось послушным в работе. И страстям тоже надо давать выход, реализуя гормональные потребности, когда приходит их срок.

И все же секс – это только секс. Удобно, когда он есть, и неважно, если его нет. Тем более сейчас, когда женский потенциал практически сходит на нет. Она реализовалась в своем, исконно женском, предназначении. Родила, вырастила и уже почти отпустила в большую жизнь ребенка. Секс и вовсе потерял свою насущную значимость. Как-то же она жила без него последние почти два десятка лет, не считая коротких заплывов в различных мутных водах. Прожила бы и сейчас.

Но вот отказаться от всепоглощающей нежности после было невозможно. И это не заканчивалось. К этому прирастала душа. А значит вся она прирастала к молодому мужчине. Очень молодому. Сильно моложе, чем позволительно и обоснованно сохранять так близко в своей жизни. Правильно было бы расстаться сейчас, на пике, чтобы сохранить благодарность этим двум годам, которые он был рядом. Но сил

на это болезненное решение, тем более его реализацию, попросту не было.

Кружа плавной спиралью эту мысль, Виктория приняла душ, оделась, накрасилась. Нет, кофе уже по дороге на работу. Не успевают.

– Илюш, я сегодня с вами до 9, потом у меня встреча с Ахмедовым. Буду сдаваться. В обед я на месте, на второй лёд тоже постараюсь прийти. И ещё сегодня хорошо бы с Милой встретиться. Так что в основном управляйтесь своим умом и силами. И, да, будь другом, свяжись с Максом, скажи, что нам надо по шоу встретиться, в конце концов там и его постановки. Край уже.

Ландау мысленно зафиксировал поручения, что-то тут же поставил в напоминалки, зная, что по дороге Вика, включившая режим “босс”, ещё накидает задач.

– Что планируешь сказать Леоновой?

Это был скорее общий вопрос, но ответ удивил и даже разозлил.

– Буду извиняться, Илюх, – тихо сказала Домбровская.

– Класс!

Это был сарказм. Густой, настоящий на огорчении и обиде за нее. И, что уж там, за себя Илье тоже было обидно. Как ни крути, а это он видел боль, причиненную тогда еще просто коллеге и руководителю, но всегда женщине, заслуживающей самого бережного отношения, девчонкой, которую она вырастила с сопливого возраста. А та даже не потрудилась прийти и проститься лично, глядя в глаза.

****

Начало постолимпийского сезона Илья запомнит в первую очередь безразличным стуком телефона о поверхность рабочего стола на катке и таким же безразличным голосом Домбровской:

– Всем доброго дня. Начинаем работать.

В тот день никто не спросил у нее, почему пришлось срочно ехать в федерацию, о чем там говорили и чем так нехороши были разговоры, что женщина, которая какой только боли не переживала и выходила из нее, став еще сильнее, вдруг приходит на вечернюю тренировку гладко причесанной, с красными глазами и осипшим безразличным голосом.

И так все плохо. Не до разговоров.

****

– Илюшенька, не сейчас. Если захочешь, объясню вечером. Пока текущее...

Полчаса, которые занимала дорога на работу прошли в раздаче ЦУ, комментариях того, что уже было сделано, планах на будущее. Это был просто еще один день. Почти обычный. И только в конце, перед самым уходом, старший тренер, посмотрев на свою команду, сказала: “Еще нам нужен специалист по расстройству пищевого поведения. Психиатр. Или, может, психотерапевт. Быстро нужен. В идеале завтра. И лучше не из нашей системы. И не трепло”.

****

Год до первой олимпиады. Год до первой большой победы. До изветности, широкой, всеохватной, выматывающей, тоже год. Милка еще только подбирается к своей первой высоте. Аля. Аля уже давно хочет с нее спрыгнуть. Собственно то, что она делает и есть падение вниз. Летит, чтоб разбиться.

Маленькая женщина, Алькина мама, которая так нравилась когда-то тренеру Домбровской своей цельностью и

устремленностью, готовностью помогать дочери в достижении спортивных успехов, сейчас смотрит в зеленые глаза Вики обиженно и зло:

– Виктория Робертовна, вы хотите сказать, что моя дочь психически больная? Ведь вы сами говорили, что вес для нее – критическое место! Разве она только для себя держит эту диету? Нет, скажите мне, если вам этого всего не надо, мы найдем тренера, который умеет работать на результат!

“Светлана, боже, как же у нее отчество? Ладно, неважно уже. И так все ясно!” – Домбровская внутренне машет рукой. В конце концов эта женщина – мать Али, девочка – ее ребенок. Ей виднее. Да и что правда, то правда: вес Альке набирать нельзя. Не остается у нее прыжков, когда прибывают даже не килограммы, а граммы. Кто бы мог знать еще год назад, как они будут этот вес держать зубами, руками, истериками и насилием над ребенком. Всего год назад Алька могла даже выпить бутылку газировки в выходной, а на следующий день прийти и прыгать все, что запланировано. Как много улеглось в один год боли и страха о возможном крахе мечты.

– Я вас прошу только об одном, следите, чтобы она ела хоть что-то, кроме этих добавок. Иначе прыгать ей будет просто не на чем. Для тренировки нужна энергия. Тело и так подвергается огромной нагрузке.

– Я не могу следить за ребенком, которого со всеми этими сборами и выездами на этапы почти не вижу. Дайте мне возможность ездить с вами, – это, конечно, выход, но сердце чуяло, что все может быть не так просто. Тренеры не зря не любят родителей, которым слишком нравится участвовать процессе тренировок. Редко это добром заканчивается.

Виктория тяжело вздыхает:

– Хорошо, я включу вас в ее группу. Только следите за ней, ради бога!

****

Аля смогла. Стала первой ласточкой школы Домбровской. Не прошло и десятка лет с той олимпиады, а теперь кажется, что Вика, Миша и Илья всегда стояли на вершине горы под названием “Женское фигурное катание” и взирали вниз на пасущие стада желающих попасть под их пристальное внимание овечек, мечтающих о лаврах чемпионов.

Раду родители притащили аж из Хабаровска. Цыганская кровь плескалась в темных глазах и алела на юных щеках. Послушный и красивый инструмент. Как и Алина мама, папа Рады верил, что у него чемпионка. Главное – подходящий

возраст. Это много. Это важно. Если повезет, они не слишком захватят пубертат, изменения в теле. Всю ту боль, которой не смогли избежать с Алей. То, из-за чего пришлось положить саму Альку Извицкую под дамоклов меч и пришить ей здоровье по полной.

Через несколько лет олимпийский лед увидит неподражаемую юную баядерку, лирическую, балетную, влюбленную и восхитительную, горячую, страстную Эсмеральду. Типаж зашел, образ наделся. Рада прыгала на пьедестале, взлетев туда для публики стремительно и почти из ниоткуда. Рада пришла. Аля ушла. Аля ее не простила. Аля ей не простила Милку. Милка не простила потом Раду. Длинная цепь непрощений. Рада, наверное, тоже кого-то не простила, но выяснять это Домбровская не будет. Расстались мирно.

Аля в конце концов была права. Что бы Вика ни говорила журналистам, как бы ни объясняла, внутри она знала всегда, что уходящие от нее дети по-своему правы. Их работа – это рутина и боль, боль и рутина. Каждый божий день. И каждый раз, когда кажется, что ты сделал все и даже больше, наступает новый день, когда тебе говорят, что и этого недостаточно. О такое ломаются даже взрослые. А дети, ее девочки, маленькие и худенькие, держат этот бой с бесконечным **“ВЫШЕ, БЫСТРЕЕ, СИЛЬНЕЕ”**.

Пока верят ей. И их предавать она не могла. Они ее могли, хотя каждый раз это было очень страшно и больно. Но они вкладывались самым бесценным в свои и ее победы: детством, наивностью, невозвратным. Именно поэтому Домбровская никогда не давала им обещаний, за которыми бы не стояла ее уверенность в том, что они выполнимы. Именно поэтому каждый раз, когда понимала, что сделанный сверх человеческих сил еще один шаг к победе удался, она сглатывала слезы, накатывающие от радости за исполнение их мечты. Именно поэтому крыла их трехэтажной площадной бранью, когда видела, что они не хотят бороться со своим “не могу”. И только одного она никогда не делала – не била. Она отлично знала, что боли в их жизни столько, что этот удар уже ничего не решит. Никакой высокой морали. Это всего лишь неэффективно.

Уход Милы для Вики тоже был частью правоты этой девочки, а вот ложь, уверения, что все пройдено, забыто и всегда вместе – это было жестоко и нечестно. И за это нельзя было простить. И все же Мила – ее ребенок. Если Милка так уходит, стало быть что-то она Леоновой не объяснила про правила их жизни. Правила фигурного катания, не те, которые написаны на бумаге, а те, которые в узком пространстве всех со всеми перепутанных самыми разными связями, неотъемлемы. И за это она готова извиниться. Но только за это. Педагог должен делать свою работу полностью и

следить за результатом. Не усвоили ученики – повтори, пока есть возможность. С Леоновой у нее возможность появилась. Это в “плюс”.

****

Карен Магометович Ахмедов прожил интересную молодость, адреналиновые зрелые годы и за всю жизнь научился лавировать в потоках и ловить рыбу в мутной воде политической жизни столицы. Если его правильно попросить, то он всегда находил мудрые административные решения и изыскивал ресурсы на нужное дело. Сейчас Виктория Робертовна Домбровская была именно таким прекрасным ресурсом для решения очень важного вопроса, о поиске этого решения с ним консультировались люди куда как более значимые, чем сам Карен Магометович. Это было и лестно, и обязывало.

К тренеру Домбровской господин Ахмедов относился бережно, что к той курице, которая несет золотые яйца. Во-первых, как ни крути, он был восточным мужчиной, а во-вторых, весьма разумным руководителем. Но собственно женщины в том смысле, в котором мужчины говорят именно о женщинах, он в Виктории Робертовне не видел и видеть не мог. Долгая жизнь и воспитание привили ему убежденность, что правильная женщина должна направлять свой ум на то, чтобы быть вовремя прелесть какой дурочкой, мягкой

и уступчивой, умеющей извлечь бонусы из этого своего слабого и нежного пола. А светловолосая мать малолетних дракончиков, разрывающих на каждом новом старте соперников в лоскуты, меньше всего подходила под этот типаж прекрасной дамы. Эта огнедышащая стерва сожрет, не подавится, а потом, облизнувшись, пойдет дальше. Разве это дама? Это кошмар любого приличного мужчины.

И все же он ее очень уважал, ценил, а значит хотел, чтобы она точно поняла его пожелания и постаралась их выполнить максимально успешно. Ради самой же себя.

– Виктория Робертовна, я надеюсь вы следите за ситуацией, которая развернулась вокруг нашей страны в поле спорта? И понимаете, насколько нам всем важно оставаться патриотами в этот момент полностью, до мозга костей?

Вика внимательно следила за вязью слов, которые произносил Карен Магометович. Склонив голову, как она это делает во время просмотра выступлений своих учениц, прониклась тем смыслом, что таился за словесным узором и лишь слегка кивнула на вводную часть, побуждая перейти большого начальника к сути.

– Я надеюсь, что вы, тренер юных спортсменов, отдаете себе отчет, насколько важно донести до них правильный ход

мыслей и поведение в сложившейся ситуации.

– Ну, послушайте, Карен Магометович, нареканий на моих ребят никогда не было в этой части,– аккуратно подтолкнула его к углублению в суть Домбровская.

– Безусловно. И это весьма радостно для меня как для вашего, пусть и не непосредственного, но все же руководителя. Однако нужно понимать, что бывшие наши подопечные, даже возвращаясь к нам, зачастую теряют часть опор и основ, которые мы в них закладываем. Хотелось бы, чтобы в этот непростой для Людмилы момент вы были рядом не только как ее вновь обретенный тренер, но и как тот человек, который напомнит ей, какие душевные связи у нее есть с родиной.

В целом текст был предельно ясен: следи за тем, что девочка будет молоть языком,– но Виктория решила уточнить:

– Карен Магометович, вы хотите, чтобы я провела политпросвещение Милы после того, как она два года пребывала за рубежами родины под крылом иностранного специалиста? Или я недопонимаю, что от меня требуется?

Домбровская была готова напомнить еще и факт того, что сама она мать иностранной гражданки, прожившая многие

годы за пределами России. И уже потому считать Викторю Робертовну хорошим политпросветителем – дело опасное. Однако, выяснилось, что вопрос не в части политики, хотя и в ней тоже. Колечко у начальства сжималось по более приземленным поводам.

Ахмедов мягко улыбнулся:

– Ну что вы, Виктория Робертовна, я скорее хочу, чтобы вы ненавязчиво вернули Людмилу в те года, когда она была рядом с вами счастлива. Прогуляйтесь по тем местам, где были вместе. Просто напомните ей те времена и подарите то ощущение радости, которое было у нее тогда.

Вика приподняла удивленно бровь:

– Карен Магометович, вы сейчас говорите так, словно Мила была моей девушкой, которой нужно напомнить о былой любви. Но у нас совсем другие отношения, она спортсменка, а я ее тренер, а “места, где мы были вместе” и, возможно, даже счастливы, это лед, спортзал и танцкласс. Мне организовать ей экскурсию по “Сапфировому”?

Ахмедов внимательно посмотрел на тренершу, прикидывая, правду ли ему сказали или все же было там что-то большее, чем профессиональные отношения, но улыбка осталась

на его лице такой же проникновенной:

– Мы все понимаем, насколько глубока бывает связь тренера и спортсмена, не так ли? Ваши же отношения даже по этим меркам были гораздо более теплыми, чем в среднем. Вы, я думаю, осознаете, насколько важно дать молодому человеку или девушке возможность испытывать чувство привязанности и дарить его. Наша с вами задача, как старших, как наставников, сделать все, чтобы человек, подобный Людочке по уровню известности во всем мире, имел возможность доносить до этого мира свою любовь к нашей стране, своим наставникам и учителям, тем, кто делает ее счастливой. И не чувствовал себя отвергнутой самыми дорогими людьми. Я думаю, вы осознаете, что иногда ради покоя и блага многих людей, самого нашего мира спорта, необходимо делать то, что необходимо. Мы с вами взрослые уже, от нас, простите, за прямоту, не убудет.

Беседа между тренером и директором “Самоцветов Москвы” длилась еще почти 20 минут, но самое главное уже было сказано и дальнейшие наставления лишь оформляли в рамочку общую картину.

****

В чем тренер Домбровская не сомневалась, так в том, что

она правильно поняла тонко завуалированные ЦУ Ахмедова. И ведь язык же повернулся намекать на такое!

Сев на водительское сидение, Вика положила руки на руль и звонко и резко сказала только одно слово: “Блин!”. По лицу ее пробежала странная улыбка. И, зацепившись за уголок губ, притаилась где-то в складке между ними.

Именно с этим сложным выражением лица Виктория Робертовна и пришла на вечернюю ледовую тренировку.

****

– Ну, и какие ценные указания мы получили из высоких кабинетов?– спросил Григорьев.

Вика вздохнула:

– Все указания были лишь по мою душу. Вам предложено работать как работали, взяв часть моих обязанностей, пока я буду вводить в режим новую спортсменку. Точнее возвращающуюся к родным пенатам заблудшую дочь отчизны.

– Ну, а тебе были какие указания? – поинтересовался Ландау.

Домбровская усмехнулась:

– Если кратко резюмировать, то мне было предложено трахнуть ее, ну, или дать ей трахнуть себя. Это уж как получится.

Справа закашлялся, подавившись кофе, Миша. Илья, как стоял у бортика, так и остался стоять, только глаза раскрылись все шире и шире:

– Так прямо и сказал?

– Ну что ты, Илюш, намного тоньше и вежливее. Я передаю только суть.

Губы женщины дрогнули, глаза наполнились на мгновение слезами. И именно в этот момент из раздевалки на лед высыпали фигуристы. Совершенно по-детски шмыгнув носом, стальная тренер Домбровская загнала обиду вовнутрь, превращаясь в саму себя для детей.

– Все, ребята, работаем,– тихо произнесла старший тренер.

Время офигительных историй закончилось. Начиналась повседневная, простая и понятная жизнь. Все внимание об-

ратилось на разминающихся ребят. И стало немного легче дышать. Мысль о том, что ее попытались опосредованно изнасиловать под предлогом “так надо” отступила. Осталась только злость на тех, кто готов использовать почти ребенка любым способом, лишь бы держать в повиновении.

Мы шли вперед, ступая по пустоте, имевшей облик тел...

На льду чаще всего собираются не по возрасту, а по мастерству. Так рядом могут оказаться двенадцатилетний ребенок и двадцатилетний мужик. Сейчас перед глазами Домбровской кружила парочка юниоров, двое взрослых девчонки и внезапно ставший эстонцем на третьем десятке коренной москвич, портящий своей расхлябанностью очередную хорошую программу. “Как он вообще умудряется так прилично выступать, когда так лодырничает”, – удивляется Вика своему ученику. И все же не расставалась с этим лоботрясом, потому что свое есть свое. Вот такая у них норма жизни. Это спорт, детка.

Тренер перевела взгляд с недоэстонца московского разлива на складную девчущку за бортиком, ожидающую ее комментарии о прогоне, который завершился не больше минуты назад. Тяжелое дыхание все еще не вернулось к норме, но в остальном ребенок выглядел не слишком уставшим.

– Настя, ну что ты катаешь эту программу с таким выражением лица, словно любимого котенка вчера схорони...

В этот момент под ногами раздается грохот, а в пяти сантиметрах от юниорки Меркуловой, неумеющей улыбаться и кататься одновременно, по словам Домбровской, пролетает лезвие конька Илвиса, того самого неожиданного эстонца.

– Живой? – спрашивает Вика, заглядывая за борт. Яннис тяжело поднимается и, чуть прихрамывая, откатывает немного назад.

– Местами.

– Шел бы ты, Яннис... подальше отсюда, а то мы скоро останемся не только без бортика, но и без половины фигуристов. Ты их с травмами разной степени тяжести уложишь по домам. Я тебе поменяю этот прыжок, чтобы спокойно разговаривать со спортсменами, а не ждать, когда твой организм снова влетит мне под ноги!

Выезд из прыжка и правда был неудобный -слишком близко к борту – и Яннис, и без того славившийся легким отношением ко всему на свете, кроме выходных, то и дело прилетал с тройного акселя именно в него. Но волновало не только это, а то, что этот выезд приходился впритык к их тренерской позиции в “Сапфировом”. Так что время от времени оценить заточку лезвий Илвиса могли все, кто получал от Домбров-

ской указания. Сама же Виктория от регулярного бу-бух о борт под ногами даже вздрагивать перестала. Привыкла.

– Шел бы, шел бы... Вот гоните вы меня, Виктория Робертовна, а я, между прочим, хороший парень...

На плечо Янниса легла ладонь Ландау, и Илья Сергеевич, чуть сжимая пальцы, вкрадчиво произнес:

– Хорошим парнем ты будешь, Илвис, когда перестанешь пугать наших девочек и Викторию Робертовну.

Ланди потянул фигуриста за шею от бортика, а Вика бросила ему вдогонку:

– Илья Сергеевич, придумайте что-то, чтобы мы перестали видеть коньки Янниса регулярно перед нашими носами!

Она перевела взгляд на Настю. Чуть скошенные красивые глазки внимательно следили за тренером, девочка, как губка, впитывала каждое слово. Асенька была технически прекрасна, но, пожалуй, чуть тороплива во всех движениях, чуть резковата, что бросалось в глаза на фоне мягкой и плавной второй юниорки несколько более старшего возраста, которая отрабатывала длинную дорожку шагов от бортика к бортику по диагонали катка.

– Настюх, пожалуйста, улыбайся. У тебя легкий номер о радости, особенно вторая часть, а на лице выражение, словно ты везешь тяжёлый груз, и все в гору. Никому не нужно знать, сколько труда в каждом твоём жесте и прыжке. Давай ещё раз, и я хочу видеть нужные эмоции на протяжении всего проката!

Девочка встала на исходную, Виктория включила музыку и сосредоточилась на первых движениях произвольной программы.

Да, Настя Меркулова будет, пожалуй, больше всех спортсменов похожа на своего тренера. Вика, музыкальная и чуткая, тоже была резка в движениях и непреклонно точна в каждой точке. Второе восхищало вереницу тренеров, первое ни один не смог победить, наверное, потому что основную, базовую черту упорного характера Домбровской можно было побороть ценой уничтожения самой Домбровской. И никак иначе.

Каждая из её фигуристок вносит себя в программу. Это было первое требование тренера: не быть бездушной куклой на льду. Кто-то отдавал упрямство и душевную бурю, кто-то лиризм и робкие юные осознания каких-то тайн бытия, кто-то простоту дня и своей жизни, где ещё нет места разочаро-

ваниям. Всех их она учит актерствовать, но находить истоки в собственном сердце.

За технику тут можно не бояться, а историю... она ее научит рассказывать истории. Она их всех в конце концов этому учит.

****

Старший тренер "Самоцветов Москвы" отделения "Сапфировый" сегодня покинула тренировку на двадцать минут раньше, предупредив свою команду, что ее ждет Мила. Это не было полной правдой: Милу ждала Виктория, потому что на сообщение о времени и месте встречи она не получила ответа. Как и три года назад.

Текст нового послания пристроился за целым списком таких же безответных двухгодичной давности, последним до сегодняшнего дня было сообщение: "Поговорим, когда повзрослеешь!".

Нехорошие слова. Такие же детские, как и поступки с обеих сторон незадолго до и долго после него.

Вика посмотрела в телефон, две жизнерадостных галочки сообщили, что послание получено и прочитано. Но ответа не

было.

"Вот ведь упертая ослица!" – невольно восхитилась женщина.

Нет, Виктории не очень нравилось упрямство ее подопечных, но она понимала, что твердость чемпионов рождается с ними, а гибкости их учит жизнь. Одних раньше. Других позже. Милка из породы чемпионов, а, стало быть, легко с ней быть не может.

Зайдя в коридор, ведущий к ее кабинету, Вика увидела ту, которая, что уж греха таить, была ее личной занозой. Маленькая, худенькая, сейчас до полупрозрачности, вредная, но родная заноза.

Мила стояла, прижавшись спиной к стене, что-то с интересом просматривая в телефоне. И это оказалось неожиданным. Почему-то неожиданным. Только сейчас женщина поняла, что, назначая сегодня встречу, обсуждая вчера с Григорьевым Милину спину, просматривая из-за Илюхиной спины прокат короткой, она не верила. Даже сегодня, когда просила найти специалиста по расстройствам пищевого поведения, она не верила, что все это ей понадобится.

И вот в конце коридора стояла та, кто упорно игнориро-

вала Вику почти три долгих года очно и обижала заочно. Но было почему-то тепло и радостно видеть знакомый силуэт у двери.

– Ну, здравствуй, Мила, улыбнулась Домбровская.

– Я без цветов. Могу сгонять, если вопрос все еще стоит остро, – ощетинилась, показывая характер, как бездомный щенок, Людмила.

“И ведь ни одного слова не спустит, змея!” – вздохнула про себя Домбровская, припоминая окончательно характер любимицы.

С цветами и конфетами у Виктории Робертовн были сложные отношения: сладкого она не любила, так что со временем сарафанное радио разнесло, что Железная Вика от конфет не в восторге и оставляет в тренерской, срывая режим тем, кто в восторге. За десяток лет отучила дарить сладкое. А вот к цветам строгая дама питала какую-то двойственную слабость. С одной стороны, будучи настоящей женщиной от мизинцев ног до последнего кудрявого завитка, Домбровская цветы любила. С другой – подобно всем педагогам имела сомнительное счастье получать “штатные” букеты к профессиональным праздникам, дням рождения, новым годам и т.д., и т.п. А изобилие приедается. Кроме то-

го, была еще одна категория “обязательных” цветочков – на уход. Мишка такие букет называл “на могилку карьеры”. Вот эти “поминальные венки” по прошлому Вика вовсе не любила, но “порядок быть должен”. Воспитание – первое дело. Этикет необходимо соблюдать. Милочка на этикет наплевала тотально. Виктория Робертовна обиделась эмоционально. И высказалась в интервью. Наверстала воспитательный пробел, так сказать.

Этот эмоциональной выговор за принесенные цветы на прощание ей припоминали теперь все, кому не лень. Милка, пожалуй, была из тех, кто хотя бы имел какое-никакое право укусье ее за несдержанность.

– Если ты не прощаться, то обойдусь. Заходи.

Ключ провернулся в замке. Вика, распахнув дверь, придержала ее, впуская в свою жизнь эту, такую знакомую, но совершенно новую проблему.

Мила нервничала, а значит была готова кинуться в амбицию в любой момент. Так знакомо. Так эмоционально. Так по-леоновски. Сколько вспышек они уже пережили вместе. Сколько, интересно, ещё переживут? Ну что ж, Виктория Робертовна, держись: дети это трудно.

****

Преодолимпийский ноябрь. Этап мирового кубка

– Мил, что с ногой?– Виктория смотрит как медленно, морщась от движения, ее девочка вынимает правую ногу из ботинка.

– Я сделала, Виктория Робертовна! Я первая!– фигуристка сияет улыбкой и морщится от боли одновременно: – Я смогла, даже с ногой! Даже с переломом! И произвольную смогу! И финал смогу! И олимпиаду! Мы же не остановимся?

Вика смотрит с восхищением и сожалением на эту сумасшедшую и прекрасную девочку, которой всего несколько недель назад исполнилось восемнадцать. Так на них смотрел израильский врач, который за неделю попытался вернуть сломанную ногу Леоновой в рабочее состояние. И ещё со страхом.

Белозубый и вполне довольный своей жизнью, судя по несходящей лица улыбке, врач долго объяснял сначала им обоим, что произошло, показывал снимки рентгена и МРТ, рассказывал о последствиях. Как-то совсем по-детски радовался тому, что такую непростую травму смогли так быстро об-

наружить. Но все, что интересовало его юную пациентку и красивую женщину рядом с ней – есть ли возможность продолжать соревноваться, восстанавливаясь между стартами.

Позже, когда Милу отправили на процедуры, он ещё раз заговорил с Викторией. Снова рассказывал о стратегии, тактике лечения. Результатах и рисках промедления или неполного следования рекомендациям. Можно сказать, отговаривал от идеи продолжать сезон.

– Доктор, скажите, у вас есть мечта? Ну, или была хотя бы?

Тренер смотрит на врача. Два профи говорят на общечеловеческую тему, которая внешне не имеет никакого отношения к обсуждаемой проблеме.

– Ну, была, конечно. В детстве.

Израильтянин пожимает крепкими плечами.

– Ваша мечта осуществилась?

Взгляд пристальный. Интонация требовательная. Ему кажется, что волшебная ледяная блондинка даже несколько придвигается к нему в ожидании ответа.

– Нет. Это же детские мечты. Они никогда не сбываются, не так ли?

Травматолог ещё раз пожал плечами. Странная эта русская и ее ученица. Впрочем, спортсмены все такие, с заскоком на своих медалях.

– Давайте я вам попробую объяснить, хорошо?– Виктория Робертовна снова улыбается и кажется, что по кабинету разбегаются солнечные зайчики, настолько эта улыбка озорная, теплая и искрящаяся, да и сама дама тут же теряет всю ледяшечность и превращается в солнечное божество – Чтобы мечта этой девочки стала явью, она с 5 лет – ежедневно, заметьте – терпела, трудилась, рвалась через преграды внутренние и внешние. Терпела и трудилась так, как не терпят и не трудятся многие взрослые. И если ей сказать, что мечты больше нет, она не просто погрустит и будет дальше жить, она снесет того, кто ей это сказал и пойдет вперед, даже не заметив. Найдите возможность сделать так, чтобы ваши советы были услышаны, а не отменены в сторону, словно что-то, что встало на пути ее мечты.

Ну что же... Богоизбранные врачи постарались сделать максимум. Но нога опять болела. Да и чего ожидать. Если на перелом упасть пять раз к ряду, то перелом лучше срастать-

ся не будет.

– Мил, мы посмотрим завтра. И в любом случае по приезде в Москву надо будет приостановить тренировки и заняться плотно реабилитацией. Так что после этого турнира у тебя оздоровительные процедуры. Поняла.

Людмила морщится, но соглашается. Нога болит нещадно, кажется, кто-то вколачивает в стопу тупой гвоздь недостаточно тяжелым молотком.

****

Кто бы знал, может, стоило тогда послушать того врача. Может, тогда все сложилось бы на Олимпиаде? Не стал ли перелом ноги началом несрастающегося перелома их отношений?

Виктория смотрит, как Мила присаживается на стул. Очень аккуратно. Значит и сейчас болит. Вид у ребенка такой, словно в ней все болит, и прошлое, и новое, и тело, и душа.

– Я рада, что ты откликнулась на мое приглашение,– говорит с улыбкой Домбровская.

– Это не было приглашением. Это был приказ,– огрызается Леонова.

Виктория знает, что ее приказ Леонова бы проигнорировала, но был и не ее, от второго увернуться оказалось, похоже, сложнее. Есть свои плюсы в иерархичности спорта, к которой приучают с детства.

– Ну, может, и так. Я хочу попросить прощения у тебя, Милка.

– За приказ?– голос девушки усталый и тихий.

– Нет, за всю ту ерунду, которую я успела наговорить после твоего ухода. Стоило тебе все же просто прийти и обсудить все лично. Ну, не съела бы я тебя.

– Не съела, конечно,– морщится фигуристка: – Было и прошло. Новая история. Другое время. Мне надо, чтобы кто-то помогал на льду, пока я не смогу вернуться в Штаты.

Итак, она тоже не рада. Точнее из них двоих именно она и не рада, но ей нужно, а когда Миле что-то нужно, то мир должен ей дать. И свои эмоции она готова засунуть поглубже ради необходимости.

Ну что же, они играют на поле, где никто ей, Вике, не рад. Выясним, что же ещё на этом поле из фигур:

– Мил, а чего бы ты вообще хотела?

– Олимпиаду!

– А из реального?

– Джош говорил, что мы попробуем!– в голосе истерика,
-Если вы в меня не верите, вы мне не нужны!

“Ну, конечно, Джош! Прекрасный тренер чемпионов, доконавший хребет Милки. Что ему говорить-то еще? Деньги просто так не закапают от федерации”,– фыркает про себя Домбровская.

– Мало ли в России тренеров. Найди того, кто тоже будет говорить,– Вика даже не злится, хотя сам диалог утомителен.

Куда приводят мечты, которые не могут сбыться? Вот в чем вопрос.

– Виктория Робертовна, я хочу кататься. Я не знаю, как и где, но я хочу!– губы дрожат, но держится.

– Я тебя услышала, Мил. Приезжай завтра к 11 на лёд, будем смотреть твои программы и думать, что нам делать, чтобы ты могла кататься.

Милка уходит так быстро, что кажется, опять сбегает. Лишь едва кивает на ходу.

****

Закрывая дверь кабинета, Вика видит Ландау, который идет навстречу. Улыбка озаряет лица обоих. Домой, домой! На ходу она подхватывает мужчину за талию, и они отправляются к дверям.

Из туалетной комнаты для женщин, мимо которой пара идет, обнявшись, слышны рыдания.

– Это что за призраки завывают у нас на этаже?– улыбаясь, шепчет ей в ухо Илья

– Леонова плачет,– спокойно отвечает ему Домбровская.

– Может, зайти?– молодой человек притормаживает.

– Нет... это ее круг ада. Мы там лишние. Пошли домой. Я устала, Илюш. Зверски.

Ты видишь, сын, какой обман летучий даяния Фортуны...

Мила невольно разбередила раны, казавшиеся хорошо зажившими. Вернула в тот жуткий постолимпийский год. Год расплат за успехи. Год потерь.

Домой возвращались под Шаова, видимо, Илья почувствовал, что внутри любимой женщины минор и разбавлял его тем способом, который оба они понимали – музыкой. Когда зазвучало:

Сам Гендель был обжорой,

Гюго грешил инцестом,

А Фёдор наш Михалыч

В рулетку баловал.

И даже умный Ницше

Свихнулся, как известно.

Чайковский... Ну, эт ладно...

А Мусоргский бухал!-

Вика хихикнула и сказала:

– Сколько же про нас будет слухов в конце концов. И какие, наверное, странные?

Илья, расслабленно улыбнулся в ответ:

– Про меня будут говорить, что я завоевал лучшую женщину мира, приложив к этому нечеловеческое количество усилий и разогнав всех поклонниц!

– Уж прямо нечеловеческие усилия?– весело сказала блондинка.

– Однозначно! Она четыре года прикидывалась бесчувственной снежной королевой, которую во мне интересовали только мои постановки! Никогда тебе этого не прощу и буду мстить каждый вечер и, возможно, каждое утро... или наоборот!

****

Полгода после олимпиады

За эти шесть месяцев она успела столько потерять, но все это было лишь ожиданием и предвестником главной потери. В середине осени смерть отняла самое главное, измучив ожиданием и борьбой до полного истощения души и тела.

В последнюю решительную неделю Виктория взяла только один выходной в день смерти самого близкого и родного человека, мамы, и еще полдня в дату похорон. Она работала. Работала. Работала. Сезон не останавливается, что бы с тобой ни случилось. Самые важные старты прошла своим чередом под звук телефонных сообщений о состоянии уходящей из жизни мамы. И никого не интересовало, что где-то в Москве горюет совсем еще невзрослая девочка, бабушка которой лежит в больнице и вряд ли уже выздоровеет. Тем более никого не интересовало, что мать этой девочки не чувствует почти ничего, кроме страха и горя. Виктория Робертс улыбалась, давала интервью. Ни слова не говорила о беде, окружившей весь ее мир.. Оставалась королевой, ведущей к победам своих принцесс. Прекрасные девочки-мечты. И пустота на сердце, за которой не было места ничему, кроме боли.

И в высшей точке, держа в объятиях рыдающую Милку,

проигравшую цель всей своей маленькой жизни на жалкие половину балла, падая в ее горе, она позволила себе закрыть глаза и на мгновение утонуть в собственном, чувствуя, как покатались беззвучные слезы, даже не сбивающие дыхания.

– Михаил Александрович, объясните еще раз Яннису, куда ему девать плечо в этом прыжке. Невозможно же! Рада, елки-палки, да сосчитай ты уже количество оборотов во вращении!

Два дня до московского этапа. Нужно просто работать. Просто работать. Вечером смотреть с такой же погасшей Никой старое кино, положив подбородок на макушку неожиданно и одиноко повзрослевшей девушки. Прижимать к себе ребенка, надеясь рядом с ней вспоминать счастье быть дома. Реветь, когда дочь уйдет спать.

А ночью, в снах, прижимая своих девчонок к бесчувственному олимпийскому льду, видеть, как рушится крыша над их головами, в тело летят осколки стекла и льда. Кричать. И просыпаться от того, что дочь трясет за плечи:

– Мама! Мама! Мамочка!

“Мамочка!”

– Рада! Выпадаешь из музыки! Где твои генетические способности Цагар? Илья Сергеевич, встаньте перед нашей чемпионкой. Рада, просто делай то же, что Илья Сергеевич, секунда в секунду.

Она устало поднимается со своего тренерского места, почти ничего не чувствуя, выходит из-за стола и встает позади Ландау и фигуристки у бортика, принимая ровно то же положение, что спортсменка и хореограф.

Руки Виктории и Ильи синхронно взлетают в первом движении, Рада следует за тренером, словно невидимая ниточка привязала все ее движения к движениям Домбровской и Ландау.

Синхронно все трое выбрасывают вперед руку сжатую в кулак, и слышен звон бьющегося стекла. В памяти возникает момент первого осознания того, что мамино недомогание и случайный перелом – это смерть. В тот день, глядя на себя в зеркало, Вика тихо сказала: “Опять”, – и истерически запустила телефон в стекло, ненавидя свою жуткую карму, которая забирала самых близких в оплату вершин ее мечты.

В глазах слегка темнеет от накатывающей боли в сердце, Виктория опирается о бортик. Через считанные мгновения на своих ледяных пальцах она чувствует чьи-то горячие ла-

дони. Рядом слышен голос Цагар:

– Илья Сергеевич, что случилось? Виктория Робертовна, вам плохо?

– Рада,– Ландау пристально вглядывается в совершенно белое лицо начальницы,– позови-ка Михаила Александровича.

Потом он отпускает ее руки и в одно движение перемахивает бортик, оказываясь за пределами льда. Крепко обхватывает за талию и медленно провожает до скамейки. Сидит рядом, прижимает к себе так крепко, что даже через куртку, жилет и спортивную водолазку женщина чувствует его тепло и крепкое молодое тело.

– Мне холодно, тихо шепчет Вика и в ту же минуту Илья закрывает ее полами своей куртки, прижимая еще крепче к груди.

– Оказывается, снежные королевы тоже мерзнут?– его дыхание шевелит взъерошенные прядки у нее на макушке. И это так сладко, что она невольно опускает голову ему на грудь и заливается слезами.

И лишь много позже Вика сообразит, что за все время,

которое она ревела на мужском плече, никто их не потревожил.

Григорьев, понаблюдав за происходящим в полумраке за бортиком, тихо собрал спортсменов и через дальнюю калитку увел всех в раздевалку на 30 минут раньше. Режим – это самое важное. тренировки никогда нельзя отменять или прерывать. Важнее только жизнь.

****

– Просто ты не сразу сообразил, что нужно всего лишь завернуть меня в свою куртку и держать покрепче, – как же спокойно стало с его присутствием в ее жизни.

Пережила бы она тот, добивающий по остаткам выдержки, этап в Москве, если бы он не брал ее за руку перед каждым выходом к бортику? Не смотрел так пристально в глаза, становящиеся из зеленых почти черными на бледной от усталости коже лица, не поправлял аккуратно полы черного пальто, прикрывающего траур остальной одежды. Черная женщина, идущая сквозь собственный черный мир. Илья тогда не дал утонуть в черноте. И его свет она заметила, пошла на него. И в конце концов вышла из своей темноты, держась за него.

Что было бы, если бы они с Радой не дурачились в ожидании оценок, заставляя ее повторять замысловатые движения, а она никак не могла понять, что они делают и как это повторить. В итоге махнула рукой и впервые с конца лета искренне засмеялась собственной беспомощности.

Если бы не он. И если б не золотая девочка Рада, которая после произвольной все на том же московском кубке подошла и, глядя неотрывно в усталые до полного омертвления глаза тренера, спокойно сказала: “Я никогда от вас не уйду! Никогда.”

– Про меня обязательно скажут потом, что я была карабасом-барабасом,– улыбнулась Вика,– уже говорят, если подумать. Может, они правы? Может, от хороших тренеров, не карабасов, не бегут?

– Ты только что всех тренеров мира записала в плохих, или мне послышалось? Отличную компанию выбрала. Можно я с вами, извергами, рядом постою- усмехнулся Ланди.

Как ни странно, но только переходы от нее почему-то сопровождаются таким побоищем в СМИ и на форумах. У остальных все иначе. Тихо, мирно, цивилизованно. В это сезоне опять пронеслась волна: от Домбровской сбежали. При этом у других тренеров были исключительно переходы

и приобретения. Чудеса словестного жонглирования.

– Ну, кое-кому, например, просто повезло, что наш Мэтр решил взять новенького вместо законной пенсии. Беда в том, что гении – не всегда чемпионы. И, думаю, профессионал уровня Мэтра это тоже понимает, – упоминает последний из ярких переходов Домбровская.

– Давай и Леонову Мэтру отдадим, а, Вик? Будет гениальный нечемпион и негениальная, но чемпионка, – сарказм Илюхи был грубоват, но складывающаяся ситуация ему очень не нравилась. Не нравилось, как Вика смотрит на прокаты Людмилы, как погружается, как морщится, сама того не замечая, когда Леонова летит с очередного прыжка на лед.

Илья так и не мог беглой фигуристке простить, что она ушла именно тогда, когда ее тернер белела с каждым днем все сильнее, когда тени под глазами становились все глубже, когда она все меньше улыбалась и все сильнее пряталась в себя.

Много лет назад, глядя, как он кружит по льду одну из малышек, которая только начинала заниматься в группе Домбровской, старший тренер ему сказала: “Никакая любовь не приносит столько боли, сколько любовь к детям, которым вы отдаете все. Берегите свое сердце, Илья Сергеевич, не при-

ближайте его слишком близко к ним. Однажды они могут решить, что им больше не нужна эта игрушка”. Тогда ушла Аля.

Когда из поля зрения пропала Мила, Виктория ничего не говорила. Совсем. Только уведомляла, что любимая ученица и сегодня не ответила на звонок и не присутствует на тренировке.

Через год, уже став частью жизни этой вечно занятой женщины, Илья увидел окончание ее переписки с Леоновой в мессенджере. Он понял, как угасала день за днем надежда его любимой на встречу и разговор с девочкой, которую она растила с шести лет. И еще он видел, что Вика оставила ей щель, чтобы вернуться даже в последнем сообщении.

– Да ты что, Илюш, Мэтр Милку никогда б не взял. Он ни за что никого из моих не возьмет!– воскликнула Домбровская,– Товарищ, к счастью, чистоплюй, в отличие от...

Фразу Виктория не закончила, но кто эта “в отличие от” было и так понятно. Все началось так давно, было так плотно завязано на близких отношениях многолетней выдержки, что любое движение внутри сложной паутины грозило вибрацией нитей сквозь весь мир российского фигурного катания. Конфликт раскручивался под комментарии весьма ува-

жаемой дамы, если подумать, то Вика была ей кровной родней по линии дочери, но это никогда не обсуждалось. Мадам была настолько легендарна в их сфере, насколько нежно ненавидела Вику за то, что та была когда-то молода, наивна и безусловно упряма. И так уж получилось, что троюродный племянник породнил их небрежным адюльтером. Не такую родню себе желала Мадам. Кажется, до сих пор не желает, хотя Домбровская в родственники и не набивается.

– Эр, тебе бы тоже не стоило. Пусть бы оставалась под крылом своей покровительницы.

“Эр” он назвал ее однажды совершенно случайно про себя, когда в очередной раз читал какую-то статью об их команде, где полностью упоминались ее имя, отчество и фамилия, да еще в диковатом словесном окружении, где весь текст рычал и перекатывался от этих “rrrrr”. “Сплошная “эр”, а не женщина” тогда сказал про себя Илья. И засело.

– Илюш, у тебя пока нет детей... Это всегда трудно.,– вздохнула женщина.

– Я вообще не возражаю против кареглазой кудрявой девочки... хоть сейчас,– улыбнулся Илья.

Вика промолчала. Только смотрела на него долго и задум-

чиво с тихой грустью.

В этой тьме глубокой тебя и дальше буду я блюсти

Утро, которое организм не считает кошмаром, уже прелестно. Этот факт Виктория усвоила еще в детстве, когда никто не считался с ее “совиными” пожеланиями к режим тренировок и жизни в целом.

Сегодняшнее начало дня вполне можно было признать неплохим. За окошком светило солнце. Город просыпался в золоте осенней листвы, посвященной розовато-прозрачными лучами. По небу бежали тонкие перистые облачка. Сентябрь украшался и украшал будни.

Блекло-синие джинсы, крепко обхватывали женские бедра, свободная туника с асимметричным кроем подола прикрывала правую половину тела почти до колена, зато левая обнажалась каждым движением руки вверх.

Домбровская родилась на двести процентов женщиной, поэтому даже неосознанно любила приоткрывать и скрывать себя, давая почву для размышлений и мужских фантазий, не давая по сути никаких поводов к обвинению в этом. Лан-

дау как-то поинтересовался, понимает ли Вика, что творит с нормальным мужчиной вырез блузы, который падает с одного плеча, открывая декольте чуть ли не до неприличия, в ответ получил невнятное пожатие плечами и комментарий, что чуть-чуть не считается. И он бы ревновал, наверное, если бы сам мог не наслаждаться этой волнующей скромностью и призывом одеждой. Его женщина была во всем изящной провокацией. Потому-то устоявших пред ее чарами и не находилось.

– Илюш, да будь проблема только со спиной, мы бы их решили так или иначе, я думаю, уж на сезон-то точно, – тонкая рука откинула назад еще не собранные волосы, подол блузы задрался, открыв узкую полоску кожи на боку.

Вика допивала кофе, уже стоя у раковины, собираясь тут же помыть кружку, как закончит последний глоток.

– Будь моим золотом, подай мне полотенце. О чем я говорила? А, да... Спину, конечно, так или иначе, но можно реанимировать, пусть и временно, а вот что там у нее в голове, страшно представить. Так что будем смотреть сегодня на льду. Миша, ты, я. Еще я Сашку позову. У него вроде сегодня с 10 до 12 окно было?

Саша Морозов был первым, кого Вика нашла в их неде-

лимую команду. Может, не самым верным, но самым отчаянным в обороне Железной Вики от нападков. Мушкетер без страха и упрека. Временами, пожалуй, и без тормозов.

– Неа, у него с десяти до половины двенадцатого Яна на допзанятии. Она мне вчера сказала сама,– Ландау выкинул пустую упаковку от йогурта в ведро.

– Зачастила наша прима-балерина в район танцкласса. У нее разве проблемы какие-то?

Яночка первый год выступала на международных турнирах юниорского чемпионата. И с чем у девочки точно не было проблем, так это с пластикой и хореографией. Макарова успела до серьезного ухода в фигурное катание позаниматься гимнастикой и добраться до второго спортивного разряда, балетом, а так же классическими танцами. Как не разорвало ребенка – непонятно. Но эффект на льду после всей этой гимнастическо-танцевальной муштры был комическим. И уж кому-кому, а не ей бегать на допки хорео.

Илья выразительно посмотрел на любимую женщину, словно говоря: “Несообразительна ты нынче утром, дорогая”. Виктория поймала этот взгляд и только и смогла сказать:

– Опять что ли?! И эта тоже! Да когда же они успокоятся?! Он им всем в отцы годится уже!

Карма Сашки Морозова была в том, что ежегодно хотя бы одна из спортсменок Домбровской начинала умирать по душе Александрю Максимовичу. В какой-то момент Вика даже хотела расстаться с соблазном малолеток, но передумала, ибо девочки все равно рано или поздно в кого-нибудь да влюбляются, а надежные партнеры и коллеги – это редкость.

– Ну, знаешь, милая! Некоторые любят выдержанные вина, – мужчина чмокнул ее в нос.

– Им про олимпиаду думать, а они все о любви! – женщина возвела глаза к небу.

– Это вроде не вредит процессу, скорее наоборот. И потом любовь не выбирает, да ведь? – Илья легонько пощекотал неприкрытую блузой кожу на боку

****

2000 год. Техас

Две девушки едят мороженое рядом с катком, где Вика работает, тренируя детей и взрослых. Работа, которая кор-

мит, но временами бывает противной. Сейчас они с Аmandой заедают мороженым урок с вязким дедулей лет 70, что вцепляется в девушку как только ступает на лед и не отпускает ее предплечье в течение всего часа. В последние несколько месяцев это стало особенно противно. И было подозрение, что дедуля тут не виноват.

А виноват был солидный мужчина, чье фото поселилось у Домбровской на прикроватной тумбочке. Впервые в своей двадцати-с-маленьким-хвостиком-летней жизни Вика строго по английской идиоме “упала в любовь”, да так, что и не видно дна колодца.

– Мэнди, но я ведь его люблю, хоть это и нечестно по отношению к его семье. Не могу не летать домой каждый месяц. Скучаю.

Аманда улыбнулась:

– Вот и ты разморозилась, девочка изо льда! Знаешь, я тебе так скажу: если любишь, надо ехать, и будь что будет. В конце концов, в этой долбаной жизни, может, только любовь и стоит того, чтоб отрывать зад от привычного дивана. А семья? Ну, так это его семья, что ты тут можешь сделать, если он ничего делать не хочет? Живи и радуйся, пока можешь.

– Маме не понравится, что он старше,– вздохнула Вика.

Что маме еще больше не понравится наличие жены у любимого младшей из дочерей и ребенка, и говорить не стоило.

– Тори, я конечно, простая черная девчонка, деревенщина, а вовсе не хрен-его-поймешь какой мудрец, но я тебе скажу: любовь не знает ни лиц, ни полов, ни лет. Это просто душа находит душу для беседы. Если ваши души нашли друг друга, то какая в задницу разница, насколько больше календарей он перелистал до встречи с тобой?!

****

– Похоже и правда не выбирает. Ну что же, позову после занятия присоединиться. Он с Милкой много работал, так что пусть тоже посмотрит. Да и ей будет приятно видеть еще одно знакомое лицо. Плохо ей, Илюш. Очень,– женщина произносит последнее слово с глубоким вздохом.

– Ты принимаешь ее снова слишком близко к сердцу. Верну тебе твое же напутствие: береги свое сердце, Эр. Оно нужно не только Милочке.– Ландау коротко прижал к себе женщину и прикоснулся губами к распущенным пока кудрям на виске.

****

Надо льдом “Сапфирового” висит полная тишина. В центре стоит тоненькая девочка в черном, замершая в ожидании первых звуков своей мелодии. Мила Леонова вернулась на родину, в свой ледяной дом, где училась всему, откуда ушла, не оборачиваясь. Но жизнь вернула ее, не желая считаться с чувствами Людмилы, страхами и обидами. Вот они, ее учителя: светлый взгляд Михаила Александровича, пристальный зеленый Виктории Робертовны, малопонятный и малоузнанный за сравнительно недолгий срок совместной работы взгляд Ильи.

“Ласковый и нежный зверь” подхватывает и несет девушку по катку. Кажется, тут даже лед мягче при приземлении и пружинит при толчке. Она дома. И другого дома для фигуристки Леоновой быть не может, как оказалось. Тут мало что поменялось и все изменилось за прошедшие два с лишним года. И ей на эти быстрые минуты короткой программы снова хорошо.

Последнее вращение. Остановка. Тишина и только дыхание, в котором вдох опережает выдох, а выдох прорывается сквозь вдох.

– МОгешь, девочка!– вдруг раздается голос, который она

тоже не слышала уже два полных года.

Любимый дядя Саша. Именно так 10 лет назад ей почему-то представился хореограф Морозов и остался для нее навсегда “дядей Сашей”.

– Не мОгешь, а могЕшь!– сквозь прерывистое дыхание говорит Мила и летит к открытой Александром Максимовичем калитке. А он тут же подхватывает свою малявку на руки с усаживает как в детстве на плечо.

И как в детстве с его плеча она смотрит сверху вниз на подходящую с улыбкой Викторию Робертовну. В этот-то момент Милка окончательно сдается, принимая, что дом ее здесь. В этих знакомых руках, которые протягиваются ей снизу, подставляя ей ладони и берут на себя вес, опускающегося тела.

Руки у Домбровской сильные, Мила помнила, и как эти руки волокли ее за шкурку со льда, на который она заваливалась, не желая в наказание уходить с тренировки, и как подхватили за 5 метров до раздевалки после убийственного японского этапа, когда боль в сломанной ноге переросла в нестерпимую. Надежные прохладные руки, отводившие ей пряди с лица, поправлявшие ворот платья, обхватывающие под грудью, чтобы задать направление и силу вращения при

изучении прыжков, разминающие мышцы. Эти руки держали над пропастью страха перед каждым прокатом. И раскрылись, принимая в объятия после того, как последним тактом музыки оборвалась ее дорога к самому желанному золоту всех спортсменов, оставив за собой след развороченной и размазанной по льду мечты.

Когда Джош, в объятия которого он умчалась из России, не перетерпев боль обиды и поражения, вкладывал свои руки в ее раскрытые ладони, она чувствовала тепло и мягкую дружескую поддержку. В руках Виктории Робертовны всегда была опора. Бескомпромиссная. Вот и сейчас она крепко держала Милу, пока Морозов аккуратно за талию спускал ее на землю.

И даже прочно стоя на земле фигуристка продолжала чувствовать, как ее горячие пальцы сжимаются руками тренера.

– Как спина?– спросила подопечную Домбровская.

– Вроде нормально,– вслушиваясь в собственное тело, ответила Мила.

– Илья Сергеевич, можно вас к нам в компанию? Обсудим постановку.

Сильными движениями, как делала это многие годы до расставания, Виктория разминает ладони фигуристки и Мила проваливается в абсолютную безмятежность, толком не слыша обсуждения, лишь временами возвращаясь к общей беседе. И кивает, соглашаясь с каждой фразой, которую удастся осознать.

– Все, отдохнула?– склоняется к ее уху тренер.

Знакомый запах близкого человека: смесь легкого дезодоранта, ментол бальзама для губ, если Виктория Робертовна целует в щёку, то на месте поцелуя еще долго остается легкий холодок. Настоящий поцелуй снежной королевы, забирающий сердце. Шампунь и аромат геля для тела и крема, смягчающего кожу, которая неизбежно грубеет от холода катка и сухости воздуха. И еще что-то, что несет на своей коже каждый человек, какой-то собственный, индивидуальный запах, неповторимый. И вся эта мелодия ароматов – тоже дом.

– Мил, сейчас прокатывай произвольную без прыжков. С прыжками потом Михаил Александрович отдельно будет разбираться. А мы посмотрим общую постановку. Давай, на исходную.

Мила идет по программе, входя в комбинированное вращение. Привычно захватывает конек и продолжает подни-

мать ногу вверх... И тут музыка замолкает и над катком несется:

– Леонова! Ты сдурела?! Куда – в бильман?!

Виктория стоит у бортика и орет. Она даже не ругается, а именно орет, как орут матери на детей, решивших кинуться под движущийся "КАМАЗ". В зеленых глазах, глядящих на фигуристку, плещется страх.

– Виктория Робертовна, мы пробовали на тренировках. Думали, что вставим, – недоуменно бормочет фигуристка.

– Милк, ну, что за детский сад! Тебе врачи еще год назад запретили такие прогибы!

Вика снова благодарна Григорьеву, который следит за беглянками "Сапфирового" и может рассказать об их здоровье.

Во взгляде Милы удивление и что-то еще, глубокое. Надежда? Надежда, что во время, за которое, даже встречаясь на стартах, они толком не поздоровались ни разу, о ней помнили здесь. Помнила эта суровая женщина с заботливым и требовательным взглядом. А Вика снова видит то, что видела больше десятка лет назад в глазах своей девочки: обожание и признательность.

“Ох, Милка, Милочка, Милаха! Ну, какое сердце способно противиться твоей любви?!”, – думает с улыбкой блондинка за бортиком, привычно заправляя за ухо выбившуюся от резкого движения головой прядь. И казавшиеся разорванными навсегда связи, неожиданно начинают спрядаться в тонкую, но прочную нить нежности и привязанности, в которой больше никому нет места.

****

Студийное освещение горячее и сухое. Утомляет. Вика не знает, что заставило седого мэтра журналистики провести в этом свете не менее полувека жизни. Он, пожалуй, ровно так же не понимает, почему очаровательно улыбающаяся ему собеседница, годящаяся по возраст в поздние дочери, вбрала холод льда и истерику поражений, перемежающуюся краткими отблесками побед.

– Виктория Робертовна, что вы не любите в себе?

– Хорошую память. Я не умею забывать поступки, а значит – никогда полностью никого не смогу простить.

Умный взгляд старого еврея-журналиста из-за стекол очков, кажется, обещает ей, что однажды она научится и этому.

Когда-нибудь. И вовсе не обязательно это станет благом, но, безусловно, опытом.

Но в милый мир да обретешь возврат!

– Мне показалось или я только что видела Леонову?

Именно с этим вопросом Рада выехала к Илье на лед?

Он любовался ею каждый раз во время прокатов и отработки программ как в зале, так и на катке. Вероятно, это было любование Пигмалиона ожившей Галатеей, созданной им, полностью по его вкусу и разумению.

Хрупкая, темноглазая, как веками все представительницы ее непоседливой нации. Маленькая женщина уже. Как бы ему ни хотелось, но детство девочек, с которыми он работает рано или поздно заканчивается. Они превращаются сначала в девушек, прекрасных, трудолюбивых, настойчивых в достижениях целей. А после становятся красивыми молодыми женщинами. Рала была в той поре, когда девушка уступала место женщине. Мягкие влажные глаза Шахразеды и округле форм делали ее невыносимо привлекательной для всего мужского пола. Даже Илья замечал этот расцветающий бутон и отдавал должное его прелести.

С самого детства кровь ее музыкального народа делала этого ребенка идеально настроенным на музыку, ритмом, жестом, позой танца. Девочка чувствовала его постановки: движение, паузы, точки. Она была создана для той хореографии, которую он не только умел, но и любил делать. Это был максимум пожеланий для него к одиночнице. И он ее построил из девочки 11 лет, которой готовил одну за другой программы, раз за разом реализуя свою потребность в творчестве на полную катушку, почти не приспособливая полет мысли к фактуре.

– Не показалось, -хмыкнул Ландау,– у нас возвращение заблудшей овцы к любимому овину. Указано любить, беречь, давать все, что деточка пожелает.

– И чего она желает?– спросила Рада, недобро сверкнув полуночными глазами-угольками. Иногда ее взгляд становился удивительно похож на взгляд ее тренера, Вика своими зелеными с темной окаемкой глазищами тоже сверкала порой недобро и пронзительно, прошивая людей до души и заглядывая в самую глубину.

– Твое “золото”, но машину времени у нас на этаже разобрали недавно, так что пока не сложилось. И мы будем отвлекать ее сексом, наркотиками и рок-н-роллом!

“Куда меня несет?!” подумал Ландау: “И зачем я вообще все это говорю Радке? Дурак!”

– Ладно, Рад-ость моя, завязываем: работы много, а времени мало.

Он уже собрался откатиться в сторону, дав ей простор для начала связки, но Рада поймала его за рукав и сказала:

– Про секс, наркотики и рок-н-ролл я не поняла. Это вы серьезно?

Нет, все-таки она совершенно очаровательное дитя. Даже настроение поднялось от такой непосредственности:

– Как моя королева может думать про запрещенку, да еще и в храме льда и музыки? Людмила будет лечить спину, готовить программы к этапам гран-при, возможно, под рок-н-ролл!

– А секс?– было заметно, что, как все входящие в возраст пробы сил на фронтах молодой любви, Рада училась провокации, оттачивая свои навыки на молодом хореографе. Будучи и раньше не робкого десятка, к совершеннолетию девочка налилась задором и чисто женской насмешкой над лю-

быми словами мужчин, которые можно было трактовать в пользу молодого и задорного флирта. И лишь время от времени она еще словно пугалась собственной дерзости в общении со старшими, хотя и это потихоньку сходило на нет.

– А секс, точнее его нецензурный аналог, разве что в качестве воспитательной меры по голове! Но нас с тобой это не касается, мы учим твою новую программу. Да? – свернул разговор Ланди.

– Ага. Давайте я вот с той центральной точки начну, а то мы Яночку зашибем.

Рядом застолбила свободный пяточок Макарова и самозабвенно оттачивала связку из короткой программы.

Рада начала движение и поплыла надо льдом вступление, оканчивающееся резким выбросом руки в сторону, словно удар в стену. Впервые с постолимпийского сезона он поставил этот жест в программу, суеверно боясь, что вместе с ним повторится и ситуация, с которой началось их рваное сближение с Викой. Право слово, ему грех было жаловаться, но он больше не хотел видеть свою королеву настолько надломленной. Никогда.

****

Полгода после олимпиады. Московский этап международного кубка

“Я навсегда запомню этот год!”,— Виктория внимательно следила, как Рада ведет короткую программу, тело жило вместе со спортсменкой на льду, мозг аккуратно фиксировал пометки, отмечая, как растет общий балл на табло. Красиво! Боже, как красиво она работает! Настоящая чемпионка.

Год назад после этого этапа она сгребла Милку в охапку и увезла в Израиль разбираться с травмами. Потом Япония. Была тогда у нее другая чемпионка. А она отправляла маме забавные фото и писала всякую ерунду. И знать не знала, что мама уже умирает. И сделать ничего нельзя. Даже, если узнать прямо там, в тот же момент.

О да, этот год она запомнит навсегда. Год потерь. Год, который заставил ее полной мерой оплатить дубль пьедестала. Жизнь любит равновесие. Просто понимает его по-своему.

– Все, ребят, я убежал,— наклонился к ней Григорьев после завершающего прыжка Рады и скрылся в подтрибунные помещения.

И именно в этот момент Вика поняла, что непрошенные

слезы уже не сдержат. Сейчас она разревется на миллионную публику всего мира. И некуда бежать! Некуда!

Совсем по-детски женщина делает шаг назад и прячется за спину Ильи. Бессмысленно. Иллюзорно, но память подбрасывает в топку эпизод трехдневной давности, когда было так безопасно рыдать в его объятиях. Она “в домике”. Не оборачиваясь, мужчина делает шаг, еще плотнее закрывая ее от мира. Уже через пару секунд Виктория осознает, насколько это было глупо и сделает шаг вперед, сжимая губы и пытаясь совершить ровный вдох. Надо успокоиться. Рада заканчивает, с ее пальца слетает призрак бабочки, который она лелеяла на ладони всю программу, выпустив из-за стекла-тюрьмы. Все бабочки улетают. Все люди уходят.

Время прощаться. Виктория вторит жесту спортсменки. Она отпустила этот год. Она распрощалась со своими потерями.

****

В кабинете психиатра, которого посоветовал кто-то из обширного круга знакомых Ландау (мальчик-птенчик их тренерской команды обладал связями в самых неожиданных кругах, благодаря своей легкости и общительности) Виктория читает заголовки на корешках изданий на книжной пол-

ке за спиной врача.

– Виктория Романовна...

– Робертовна, – машинально поправляет она его.

– Простите, Робертовна. Скажу вам честно, я не любитель большого спорта, в нем всегда есть признаки заболеваний по моему профилю. А уж виды, которые зиждутся на истерическом контроле массы тела, как по мне, так и вовсе изобрели садисты. Вам же, наверное, нужен специалист, который будет разделять ваши идеи?

– Андрей Петрович, мне сейчас нужен тот человек, который может поговорить с девушкой и определить, есть ли у нее проблемы расстройства пищевого поведения и нужно ли нам будет принимать меры в связи с этим. Насколько я понимаю, это ваш профиль, – голос спокойный, хотя женщина несколько раздражена таким началом диалога, – но, и это главное, я хочу, чтобы ни о ее визите к вам, ни о выводах, которые вы сделаете, не знал никто, кроме нее и меня. С остальным я могу смириться.

Врач, мужчина между 30 и 40 годами, окидывает взглядом сидящую напротив него медийную, безусловно, личность и, единственное, что хочет понять: не шутит ли она, выдвигая

условия, которые, мало того, что будет непросто выполнить, так как в приемной ее видели администраторы, пациенты других врачей, мимо которых она шла по коридору, но еще и, мягко говоря, противоречат букве закона.

– Простите, но, если вы не мать этой девушки, то второй пункт я выполнить смогу разве что с полного одобрения ее родителей, – в итоге говорит врач.

– Она совершеннолетняя.

– Ну, тогда, значит с ее собственного разрешения. А так, у нас, видите ли, есть такое понятие как медицинская тайна.

– Хорошо, – взгляд тренера сосредотачивается и углубляется в себя, будто ищет правильное решение, – я попробую с ней об этом договориться. Когда она может прийти к вам на прием?

– Двадцать седьмого сентября в 14, двадцатого – в 10 утра.

– В 10 она на тренировке. Давайте на двадцать седьмое тогда, – вздыхает Домбровская.

Врач вносит данные в базу, повторяет еще раз дату и время. И неожиданно задает вопрос:

– Скажите, ведь у вас не первая спортсменка с такой проблемой? Я не интересуюсь вашим видом спорта, но анорексии и булимией – это мой профиль.

– Не первая, – коротко отвечает женщина.

– С кем по этому вопросу вы консультировались в прошлый раз, если не секрет?

– Не секрет. Ни с кем.

– Почему? – специалист приподнимает бровь.

– Не видели необходимости на тот момент, – отмахивается от вопроса тренер.

– А что же изменилось сейчас? – интересуется психиатр.

– Я умею учиться на своих ошибках. Тем более дающихся так дорого. До свидания, Андрей Петрович. Двадцатого в два часа дня мы будем у вас на приеме.

Забыла рассказать постороннему человеку о той, которая вовсе не просила его о консультациях и была отдельной жестокой травмой для тренера. Конечно, сейчас, уже готовит

фактологию на новую статью по части любезного доктора. И эти люди что-то говорят ей о медицинской тайне!

****

Москва в середине сентября, если погода задалась, прекрасна. Особенно в тихих районах, в одном из которых спряталось кафе, где сегодня Макс Рудин, хореограф всея Руси, телевизионный гуру постановок на льду и многое-многое-многое разное назначил Вике встречу. У нее есть 10 минут до условленного времени. Десять личных минут.

Вернувшись из Штатов Вика позвонила своему шапочному знакомому Рудину, с которым они попробовала встать в пару с десятков лет назад и бросили хором эту идею, так как не подошли ни ростом, ни характером. Да и Максимушка тогда уже предпочитал кататься и спать с одними и теми же женщинами. А в этом плане он Вике не нравился совершенно. К счастью, с точки зрения взаимной межполовой привлекательности они так и остались друг для друга неизведанными планетами. Лучшая дружба там, где секса никогда не было и не будет – нет сложной двусмысленности и потенциальной возможности воспользоваться бонусом.

В остальном же общение у них ложилось легкое и набрать его номер по приезде, чтобы поинтересоваться возможно-

стью работы в созданном Рудиным шоу было просто. Владик не отказал, но сразу предупредил, что работа с ним не предполагает совмещение с деятельностью тренера. Она просто не сможет разорваться. А Виктории хотелось тренировать. И только тренировать. И быть тренером в первую очередь. В общем, не сработались и не станцевались.

Теплое солнышко просвечивает через листву тополей, которая еще только начинает редеть. Загадочные пятнышки света падают на асфальт, капот ее машины, делая мир немного сказочнее и приветливее.

Радио прорывается сквозь поток мыслей голосом Басты и его “Сансарой”

В каждом наброске, каждом черновике

Учитель продолжается в своем ученике...

Может быть, это ее тщеславие, но Виктории Робертовне Домбровской очень хочется продолжаться в своих учениках. Не только добиться результатов, взять медали, но потом еще и продолжиться. Большая надежда педагога на собственную школу.

Ее ученики уже тренируют: Аля вот встала впервые за

многие годы на коньки ради малышей. Мишка показывал короткие видео. Вика смотрела интересом. Иногда ей казалось, что есть в Алином преподавании ее голос, голос школы Домбровской.

Кое-кто сменил карьеру спортсмена сразу на тренерскую, но к ней, под ее строгий взгляд вернулась только одна, Ира. В ней несколько лет назад Вика неожиданно увидела лучшую спортивную версию себя, более сильную, устремленную, добивающуюся. Она бы сделала ее олимпийской чемпионкой, не хуже Рады, лучше Милы. Иру остановило в итоге то же, что и вика – перелом позвоночника.

Иришка, ее несбывшаяся из-за травмы чемпионка. По возвращении в спорт Ирина Гирш просто не тянула нагрузки Домбровской. Родители сказали: “Мы поищем что-то ближе к возможностям и желаниям Иры. И направились туда, куда уходили многие, начиная с отца Ника. Володина супруга казалась мягче, внимательнее, заинтересованнее в совместности. Видимо, и Володе тоже. Но что-то она, очевидно, не давала, потому что на вершину после Домбровской ходоки к Алене Игнатовой, по мужу Коршуновой, никогда больше не возвращались. Володя, к слову, тоже после расставания с Викой на вершинах замечен не был, хоть это и другая история.

Пока единственная, кто от Игнатовой-Коршуновой вернулась к ней, Вике, была Ира. Тренировать, преподавать, воспитывать. Значит, когда ее не станет, она, возможно, тоже будет петь голосами Иришки и детей, которых та вырастит.

“И, Господи, я ценю сарказм ситуации: ты меня услышал, кто-то бросил Алену Дмитриевну ради меня. И я благодарна, что ты правильно выбрал этого человека!”

Какие-то 15-20 лет и богу стал интересен запрос Вики. Правда цели изменились. “И, ради бога, Господи, не вздумай вернуть мне того, о ком я два десятка лет просила. Пусть это будет Иришка. Пусть все мои ушедшие мальчики и девочки, но золотой супруг-Коршунов пусть остается при своей даме!” – больше при мысли о Вове не болит. Как-то прошло само собой. Однажды. Не очень давно.

Когда меня не станет – я буду петь голосами

Моих детей и голосами их детей.

Нас просто меняют местами,

Таков закон сансары, круговорот людей.

****

– Ир, я тебя, конечно, возьму,– улыбается Домбровская в серо-зеленые глаза Иры Гирш, нервно сплетающей и расплетающей пальцы.– Я только не понимаю, почему бы тебе не попробовать остаться у Игантовой, там зарплаты выше, чем у нас на старте.

– Алена Дмитриевна через два месяца после моего перехода, передала меня помощникам,– усмехается Иришка.– Не смогла.

– Что не смогла?– удивляется Виктория.

– Слишком я была похожа на своего тренера,– засмеялась девушка и заправила за ухо выющуюся русую прядь.

– Какая нежная душевная организация,– только и смогла покачать головой Виктория Робертовна.

Узок их мирок. Ох, узок!

Обман и сила – вот орудья злых

– Слушай, тут такая тема появилась, – Рудин был как всегда очарователен, галантен и деловит одновременно.

Вика благодаря опыту совместного катания правда еще знала, что он мог быть на льду невыносим, как и всякий, избалованный с детства, партнер-мужчина. Это она усвоила в тот короткий период, когда они пробовали кататься вместе.

Одна из причин, почему тренер Домбровская никогда не думала начать работу с танцорами, тем более парниками – это разборки, которые на льду устраивают партнеры. С драками, синяками, а то и серьезными травмами в духе “хребтом о лед”. Ну уж нет! Ей такого не надо. Пусть воюют со льдом, самими собой и с ней.

У Вики в принципе не было проблем на предмет: кто-то зол на меня. Как говорится, пусть ненавидят, лишь бы боялись. В переложении Домбровской эта фраза Калигулы выглядела так: пусть ненавидят, лишь бы справлялись.

– До нас доходят слухи... Леонова вернулась? – Макс с любопытством посмотрел на Вику.

– Вернулась, точно,– кивает Виктория,– а ты все видишь и все слышишь, смотрю, на три метра под землю.

– Больше. Но суть не в этом,– засмеялся Рудин.

– Под эту тему я хочу переделать концепцию Теле-кубка под новый формат. Смотри. Тут выходит классная тема. С противостоянием. Зрителям понравится!

– Максимушка, мне б как-нибудь без противостояния пока. А? Я Раде еще даже не рассказала, что Мила вернулась. Милка... В общем, травма у нее и, кажется, проблемы не только со спиной. Так что пока все непонятно. Но идея мне нравится. И берем же всех? Лерку – тоже?– Вика внимательно посмотрела на Макса.

Интернеты жужжали страшилками о том, как нещадно гнобит зверь-Домбровская тех спортсменов, которые посмели от нее уйти. Виктория на это только грустно отмахивалась – не переубедишь людей, которые придумывают подобное. И тех, кто хочет в это верить – тоже.

В конце прошлого сезона двое из топ-пула ее фигуристов мазали лыжи на выход. Мужчны набычились, каждый обиделся на свое, но все переживали из-за работ, которой теперь

будут пользоваться другие. Домбровская понимала, что со временем все отойдут от своих печалей и огорчений, вернуться прежние чувства к девчонкам. Еще болеть будут за каждую не меньше, чем за их собственных.

Как вообще можно верить в то, что детей, которым отданы многие годы, в которых вложен труд, а это немаловажно, кто-то всерьез будет обижать только из-за ухода? Да, это, конечно, малоприятно и очень обидно, но это жизнь тренера.

– Мариной ты, стало быть, не интересуешься?– удивился Рудин.

– Ушакова вряд ли сама захочет. Я не против, но сам понимаешь, она еще более сложный экземпляр, чем Милка. Ее истерика посреди “Сапфира” с требованиями всех убрать, ее оставить, звенит у меня в ушах до сих пор! Представь такой же скандал в центре телетрансляции, – невесело улыбнулась Виктория.

Лерка и Мара – пара потерь прошлого сезона. Вика про них смеялась: красавица и чудовище. Никакого отношения к внешности девчонок определение не имело, более того клички менялись в зависимости от того, о чем шла речь. Если говорили о передаче образа в программе и артистизме, то Лерка шла по категории – чудовище, а Мара была – красавицей.

Если же вопрос стоял о работоспособности и характере, то ровно наоборот.

– Да не обижу я твоих детей, не бойся, Домбровская! На моих шоу в истерике еще никто не бился, а если и бился, то это вырезали.– засмеялся Максим,– Всем раздадим по сергам, что тем сестрам. Ты подумай про тему.

– Я подумаю, но я тебе сказала, что пока по этому поводу все непонятно. А теперь мне надо с тобой обсудить кое-какие вопросы по шоу. Подскажи мне, опытный человек, куда пойти вот с этими вопросами?– Вика открыла список на смартфоне и начала зачитывать Максусу.

Рудин с интересом выслушал, улыбнулся и сказал:

– Она хочет жевать мой хлеб и жаждет, чтобы я ей показал, с какого бока надрезать буханку? Ладно уж, тренер, продвинувший фигурное катание на новую ступень, давай смотреть. Я же знаю, что ты все равно не остановишься, хоть не все шишки соберешь.

****

Вечерний лед шел нервозно. Ритм больше всего походил на кардиограмму инфарктника. Девочки падали в дорожках,

парни валили прыжки. Что-то было явно не так. Надо льдом, сгущая воздух, повисло напряжение.

– Что происходит?– Вика шнуровала коньки, слушая одновременно Мишу и Илью. Это болезненное состояние тренировочного процесса – всегда неспроста.

– Сегодня двое из старшей группы не пришли, а одну увезли родители домой прямо с хореографии. Температура.

Руки замерли и через секунду продолжили шнуровать коньки:

– Все люди болеют. Это осень, сказала Вика напряженно.

Григорьев молча кивнул. Ландау немного помолчал и ответил:

– Неудачный год они выбрали, чтобы простыть.

Паника карантинных мер для спортшкол в этом сезоне побила все мыслимые и немыслимые пределы.

Можно сколь угодно красиво рассуждать о силе духа, преодолении трудностей и сдерживании распространения вирусов, но фигуристы не умеют кататься на коньках по паркету,

линолеуму или ковролину. Им нужен лед. И любой карантин для них – это конец нормальной подготовки.

С того дня как “Сапфировому” снова разрешили принимать спортсменов, взрослые, а вслед за ними и дети, казалось, пытались в его стенах даже не кашлять лишний раз. А тут сразу трое и с температурой слегли.

Веская причина для нервозности.

Виктория вышла на лед и позвала разминающихся:

– Послушайте меня. Я понимаю, что ситуация непростая, сделать мы с ней ничего не можем. Будем рассчитывать пока на лучшее. И просто делать все максимально хорошо и спокойно, пока нет никакой новой информации. Все! Работаем дальше!

Положила руку на плечо десятилетней девочке, которая стояла справа от нее и сказала:

– Злата, не уходи. Хочу посмотреть, как ты делаешь заход на тройной лутц, – именно его девочка пыталась выполнить, когда Вика шла вдоль трибун, направляясь к тренерской позиции. И лутц совершенно не получался.

Пока тренер наблюдала за спортсменкой и давала указания, подъехал Ландау и протянул ей телефон. Звонили из администрации министерства спорта. Неожиданные люди, не каждый день, прямо скажем, ей названивают от министров.

– Виктория Робертовна, мы узнали о ситуации, которая произошла у вас сегодня на занятиях. И хотели бы предупредить о том, что не стоит где-либо озвучивать подозрения о самом неприятном. Все дети иногда болеют, возможно, вирус будет несколько тяжелее обычной простуды, но, сами понимаете, раз на раз не приходится.

Виктория следила за первым чистым на сегодня выездом с лутца Златы. Молча подняла большой палец, показывая, что той все удалось.

– Да, мы тоже рассчитываем на лучшее,– произнесла в трубку Домбровская.

– Желаем спокойных тренировок и успехов в вашем деле,– отозвался голос на том конце провода.

Женщина молча смотрела на экран смартфона. “Интересно, однако. Ну, оно и к лучшему”.

Она подъехала к своему месту, чтобы положить телефон

на стол у пульта. Проезжающий мимо Григорьев спросил:

– Что у нас хорошего?

– Мне только что сказали, что это всего лишь простуда,– улыбнулась Вика.

– Кто сказал? Тесты же еще не готовы?– удивился Михаил.

– Администрации министра спорта виднее,– хмыкнула женщина.

– То есть карантин не будет?– уточнил верный помощник.

– Судя по всему, карантин не будет даже если мы прямо тут на льду начнем падать от вирусной пневмонии и прочих сопутствующих штабелями,– пояснила Домбровская.

– Хоть какой-то плюс от чиновников. Нет, Яннис, не так!..

Мастер постановки прыжков штаба Домбровской поехал догонять Илвиса.

****

Вечер хлопотал над улицами Москвы, раскрашивая небо в цвета заката, создавая виды для последних завораживающих фото в золоте тополей и ясеней. В полуоткрытое окно сквозило предчувствием октября.

Вика свернулась калачиком на диване и невнимательно поглядывала на творящееся на большом экране в углу комнаты.

– Знаешь, Илюш, это все так странно. Ты много-много лет работаешь, но ты просто тренер. Делаеть свое дело, тебя толком никто не знает. Ну, кроме тех, кто непосредственно вращается в среде. А потом одним днем “щелк” и ты уже “желанный гость на всяких именинах”. И вокруг тебя телевидение, пресса, склоки и свары. А ведь ничего не изменилось: ты просто каждый день приходишь и делаешь то же самое, что делал десять, пятнадцать, двадцать лет назад.

Смартфон Ландау звякнул пришедшим новым сообщением:

– Радочка, – удивленно улыбнулся мужчина.

В сообщении не было ничего, кроме двух скриншотов из инстаграма. Переписка с доверенным лицом Сергея Вадимо-

вича. Вика посмотрела через его плечо:

– Ну вот, и что с этим делать? Двоих им мало? Зачем им Рада? Она славная девчонка, но уже не про спорт.

****

Начало этого сезона для групп Домбровской ознаменовалось тем, что в их жизнь прочно вошел Сергей Вадимович Канунников, чемпион всего и вся начала этого века, который внезапно решил, что пришло его время тренировать. Да тренировать с размахом. С быстрой отдачей и большим выхлопом. Долгого пути в десятилетия, чтобы вырастить собственного спортсмена, Сергею Вадимовичу не хотелось. Хотелось быстрой славы. Именно поэтому на свою будущую незарастающую народную тропу корчевать деревца он взялся из Викиных запасов. Сбежали несколько предюниоров и пара юниоров. Неприятно, но не смертельно. Спрыгнули два тренера, зацепившись за более надежную и финансово приятную лодку “Льда и пламени”. Илюха тут же придумал аббревиатуру для конкурентов “липка”, а сбежавших звал исключительно “прилипалами”.

И все это было не слишком приятно, но рабоче, пока Лерин папа не сообщил, что дорога его дочери отныне тоже пролегает на каток “липок”. Валерия Смирнова, чудови-

ще художественных презентаций и гений техники, летающая принцесса, иначе пресса девочку и не называла. Так у нее исчезла Лерка и потерялся на время, затосковав, Миша. Смирнову он любил, словно родную, больше, может, только Альку, его первую золотую девочку.

По мнению Вики, основным достоинством Леры было полное отсутствие страха и мозгов мозгов. Как женщина и мать печалилась Вика, видя, что уставший ребенок летит с очередного недокрученного лутца или ритбергера. Во всем остальном – это не девочка, а упрямое бревнышко, которое никого не слушало и ничего не хотело, кроме своих полетов в вечность и неизвестность.

Илья становился бледно зеленым, когда тренировал ее дорожки и пытался научить красоте позы. Лерка – это вам не Рада, Лерку так просто красиво не поставишь: позеленеешь, побледнеешь и лишишься аппетита.

И все же Вика любила ее за стремление, идиотскую, никуда неприменимую мечту прыгать безумные ложности и крутить четверной аксель до нервного тика Домбровской и желания выйти покурить Григорьева. За фанатизм. За любовь к их общему делу. Пусть эта любовь и была совсем другой, не такой как у Вики, но это была любовь.

Ни Лерка, ни ее родители не прятались, не врали, что остаются. Папа-Смирнов в лоб заявил о планах. Папа тоже из породы бревнышек негибких, надо сказать, что придумал, то и топчет. Его девочке не додали внимания, не слушают ее пожелания. Они хотят лучшего и большего.

“Да и подавись”, – про себя вызверилась Вика, но, понятно, отпустила. А как их удержишь таких умных? И теперь она просто переживала за девочку. Девочку влюбленную в прыжки, а через них в их общую страсть – лед и фигурное катание.

Скандал с Ушаковой после этого, с одной стороны стал болезненным ударом, а с другой – позволил выпустить из себя все эмоции, которые бушевали от ухода Лерки. И Вика оторвалась, а Илья, успевший подготовить Марине программы, выкатавший обе до стадии презентации, и не скрывал, что готов подбросить полешек в пожар Викиных эмоций.

Маринка бежала не от нее. Девица хотела очаровывать одного из “прилипал”. А как тут очаровывать, если между вами сотни километров. Нет хуже черта, чем девушка влюбленная. А уж если она еще и самовлюбленная, то только держись! “Сапфировый” сдюжил прощальную эпическую сцену и демонстративный уход под прикрытием родственников фигуристки из верхов федерации фигурного катания. Мари-

ночка была из “блатных”, лучшая из блатных: трудолюбивая и талантливая, но все равно с тылом за спиной и амбицией не туда время от времени.

****

Итак, подхватив двоих, Сергей Вадимович вошел во вкус. И теперь переманивал еще кого-нибудь для своей аллеи славы. Но вот Рада? Выбор непонятный.

Илья насмешливо поглядел на временами такую наивную и такую всегда прекрасную и великую просто тренера:

– Ну, как ты не понимаешь?! Это же звезда в копилку!! Кстати, это еще и моральное превосходство: сама Цагар покидает своего тренера. Хайп – дело благородное, дорогая Эр! Ты только вспомни, сколько народу успели за три пять лет Алькиной карьеры без тебя, об девочку поднять свои рейтинги.

Вика задумчиво перебирала плед, которым были укрыты ее колени:

– Рада ведь сказала мне тогда, после смерти мамы... что никогда не уйдет от меня. Никогда. Именно так, два раза.

– Она и не уходит,– кивнул Илья.

– Хорошая девчонка, да?– тихо произнесла женщина, кутаясь в плед.

– Хорошая, но Милу ты все равно любишь больше,– с горечью констатировал Ландау.

– Да нет, Илюшенька, не больше. Просто дольше.

Да, дольше. Мила начинала вместе с ней. Это и была ее по сути самая первая команда: она и Мила. Потом Сашка Морозов. Потом Мишка. Она обросла людьми. Хорошими, преданными делу и ей самой. Но из тех, кто бы мог рассказать про настоящую Домбровскую, до всего, до первых даже детских побед ее девчонок, в более или менее близком круге до триумфа двухгодичной давности оставалась только Мила.

****

Ночь затекала в спальню через задернутые шторы, поила воздух прохладой, а через приоткрытое окно просачивался запах мокрой осенней листвы.

На груди у мужчины спала тонкая до полупрозрачности блондинка, обнаженное бедро, с которого сползло покрыва-

ло, он бережно обнимал одной рукой, а другой продолжал что-то набирать на клавиатуре смартфона:

– Рад, я хочу, чтоб эту переписку увидели все. Мы сможем ее выложить в инстаграм?

– Я не против, Илья Сергеевич. Может, тогда они уже отстанут!

Ландау отложил телефон, легонько прикоснулся губами к макушке Вики, натянул одеяло, закрыв ее полностью и выключил настольную лампу.

Они, конечно, не отстанут. Теперь уже никогда. И все же...

Утро вечера мудренее.

Разрушая кровный союз любви, вдобавок не щадит союз доверья...

Уже битый час вокруг льда в “Сапфировом” суетились бригады телевизионщиков, готовя сюжет о “самом неожиданном возвращении сезона”. Ну, а что тут поделаешь? Во-первых, у “Самоцветов Москвы” контракт телевизионщиками, так что каждый божий день из какого-нибудь отделения несутся стоны тренеров и проклятия непосредственного начальства отделений. Во-вторых, история “развода” была такой шумной, что тихо замириться, не оповестив публик, Виктория Робертовна с собственной фигуристкой уже не сможет.

В конечном итоге тренировка не просто была поломана, она летела под откос со скоростью сверхзвукового экспресса. По мнению Вики с ума сошли все ее подопечные сразу, даже те, кому далеко не в первый раз приходилось видеть камеры.

Она честно улыбалась журналисту, который брал интервью, а хотела послать их всех снег в Сибирь убирать и не мешать работать, пока не закончат, благо снега в Сибири много. Говорила о внутреннем надломе Милы (вполне себе правда,

если не считать того, что глубина этого надлома пока не была понятна даже ей самой). Потом за бортиком, отпустив наконец тренера работать, журналисты интервьюировали саму Милу. Потом следили с камерами за ней на льду. Еще одна проблема, как бы эти слоны со своими шарманками не поубивали нечастных фигуристов. И, наконец, удалились со льда и от бортика, чтоб наснимать сверху общих планов, а заодно и общение главных героинь в процессе работы.

Как три года назад и за много лет до этого они скользили рука об руку. Этого скольжения по одной дуге, как оказалось, ужасно не хватало. Совместность многих лет вернулась и заполнила дыру в мироздании, продранную Милкиным жестоким молчаливым уходом.

– Итак, что нам положено изображать? Покаяние с одной стороны и смиренное приятие заблудшего дитя с другой? Могу упасть на колени и целовать лед, – склонила голову в сторону Виктории Леонова.

Ее девочка. Девочка-язва, девочка-пожарище, девочка-яд, который мог натворить дел не только на льду, но и за ним. Чемпионка. Человек творивший историю фигурного катания. А стало быть – непростой человек, с особенностями.

– Скорее воссоединение семьи – улыбнулась Домбровская.

– Ну, это-то мы изобразим. Дружный тандем снова вместе, не так ли?– Мила потерла зябко плечи, обхватив себя крест накрест руками.

Перейдя на ход назад, чтобы лучше видеть лицо спортсменки женщина задала первый вопрос, ответ на который ей действительно было важно знать сегодня, без всякой лирики:

– Ты давно закаливаешь спину?

– Не очень,– коротко отозвалась Леонова.

– Слушай, это важно. Как ты с этой спиной будешь выезжать многооборотные? – тренер подняла руки, активно жестикулируя и показывая движение, необходимое для выхода из прыжков.

И тут произошло то, что в деталях Вика так и не сможет в итоге осознать. Она вдруг почувствовала, как Мила резко дернула ее за руку, вытянутую в указующем жесте, и, не давая потерять полностью равновесие, крепко обхватила за талию.

Каток закружился в коротком вращении. Между телами не осталось воздуха, дыхание стало одним на двоих в общем выдохе. На одно мгновение реальность потеряла простоту и логику.

Через место, где всего секунду назад была Домбровская на длинной дуге выезжал десятилетний фигурист, надежда будущего десятилетия, по мнению сми, даже не понявший, что произошло, а потому не успевший испугаться.

Девушка отпустила талию своего тренера и немного отъехала назад, давая возможность обеим спокойно вздохнуть.

– Надеюсь, им хватит ума не вставлять в сюжет этот эпизод, – подняв глаза вверх, туда, где вертелся оператор с камерой, проговорила Виктория.

– Не надейтесь, – усмехнулась Леонова.

И была права. Вечерний эфир во всей красе продемонстрировал это парное вращение. А потом они удивляются тому бреду, что возрастает на фан-аккаунтах: ах, у них особенные отношения; ах Железная Вика любит только Милу; ах, ей плевать на остальных спортсменов; ах, Миле никто не нужен, кроме Домбровской. Ля-ля-ля – полетело по оптоволокну и вайфаю!

****

Счастливая Милочка бежит к ней с подиума с медалью на шее. Глаза блестят, словно два темных солнца неизвестной планеты. На этой планете никогда не будет ночи, потому что солнца светят без остановки. Можно обжечься об это счастье! Эйфория от собственной силы и могущества плещется в ней с неотразимым накалом юности, выливаясь на головы всех и каждого благодатным светом любви ко всему миру. Милке шестнадцать, она влюблена в фигурное катание и ледовые божества платят девочке россыпями “золота”.

Она летит по льду туда, где ее ждет тренер. Лучший тренер в мире, в тот миг Леонова это знает точно. И пусть кто-то скажет, что это не так! У ее Вики самые сильные руки, самые крепкие объятия, самые пушистые непослушные кудри, которые никак не удерживаются в элегантном пучке и щекочут Милины щеки, когда они обнимает своего тренера. У Вики в кольце рук живет счастье ее спортсменки.

Подбегает, стаскивая на ходу с шеи медаль и вешает ее на шею тренера, которая, по мнению юной чемпионки, заслуживала это золото намного больше. А потом замирает, окольцованная счастьем. Тепло, как под маминым крылом, а, может, и теплее. Девочка замирает на несколько секунд,

вдыхая аромат духов на одежде лучшей женщин земли и ближайшей части вселенной.

И никаких недомолвок. Только горячий шепот в ухо, через светлые пряди волос непослушных волос:

– Это вам, вам, Виктория Робертовна! Я должна отдать ее вам! Пусть она будет ваша!!

Мила потом надевала эту медаль для фото, давала интервью в ней, но, выходя за пределы видимости камер, тут же стаскивала с шеи и возвращала, Виктории.

И никакие увещевания, что так нельзя, медали не брошки и не побрякушки, чтобы их дарить как сувениры, не действовали.

Юная упрямица начисто отказывалась положить медаль в собственную сумку и везти домой, маме.

В конце концов после очередного препирательства о том, кто должен распорядиться этим куском непонятного сплава с золотым напылением, Леонова заперлась в туалете и сказала, что смывает медаль в унитаз, если Виктории Робертовне она не нужна.

Так малолетняя нахалка выиграла очередную битву в войне за такое нежное под твердой накипью жизненного опыта сердце своего тренера.

Медаль поселилась на полке с наградами и тренерскими дипломами Виктории в доме ее мамы. И была бестрепетно убрана после смерти последней, когда по истечении трех дней ожидания уже бывший тренер поняла, что ее девочка не напишет ей даже формальных слов соболезнования. Даже простого “сожалею”.

Теперь медаль лежала в нижнем ящике стола, заваленная древними описаниями постановок программ, планами, сроками давности которых давно истекли, какими-то непонятными открытками и бумажками и прочим ненужным хламом “на выброс”, когда дойдут руки.

*****

-Виктория Робертовна, я испугалась, что вы столкнетесь,— объясняла Мила, стоя уже на почтительном расстоянии.

– Спасибо,— улыбнулась женщина, автоматически заправляя выбившиеся локоны под шпильки.

И дальше была тренировка. Тренер смотрела, как Мила

выезжает прыжки. Корректировала. Следила за общим состоянием. Переключалась на остальных спортсменов, которые с уходом съемочных групп наконец-то стали работоспособными.

****

В этот день Домбровская уходила из здания “Сапфирового” раньше обычного, потому что до конца рабочего дня ей надо было добраться в бухгалтерию и отдел кадров “Самоцветов. По закону всех бюрократических заморочек подобные службы находились совершенно в другом месте, как и бывает со всеми, кто создают головную боль не связанную с прямым обучением фигурному катанию. И попасть туда надо было до конца рабочего дня бухгалтерии, а вовсе не старшего тренера, иначе пересчет зарплат массажисту и двум хореографам отложится еще минимум на одну зарплату.

У входа ее остановил охранник:

– Виктория Робертовна, вам тут цветы оставили, – с этими словами он указал на пышный букет белых роз. Домбровская с привычной благодарной улыбкой протянула руку к цветам и... замерла.

*****

2000 год

Она выходит из международного терминала аэропорта, уставшая и измученная дорогой. Сколько ни пытайся разместиться удобно, но от США до России такое количество километров и часовых поясов, что с комфортом летать просто невозможно, слишком долго, слишком утомительно. Ты выходишь из самолета в состоянии, словно последние пару часов тебя кто-то жевал.

Вова стоит как обычно с букетом белых роз: “Моей американской принцессе”, – шутит он и прикасается губами к щеке Вики. Отношения у них самые сладкие, романтические, между континентами и аэропортами. Длятся уже больше года. С того момента, как Вика, придя на одно из шоу его дальней родственницы в Штатах случайно наткнулась на этого мужчину, не поленившегося проводить ее в закулисный мир большого ледового представления.

По пути в номер дорогого отеля, который он снимает только на один день, так как утром его девочка поедет к своей семье, а он в свою, Владимир выслушивает милую болтовню молодой любовницы. Удобно иметь роман через океан. А уж с такой очаровательной девушкой – и подавно. Когда она улыбается, освещается пространство в радиусе сотни мет-

ров. И глаза, зеленые ласковые глаза. Влюбленные. Жена такими глазами на него уже лет десять не смотрит.

Вику нисколько не смущает наличие этой самой жены. Вова ее давно разлюбил. Как не верить в такое в 22 года, тем более, когда на коленях белый букет, во взгляде обожание и планы на скорую встречу уже в Штатах. Только ребенок же у них, бизнес общий. Неправильно так разводиться, с бухты барахты, нужно планировать, всех подготовить. Ей немного жалко его глупую жену, не оценившую такого прекрасного мужчину, и радостно, что никто не успел оценить его прежде Вики. В душе она мечтает поскорее стать его женой, обзавестись большой семьей. Быть счастливой, как мама. И делать его счастливым – как папа.

Утром, между поцелуями в душе и не только ими, эта ненормальная ошарашит Владимира тем, что она решила вернуться в Россию. И все станет слишком сложно, чтобы продолжать просто наслаждаться ее модельной фигуркой, светлыми прядями, щекочущими в моменты страсти его живот, и влюбленным взглядом.

****

Охранник вкладывает цветы ей в руки, и Домбровская почти механически продолжает путь к выходу, погруженная в

далекие воспоминания о давно прошедших и практически забытых днях. Все, что оставила в своей памяти и сердце Вики о чужом муже и отце ее дочери было спрятано под тоннами легенд и топорного вымысла.

Правда же была банальна, совершенно непоэтична и зла. Молодая женщина очаровалась мужем женщины зрелой. Умным, очаровательным, чужим мужем. И хуже всего, что секретом в их тесной среде факт, конечно, не остался, стоило только Домбровской поменять страну проживания, вернувшись домой. Сейчас, будучи взрослым человеком, Вика четко осознавала, что, вероятно, и до этого в семье Володи все знали, что он гуляет вольным котом. В серьёзную проблему свободолюбие мужчины превратилось тогда, когда факт начал выползать из семейного шкафа со скелетами.

Тренерский топ фигурного катания быстро дал ей понять что по чем в этой истории ее любви не к тому мужчине. Да и мужчина поспешил сделать выбор в пользу проверенных кадров.

Но, может, она просто сочиняет. Мало ли любителей букетов именно из белых роз. Вон из центра торчит уголок карточки, наверное, все-таки от поклонников.

Сев в машину, женщина вынимает визитку с коротким

текстом: “Когда принцессы становятся королевами, они расцветают по-настоящему. Прости за прошлое. Давай поговорим? Владимир”. Внизу пристроился номер телефона.

После пятого глубокого вдоха женщина наконец смогла завести машину и выехать со стоянки.

Букет улетел в первую же урну, которая попалась на выезде.

В голове бился только один вопрос: “Что ему внезапно понадобилось?”

И ствол воскликнул: «Не ломай, мне больно!»

Домой Вика вернулась поздно, в глубокой задумчивости ни о чем конкретно, но обо всем сразу. Илья суетился на кухне. Как-то так повелось само собой, что в его обязанности вошло по возможности ее кормить, иначе она будет жить на минералке, кофе и, если повезет, яблоках. Как при такой диете женщина не растворилась в пространстве, не нажила себе язву или гастрит, и имела столько энергии, оставалось секретом.

Чмокнув Ландау на ходу, Домбровская села за стол и погрузилась в еще большую задумчивость. Первая мысль, которую она обдумывала – снятие Милы с этапов национального кубка. О том, что через две недели Людмила не участвует, информация в СМИ была отправлена сегодня, а до федерации было донесено еще неделей ранее, сразу после того, как стали известны результаты обследования. Но картина складывалась так, что второго этапа у нее тоже не будет. Тренировки подтверждали сомнения Михаила и Виктории в форме и возможностях спортсменки. И об этом теперь тоже надо будет сказать Миле.

****

Япония. Четыре месяца до олимпиады

– Не буду я носить этот жуткий лангет, Виктория Роберт-товна! Что я инвалидка, чтобы щеголять в колодке?!

Израильские врачи сделали все, что могли, разными словами три дня объясняли спортсменке, что ношение фиксирующего лангета между стартами обязательно, чтобы помогать восстановлению ноги. Девочка кивала, смотрела умными внимательными глазками. И даже уехала из Израиля в в фиксирующем приспособлении. И весь полет провела в нем.

А перед посадкой решительно стала расстегивать псевдо-гипс. И на любые попытки вразумить, только повторяла:

– Я не пойду мимо журналистов в этом! Все будут смотреть на меня как на больную!

И, естественно, не пошла! И оба дня скакала по Нагано, наплевав на все рекомендации врачей, в кроссовках, балетках и, безусловно, никакого лечения. Виновата ли Милка в том, что променяла главный старт на прогулки в красивых туфельках? Или это вина Виктории, которой не хватило

аргументов и характера сломать ребенку минимальное удовольствие от поездки? Хотя что-то, кроме тренировок через боль и прокатов через страх новой травмы.

Момент повторного перелома по едва заживающему первому Вика знала точно. Видела своими глазами. Это был тройной тулуп с поднятыми руками. Простенький прыжок, который любой серьезный фигурист делает годам к десяти бесперебойно. И по тому как, подскочив со льда после падения, замерла на мгновение Милка, словно проверяя, можно ли двигаться дальше, а потом повела программу с улыбкой, которая осталась только на губах, было ясно, что все не так.

Спортсмены научены жить с болью, двигаться, вынимать из организма все, забывая о травмах, ради побед. Но, если знаешь человека 10 лет, разве можно обмануться? Лицо девочки говорило не просто о преодолении, а о постоянной жестокой муке, на которую сверху наклеена улыбка.

“Вообще!” – единственное, что смогла сказать Домбровская, встретив Милу за льдом. И это была не ругань, а спрятанное восхищение, хоть и с привкусом “допрыгалась”. И чуть позже: “Что с ногой?”. Весь разговор дальше был буквально ни о чем, потому что камеры пристально, вглядывались в их лица. И только на мгновение, склонясь к спортсменке так, что лицо пряталось в тени от оператора, она шеп-

нула: “Дойдешь?” Слабость на такой высоте, которую брали они с Милкой, увы, могла стоить дорого. Судьи – тоже люди. Сегодня т показываешь, как падаешь за льдом, завтра тебе скидывают пару баллов за презентацию. Слабых не любят. Нигде и никогда. А них – особенно. Больной и искалеченный – не выходи на старт. Вышел – не показывай боли, пока не скрылся из вида судейской бригады.

Мила дошла – до КиКа, в котором дожидались оценок и улыбались обе, ненавидя каждую секунду ожидания, оттуда до подтрибунных. И, лишь уйдя из поля зрения прессы и зрителей, уцепилась за Викторию. Так они брели в раздевалку, медленно, составив из двух тел одно, которое может перемещаться.

– Леонова, бить тебя некому, а мне некогда!– ругалась тренер, чувствуя, как каждым шагом девушка виснет на ней все сильнее.

За десять шагов до раздевалки, когда адреналин окончательно выветрился из организма, Мила поняла, что это все. Идти она уже не может. Все! И через секунду почувствовала, как ее подхватывают под колени и поднимают от земли.

– Держись крепче, Леонова, нам только вдвоем завалиться не хватает, спокойно сказала Виктория Робертовна. По-

сле этих слов из глаз девушки полились слезы. Слезы боли. Слезы разочарования. Слезы страха, что теперь-то точно никаких соревнований, к которым ты шла всю жизнь. Самый главный, самый желанный вход на лед не состоится из-за какой-то кости, настолько мелкой, что ее и на МРТ не разглядеть, если специально не искать.

Она вырыдала в широкий воротник палантином и плечо Вики под ним все за оставшиеся десять шагов, но почти по инерции продолжала плакать еще минут 15 сс момента, как опустилась на скамейку, цепляясь за шею женщины.

– Ну все, моя маленькая! Все! – приговаривала тренер, поглаживая ее по плечам и тихо касаясь губами макушки. Давай снимать коньки и пойдем отдыхать. Ты же умница, ты же победительница! – как мантру нашептывала Виктория слова, чтоб унять это дрожание маленького тела в ее объятиях, – Мы завтра все выясним и решим, как быть дальше.

Она потихоньку выбралась из кольца девичьих рук и начала расшнуровывать ботинок на больной правой ноге. Шмыгая носом, Мила занялась – левым.

Стопа на удивление выглядела нормально, не отекала, не проявилось гематом. И только на ощупь была горячей. Может, им все же повезло?

Нет. Но узнают они обе об этом только в Москве, а перед нею снова будут войны за показательные, в которой опять же фигуристка выйдет победившей, а тренер в дальнейшем сочтет свое сопротивление номинальным. И этой победой за ничего не значащий вход на лед к обожаемой японской публике велика фигуристка, державшая почти пять сезонов, считая юниорский, мир фигурного катания в ожидании новых красок и достижений, обеспечит себе долгую дорогу к сегодняшнему защемлению нервов в спине. Одни показательные и минус сезон через три года. Виктория почему-то была уверена, что этого сезона в большом спорте у Милы не будет, уж слишком обтекаемо уходили от точных ответов врачи. И надо будет сделать так, чтоб ее Милка с этим примирилась. О чем Вика не хотела думать, но знала наверняка, больше ни одного сезона в большом спорте у фигуристки Леновой не будет. НО этого она говорить девушке не собиралась. Этого она говорить не собиралась никому, даже Илье, потому что всегда есть место чуду, хоть в чудеса тренер Домбровская не верила совершенно.

****

– О чем же ты так крепко размышляешь, любовь моя? – склонился к Вике Илье, опустив руку на ее, лежащую на колене ладонь (за годы в Штатах она привыкла есть на амери-

канский манер: предварительно разрезав все, что можно и нужно ножом, откладывала его, перехватывала вилку в правую руку, а левую клала на колено). Все же американцы потрясающие рационализаторы во всем, пожалуй, кроме застилания постелей. Жуткую привычку закидывать покрывало под матрас Вика не переварила за все год проживания в Штатах. И на каждом американском старте первым делом в гостинице боролась именно этим, разрушая порядок, наводимый горничными как только видела свежестеленную кровать.

– В основном о Миле. Ей надо будет сказать, что у нее второго этапа тоже не получится.

– Ждешь бури?– понимающе спросил Ландау.

– И это самое малое,– улыбнулась Вика,– Илюш, не надо! Я сама уберу. Должна же я хоть что-то делать по дому, в котором живу. Знаешь, до тебя я вполне с бытом справлялась. Уже и не помню – как.

Блондинка смеялась, убирая со стола и загружая посудомойку. Илья подошел сзади перехватил ее за талию одной рукой, второй отодвинул в сторону копну распущенных волос и нежно коснулся выступающего позвонка на шее:

– Ни у кого нет такой королевы, как у меня!– шептал он ей в шею, медленно двигаясь губами по позвоночнику к затылку.

Губы крались по щеке, ища встречи с ее губами. Первый поцелуй – это обещание тайнства. И каким будет сегодня оно тоже кроется в этом первом обещании. Их губы встретились мягко, почти невесомо. Заново знакомясь друг с другом, узнавая то, о чем не говорилось, но что наполняло сейчас душу. Дремотно, плавно. Словно танцевальная пара медленно и лирично входила в поддержку с вращением.

И вот мужчина берет женщину за руку и приглашает следовать за собой. И она идет. Почти не задумываясь ни о чем, просто доверяя тому, что он знает за двоих. И что хорошо, и что правильно.

И мир прочен только в его объятиях, поэтому нужно держаться крепче за его плечи, обнимать ногами, прижиматься всем телом к этой единственной надежной опоре. Стать лианой, обвившейся вокруг могучего ствола. Наполняться им, его силой, энергией, жизнью, которую он несет в себе. И отдавать ему свою мягкость, тепло, сумеречно-лунную женственность. Возрождаться с каждым его движением внутри, наполняться светом. И взорваться в конце от полного слияния, став сверхновой их общей вселенной на двоих.

Погружаясь в сон, она задумчиво бормочет:

– Став королевой, принцесса расцветает по-настоящему?

Илья улыбается:

– Не знаю, кто это сказал, но он точно многое понимает в принцессах и королевах. Особенно про мою!

Засыпает мужчина, притянув Вику к себе. А ей больше не спится. Новые мысли кружат в голове, мешая погрузиться в благословенную дремоту.

****

– Я против!– шипит Леонова и колотит ботинком в борт, за которым ноги Виктории.

Правее и левее сидят Ландау и Григорьев, но Мила бьет коньком ровно в то место, куда упирается дутий сапог Домбровской. Вика знает, что каждый удар отдается в позвоночник. И звучит там болью.

– Я не буду сниматься со второго этапа. Долечу спину параллельно тренировкам! И, вообще, никто не отменял бло-

каду.

– Точно, а потом всю жизнь с болтами в позвоночнике!
Не дури, Леонова!

Тренер наклоняется над бортиком, приближая свое лицо почти вплотную к Милиному, так, что та видит только пару блестящих медно-зеленых глаз, чувствует мятное дыхание с примесью эвкалипта (у женщины побаливает горло) и говорит так тихо, что разобрать слова не могут даже двое рядом на тренерской позиции:

– Второй Японии у нас не будет! Я поумнела и повзросле-
ла. Поняла, Леонова?!

Фигуристка еще раз со злостью лупит коньком в борт. Так, что слышно, как зубец обдирает краску. И летит на выход с катка:

– Леонова, ты куда!– повышает голос тренер.

– Лечиться, Виктория Робертовна! У меня через полчаса массаж, а потом бассейн!– И выскакивает со льда, подхватывая на бегу оставленные на скамейке чехлы.

Виктория порывается встать и идти доразбираться со

строптивной девчонкой в раздевалке, но Григорьев удерживает ее за руку, говоря:

– Оставь ее. Продышаться. Да и ты тоже продышись. И вообще, не велика птица, чтобы за ней взапуски бегать. Завтра поговорите.

У Мишки золотой характер и железная психика. Он никогда не орет на детей, даже не ругается, кажется. Мягкий буфер, отделяющий души спортсменов от едкой правды Домбровской, подаваемой без всяких умягчителей и успокоителей. Сколько бы взрывов было на катке, если б не Михаил, не дававший детонировать характеру Королевы и принцев и принцесс “Сапфирового” друг о друга.

– Зная ее, завтра может и не быть! Ей не впервые не приходиться на тренировки, вздыхает Вика. Но помощник тихонько похлопывает по ее руке своей, умиряя порв.

– Придет. И извиняться еще будет. Расслабься. Не одна Леонова у нас свет в оконце, – Михаил мягко убаюкивает ее нервозность своей ладонью.

Он прав, конечно. Мишка, вообще, всегда прав, кроме тех случаев, когда ошибается.

– Маша!– Домбровская наконец переключает внимание на лед и новую звезду в короне “Сапфирового”, нежнейшую Марию Максимову, которая вылизывает на катке окончание произвольной,— смотри в центральную точку, но словно поверх трибун. Так, будто ты следишь за улетающим шариком, который уносит твою мечту. Понятно?

Мария кивает. Два янтарных озера больших спокойных глаз всегда приветливы и безмятежны. Если не знать, как трудно они проходят каждый этап подготовки, сколько сил требуется Маше почти на все, то никогда по ее взгляду не угадаешь этого.

Аля преодолевала, чтоб прийти к цели. Рада шла, потому что ее вело, то и дело, покачиваясь в сторону, но никогда не уходя с пути, с буддийским смирением и покорностью человека, верящего в судьбу. Милка преодолевала, чтобы кайфовать, чем была невероятно похожа на саму Вику. Лерка, чтобы летать и чувствовать свою мощь! Мара Ушакова – чтобы презентовать свою красоту. А ради чего преодолевает Маша? В каждой из ее девочек была какая-то заноза, цепляясь за которую, они не могли останавливаться. Только в движении вперед эта заноза не болела. А в Марии никаких заноз не чувствовалось. Машенька просто была. Просто приходила на тренировки. Просто каталась. Просто билась за каждый элемент на смерть. И просто уходила домой. Спокой-

ная, словно вода летнего озера. Удивительная. Незабываемая. Вечная неразгадываемая загадка гармонии.

Вика следит за ее катанием и понимает, что сама она ничего б не добила, не имея своих заноз, которые ее двигали вперед. Внутри Домбровской в такт движениям Маши всплывают слова песни, которую сегодня поймало радио:

Время залечит старые раны,

Счастье вернётся в стрократ

К тем, кто не судит невиноватых,

Если он сам виноват.

Тех, кто, не струсив, слышит среди шума

Глас своего существа,

Капля за каплей дух наполняет

Мужество.

И продолжает с улыбкой следить, как движется кисть правой руки Максимовой в такт мелодии, точно выписывая ри-

сунок по воздуху. В маше на каплю мужества сантиметр маленького тела. Зачем ей все преодоления понять невозможно, но, можно допустить, что это ее форма любви и ее жертвоприношение жестокому богу фигурного катания.

Я сам себя казнил в моем жилище

Несколько кособоко из-за непонятных карантинных игрищ стартовал наконец-то соревновательный сезон этого обезумевшего спортивного года, в котором все отменяется и ничего не начинается из-за то ли реальной эпидемии, то ли паники по ее поводу, то ли начала чего-то непонятного и огромного, что и взглядом обычному человеку не охватить. Маша улетела с Григорьевым во Владимир сразу после тренировки рейсом на 15.45, а семичасовым отправлялся Илья, который до последнего настаивал, что возьмет билет на 10 вечера и проведет рабочий день полностью, чтобы разгрузить ее хоть немного. Никакие увещевания о том, что от Владимира до Муром, где проходил первый этап национального кубка, еще два часа по плохой дороге, его не убеждали. В итоге подействовала только фраза о том, что нужно убедиться в полной безопасности и комфортном размещении Марии со товарищи, которых Григорьев, конечно, опекать будет на все сто, но мало ли что, а с Ильей ребята общаются лучше и ближе.

Молодой мужчина поворчал, поиграл богатой мимикой своего эмоционального лица, демонстрируя, что ни разу не верит в Викины увещевания, но в итоге купил билет на опре-

деленное ею время, и уехал точно в срок.

Сидя в десятом часу в собственном кабинете, Вика вдруг осознала, что она совершенно одна в этом огромном городе. Нет, конечно, были сестры и брат, были друзья, но не ближний круг, люди, которые ждут тебя всегда: папа и мама умерли (уже почти не болело при этой мысли, лишь тихо опускалась грусть на сердце), Ника тренировалась в Канаде, куда Вика готова была срываться при любом минимальном “окне”, любимый мужчина в командировке. Вот она свобода женщины “за сорок”.

“Ты везучая, Домбровская!” – про себя сказала женщина. В твоей жизни есть люди, которые хотят быть с тобой рядом в горе и радости.

*****

Лето 2014. Юг Москвы

Снизу что-то громко бахнуло и машина, на которой Вики делала разворот из дворов многоэтажек, слегка скособочилась. Выйдя из автомобиля женщина в буквальном смысле уставилась на развороченную покрышку, продравшуюся о какой-то кусок арматуры, торчащей... из асфальтового покрытия.

На сегодня именно это, кажется, ее предел, потому что с недавних пор “звездный” тренер вдруг тихо охнула, а из глаз покатались крупные капли слез. Дрожащими руками она порылась в сумке и вытащила телефон.

Позвонила брату. Занято. В службу эвакуации, номер который был в списке контактов. Свободный эвакуатор через 3 часа. Будете заказывать? Морозову было набрала, но вспомнила, что у него билеты на новый мюзикл и дала отбой.

К моменту, когда Григорьев ответил на ее вызов, все, что она могла – это хлюпать носом в трубку и повторять, что не знает, как быть и что делать.

– Вика, успокойся! Вика! Виктория Робертовна, вы меня слушаете?– в итоге пробился через истеричный плач Миша,– я еду к тебе! Слышишь? Не плачь. Где ты вообще находишься?.. Буду часа через полтора.

“Это, конечно, если очень повезет”,– подумал мужчина, прикидывая, как объехать пробки, прорываясь с одного конца столицы на другой. Что в итоге скажет жена, он почему-то даже не подумал. У него была хорошая семья. Но обожаемая упруга сидела дома, в покое и уюте, а женщина с теплым малахитовым взглядом рыдала где-то в машине, которая не

могла ехать.

Нашел он ее уже не рыдающей, а обессиленно заснувшей за рулем:

– Штирлиц, просыпайся: 20 минут прошли,– постучал в окошко водительской дверцы Михаил.

Вика распахнула глаза, ещё сохранившие следы недавних слез, взглянула на него и совершенно по-девичьи смущённо зарделась.

Ее неловкость тут же передалась Григорьеву. Он почувствовал, как жар приливает к щекам и носу и представил, что становится морковного цвета на глазах красивой женщины. Михаил Александрович был стеснителен до заикания, и с возрастом ничего не менялось. Особенно в присутствии дам. Особенно тех, к которым питал нежные чувства.

– Ну, и что ты так ревела?– поинтересовался он, оглядывая раскуроченное колесо,– Хана шине и только. Стоило ли убиваться?

А потом они ждали ещё час эвакуатор. А потом ехали к ее дому. А потом... он отказался от чая и помчался к жене.

Красивые женщины – это замечательно, но родная душа у человека должна быть одна. Даже если другая – тоже стала нечужой.

С той поры, как Мишка осматривал пробитое колесо ми-нула еще одна олимпиада. Две большие потери чемпионки. А они продолжали идти рука об руку. И в ком Вика могла не сомневаться, так это в Григорьеве. Даже в Илье, приближенном до полного слияния ней временами, Вика могла усомниться, а Мишка был всегда ней и всегда за нее. Он самый верный, может быть, он даже более верный ей человек, чем сама Домбровская себе. Она б могла себя предать при некоторых условиях. Мишка ее – никогда.

****

Опустевший "Сапфировый". Слышен даже звук кроссовок, кажется. Виктория медленно идёт от кабинета привычным путем: коридор, зал славы, лёд, вахта:

– До свидания, Виктория Робертовна.

– До свидания.

Рабочий день вытек весь, остался тихий вечер наедине с собой, своими планами, своими мыслями. Звонок Нике, обя-

зательно. Звонки сестрам и брату, возможно. Есть шанс даже почитать что-то, что не имело отношения к работе.

Первая дверь, выход на улицу. Вика почти придумала себе свободный вечер. Он был так хорош в планах, что занял все внимание.

Из темноты выступает высокий седой человек с букетом белых роз:

– Твоего звонка, я, пожалуй, не дождался бы, принцесса?

Свобода стала угнетающей. Планы на вечер спутались и почти полностью слиняли в ничто при звуках голоса. Голоса и правда со временем почти не меняются.

Вика инстинктивно делает шаг назад, не потому что узнает Владимира, а потому что любая женщина отступает при виде неожиданно выходящего из мрака мужчины.

– Бог с тобой, Тори, не настолько я страшен, чтобы от меня шарахаться.

"Он постарел", – первая мысль, которая дала себя зацепить в броуновском движении неопределяемых однозначно эмоций.

Впрочем, а что она хотела? Отцу ее ребенка уже за 60. У него внуки. Мальчик и еще мальчик. Виктория Робертовна волей-неволей, а в курсе личной жизни бывшего. Узкий мир фигурного катания. И захочешь, а не потеряешь из виду человека, которого вся семья при тренерских постах. Он по-настоящему дедушка, официально. Что осталось от того мужчины, по которому она почти 20 лет назад выплакала столько слез, чьи черты до сих пор вольно, а чаще невольно видела в своей дочке?

– Я не ожидала этой встречи,– устало произносит Домбровская.

– Я до сих пор могу удивить кое в чем,– улыбнулся мужчина.

Да, у Ники его улыбка. В освещаемой из холла ледовой арены ночи это стало болезненно очевидным.

– Володь, что тебе нужно? Столько времени прошло.

– Ты хочешь монологов на сцене?– мужчина кивает в сторону стеклянных дверей, за которыми пост охраны. Они и правда, как актеры, которые разыгрывают мизансцену.

– Я хочу домой. У меня был сложный день. И завтра будет ещё более сложный. Твое появление – не та встреча, которая улучшает вечер тяжелого дня.

Неужели все оказалось так просто? Ей нечего ему сказать. Не о чем спросить. И совершенно ничем не хочется делиться. Ни обиды. Ни злости. Ни боли. Ничего. Только усталость.

Невольно вспомнилось, как много лет назад мама, глядя утром в воспаленный взгляд уже очень беременной дочери, тихо качала головой и молчала. Мама видела, как плохо ее девочке, теряющей каждым новым днем еще кусочек веры в красот и правильность мира, где воздается по заслугам хорошим людям. А потом эта боль выгорела. И Вова превратился в неоформленный призрак человека из очень далекого прошлого. Даже дочь не особенно оживляла воспоминания. Все прошло.

Вика двинулась вниз, в сторону парковки. Мужчина последовал за ней.

– Давай я тебя подвезу домой, Тори?

– Виктория Робертовна, – с нажимом произносит женщина, – Да и к тебе я предпочитаю обращаться по отчеству. Так будет правильно. Нет! Правильно будет даже не здороваться.

Как же она сегодня устала. И почему он не уходит?

– Вика, я хочу познакомиться с дочерью!

Обухом по затылку и то менее страшно. Она смотрит на него так, словно только что услышала, что он маньяк-расчлениватель, не меньше.

– Я имею право, – бессильно говорит Владимир.

– Вообще-то, нет!

Таким голосом она отчитывает на тренировках халтурщиков.

– Нет, Вова, ты не имеешь права ни на что! Ты ей никто! Ты о ней и ничего не знаешь. Никакого права считать себя ее отцом у тебя нет! Тебя не было, когда она училась ходить, когда вставала на коньки, когда пошла в первый класс, когда получила двойку. Когда болела в конце концов! О каком праве ты говоришь?!

Это был срыв. Голос неконтролируемо повышался и звенел, наполняясь слезами. Оказывается внутри все помнилось и даже болело, ели задеть струну-воспоминание. Обида

на то, что ее оставили в двадцать пять лет в одиночку разбираться с такой большой задачей как родительство, никуда не делась.

Видит бог, Вика до самозабвения любила своего ребенка. Она сделала все, чтобы девочка выросла счастливой и ни в чем не ощутила ущемления от отсутствия папы. Но Домбровская не считала честным, что ей пришлось дополнительно прилагать усилия к тому, что могло быть просто по факту присутствия любящего отца в жизни ребенка.

– Но я ведь дал тогда денег на операцию!

– Может быть, только из-за этого я ещё с тобой разговариваю!

Ника лежала белая и почти прозрачная. Виктория металась между обвинениями самой себя, проклятием жесткому холодному льду, который лишает ее ребенка колена, и чувством полной безысходности.

Дело было не только в деньгах, сколько в том, что помимо денег нужен был врач. Единственный в России, который мог взяться за операцию и сделать ее так, что последствий практически не будет, если все сложится хорошо.

Виктория могла пробить любую стену. Любую, но только при условии, что до стены можно хотя б добраться. А тут оборона в три слоя. Время идет. По квоте что-то сделают, но это даже не полное восстановление для обычной жизни, не говоря уж про фигурное катание. Повезет, если сильно хромать не будет. Для ребенка, который осваивает каскады из двух тройных в девять лет.

Единственный раз, когда она не постеснялась и не побоялась обратиться к великой родственнице отца ее ребенка. У той были доступы к недостижимым. На просьбу ей ничего не ответили, серили долгим взглядом и отвернулись. Пришлось проглотить. Она бы и не такое проглотила ради своего ребенка. Но ведь и этой старухе девочка была не совсем чужая. Она же знала о своем родстве с малышкой.

Через два дня молчаливый человек с бесцветными глазами, пришедший в тренерскую и отдавший ей пакет с пачкой купюр и телефонным номером врача, написанным очень знакомым почерком, стал великим спасением. Входит, оба и мэтресса, и Вовочка были не настолько котами, насколько успела их обвинить в бесчувствии истерзанная мать.

На каскадах тройными, конечно, поставили жирный крест, но фигурное катание осталось в жизни Ники. Да, их дочь все еще танцует на льду именно благодаря своему, без-

различному во все остальное время к девочке, отцу. Это стоило разговора. И даже стоило того, чтобы вникнуть в его желания. Но точно не во все!

Злость пробилась сквозь усталость и затапливала со страшной скоростью:

– И убери свой букет! Я двадцать лет не могу смотреть на белые розы!

– Ты же понимаешь, что я все равно найду возможность с ней пообщаться. Соцсети все упрощают. Я всего лишь не хочу в обход тебя это делать. Тори, ну, давай по-человечески. Хочешь я тебя подвезу, куда скажешь.

Она покачала головой. У нее нет сил переживать беседы с далёким прошлым, полным боли.

– На твоей машине довезу. Нам нужно поговорить.

"А давит от так же. Мягко, но неотступно", – невольно отмечает женщина. Она всегда поддавалась этому давлению, потому что оно аккуратно миллиметр за миллиметром оттирало человека от его позиции и могло длиться сколь угодно долго, не признавая отдыха и поражения ни на мгновение.

Владимир открыл ей дверь пассажирского сидения. Сам сел за руль ее авто. По-хозяйски поправил положение кресла, зеркала и мягко тронулся с места.

Руки лежали на руле тоже по-хозяйски. Вика опустила взгляд и провалилась в любовь двадцатилетней давности, как потерявший тропинку утопает в болоте. Руки были теми же, что прижимали ее к себе, ласкали, гладили по волосам, держали за пальцы.

Ей снова было 23, ему 35. Они неслись по хайвею на ее подержанном драндулете и болтали.

Время, когда не было никого в мире. Точнее не было никакого другого мира, кроме дороги, его и ее смеха. И сотню раз повторенного: как хорошо, что ты здесь.

А еще поцелуй. Нежные, страстные, обжигающие, обещающие наслаждение, требующие его здесь и сейчас. Да-да, прямо вот тут, на обочине, тут совсем тихо и за сто лет они первые, кто заехал в это безлюдье.

Он стаскивал с нее футболку, целовал грудь, обхватывал губами сосок и сильно втягивал его, до короткого вскрика и тянущих его голову за волосы назад пальцев. Смущал своими откровенными ласками ее неопытность, учил насла-

ждаться всем многообразием телесной любви. И обязательно в конце целовал в губы, будто подтверждая свои права не только на тело любовницы, но и на ее душу и сердце.

В один из таких приездов, на одной из безлюдных дорог, после одного из танцев любви он ей рассказал, что женат. Через год, в России, он уточнит, кто его жена. А ещё через некоторое время лично согласившаяся принять кандидатку на место помощника тренера в свою школу Наталья Федоровна Ласточкина, на счет которой олимпийских чемпионов в парах было больше, кажется, чем зимних и летних олимпиад вместе взятых, популярно объяснит ей, почему тут Вике Домбровской рады не будут. И она не про свою школу, а про всю Москву. Россия большая, ехала бы ты, девочка, во Владивосток, например. Прекрасный город. Далекый.

Только в 2003, когда она вернётся из Америки с ребенком по фамилии Грин и легендой об американском отце девочки, лёд московских школ фигурного катания дрогнет. Но полностью никогда не растает. Даже сейчас. Сейчас тем более.

– Вов, почему именно сейчас?– единственный вопрос, который Вика задаёт.

– Тори, я уже не очень молод. Полгода назад у меня был инфаркт. И, знаешь, я вдруг понял, что жизнь быстро закан-

чивается. Внезапно.

Я не претендую ни на что. Ты, в конце концов, права: кто я ей – никто. Но она моя кровь и плоть. Она имеет право nasledовать за мной. Я не слишком богат, но я не нищий. Пусть будет честно – между ней и Васькой. Ты знаешь, что Вася женат, у меня уже есть внуки. И все равно не хватает чего-то правильного. Не доделал я для своих детей. Для Васьки тоже, но для нашей девочки – намного больше.

Вика усмехается:

– А золотую жену, Алену Дмитриевну, скинешь за борт? То-то будет радости у щелкоперов "Домбровская оставила без наследства Коршунову". Давненько мы в "желтую прессу" уголька не подбрасывали. Так и позабыть могут, что шлюха-Домбровская приличного мужика от прекрасной женщины и великого тренера уводила уводом, да не увела.

Мужчина смотрел вперед на дорогу:

– Она меня не простила, Тори. И я ее не виню.

– Не переживай: меня она тем более не простила. Спасибо, что не уничтожила. Могла бы при большом желании, если бы очень захотела. Так что ты мне чуть не стоил смысла

жизни, Вов. Фэйр плей в действии, кажется, проявила твоя благоверная. Даже ни одного моего ребенка не выпилила из борьбы на взлете.. Я ее уважаю... больше, чем тебя, мой рыцарь из прошлого.

Навигатор сообщил, что до места осталось 500 метров.

– Я не знаю, что тебе ответить. Ника никогда не интересовалась тем, кто ее отец. Ты, конечно, можешь попробовать влезть к ней через соцсети, но не думаю, что это того стоит. И я не знаю, готова ли я к тому, чтобы ты пришел в ее жизнь... и вернулся в мою. Даже в качестве просто отца моего ребенка.

Автомобиль, тихо шурша шинами, въехал на паркинг.

– Спасибо за услуги водителя, но ничего тебе не обещаю. Даже ещё одного разговора.

Владимир открыл водительскую дверь и, выходя, вдруг спросил:

– Тори, а у тебя кто-то есть?

Домбровская засмеялась:

– Вовка, это не твое дело, во-первых. А, во-вторых, у меня "конвейер чемпионов", ребенок и куча обязательств помимо. Я так себе подхожу для романтических отношений. Прощай, Вов.

Женщина пересела за руль, закрыла дверь, вернула зеркала и сидение на место и поехала парковаться на оплаченный пятак дома.

Вот что его никак не касалось – это ее личная жизнь. Она вообще никого не касалась, может, разве что Ники. Но даже это не точно.

****

– Мам, а Мила говорит, что ее папа латыш. А мой кто? Русский?

Вика молча чмокает Нику в макушку, но та, кажется, не ждет ответов. Ее просто распирает новыми знаниями, которые она перед сном вываливает на мать без разбора.

– А Мила говорит, что папа ушел, потому что он ее не любит и не хотел, чтоб она рождалась. А мой папа тоже не хотел, чтобы я рождалась?

Тут уж никаких сил выдерживать паузу у матери не остается:

– Да ты что, Ник! Как такое можно думать?! Твой папа очень хотел, чтобы ты была, росла, радовала меня.

– Он хороший, да?– щебечет дочка.

– Конечно, хороший, заечка,– нежно говорит Вика в самое ухо девочке.

Не всякая правда стоит того, чтобы ее произносить. Тем более не каждому.

****

Старый еврей-журналист, сожравший за жизнь намного более тертых собеседников, чем Вика, хитро щурится

– Виктория Робертовна, а вы часто врете?– журналист лучится теплом и принятием.

– Нечасто,– конкретно, но без деталей отвечает блондинка.

Но кое в чем она врет постоянно. Потому что так правиль-

но. И на удивление даже мало что смыслящей в жанре теле-интервью Виктории дошлый интервьюер оставляет тему ее лжи, не уточняя подробностей.

Там, где душа восходит к омовенью, когда вина избытая спадет

Что-то не так. Вика это чувствует, но объяснить не может.

Олимпийский каток. Мила замирает в начальной точке произвольной программы. Она летит, плывёт надо льдом. Легкая до невесомости, вся превратившаяся в героиню программы. Девушка делает все, чтобы каждый на этих трибунах не понял, а почувствовал надвигающуюся трагедию. Совершенно женская и абсолютно русская песнь любви и умирания.

Что-то не так. Это не поддается объяснению. То ли свет слишком резкий. То ли музыка слишком громкая. То ли трибуны на удивление тихие. Мила живет жизнью женщины, которой через полминуты умирать. Красивая, наивная, влюбленная и потому бесстрашная в нарушении табу и устоев.

Виктория видит, как по лицу спортсменки скатывается первая слеза. Она тоже знает, что ей, ее Миле, скоро умирать. И ничего сделать нельзя. Или можно? Женщина заку-

сывает губу, привычно поправляет выбившиеся из пучка локон.

Лед взрывается как только затихает звук проносающегося через жизнь выстрела. Крик застревает внутри. Милочка замирает в точке и как в замедленной съемке вокруг нее вздымается ледяное крошево! Осколки режут тело, вонзаясь под кожу, рассекая в кровь. А она стоит и только по губам можно прочесть: “Я сделала все, что могла...” И длинный как нож осколок влетает в поясницу. Но Мила почему-то продолжает стоять с той самой приклеенной улыбкой, которую Вика знала до болезненного хорошо, от которой хотелось заплакать, настолько она была ненастоящая. Кажется, что это ее кроваво-алое платье каплями падает на обломки льда, течет по белым ботинкам, повисает на остром крае лезвия. А Мила стоит.

И сон не заканчивается. Вика знает, что сон закончится лишь тогда, когда она добегит до Милки и утащит ее со льда. Но бежать женщина не может.

Немота, тишина. Осколок в позвоночнике. Кровь цвета сухого красного, которым после они будут отмечать победы Рады, оплакивать серебро Милы. Эта кровь, дотекая до края осколка, собирается рубином, никак не обрываясь вниз.

И падает тьма. Вика так и не просыпается, уходя из кошмара в тяжелый сон без сновидений.

Утром болит голова и в горле словно кто-то тер наждачкой. Но температуры нет. И даже насморка. И даже кашля. Просто она кричала во не, все пытаясь сорваться к своей Милке. Долго. Пока не упал мрак.

От Ильи сообщение: “Доехал спокойно. К старту готовы. Отдыхай больше. Приедем – нагоним!”

****

На утреннюю тренировку Виктория опаздывает. Не потому что она не может добраться до льда вовремя, а потому что сидит у себя в кабинете и... боится. Боится, что Леонова закусила удила и не придет.

В итоге огромным усилием поднимает себя из-за рабочего стола в кабинете. Откладывает бумажки, просматривать которые нет никакой срочной надобности. Со вздохом берет коньки и идет на лед.

Страх хорош, потому что в самой его сути есть преодоление. Если переступить через страх, даже ничего не добившись, ты уже побеждаешь, хотя бы собственный испуг. Вика

любила в себе победителя, даже проигрывая. Если сделано все, что возможно, то проигрыш не вчистую.

Женщине кажется, что лед светится. В левом углу катка Милка закрепляет с кем-то из младших перетяжки, объясняя, как добиться наилучшего ребра и работы коленом для максимального разгона. Тренирует с мелкими американское скольжение, выходит. Не зря моталась три годочка по миру, пришла с бонусами, счастливо размышляет Домбровская.

Такая улыбка тренера, задумывается Вика, выглядит совершенно неуместно? Или может сойти за радость от нового дня? А день, вероятно, будет совсем неплох.

На льду младший тренерский состав уже начал работать. Старшие фигуристы сами себя разминают по давно заученному порядку. Пробуют один за другим элемент, прыжки, вращения. Единственная, кто занята не собственной разминкой, а чем-то воспитательно-просветительским – Леонова.

Виктория шнурует коньки, время от времени поднимая взгляд и глядя за бортик, что же там происходит. И все-таки она упускает момент, когда в очередной раз, отрываясь от шнуровки, видит рядом пару ботинок и в них тоненькие ножки. Знакомые как никакие другие.

– Решила все-таки еще покататься?– сдержанно задает вопрос тренер.

– А я и не думала прекращать,– спокойно отвечает спортсменка.

Домбровская отпускает шнурок и внимательно глядит на девушку:

– Еще одна такая выходка, как вчера, и на этом льду ты кататься закончишь! Ясно?

Чего ждет Виктория? Гнева, гордого ухода в раздевалку? Да чего угодно, но не того, что происходит. Милка вдруг опускает глаза в пол и произносит тихо, но отчетливо:

– Простите, Виктория Робертовна! Я была неправа.

Ну что же... Она, кажется, и правда взрослеет. Или это только иллюзия, путь и приятная.

Девушка садится рядом с тренером, а Виктория возвращается к шнурованию ботинок. Им обеим все-таки проще, когда взгляды направлены куда угодно, но не друг на друга:

– Знаете, как я боюсь? Я никогда так не боялась! Ни на од-

ном старте, ни у врачей, когда с травмами ездила. Никогда! А вдруг это все? Все! Моя жизнь закончится в тот момент, когда я не смогу выходить на лед. Понимаете?! У Джоша я поняла, что только на льду мне хорошо.

– Разве тебе было так плохо в Штатах?– это сарказм. Вика чувствует его горечь во рту.

А вот Мила, кажется, абсолютно не слышит ничего большего, чем вопрос.

– Знаете, Виктория Робертовна, они все очень хорошие, добрые люди. И правда приняли меня. И да, там было спокойнее. Но там все не так. И... не мое, может быть. Хорошо, но не так. Мне чего-то все время не хватало. И только лед был... -на мгновение она осеклась, но продолжила – лед был похож на здешний, если закрыть глаза и не слушать ничего. А я хочу слушать. Слышать... голоса. Я хочу услышать как Михаил Александрович в тысячный раз рассказывает про правильный заход и середину конька, как Илья Сергеевич объясняет новые программы... как вы...

От неловкости этим неожиданным обнажением души Вика только и может сказать:

– Ору?

И Мила заливается счастливым хохотом. Еще смеясь, встает со скамьи:

– Да, но издалека,— и выскакивает на лед.

И уходит сразу же, без разговоров на первый разминочный круг. Домбровская присоединяется к ней в момент, когда девушка меняет ход на обратный, проверяя работу конька в простых элементах:

– Только двойные,— тренер видит, как недовольство растёт, а ход замедляется,— Или двойные сегодня, или зрительское место на трибуне в олимпийском сезоне. Ты меня услышала?

Короткий кивок головой. Ход снова растёт.

– Ты меня поняла и согласна?

Еще один короткий кивок головой.

Ну вот, можно наконец-то и другими спортсменами заниматься. Будем считать, что временная победа одержана.

****

День без верных и всегда готовых разделить бремя помощников несется с такой дикой скоростью, что кажется, часы между утренним и вечерним льдом кто-то огромный просто проглотил, не жуя. До конца тренировки еще 40 минут. Прогоны программ, поиски новых решений, отработка элементов.

Мила докатывает произвольную с упрощенным по максимуму прыжковым контентом. Все получается. По силе оттачивания понятно, что реабилитация идет своим чередом и спине намного легче. Может, все-таки можно будет на Россию выйти? Борьба за пристойные для спортсмена такого уровня и регалий места, конечно, шансов никаких, но хоть показаться. Финальная точка. Фигуристка подъезжает на разбор.

Виктория показывает грязь в дорожке, комментирует заход на лутц, недовольна двумя вращениями. А это означает только одно: с программой в целом Мила справляется.

Внезапно оторвавшись от разбора проката тренер спрашивает:

– Мил, а в показательном ты что планируешь катать?

Фигуристка пожимает плечами:

– Не знаю. Мы не готовили на этот сезон. Из старенького что-нибудь возьму.

– А, может, из новенького? На какую музыку хочешь?

– Fly из I Am Not Okay with This,– ответ быстрый, значит и сама же думала про показательный номер.

– Хорошо, а если из нашего? Сезон-то у нас, похоже, пока дальше России не движется.

Фигуристка задумывается, а потом почти подпрыгивает:

– Сейчас!– и уносится в раздевалку, возвращаясь через пару минут со смартфоном и наушниками.

– Вот это хочу!– отдает тренеру наушники и нажимает кнопку воспроизведения.

Домбровская узнает мелодию еще до первого звука голоса. Удивленно глядит на девушку и произносит только одно:

– Но... это же Аллегрова.

Хочется сказать, как ребенку: “Плюнь каку!”

– Нет, Виктория Робертовна! Это Цветаева,– отвечает Мила.

Из наушников звучит:

Я тебя отвоюю у всех земель, у всех небес,

Оттого что лес – моя колыбель, и могила – лес,

Оттого что я на земле стою – лишь одной ногой,

Оттого что я тебе спою – как никто другой.

– Мил, но почему Цветаева?– Виктория удивлена невероятно.

По мнению Домбровской, которая лет до двадцати пяти любила стихи Марины Ивановны до смазобабвенности, а потом резко и одномоментно разлюбила, Цветаева хороша в ранней юности, пока тебе безразличен уровень эмоционального безумия ее строк, пока он созвучен тебе. Как только остываешь сама, так свою прелесть теряет и такая поэзия. Со временем, впрочем, любая поэзия теряет значительную часть своей прелести. Для стихов нужна горячая душа, а воз-

раст подмораживает сердца.

– Я вам потом напишу, после тренировки. Может, и не Аллегрова, но я хочу Цветаеву!

Дети умеют удивлять. Ничего не поделаешь, придется искать какую-то Цветаеву для этой сумасбродки. Интересно, с чего вдруг такой выбор?

В 10 вечера в мессенджере появляется ответ на вопрос:

Вы счастливы? – Не скажете! Едва ли!

И лучше – пусть!

Вы слишком многих, мнится, целовали,

Отсюда грусть.

Всех героинь шекспировских трагедий

Я вижу в Вас.

Вас, юная трагическая леди,

Никто не спас!

Вы так устали повторять любовный Речитатив! Чугунный обод на руке бескровной — Красноречив! Я Вас люблю. — Как грозовая туча Над Вами — грех — За то, что Вы язвительны и жгучи И лучше всех, За то, что мы, что наши жизни — разные Во тьме дорог, За Ваши вдохновенные соблазны И темный рок, За то, что Вам, мой демон крутолобий, Скажу прости, За то, что Вас — хоть разорвись над гробом! — Уж не спасти! За эту дрожь, за то — что — неужели Мне снится сон? — За эту ироническую прелесть,

Что я — не он.

Больше не было ничего. И осталось только задумчиво смотреть на этот текст и молчать. Ну что же... Значит будет Цветаева. А девочку-то, кажется, помотало не только обидами олимпиады. Кто же тот мастер, который разбил ее Милке сердце, да так больно и на острые осколки? И почему девочкам давно так больно и горько взрослеть, черствея шрамами несбывшихся желаний?

Мы истину, похожую на ложь, должны хранить сомкнутыми устами

После горького поэтического откровения Милы Виктория Робертовна решила присмотреться к девочке серьезнее еще и с этой стороны. К тому же за бегом по сезону незаметно подошел день визита к врачу. Худоба, постигшая Леонову буквально за месяц подготовки к первому выходу на лед, прошла бы для Домбровской незамеченной, если б до этого у нее не было Али. С тех пор резко убывающие в размерах упорные девицы ей не казались чем-то хорошим.

– Мила, в час я жду тебя в своем кабинете. Мы едем к врачу,– Домбровская провожала спортсменов с утреннего льда.

– Я не понимаю, зачем мы едем к этому психиатру,– поморщилась фигуристка, даже не пытаясь понизить голос и скрыть от товарищей по команде точное направление деятельности специалиста,– чем вам штатный психолог-то не угодил?

Виктория заметила, что после вчерашнего откровения в

сообщениях Мила словно слегка отстранилась, наблюдая за реакцией тренера и не пытаясь сделать больше ни одного шага вперед. Наверное, это тоже был признак взросления. Она училась слушать чувства другого. Реагировать на сигналы и давать отношениям естественным путем расти, если им было куда расти. Или же это было просто испугом от слишком полного обнажения человеку, с которым ты еще меньше месяца назад даже словом “здравствуй” перекидывался сквозь зубы. Девочка восстанавливала дистанцию, напоминая, что она больше не тот ребенок, который жался к тренеру многие годы на тренировках, в поездках, во время сборов. Теперь и беды другие, и печали новые.

Так или иначе, но тренировка прошла в предельно собранном и спокойном режиме. Без внутреннего нерва и напряжения. Настолько хорошо, что почти хотелось не снимать девчонку со второго этапа национального первенства, а попробовать за оставшиеся пару недель усложнить контент до предела и выйти на старт. Безумие! Шапкозакидательство. Конечно, ничего такого Виктория себе не позволит. Но как же близко к реализации было желание.

И вот, после тренировки наконец-то появился тот булыжник, за который зацепилась ее коса в этом дне с Милкой:

– Пока я твой тренер, давай, я буду решать, что тебе нуж-

но для лучшего прогресса? Или ты желаешь дискуссий и обсуждения на равных?

Равноправие в “Сапфировом” не только не поощрялось, но даже наоборот – прямо запрещалось. Виктория, а с ней и вся команда, считали, что иерархия, жесткая субординация и разумное распределение прав и обязанностей – единственный путь к успеху. И, пока эта модель взаимоотношений их не подводила, менять они ничего не собирались.

За попытку лишний раз поспорить с тренерами на равных спортсмен изгонялся безжалостно с тренировки на “подумать”. И обычно после первого такого наказания рецидивов не случалось. Случались уходы. Но, как и любое авторитарное государство, демократы в нем не считались великой потерей. Пусть дискутируют с новыми тренерами. Хороших результатов от подобных дискуссий на льду пока Виктория Робертовна не видела. Из ушедших от нее никто ничего толком не добился после. Если не считать успехом первую десятку на чемпионате России. В “Сапфире” это рассматривалось в качестве успеха никогда.

Все ее мальчики, девочки, юноши и девушки, пока они здесь, в стенах спортивного комплекса, важный и ценный материал, из которого потом получатся лучшие из лучших. И не более того. По крайней мере, спортсменам иначе думать

не предлагалось, а что на самом деле было на сердцах и в мыслях тренеров, там и должно было оставаться.

****

Осень. За 10 лет до олимпиады

– Никонька, сегодня ты у меня просто умница, – мать чмокает девочку в кончик носа и легонько в губы. Настроение как мыльные пузырьки: легкое до невесомости и радужное.

Рядом крутится Милка. Вся искрящаяся в полный унисон с чувствами Вики:

– А я, а я тоже умница?! – спрашивает она, продолжая чуть подъезжать и отъезжать от тренера. Большущие глазницы смотрят с надеждой и жадной одобрения, сильнее которых сейчас нет и ничего не будет на земле. Детская жажда похвалы. Откровенная до беспринципности.

– Да, Милаха, и ты умница! – смеется Домбровская

– А где мои поцелуи?! – девочка складывает губы трубочкой и задирает голову вверх.

Нахалка, но такая очаровательная и непосредственная,

что невозможно сердиться. Со смехом Виктория чмокает ее так же, как Нику: сначала в кончик носа, потом в подставленные губы. Жизнь искрится еще ярче. И кажется, что где-то совсем рядом пролетает беззаботность детства, слегка задевая женщину своим крылом.

Этот ритуал потом закрепился на годы. В конце особенно удачных и насыщенных тренировок Милка могла подъехать к тренеру и без всякого стеснения сказать: “Где мой поцелуй?!” И практически никогда не получала отказа. Вика любила эту девочку за старательность, легкость, свет, которым некоторых особенно полно одаривает господь бог. В маленькой темноглазой девочке было очень много света. А свет – тоже дар, на нем можно многое создать и построить. Они вдвоем построили Милкину дорогу в большом спорте. На пахоте без просвета, и сиянии легкости.

И только много позже, уже под прицелами камер, Виктория сообразит, насколько неоднозначно могли бы оценить эту невинную игру посторонние, когда в ожидании оценок за чистый до сверкания прокат Мила привычно потянется к ней губами, а Виктория едва успеет заметить сложность ситуации и повернется щекой.

И тогда, кстати, Миле не пришлось ничего объяснять. Она не обиделась, по крайней мере, ничего не сказала по поводу

произошедшей ситуации, и никогда больше сама не позволяла себе в публичном пространстве намекать на это вознаграждение. А после и на тренировках все как-то естественно сошло на нет. Девочка выросла.

В предолимпийском сезоне в Виктории плескалась “Реальная любовь” произвольной Леоновой, перенесаясь в неповторимые чувства от проката ее чемпионки. И сжимая девочку в объятиях возле бортика, она сама, забыв обо всем на свете, потянулась с давно привычной похвалой к Жене... И лишь наткнувшись взглядом на яркие губы осознала, что творит. И неловко чмокнула где-то сбоку от подбородка. В тот день ритуал изжил себя и потерял свою власть над ними обеими.

****

– Одна встреча. Одна беседа. Я хочу быть уверена, что с твоим питанием все нормально!

Они идут к машине и Виктория то ли настаивает, то ли умоляет Милу не упираться.

– Да нет у меня никаких проблем с питанием! Я что не могу просто привести себя в форму, чтобы легче было прыгать и вращаться?– Леонова возмущается так, что того и гля-

ди заедет размахивающими руками тренеру по носу.

Вика заводит взгляд к небу, словно вопрошая высшие силы, за что ей такое наказание:

– Ну, считай это прогулкой!– и употребляет последний аргумент,– я нашла тебе Цветаеву. Послушаем в дороге.

Мерное ворчание мотора создает белый шум, умиротворяя спутниц. Автомобиль бежит по городским улицам. Вика нажимает воспроизведение на магнитоле в машине и салон наполняется сильным и узнаваемым голосом грузинской певицы:

А когда – когда-нибудь – как в воду

И тебя потянет – в вечный путь...

Мила сосредотачивается на мелодии представляя как широко и легко под нее будет скользить по льду. Кажется, даже не очень вслушивается в текст:

Пей вино, правь тройкой, пой у Яра,

Синеокою цыганкой будь.

Знай одно: никто тебе не пара —

И бросайся каждому на грудь.

По губам пробегает едва заметная улыбка. Значит текст тоже слышит и понимает. Что-то еще пробегает в этой улыбке. Взрослое, с пониманием сути жизни, ее ухабов.

Знай одно: (твой взгляд широк от жара,

Паруса надулись – добрый путь!)

Знай одно: что завтра будешь старой,

Остальное, доченька, – забудь.

Долго смотрит в пространство и произносит:

– Виктория Робертовна, но... это же страшные стихи.

Вика на секунду отрывается от дороги и бросает заинтересованный взгляд на девушку:

– Почему?

– Она ее как будто выбрасывает, – тихо произносит Мила.

– Или отпускает,– говорит тренер.

– Вы бы такое могли дочери сказать?

Людмила ждет ответа, но ответить, кажется, нечего. После долгого молчания Виктория произносит:

– Это не значит, что я бы была права, не сказав ей.

– И все-таки вы бы ей такого не сказали,– констатирует ее собеседница.

Да, Вика никому из своих девчонок, не то что родной дочери, никогда б не могла сказать то, что сильным голосом пропевалось в салоне. И все же, вряд ли это было бы всегда правильно.

****

Они идут по светлому больничному коридору так же, как идут из тренировочного зала ко льду перед вступлением и ото льда к КиКу после: спортсмен впереди, тренер за его спиной.

– Присядьте и подождите немного, говорит администра-

тор, указывая на места у двери.

– Но нам назначено на 14.00?– отвечает Домбровская, глядя на часы, стрелка которых отмеряет вторую минуту третьего часа.

Пожилая администратор немного недоверчиво смотрит на женщину и бросает:

– Мамаша, не переживайте! Назначено на два примут вас в два с дочкой.

За спиной, всхлипнув от сглатываемого смешка, Милка бормочет:

– Мамаша! Прикольно, я вас тоже так буду теперь звать. Можно?

– Убью, Леонова- шипит в ответ Вика, но обе понимают, что это ворчание ненастоящее. Вику не в первый раз принимают за мать спортсменов, которых она пестует. Каждый раз это становится поводом к шуткам всей команды.

Может быть, ей бы пошла многодетность. Она у мамы поздняя, четвертая, неожиданный заскребыш. Любимица всей шумной семьи инженеров Домбровских. А ей самой только

раз выпала радость почувствовать себя для кого-то всем миром, безусловным центром жизни.

Сколько ни говори о том, что спортсмены – как дети, дети – это другое. Другая любовь. Наверное, более требовательная, но и более безраздельная. И все же Милочка была близкой как своя, родная. Болезненно любимая и оберегаемая.

– Виктория Робертовна, – очередное интервью, очередной профессионально-теплый взгляд, – я желаю вам благодарных учеников!

– Так не бывает, – резко отвечает она, вспоминая болезненный уход Али и Милы.

Но иногда они возвращаются. И, бывает, даже научаются где-то вдалеке от нее признавать свою неправоту.

****

Уже полчаса Виктория смотрит в закрытую дверь, за которой Людмила беседует с врачом. И не очень понятно, узнает ли она хоть что-то из этой беседы по итогу.

В конце концов дверь распахивается и девушка, спокойно попрощавшись, выходит:

– Виктория Робертовна, Андрей Петрович просит вас зайти.

Домбровская присаживается на место пациента, как несколько дней назад: “Не дай бог привыкнуть”, – саркастически пробегает в голове мысль.

Не любит Домбровская белые стены, белые халаты и тех, кто их носит с тех пор, как сама провела почти полгода в больнице, ногу сначала вытягивали, чтобы правильно срослась, потом снова ломали, когда выяснилось, что срослась неправильно, складывали опять, опять гипсовали, ждали, когда срастется, нога не хотела. И тянулось все бесконечно. Уколы, лекарства, рентгены, таблетки, настойки, уколы, рентгены, лекарства. Какой уж там потом спорт, ходила бы. Она ходила, даже каталась. одиночкой, конечно, завязала. Нога такой нагрузки не выдержит. До тренерской работы оставалось еще пять лет. И перелет через океан. И все блага и тяготы жизни в чужой стране. И любовь. И возвращение домой.

Женщина вынырнула из ощущения дискомфорта в монолог врача так же незаметно, как из того выпала.

– Итак, Виктория Робертовна, – он запомнил ее отчество,

приятно видеть воспитанного человека,— никаких серьезных расстройств пищевого поведения у вашей подопечной я не вижу, хотя для меня дико, когда молодая девушка худеет из здорового веса лишь ради того, чтобы лучше кататься на коньках. Однако, я вижу по вашему лицу, что вы испытываете облегчение, я бы не стал раньше времени радоваться: у нее вполне серьезный невроз, и я не уверен, что вы сможете помочь ей справиться с ним.

– Почему?— женщина с удивлением смотрит на врача.

Одним движением Андрей Петрович хватает Викторию за руку и отворачивает рукав блузы, на запястье и выше один за другим белеют шрамы:

– Что это у вас?

Домбровская выдергивает руку из его ладони и резко бросает:

– Шрамы!

– Откуда?— допытывается врач.

– От верблюда! Какое ваше дело? Я не пациентка!

Это было настолько беспардонно и по-хамски, что у Вики нет никаких разумных слов. Вот тебе и хороший специалист.

– Не самое лучшее общение для девочки с серьезным неврозом тренер, которая себя режет!– говорит психиатр.

– Да вы сдурели что ли?! Я не режу себя!– возмущение женщины достигает предела.

– Откуда у вас эти шрамы?– тихо повторяет врач вопрос.

– Взрыв,– коротко бросает Виктория. Резко поднимается со стула, выдергивает из-за пояса джинсов блузу и, поворачиваясь, поднимает ее вверх, обнажая посеченную спину,– Надеюсь, мне не придется доказывать, что это все я не сама с собой сделала?– приводя одежду в порядок презрительно произносит Домбровская.

– Несчастный случай?

Она отрицательно качает головой и почти спокойно произносит:

– Чужая глупость. Очень давно. Больше 20 лет назад.

– Последствия есть?– задает вопрос врач, переходя на бо-

лее деловитый тон.

– Шрамы от осколков по всему телу,– неопределенно пожимает плечами блондинка.

– ОКР? Панические атаки? Перепады настроения?

На все вопросы она только отрицательно качает головой.

– Бессонница? Кошмары?– врач вглядывается в мельчайшие изменения на лице, на котором без желания хозяйки ничего не прочитаеть.

– Доктор, не переживайте, я вполне себе адаптированный в социуме человек. Живущий полной жизнью,– едва заметно улыбается Вика.

– Может, вам прописать успокоительное. Легкое, чтобы проще было расслабиться перед сном?

– Андрей Петрович, у меня нет проблем с засыпанием.

– А с пробуждением?– задает вопрос в лоб врач.

– Я справляюсь.

– Хорошо, Виктория Робертовна, следите за своей подопечной. Я ей прописал некоторые лекарства, ничего серьезного, скорее общая поддержка. И еще... у вашей девушки какая-то затяжная влюбленность. Не патология само по себе, но на фоне общего стресса и сложного психологического состояния, по возможности, следите, чтобы ее не добила эта односторонняя любовь.

Об этом Вика и без эскулапа догадалась. А только толку-то?! Безответная влюбленность, наверное, оставшаяся за океаном. В чем-то поэтому безопасная.

– Я попробую, доктор,– серьезно ответила тренер.– До свидания.

– Да, я тоже надеюсь, что лично вы ко мне еще заглянете,– попрощался весьма своеобразно психиатр.

И в ответ лишь увидел, как отрицательно качнулась светлая голова. Еще одного визита женщина точно в этот кабинет не планировала.

Ты – господин, чья власть мне всех дороже

Как только Вика оставила Леонову в холле “Сапфирового” и закружилась дальше по своим необлагаемым ничем делам, посыпались сообщения и с первого этапа национального кубка. Наперебой коллеги сообщали о результате, посмеиваясь друг над другом и над ней, тянущей за троих ляжку брошенной дома.

Маша, выиграла. Хоть Миша с Ильей наперебой фыркали в сообщениях по поводу ошибок, а сама Вика понимала, что конкурентов у Максимовой на этапе в Муроме просто не было, но от мысли о таком начале сезона на душе стало легче.

Сегодня день, когда немного выдыхаешь. Лишь чуть-чуть. Милин вес не был проблемой сам по себе, хотя, конечно, невроз, тоже не обещает ничего хорошего, а уж все эти непонятные девичьи страдания по безразличному и далекому – и подавно дорога к массе глупостей. И все же... не анорексия. Значит история не повторяется, как минимум не настолько точно, чтобы искать в случайных совпадениях общий вектор

движения судьбы.

Мария выиграла свой этап. Завтра стартует Настя по юниорам. За ее программу, сложную даже на взрослом уровне, не говоря уж про юниоров, как ни странно Виктория не боялась, за психику слегка опасалась, но тоже верила и надеялась на поддержку Михаила и Ильи. И даже вечерняя тренировка принесла какое-то облегчение своей простотой и обыденной рабочей напряженностью.

В конце этого дня повезло еще раз: ни одной пробки по пути домой. Ну, разве это не удача? Доехать в Москве без пробок домой вечером. Да уж, боженька сегодня точно на ее стороне.

В прихожей горел свет. И это еще можно было бы списать на собственную невнимательность и забывчивость в мелочах, но... запах жареного мяса никак сам по себе не мог оказаться в ее пустом жилище.

“Не к добру эти походы по психиатрам! Кто его знает, может, безумие все же заразно и передается контактным путем, например, через рукопожатие?”-

Развитие теория заразных психиатрических рукопожатий получить не успела, так как из кухни показался... Илья.

– Ты что здесь делаешь? Еще два дня кубка?– изумилась Виктория,– Что-то случилось?– начала беспокоиться она.

– Угомонись, женщина! Все хорошо. У меня выходная ночь. Мишка отпустил меня на побывку к любимой. В четыре утра улечу назад. Завтра буду как штык за бортиком отчитывать Настену,– он улыбался, глядя на нее так, будто не видел минимум год, и все это время боялся забыть, как она выглядит, а сейчас сверял воспоминания с тем, что было перед глазами. И реальность радовала больше, чем сохраненный образ..

– Но зачем?– женщина смотрела на него с искренним непониманием,– ты же замучаешься. Всего два дня можно было и потерпеть.

Ландау помог ей снять пальто, посадил на банкетку и начал стягивать сапоги.

– Я соскучился по твоим ногам,– передвинул руки выше,– бедрам,– еще выше...

Голос стал глубже сполз в обертонах до полной интимности:

– Грудь... Шею,— долгий страстный поцелуй в место, где дрожит пульсом жилка.

– Я скучал по тебе, Эр,— его губы вбирают ее губы, руки за бедра стаскивают с банкетки и утягивают на пол... прямо у входной двери.

Первый сладкий вздох-стон, когда он сажает ее на себя, плотно прижимая ее бедра к своим. Только джинсовая ткань их брюк мешает абсолютному слиянию. Второй, когда его руки втягивают из-за пояса ее блузу и устремляются вверх, пробираясь под белье к острым соскам.

– Слишком много одежды,— бормочет она ему в висок.

– Однозначно!

Блузка летит в сторону, застежка бюстгалтера раскрывается:

– Не здесь,— произносит мужчина. Ссаживает полуобнаженную даму с коленей и, поднявшись, тут же подхватывает ее на руки:— Но сейчас!

Глаза темные от страсти следят за тем, как туманится ее взгляд, подергиваясь поволокой желания и томления. Горя-

чо, сладко и нежно, будто и правда расстались давным-давно и ждали встречи невозможно долго.

В ее первом низком стоне радость соединения. В его коротком частом дыхании стремление поймать волшебство наслаждения и подарить ей его все, целиком, чтобы эта кожа под его ладонями превратилась в шелк и бархат, чтобы каждая мышца пела под его прикосновениями, чтобы, когда она поднимала веки, он видел в них только туман вожеления в расширенных зрачках. Никаких компромиссов.

Два тела сплетаются в поисках самого естественного и самого сложного откровения жизни, чтобы, держа друг друга и подгоняя к новым вершинам, оказаться вместе где-то там, где закончилось бытие и началась бесконечность ощущения.

****

– И все-таки, почему ты внезапно здесь?– спрашивает Вика, лежа поперек мужского живота и проводя тонким пальцем по ребрам.

– Представляешь,– Илья жмурится от ее нежных ленивых прикосновений,– я нашел самую вкусную кондитерскую в России и не мог позволить, чтобы ты не попробовала их торт “Три шоколада”. На кухне ждет тебя.

Женщина тихо смеется, утыкаясь ему в солнечное сплетение.

– Уважительная причина, чтобы пять часов тащиться из Мурома в Москву, конечно.

– Конечно! Стремиться из Мурома в Москву – это вообще здоровое желание!– деланно дуется Илья,– Не могу без тебя долго! Ты как наркотик: чем дольше рядом, тем больше надо!

– Получается,– сбила я тебя с пути истинного на том Московском этапе,– хохочет Домбровская уже в полный голос.

– И нечего себе мои заслуги присваивать!– возмущается молодой человек,– я осаждал крепость и взял ее штурмом!

****

Москва. Полгода после олимпиады

Как они только вообще доволокли всех этих медведей, пакеты, цветы до съемной однушки Рады и не надорвались? Ландау садится за руль своего авто, в голове едва теплится единственная полумертвая мысль: спать. И тут взгляд падает

на белый пластиковый прямоугольник. Вот тебе и раз! Со-
всем вылетело из головы! Утром в беготне и суете, когда он в
очередной раз где-то в карманах потерял пропуск, Виктория
сунула ему свой, велев заканчивать и догонять их скорее. И
уехала за Радой. Зная ее привычку приезжать на работу пер-
вой, пожалуй, не стоит откладывать на завтра возвращение
карточки.

Одиннадцатый час. Даже звонить неудобно женщине, ко-
торая встает чуть свет, ненавидя ранние пробуждения. Он
скидывает сообщение. Если ответит, едет к ней. Нет. Значит
придется завтра раньше выбраться на работу.

Ответ быстрый и короткий:

– Поезжай домой. Завтра разберемся.

Но домой уже расхотелось. Хотелось приключения. Илья
выворачивает руль и мчится по адресу, который находится в
противоположном конце от его собственного дома. Не наде-
ется ни на что, даже на то, что застанет коллегу бодрствующей.
Лишь по светящимся окнам, убеждается, что еще есть
шанс небесплезно потратить время на дорогу.

Она ему открыла. И стало ясно, что собранность и внеш-
няя бодрость сегодня в течение дня не прошли даром. Блед-

ное лицо с припухшими веками выдало большой секрет ледяной женщины. Она плакала. И, похоже, эти вечерние одинокие слезы стали обыденностью за последнее время.

– Не стоило. Отдал бы завтра,– говорит она чуть севшим от слез голосом.

Этот хрипловатый голос выбивает почву у мужчины из-под ног. Раз и навсегда он влюбился в ее осевший от плача голос. И знал, что теперь любовь к усталому голосу с подтоном простой женской слабости с ним навсегда. Илья стоит в дверях и тупит со страшной силой, потому что сказать нечего, а уйти он не может.

Пауза тянется, становясь откровенно неприличной. Вика молчит. Смотрит на него покрасневшими глазами. И не делает ничего.

Все, что в конце концов приходит в голову Илье, взять ее лицо в ладони и прижаться губами к губам. И пропасть второй раз, поняв, насколько они мягкие и податливые каждой его атаке. Губы и голос. Он теперь никогда не будет смотреть на нее как на коллегу, старшего товарища, тем более начальника.

Так они и стоят на пороге. Он держит ее лицо в ладонях

и целует губы, которые ему отвечают, хотя ее руки по-прежнему даже не пытаются его обнять. И лишь в момент, когда молодой человек останавливается, женщина притягивает его ближе, буквально затаскивая в квартиру.

И дальше снова тишина. Губы, руки, горячее дыхание. Не прекращая поцелуев, скорее от страха, что внезапная слабость Вики кончится, чем от непреодолимого желания, которого тоже хватило бы на десяток влюбленных, Ландау снимает пальто, сбрасывает ботинки, подхватывает ее на руки и произносит только одно слово:

– Куда?

Дверь спальни захлопывается, все слова остаются за ней. Он вряд ли толком что-то видит, тем более понимает, что творит. Чувствами, мыслями, всеми желаниями Илья лишь тонет в этой женщине. Обтекается ее телом, растворяется в ней, превращаясь весь в мимолетное забвение для нее. Ни на что не претендует и ничего не ждет.

Тем большим диссонансом звучит в конце ее тихое “спасибо”, будто он совершил какой-то поступок требующий этой самой благодарности. И все, что ему остается, молча притянуть тонкое теплое тело к себе в темноте и не давать отползти на край кровати, восстанавливая расстояние между

ними. Хотя б до утра. “Пока день не разлучит нас”, – думает мужчина прижимая хрупкую фигурку к груди.

И даже здесь, не чтит ключей верховных, тебе врученных в радостные дни

Илья укатил “воспитывать Настеньку” в Муром, а Вика осталась держать оборону дома. Ничего особенного, если не считать маленького безумия, на которое они решились в ночи. Непросто затевать небольшие победоносные войны на чужой территории, но иногда приходится.

Как говорится, вы в нас плюнете, мы вас зальем! Война начатая одним коротким посланием в соцсетях, запущенным Ильей через личные аккаунты, тут же набрала силу и покатила девятым валом, сшибая на пути всех, нечаянно попавших под удар. Новостные ленты онлайн-порталов, и ладно бы только спортивных, запестрели заголовками “На линии огня: между Домбровской и Канунниковым”, “Новые трофеи “Льда и пламени”. Рада уже была не рада, каков каламбур, своему разрешению публиковать скриншоты короткой переписки с менеджером и по совместительству супругой бывшего чемпиона и начинающего тренера.

Особенная ирония ситуации состояла в том, что не более

пяти лет назад у Вики и Сергея Канунникова были настолько хорошие отношения, что шли упорные слухи об открытии совместного проекта, а особенно веселые СМИ не стеснялись подозревать чемпиона и тренера в интимных отношениях. Безусловно, наличие зубастой в десять рядов, как акула, супруги Канунникова Елизаветы Романовны Белозеровой никого не смущало.

Вика привычно ухмыльнулась: доведись ей и правда закрутить роман с Сергеем, ее бы очень смущала ЛизРоманна, эта руки-ноги переломает, светлу головушку колышком пробьет и не почешется.

Белозерова по таким головам прошла в свое время, чтобы закрепиться в шоу-бизнесе, что переходить ей дорогу в столь малопчтенном деле как попытка свести со двора четвертого, между прочим, и самого бесперспективного в плане продвижения супруга, было делом гиблым. Богатая Лиза взяла себе Сережу, что называется “для души”, а не для дела, как предыдущих трех супругов, поэтому следила за ним ревностно.

В общем, Вика и не претендовала. После пути разошлись, когда стало понятно, что сойтись в одну дорогу им не удастся. И это тоже было нормально. Вот крысятничать на ее деланке, выбирая из ее лукошка спортсменов получше и зама-

нивая в собственную корзину, было нехорошо. Такого Вика не любила. Не то, чтобы сама никогда не практиковала, но любить не любила. Свое женщина берегла пуще глаза.

А еще она не любила, когда во взрослые разборки втравливали детей, ее детей – тем более.

В девичьей раздевалке, через которую Виктория ежедневно выходила на лёд многие годы, сегодня висела нездоровая тишина, замешанная на напряжении и, похоже, страхе. Только шуршание одежды, короткие приветствия, редкий стук нечаянно уроненного инвентаря.

Тренер шла через эту нездоровую тишину в надежде, что кто-то нарушит обет молчания. Уже при выходе на лёд в спину ей раздался голос Янины Макаровой, светловолосой, гибкой как тонкая ветка тринадцатилетней юниорки, покоряющей большой спорт:

– Виктория Робертовна, это война?

Время поговорить пришло. Но со всеми и одновременно.

– Обсудим перед тренировкой. Жду всех на льду, – повернулась лицом к девчонкам, и произнесла бессильную мантрическую фразу, – Все будет хорошо, девочки!

****

Они пили чай с тортом, который Илья и правда притащил из самого Мурома. Торт действительно был безумно вкусным, таял во рту каждой крошкой.

– Слушай, Эр. У нас проблема,– наконец сказал Ландау,– нужно отбиваться.

– Ты о чем?– недоуменно произнесла Виктория.

– Маше вчера пришло предложение уже напрямую. А ее родителей обрабатывают последние четыре месяца.

Чье было предложение и что в нем говорилось спрашивать не имело смысла. Пока в этой битве они проигрывали. С разгромным счётом. ЛизРоманна знала свое дело туго, так что атаковала по привычке дерзко и сильно.

– Ну и что мы с этим можем сделать, Илюш?– тяжёлый вздох,– Они работают по правилам большого шоу-бизнеса. А мы – тренеры, а не директора, продюсеры или промоушен-студии. Мы своим спортсменам не сможем предложить ничего из того, что предлагает “Лед и Пламень”. И не должны. И не будем! А менять наставников все в своем праве.

– Но сделать шоу и расставить акценты мы сможем,— внешне прищуривается Илья.

Ландау был человеком творческим, не даром его в свое время заметил Макс. Собственно, Вике он его “подарил” потому, что не нуждался пока в помощниках, и не хотел вырастить себе своими же руками конкурента в части режиссуры ледовых шоу.

– В каком смысле?— женщина внимательно и несколько с подозрением глядит на хитрую физиономию хореографа.

– Хайп – дело благородное, Эр. Пришло наше время маленького скандала.

Ещё через 15 минут появилась первая запись в самом крупном сообществе о фигурном катании. А оттуда информация со скоростью звука полетела по сетям, всколыхнув спортивный мир интернета меньше чем за час. И волной в 9 баллов неслась вкруговую, чтобы в итоге прилететь в спину тренерам "Сапфириного" сегодняшней тишиной в раздевалке.

Новостные ленты Вика посмотрела ещё ночью. Никто не обошел вниманием вопрос перехода спортсменов от тренер-

ского штаба "Сапфирового" в "Лед и Пламень".

Парадокс был в том, что оружие в руки Илье вложил сам Канунников, слишком хотевший быть чистым до полной белизны, как следствие всеми силами отрекшись от того, что спортсмены уходят от Домбровской по личному приглашению. У них фэйр-плей. Он – спортсмен. Никаких предложений и переманиваний и наущничества над неокрепшими душами. Вот и поплатился

"Одна неаккуратная фраза, Сергей Вадимович! Только одна. И Илюха поймал тебя за язык", – мстительно думала про себя Домбровская.

Историю подогревали обе враждующие стороны. Домбровская, а больше Ландау открыто называли руководство "ЛиП" мелкими воришками. Не такими уж и мелкими, если вдуматься: утащить чемпионку страны и чемпионку юношеского финала большого кубка фигурного катания. Это потеря.

Со своей стороны супружеская чета Канунниковых делала большие глаза и повторяла, что никакого воровства не было. Никто никому ничего не предлагал и никуда не сманивал.

Пост со скринами Рады дополнила только одна фраза:

“Вот так никого и не сманивают”!

Была ли тренер "Сапфирового" против переходов спортсменов от тренера к тренеру? Признаться честно – была, если речь шла о ее спортсменах. Понимала ли она, что это неизбежная часть ее профессии? Конечно, понимала. Уходили ли ее ученики раньше, хотя она возлагала на них большие надежды? Само собой. И если она чувствовала внутреннюю связь с теми, кто уходил, то это было больно. Она прирастала к ним и отрывалась каждый раз с кожей. Но это тоже была часть ее работы. И эта боль тоже.

Все, что происходило сейчас, выходило за рамки обычной боли. Это был рейдерский захват с последующим разорением того, что она создавала в каждой своей девочке, каждом парне. И возможности что-то поменять у нее не было. Нельзя запретить спортсмену уходить от одного тренера и приходить к другому. Даже в ущерб самим спортсменам. Оставалось только бессильно наблюдать за тем, как умирает в ее (навсегда ее) творениях тот огонь, который она в них зажигала.

****

Яна молча поднялась со скамейки раздевалки и, стуча чехлами, закрывающими лезвия, подошла к тренеру и протя-

нула свой смартфон. На светящемся экране был текст, описывающий прелести работы в дружной команде "Льда и Пламени":

– Настиной маме тоже звонили, Виктория Робертовна.

– Обсудим всё на льду, девочки,– спокойно произнесла женщина. И покинула раздевалку

****

Детям нельзя врать о возможностях, силах, раскладах, потому что однажды сказанная благодушная ложь вернётся тебе их же претензией и требованием ответить за каждое слово.

"Я сделала все, чтобы подняться на верхнюю ступень пьедестала, а вы сделали все, чтобы поднялась Рада". Дети жестоки, когда говорят правду. Даже если это только их правда, а истина глубже и сложнее.

Мила сидит на скамье рядом с калиткой и что-то внимательно просматривает в телефоне.

Проходя мимо, Виктория проводит ладонью по макушке девушки, та не отрываясь от экрана произносит:

– Не могу сидеть в раздевалке. Они только и говорят, что о новостях! Не хочу больше слышать про войны в интернетах. У меня впервые за два года так тихо в Инстаграме и мне всего пару раз в сутки в личку пишут, что я мерзкая крыса-предательница, прославшая все ради Штатовских плюшек, а теперь вернувшаяся, поджав хвост.

Девичий голос задрожал. "Здравствуй тебе, наш любимы невроз", – отмечает Домбровская.

– Поклонники наши добры и радушны, – усмехнулась Виктория, – Попроси Раду как-нибудь показать ее комментарии и личку. Соберёте хейтерское бинго за 30 секунд.

Мила грустно вздохнула. Аукалась и аукалась им обеим тот проклятуший старт всей жизни, победить на котором могла только одна из двоих. Вот такая несправедливость. Хотят многие, а место всегда одно. Подиум большой, а место – одно. Все остальное – утешительный приз.

– Виктория Робертовна, а вы за сколько собираете хейт-бинго?

Тренер засмеялась, потрепала девушку по плечу и пошла на свое место. Что она могла сказать: "Слава богу, только

комментарии, а не дубинкой по затылку"? Так себе утешение для вчерашнего ребенка. Рассказывать, как ей пишут, что навели порчу на ее ребенка или ехидничают, что дочь станет инвалидом из-за материнских амбиций, или обещают встретить Вику и облить серной кислотой, или... Ох, сколько же у нее этого "или" пылится по личным сообщениям и открытым комментариям собственных аккаунтов, а уж что творится на публичных площадках... О последнем лучше не думать вовсе

– Давай на лёд! Разминайся и посмотрим, как произвольная будет ложиться, когда-то же надо начать прыгать,– говорит Домбровская.

Каток заполнялся спортсменами. Первые перетяжки этого утра, первые ласточки, отработка конька.

Но вот они закончили и подъехали получать задания. Время пришло для большого разговора.

Домбровская перешла со своего места за бортиком на лёд. Пока ещё даже без коньков. Мальчики и девочки обступили ее, наблюдая за каждым жестом. Ее банда. Ее люди. Ее ученики.

– Сегодня мы начнем занятие с пятиминутки общей

информации. Кое-кому из вас уже приходили заманчивые предложения о смене школы. Я хочу, чтобы вы обязательно рассказывали об этом родителям и, если захотите, то кому-то из нас – мне, Илье Сергеевичу или Михаилу Александровичу. Без вашего разрешения и разрешения ваших родителей мы никогда не допустим попадания в средства массовой информации того, что вы расскажете. Хочу сказать отдельно, что любой из вас, если захочет, может принять предложение, которое вам сделают, но прошу перед этим задуматься: что вас толкает на эту смену, верите ли вы, что сможете добиться большего в другом месте. И подумать, чего вы можете лишиться.

Виктория смотрит на серьезные лица и внимательные взгляды:

– Все, что вы будут видеть в интернете – это не ваши заботы. Вы доказываете все, что можете только одним способом – на льду! Я рассчитываю не увидеть ваших комментариев любого рода в обсуждениях. Поддерживайте нашу школу своими победами. Это ваш, неоценимый, вклад.

На льду молчание. Дети обдумывают то, что только что услышали. И вдруг Витя Осадчий, отъезжая от общей группы, говорит:

– Мы принимаем бой!

И под общий хохот заходит на тройной флип. Смешной, маленький, только неделю назад отметивший первый юбилей. Они с Витькой еще одной крови, крови полной фигурного катания. Будет ли так всегда?

Домбровская смеётся вместе со всеми, глядя на очаровательного мальчишку, который уже третий год режет лед “Сапфирового” под ее бдящим оком, и подытоживает:

– Осадчий, хочешь показательные под саундтрек из "Маугли"?

– Нет, Виктория Робертовна, кричит из противоположного конца катка мальчик, – мне нравятся мои программы.

Ну вот и все... Работаем дальше!

И здесь она, чуждаясь всех, осела со слугами, гаданьям предана

Мечта любого тренера, в каком бы виде спорта он ни работал, выращивать спортсменов и заниматься только этим и больше ничем. Реальность же системно показывает задорный кукиш мечтам, требуя то и дело погружаться в такие дебри политики и дипломатии внеледовой спортивной, а еще чаще неспортивной жизни, что только диву даешься, когда при всем этом разнообразии побочной деятельности еще и прямой работой заниматься.

Брошенная в интернет кость о переманивании спортсменов внезапно аукулнлась с той стороны, с которой ждать не ждали, а точнее приветом от руководства “Самоцветов”.

– Слушай, ну, это же бесстыдство!

Ландау ходил по кабинету Вики и уже по третьему кругу заходил на одну и ту же тему:

– Они ее даже не позвали! Ахмедов совсем что ли с ума сошел?

Разговор возник из-за светского мероприятия, на которое по доброй воле сама Вика никогда б не пошла и никого не позвала, но Илюха прав, тот факт, что на юбилей школы не позвали самую титулованную спортсменку этой школы, был,

иначе и не скажешь, бесстыдством. А по сути, конечно, показательным выступлением от руководства.

– Илюш, я согласна, что это несправедливо,– в третий раз повторила свою мысль на новый лад Домбровская,– но сейчас-то уже что сделаешь? Ты предлагаешь мне лично сходить и попросить приглашение для нее?

– Ну, вообще-то, идея не хуже прочих,– остановился наконец Ландау.

“Наконец-то!”– подумала с облегчением Виктория, а то от этого челночного мотания мужского тела туда сюда мимо ее стола, ей казалось сейчас начнется морская болезнь.

– Он тебе за Леонову же должен чем-то расплатиться? Вот и пусть сделает маленькое доброе дело. Вспомнит о нашей общей радости-Раде. Хотя это ты же ему услугу окажешь, если напомнишь, благодаря кому “Самоцветы” все же на слуху и к не получил с Радки свои административные плюшки? Ну вот ответь мне!

Мужчина плюхнулся на стул напротив Вики и перегнулся, приблизив к ней лицо:

– Попросишь?

Блондинка откинулась в кресле, вытянув длинные ноги вперед, зацепив кроссовком лодыжку мужчины:

– Нет, Илюш, не попрошу,– спокойно ответила она.

– Милочку опять оберегаешь?! На приветственные речи же никто не претендует!– вздернулся Ландау.

“Понеслось”,– только вздохнула про себя Виктория.

Илья питал к их самой популярной и титулованной ученице крепкую привязанность, которую испытываешь к первенцам. Впрочем, не стоит сбрасывать со счетов, что сейчас он уже видел в ней и молодую красивую девушку, которую хотелось опекать чисто по-мужски, но вот это состояние “моего обижают” в каждом педагоге сильно. Особенно, когда речь идет о тех, к кому привязан больше и острее: первых, душевно совпавших с тобой, лучше всех принимающих твои идеи. В Раде для Ильи совпало многое, что сейчас будоражило его и требовало срочных действий.

– Тогда я сам пойду!– вскипел хореограф.

– Сходить ты, конечно, можешь, но во-первых, ты ничего не получишь от этого похода; а, во-вторых, ты Раду-то спроси, она хочет прийти? Тем более на таких условиях, когда за нее кто-то просит? Не забывай, чемпионка у нас девушка гордая, со своими представлениями о правильном и неправильном.

Вика повела носком кроссовка, поглаживая ногу молодого человека, без лишних слов призывая, умерить гнев и общий накал и подключить здравый смысл.

– Да откуда ей знать эти подробности?!– Илья словно нарочно опустил замечание о том, что никто его просьбу не удовлетворит.

– А откуда у нас желтая пресса узнает о том, о чем и знать-то не должна? Найдутся добрые люди, расскажут. Ну, это если, внезапно, будет, о чем рассказать, что вряд ли.

– Да с чего ты взяла, что приглашения не будет?– удивился Ландау.

– Потому что его нет,– Домбровская стукнула кончиками пальцев по столу,– Ты же не думаешь, что администрация могла забыть всерьез о том, что из их стен вышла чемпионка всего и вся?! Заметь, это при том, что они помнят о Милке, которая ровно в той же мясорубке провернулась в тот же фарш, и зовут последнюю чуть ли не главной звездой и почетным гостем. Значит, Радочка у нас нынче официально персонa нон-грата. И нас с тобой слушать никто не будет. Тем более нас с тобой,– неожиданно уточнила женщина.

– Это еще почему?– удивился Ланди.

– Потому что это мы запустили шум на весь интернет про предложение от “Липочек”,– спокойно сказала Домбровская.

Так она же отказалась?!– он и правда не понимает, в чем проблема.

– Хайп, Илюша, дело, конечно, благородное, но с эффектом бумеранга. Ахмедов не дурак, но ревнив и самолюбив, а Рада, очевидно, не сразу послала подальше конкурентов, раздумывала. А его, Ахмедова, она послала конкретно, да еще и с помощью масс-медиа, и никого не спросила,– тонко улыбнулась Виктория.

– Так это ж была твоя идея. Интервью. Ты же сама гендира через Макса просила?– стало совсем непонятно.

– На моем месте, Илюх, и ты интриговать научишься. Тем

более к моим годам. И даже без моего бэкграунда,— женщина легонько похлопала хореографа по руке и, меняя тему, сказала,— я голодная, пошли пообедаем.

Вика говорила правду психиатру, когда объясняла, что учится на своих ошибках. С Алей ошибка была не только в том, что касалось здоровья, но и в том, что закрутилось после ее ухода вокруг ребенка. Девушку рвали в разные стороны журналисты, федерация фигурного катания, а более всего дражайшая некогда родная для ребенка школа.

Ахмедов рвал и метал в буквальном смысле, чуть ли не требуя силком притащить на лед фигуристку, которая уже всю каталась не только на другом катке у другого тренера, а в нескольких тысячах километров, в далеком сибирском городке. У Карена Магометовича летели под откос почти реальные контракты и общие договоренности с правильными людьми на правильные деньги на развитие, завязанные на имени спортсменки.

И что же это получается? Укатила не понять куда, а стало быть и деньги укатали следом. Да даже если и не следом, главное, что “Самоцветам” они точно не достаются. В общем, подайте Алечку сюда и пусть трудится. А любую информацию в СМИ можно откатить назад, объяснив, что “все ошиблись”.

Если бы не характер самой Извицкой, которая могла не только послать, несмотря на нежный возраст, но еще и настоять на том, чтобы даже самые упорные последовали обо-

значенной дорогой, Ахмедов бы решил свои проблемы Алькиной кровью. Впрочем немало способствовал и новый тренер Алевтины, так защищавший свою спортсменку, что только диву дашься. При этом, конечно, светлый во всех смыслах образ Вики стал гораздо менее светлым, а точнее в устах Ивана Балабанова, серебряного призера олимпийских игр, неоднократного чемпиона мира, несчетнократного чемпиона России, тренер Домбровская превратилась в ведьму, пожирающую младенцев. Зато вопрос с возможным возвращением Али был закрыт. Пообижавшись на борзого коллегу пару дней, Виктория Робертовна пришла к выводу, что Ванька нашел весьма годный способ закрыть тему. Ей осталось только подтвердить, что никакое возвращение невозможно. А Карену Магометовичу принять болезненный удар по планам на государственные и частные деньги.

Милкины покровители, наделавшие много бед, как полагала Домбровская, в одном оказались мастерами – Ахмедова они не обидели, федерации угодили, официально Мила осталась под тем же крылом, под которым была, физически же укатила в дальние дали, но это как раз могло волновать только Викторию, остальным было до лампочки Ильича.

Раде, измученной не только ведрами помоев, лившимися на нее после победы, но сверх того необходимостью отрабатывать за двоих присутственные мероприятия, была оказана “честь” стать лицом всего и вся. В момент, когда стало очевидно, что ребенок не вынесет больше игр в спорт и по-

литику одновременно, Домбровской пришлось крепко задуматься, кто прикроет единственное дитя, что осталось под ее крылом после побед. Выходило, никто, кроме нее.

Партия “спортсмен уходит на заслуженный отдых” была сыграна грубовато, но цели своей достигла: никаких возможностей сказать, что Цагар неправильно поняли, короткое но яркое выступление в прайм-тайм не оставило. Конечно, руководитель “Самоцветов Москвы” не только догадался, ради чего сделан ход конем, но и затаил.

Вероятно, и на Домбровскую тоже был зол, но она полезная единица. Радка стала единицей бесполезной, так что ее можно было пинать, игнорировать, “опускать” и обижать. И сейчас всего лишь еще один мелкий укус, еще одна попытка сравнить, между прочим вернувшуюся Милу и невозвращающуюся под царственное крыло Раду.

Вика понимала лишь одно во всей этой кутерьме: надо выждать, молчать, терпеть. Время все как-то расставит по местам. Может быть, расставляет прямо сейчас, пока Илья бегаёт кругами и возмущается несправедливостью и неблагодарностью руководства.

– Э, погоди! А что мне сказать Раде-то?– озадачивается Ландау.

– Понятия не имею. Скажи, что мы не верим в ее упорную учебу, коллоквиумы и зачеты, ссылаясь на которые она прогуливает тренировки, у нее номера совсем не готовы, и речь даже не о том, что она прыгать давно разучилась,– жен-

щина весело усмехается, отлично представляя себе форму своей бывшей спортсменки, которая уже вторую неделю на катке появляется, что ясно солнышко, хотя заявлена во все выступления весеннего шоу Домбровской.— Ну, или в кино ее позови. Это точно интереснее и лучше официального мероприятия. Я бы выбрала кино, если б у меня был выбор.

— Эр, а давай я тебя приглашу в кино, а Рада пусть идет со своим хоккеистом или кто там у нее?— Илья, приобнимает свою даму за талию, когда она выходит из-за рабочего стола.

— Вроде футболист,— силится вспомнить Виктория,— не знаю, забыла.

— Да хоть шахматист! Девушка, разрешите пригласить вас в кино?— он держит ее за талию, продолжая сидеть на стуле, и смотрит смешливым взглядом снизу вверх.

И тут, чуть скрипнув, открывается дверь. Вика дергается в сторону, но вырваться из объятий Ильи просто не успевает.

— Готовимся тренировать пары? Оригинальная поддержка, Илюх,— Григорьев про себя откровенно ржет, видя смущенные лица коллег,— вы б хоть запирались, если решили обниматься, а то, что потом детям врать будете, когда кто-нибудь ввалится сюда без спроса?

— Дурак ты, Медведь, и шутки у тебя дурацкие,— неоригинально огрызается Ландау, пока Вика тихо чертыхается, коря себя за несвоевременную расслабленность и неосторожность.

— Я не дурак, потому что, в отличие от вас планирую идти

обедать, а не питаться святым духом и любовью,— заявляет Григорьев.

– Мы тоже шли обедать,— соглашается женщина.

– Так я заметил,— фыркает Михаил,— вот зову присоединиться ко мне, а не жевать в тоскливом одиночестве.

Тренировать пары, конечно, шутка забавная и... нет. Она не будет тренировать пары, а вот Илья мог бы и почаще ставить для дуэтов.

****

Вечер предыдущего дня

– Какая интересная программа!– Вика глядит в планшет с заметками Ильи, лежа на его плече. Фоном мерно бормочет фильм выведенный на экран ТВ,— Вот тут можно еще поддержку. Она тычет пальчиком примерно в центр записей.

– Можно, но из этого вращения трудно... Ну-ка иди сюда.

Илья перехватывает ее в центре комнаты так, как партнер после выхода из парного вращения держал бы партнершу и пробует первый вариант захвата на поддержку. Нет, неудобно, перехватывается иначе:

– Слушай, а ты могла бы выйти вверх с опорой на одну руку?

Он поворачивается, показывает женщине, как упереться в него, и они пробуют имитировать вход в поддержку. Ни ростом, ни физической формой пара кружащаяся на полу ни-

как не соответствует никаким нормам и правилам, и все же они дуэт, не только в работе, не только в постели, просто дуэт, как два инструмента создающие общую мелодию. Пара в исконном значении, когда один без другого интересен, но что-то теряет, а в общности получается законченная композиция.

Вика пробует раз, другой. Потом говорит:

– Вообще реально. Даже я бы могла, хотя сколько уже без практики, а спортсменка, конечно, справится. Руку одну, очевидно, ему на шею, вторую вверх и в прогиб. А с ногами что?

Фильм забыт полностью, они обсуждают положение тел, рук, ног. И дальше вместе выстраивают хореографию на бумаге.

– А музыка-то какая?– интересуется Виктория

Ландау включает запись на смартфоне и комната наполняется сплетением двух негромких голосов:

А дальше это главное похоже на тебя:

В долгом пути я заплету в волосы ленты.

И не способный на покой я знак подам тебе рукой,

Прощаясь с тобой, как будто с легендой.

Опыт, помноженный на воображение тут же рисует им мальчика и девочку, которые кружат над планшетом, словно по прямоугольнику катка, рисуя одну за другой связки, расписанные хореографом и пока не воплощенные еще в конкретной паре.

– Это для кого?– спрашивает Вика.

Илья лишь пожимает плечами:

– Не знаю. А хочешь – для нас?– загорается он идеей,–
На шоу!

Его светловолосая богиня только заливается смехом:

– Извините, Илья Сергеевич, я не танцую.

Это не совсем правда, Вика любит лед, фигуры, звук реберного скольжения, но, будучи человеком с амбициями, никогда не станет статистом там, где есть звезды. А звезд она планирует на свое мероприятие – с горкой. Обойдутся без ее танцевальных па!

Осознание, что больше сама она никогда не окажется на месте той, кто презентует программу появилось у вике на восьмой год работы тренером, когда Алька взяла кубок Москвы. В этот день Виктория Домбровская окончательно закрыла свою биографию фигуристки, потеряв всякое желание снова встать с кем-то рядом на льду, протянуть руку и закружиться в общем движении в ожидании аплодисментов.

Я здесь не первый раз, и я привык к подобным стычкам, ты не беспокойся

Все ученики “Сапфирового” знали, что страшнее тех минут, когда ругается Виктория Робертовна, не бывает. По большей части она даже голоса не повышала, но то количество льда и металла, которым наполнялся каждый звук, превращало эти слова в нестерпимую жестокость. Есть люди, которые орут и кроют других трехэтажным матом, но это только забавляет, а есть те, кто вежливо и на хорошем русском литературном сводят тебя в ад своими словами и там несколько раз переворачивают на самой горячей сковороде.

Виктория была из второй категории. Может, именно поэтому она так и не смогла подружиться по-настоящему ни с одной женщиной, кроме Мэнди. Мэнди было плевать на слова смешной русской девчонки, да и уровень английского Вики никогда не позволял ей так виртуозно снимать с чужой души кожу на нем, как она могла это сделать на русском. А, может, у Мэнди было то, что есть у большинства ее детей, пока они не получают первое большое признание и славу, попадающую им в сердца, как Каю в глаз осколок льда, и ис-

кажающие все, что они так ясно и просто понимали сначала. Мэнди всегда знала, что ее Тори любит молча и сильно, а ругается недолго и совсем не так больно, как болит ее любовь внутри.

– Леонова, какого хрена ты раз за разом делаешь одно и то же? Ну ладно малышня, они могут и правда не понимать, а ты мне назло что ли стараешься вывалиться на льду? Что ты этот заход передерживаешь каждый раз? Это, блин, тройной сальхов, а не четверной лутц, хрен ли там размышлять, как над теоремой высшей математики?

– Я не знаю, Виктория Робертовна. Я не могу! Я... боюсь!– это было откровение. Болезненное для спортсменки. Она боялась снова боли, которая наконец-то после двух лет спряталась где-то глубоко в центре позвоночника и больше не была постоянной спутницей.

– А полировать лед ляжками и задницей ты не боишься?– в голосе тренера холод и насмешка. И только те, кто знают Викторию давно, очень давно видят там отголоски Милкиного страха.

Вика тоже боится. Очень боится той боли, что поселилась в ее Миле перед олимпиадой, нарастала все два года, пока Виктория ее не знала и не видела, где-то очень далеко, но

постоянно. И сейчас лишь немного спрятала свои зубы и не тревожила.

– Хорошо, Леонова, будешь кататься по шоу, там тройные не нужны,— констатирует, отворачиваясь, факт Домбровская. И слышит сдавленное шипение-выдох.

– Я сделаю, Виктория Робертовна. Я могу!

Вика снова оборачивается к спортсменке:

– Я знаю, Мил. Конечно, ты можешь,— и голос совсем спокойный, теплый, как какао в рождественское утро,— Поверь в это сама.

****

Весна. За семь лет до олимпиады

– Леонова, если ты приходишь сюда покататься на катке для собственного удовольствия, больше не приходи! В Москве масса прекрасных мест, куда можно пойти и развлечься хождением на коньках. Не занимай чужой лед и мое время! Для ленивых, трусливых, слабовольных, кривых, косях и убогих есть другие места. Я такими не занимаюсь!

На выход стоит в полном составе хоккейная команда и ждет, когда фигуристы уйдут со льда, наблюдая, как худая высокая женщина около тридцати громко отчитывает маленькую девчущку с огромными глазами:

– Сегодня ведьма особенно что-то громко орет. В ударе. Врежет ей или нет?– задается вопросом один из нападающих.

– Она ж ее убьет, если стукнет? Такая рельса против такой кнопки,– поддерживает беседу его товарищ по команде.

Виктория взмахивает рукой, хоккеисты замирают в ожидании, но она всего лишь указывает на выход и тем же ледяным тоном произносит:

– Исчезни с моих глаз, Леонова!

Девочка убегает с катка с такой скоростью, что выталкивает на скамью одного из парней-хоккеистов. Тренерша медленно делает круг по льду и выкатывается к выходу. Ледяные холоднее полюса холода глаза – это все, что видят на ее лице мальчишки. Женщина перепрыгивает бортик и удаляется в сторону раздевалки:

– Вот ведь сука!– душевно прикладывает в прямую спину

ее один из молодых спортсменов.

Тренер резко оборачивается, но юноши суетливо высказывают на лед, даже не косясь в ее сторону. Вика усмехается едва заметно и продолжает путь в раздевалку.

Переступая порог, едва успевает увернуться от летящего в ее сторону конька. Полет сопровождается истерическим детским криком:

– Да, пошло оно на*уй! Никогда больше сюда не приду!

Повисшей после этого паузе, может позавидовать не только вся труппа старого МХАТа, но даже немая сцена Гоголя. Два пристальных взгляда смотрят друг на друга, не отрываясь. В одном вызов и начинающийся испуг, в другом... сила и вновь набирающая власть жесткость.

Виктория спокойно поднимает ботинок Милы, подходя, ставит его аккуратно рядом со вторым:

– Не забудь протереть лезвия, – и спокойно садится на соседнюю лавку расшнуровывать собственные коньки.

Переобувшись, тренер поднимает глаза на молчащую, потупившуюся Милу, которая сосредоточенно укладывает ве-

щи в огромную сумку в половину роста самой девочки. Берет свои коньки за лезвия и произносит:

– Еще раз увижу, что твой инвентарь летает по раздевалке, и вы с мамой пойдете искать другого тренера. Мои ученики не позволяют себе такого поведения в общественных местах. До завтра, Мила.

На следующий день Милка каталась так вдохновенно и чисто, что от нее невозможно было оторвать глаз.

****

Вика медленно и сосредоточенно идет по льду в своих дурых ботинках, оставив Милу бороться с ее страхами. Без коньков она самый неуверенный мире человек, когда оказывается на этой скользкой глади, казалось бы, давно пора привыкнуть перемещаться на катке пешком. Объективно, удобнее и спокойнее, но не надежнее, надежнее – резать замороженную воду острозаточенными ребрами лезвий. Каждый раз, глядя на этот крадущийся шаг Илья бросает все и мчится подать женщине руку. И дело даже не в том, что это теперь его женщина, дело в том, что он совершенно не может смотреть, как она трусит.

Вот и сейчас он отъезжает от Насти на минуту и спешит

на помощь. Вика благодарно улыбается, вкладывая свою ладошку в его руку. Становится спокойнее, защищеннее в этом мире льда и постоянной борьбы.

****

Два месяца после олимпиады

Этот день никто и никогда бы из них не запомнил точно, но фотокорреспондент одного и из СМИ запечатлел его для всего мира. И теперь Илья наверняка знал, когда королева впервые снизошла до него. И, что уж скрывать, он сохранил эти фото в архиве. Под паролем. В самой неожиданной папке. Он стеснялся своей сентиментальности и прятался даже от Виктории с этими дурацкими фоточками.

Тогда они учились принимать неизбежное: горечь и боль поражения одной любимицы и радость другой, учились смиряться, что в мире есть что-то, что невозможно отменить никакими внешними желаниями и волевыми усилиями. Они привыкали, что иногда борьба – даже не путь в сторону победы или попытка отложить поражение. Иногда борьба была просто борьбой, чтобы потом сказать себе, что ты делал то, что мог, чтобы получить то, что в любом случае получил бы. Над ними витало непростое время, которое должно было превратиться в еще более сложное. Неизбежно.

В потери еще не хотелось верить, но они уже были осязаемыми. Шла фаза торга с судьбой, ща которой последует депрессия, а позже – принятие.

Новая программа Иришки – работа над постановкой в два голоса, две пары глаз, четыре ноги и четыре руки. Они с Викторией хором и по очереди показывали девушке движения, начисто забыв, что за бортиком пристроился человек с телевиком.

Почему она это сделала даже сама Вика не могла сказать, более того, она с удивлением смотрела на вышедшие в свет фото, потом на Илью, потом снова на фото. И лишь через несколько минут произнесла:

– А с чего я в тебя так вцепилась?

Он понятия не имел “с чего” она в него “вцепилась”, но остро, пронзительно, до самой сердцевины души ощутил эту тонкую руку, крепко держащую его за запястье и слушал, как бьется его пульс отталкиваясь от подушечек ее пальцев. Несколько секунд. И их хватило, чтоб он, не задумываясь вложил свое сердце в ее ладонь. Лишь бы она продолжала держаться за него. Ни на что не рассчитывая. И ничего не желая взамен.

И когда в тот день она говорила по телефону с мамой, а кисть лежала так близко и спокойно в одном движении от его пальцев, стучащих по клавишам ноутбука, все время приходилось останавливать себя от желания накрыть ее узкую ладонь своей рукой, давая тепло и силу на эти мучительные и неотменяемые разговоры.

Во всем было предощущение конца прежней жизни. И никто из них не понимал, что открывается окно в жизнь новую, а неизбежные потери – это шаг, без которого новая жизнь просто не начнется. Жертва старого новому.

****

Виктория почти добрела до выхода со льда, когда услышала очень характерный звук приземления и выезда, так звучали коньки только у Милки. Она вообще могла, стоя спиной, определить, кто из ее спортсменов сделал прыжок. И это был именно Милин выезд.

Под острым углом к бортику пред ее взор подкатывается ее взрослая уже девочка со счастливой улыбкой и все, что остается сказать женщине:

– Ну что, Леонова, могЕшь!

Девушка смеется заливисто и так легко, как давно уже не смеялась:

– Не могЕшь!, а мОгешь! Виктория Робертовна.

И на мгновение на катке становится не только очень светло, но и особенно тепло. У них снова есть общее счастье, в котором никогда не было никому больше места.

Но вызволиться было невозможно, настолько прочно влипли их крыла

– Вика, у нас единственный нормальный выходной выда-
ется за бог знает сколько времени и следующий непонятно
когда появится,– Илья называл ее Вика в личном общении
только тогда, когда сильно сердился именно на нее, так что
сейчас они полноценно ругались, судя по всему,– И где ты
хочешь его провести? Может, дома? Может, на хорошей про-
гулке? Нет, ты хочешь свалить на осторылевший всем нам за
это время каток! Дай ты нам всем отдохнуть, а себе прежде
всего! У девочек этап за этапом!

По гамбургскому счету Илья бл прав, если уж есть се-
мья, отношения, личная жизнь, делай им внимание. Толь-
ко Домбровская уморилась подчинить льду все, включая се-
мью. Ника выросла буквально на катке. Она, конечно, пода-
ющая большие надежды спортсменка в том числе и поэто-
му, но, если вспомнить, то самой девочке нравилась худо-
жественная гимнастика. Мама порешала в пользу фигурно-
го, потому что все-таки семья, а в семье люди должн видит-
ся чаще, чем раз в неделю в выходной. Все интересовались,
почему Железная Вика не обзаведется личной жизнью, так

ее личная жизнь могла быть только там же, на льду. И оказалось, что столько льда не выдерживали даже тренер и хореографы, сколько его в свои дни впахивала Виктория Робертовна. И в недели. И в месяц. И в годы. В какой-то момент мужчины хотели просто приходить домой, ужинать, видеть радостное лицо женщины, которая не хочет обсуждать реберность скольжения юниоров китайской сборной. Допустим, конечно, что это было очень важно, но нормальные люди понимают, что не может вся жизнь быть работой. Когда-то жизнь должна быть жизнью. Без льда, лезвий коньков, обсуждения травм в конце концов а ужином. А Домбровка так не могла. И не жила, когда у нее не было работы в ее днях. Так что личная жизнь для нее сама собой закрылась, пока не появился Илья. Оказалось, что есть кто-то, кому важно то же, что и ей. Но вот и Илья захотел простых человеческих радостей. Вне фигурного катания. А Вика так не умела и не желала.

– Ну, у Милы нет этапов, так что все, кому нужно – отдохнут, а мы прогоним на свободном льду ее программы. Сам же знаешь, что с этим скомканным переходом у нас не было времени адекватно ей план расписать. Придется одним вечером выходного пожертвовать, – Домбровская уже зарезервировала лед, так что спор сам по себе был бессмысленным. Естественно на заказанный лед она придет и проведет работу, которую запланировала, – Илюш, ну, ведь весь день я бу-

ду дома. Сможем сделать все, что захотим. Что эти два часа так принципиально решают?

– Ничего! Два часа, любимая, не решают сами по себе ничего, – гнев в Илье кипит и выплескивается обиженно в слова, – Они решают что-то лишь потому, что женщина, с которой я планировал провести свой редкий выходной, придумала все за нас двоих.

Он удручен не тем, что было решено так, а что решение приняли без него, словно его вовсе нет в жизни этой женщины:

– Слушай, я ведь все понимаю. Я охренеть какой понятливый же, тебе ли не знать?! Я понимаю, с кем я связался. Я знаю, что фигурное катание – твоя жизнь. Да и, что уж там, Милочка тоже не мимо пробегающая для тебя. Вика, я все, бл..ин понимаю. Я не понимаю одного: какая религия тебе мешает подойти и сказать мне: “Илюх, ты не против, если в наш выходной я пару часов проведу на работе? Удачно есть лед в этот день”. Я же даже возражать не буду! Я просто хочу понимать, что мое мнение тоже имеет значение. Или нет?

Почему-то больше всего во всей его обиженной тираде царапает слово “связался”. Настолько, что смысл остального попросту теряется, а вместе с ним и суть его претензии.

Она взвизгивается, ушибившись об одно слово так больно, что хочется рыдать:

– Да, Ландау, ты, черт возьми, знал, с кем связался. На свой страх и риск. Ты мне говорил, что ты можешь жить с этим, можешь жить со мной. Такой, какая я есть! Я тебя не приваживала, не просила взять меня со всеми моими тараканами! Более того, сразу тебе говорила, что со мной трудно. И тебе тоже будет трудно. Говорила? Если тебя не устраивает то, что я из себя представляю, то, может, стоит оглянуться и найти вариант попроще. Без всего вот этого обременения?– Виктория обводит рукой кабинет, где они так внезапно и зло разругались.

Это правда: она говорила. Он слышал ее тогда, но слышит и сейчас. Она его вот почему-то не услышала. И от этого тоже нервно, больно, пусто.

****

Полгода после олимпиады

Первое, что понимает Илья – он проснулся не дома. От домашнего постельного белья пахнет совсем иначе. А тут какой-то аромат лета и леса одновременно. Протягивает руку, чтобы найти свою снежную королеву, не так уж он заспал эту

безумную ночь, о которой и не мечтал еще утром, чтобы забыть о той, кто должна спать рядом на этих солнечно-лесных простынях.

Рядом нет никого. И ему приходится открыть глаза.

Она сидит в кресле напротив кровати и смотрит на него то ли безразлично, то ли просто устало, но точно не радостно и даже не смущенно или хотя бы озадаченно. Вид совершенно домашний в этих светлых штанах, широченной футболке, размеров на пять больше, чем ее собственный, в легкой утренней несобранности и... без косметики. Илья впервые видит женщину, с которой уже 4 года постоянно работает, ненакрашенной.

В этой простоте она завораживает даже больше, чем в своей холодной прелести, которую несет в люди.

– Илья Сергеевич,– пауза,– я понимаю, что произошедшее, д-да, произошедшее, вчера между нами – не самое лучшее, что может случиться между коллегами. И я,– еще одна пауза,– хочу принести вам свои извинения за то, что позволила себе...

Илья ждет от нее слова “слабость”, но в ответ на свои мысли слышит:

– Неаккуратно воспользоваться вашей добротой. Я хочу, чтобы вы снисходительно отнеслись к произошедшему и моей... несдержанности. И будет правильно как можно скорее забыть случившееся. Безусловно, на наши профессиональные отношения это никак не повлияет и никого из нас ни к чему не обяжет сейчас или в будущем.

Мужчина сбрасывает остатки сна. “Ландау, тебя только что послали нахрен”, – несколько удивляется он про себя. И есть чему удивиться, он редко встречал столь страстную и отзывчивую в постели женщину. И, блин, ему не 15, он знает, когда женщине хорошо с ним. Этой женщине прошедшей ночью точно было неплохо. Неоднократно, черт возьми! В результате размышлений он находит только одну фразу, которую может произнести:

– Ну, тебе хоть понравилось?

И снова удивляется, так как она заливается краской смущения, опускает глаза и тихо, но четко отвечает:

– Это было выше всяких ожиданий...

– Ну, тогда все еще повторится, – смеется Илья, выбираясь из постели.

Она варит им кофе. Он чистит зубы щеткой, которую она ему достает из шкафчика в ванной комнате. И все это молча, не считая вежливых “спасибо”, “пожалуйста” и “передай мне”. И, кстати, мужчина заметил, что зубную щетку, которая была выдана ему, любовница тут же отправила в мусорное ведро. Легким и, показалось, привычным движением. Как будто это действие повторялось неоднократно раньше.

Уходившая утром в школу Ника аккуратно поставила его ботинки на обувную полку и повесила пальто на крючок в прихожей. Интересно, часто ли она наблюдает чужую мужскую верхнюю одежду с утра? А самих мужчин? От мыслей о других мужчинах, в объятиях которых Вика так же, как этой ночью с ним, дрожала и выгибалась дугой, прижимаясь плотнее, ища защиту и поддаваясь атакам страсти, было холодно и горько. Именно поэтому он особенно резко натягивает обувь и почти сдергивает пальто с вешалки.

Ландау уже стоит в дверях, когда слышит:

– Я приеду к 11, проводите без меня утренний лед.

Ну, невозможно же! Вот так вот стоять практически в пижаме, провожая любовника, после ночи, которая еще живет в каждой складке простыней за полуоткрытой дверью спаль-

ни, и при этом быть начальником и только! Недопустимо!

Мужчина поворачивается от двери. Делает несколько быстрых шагов по направлению к ней и, поймав за запястье, притягивает вплотную, прижимаясь губами к ее губам. И, отпустив, произносит:

– Хорошо, Виктория Робертовна. Мы справимся.

Теперь он знает две важных вещи: она умеет руководить даже тогда, когда к этому ничего не располагает; она отвечает на его поцелуи даже считая, что он всего лишь one night stand. Имеет смысл побороться за то, чтоб ее переубедить. Пока она не забыла, что с ним ей “выше всяких ожиданий”

****

Дверь за Ландау захлопывается с противным стуком. Ну что же. Вот и поговорили.

Женщина набирает короткое сообщение: “Лед завтра в 21.00”. В ответ приходит еще более короткое: “Ок” и смайлик.

Все решено. Завтра вечером она работает... А днем. А вот днем, кажется, свободна настолько, насколько уже давно не

была свободна по выходным.

Вика медленно раскладывает по местам вещи, чтобы утром прийти в порядок и давно привычную и понятную систему. Выходя, заученным жестом закрывает дверь на два оборота ключа. Будет день, будет пища.

Пустой “Сапфировый” – тоже привычен и понятен. Она его таким видит почти каждый вечер, уходя чуть ли не самой последней.

В лестничном пролете между первым и вторым этажом стоит Илья:

– Эр, ненавижу, когда мы ругаемся!– В руке откуда-то цветок. Кажется, герань.

– И где ты успел совершить акт вандализма?– улыбается Вика.

– В холле залов гимнастики зацвела. Еще дня три назад заметил на случай войны,– отражаясь от ее улыбки своей, говорит молодой человек,– но в кино с тобой я все равно хочу! Я согласен на утренний сеанс! И ужин вечером. Дома. С продолжением.

****

– Нет, Мил, все это ужасно!– они уже полчаса на льду. Выстраивают ей показательный номер под песню “Але”, но музыка, движения и настроение никак не складываются. Переключаемся. Давай вальс с полным комплектом, а потом произволку.

В кино они с Ильей все же сходили, правда выбрались из постели полусонными чуть ли не к 11 утра. Потом побродили по городу, купили кофе в бумажных стаканчиках. Любители хорошего кофе никогда б не оценили их радость от такой малости, как бродить по улицам без цели с парой стаканов горячего напитка, теряющего свой вкус каждую минуту. Но Илья и Вика слишком много работали, чтобы иметь возможность искренне радоваться самому факту того, что спешить никуда не нужно.

И вот в 19.00 Илья довез свою даму домой лишь для того, чтобы она тут же пересела за руль собственного авто и умчалась страдать по нескладывающемуся показательному номеру. Надо было что-то поменять. И для них с Милой что-то поменять в неидушей никак тренировке – это просто поменять намерение: перестать делать временно кривые прыжки и заняться вращениями, отодвинуть в конец тренировки упрямую дорожку и начать прыгать. В общем сделать что-то

другое. Сейчас этим другим стал прогон готовых программ.

Скатали без прыжков. Скатали облегченные варианты. И вот Мила уходила на каскад лутц-тулуп уже без всяких побряжек. У нее получалось. И было видно, что спина держит, не болит. Легко и красиво. На флипе в конце опять бракует степ-аутом.

– Леонова, ты, блин, определись, каким заходом ты на этот флип идешь: либо своим, либо американским!

Флип от Джоша чище, однозначно, как бы ни было это обидно признавать, но только в Штатах нашли правильный подход к Милкиному внешнему ребру: “Но лутц похерили”, – услужливо подсказывает Виктории демон из глубины души.

Прыжки, связанные технически, увы, нередко при правках “задним числом” летели в чертовой матери. И часто – оба, то есть то, что правили – не нравилось, а то, что работало – ломалось. Флип нормально у Милки до конца так и не встал, а лутц под эту сурдинку потерял выраженное внешнее ребро и весь последний год судьи ей упорно отмечали минимум неясные ребра на обоих прыжках, а то и неверное, да еще и на любимом лутце. А катать все же было надо.

И так полтора часа. С криком, руганью, смехом. У них

идет тренировка. Такая, какой она была до олимпиады. Такой, какими были все их тренировки до того жестокого проигрыша, даже самые пропащие и ужасные. Сегодняшняя отличная. На твердую пятерку.

– Все, Мил, умница! Заминайся 10 минут, и по домам.

Спортсменка на коротких дугах подъезжает к тренерскому столу, кладет подбородок на бортик и с той хитрецей в голосе, с которой она всегда пыталась выудить из Вики плюшки, произносит:

– Значит я умница?!

– Сегодня даже без знаков вопроса, на одни плюсы,– довольно констатирует тренер.

– Ну, и где мой поцелуй, если уж я умница?– неожиданно вопрошает Мила.

Эта фраза настолько уместна, хоть и почти позабыта за годы, что Виктория даже не успевает задуматься в момент, когда ступает на по-настоящему тонкий лед допустимого и возможного. Она просто отодвигает стул, чтобы чмокнуть Милку, как в детстве. Лишь едва касается закрытыми губами губ девушки, как в тот же момент ощущает на своем затылке

Милину руку, которая не дает отстраниться. А поцелуй превращается в совершенно недетский. Горячий, требовательный и... умелый.

“Это ж с кем ты, девочка, в Штатах, успела так опыта-то набраться?” – невольно отмечает про себя Домбровская, но, надо признать, даже не пытается вырваться из-под сильной ладони фигуристки.

И лишь когда Мила сама отстраняется и отъезжает от бортика с блуждающей улыбкой Моны Лизы, Виктория аккуратно возвращается на свое место.

– Я повзрослела, Виктория Робертовна! – произносит де-вушка и быстро уезжает в сторону раздевалки.

– Да уж это без сомнений, – тихо в воздух бормочет тренер. На ее губах, поверх собственной бледно розовой алая Милина помада.

“Вика, черт тебя раздери, признайся самой себе, ты даже не подумала отбиваться”, – ехидно шепчет внутренний голос, не желая умолкать. Она и правда не подумала, она, прямо скажем, мало о чем думала, в такое состояние ее привел неожиданный поступок ребенка, то есть уже, получается, совсем не ребенка, которого она знала столько, что и вспом-

нить страшно.

Мне так дыханья в легких не хватало, что дальше я не в силах был идти

“И где ж ты так нагрешила, Вик?” – только эта мысль не оставляла женщину ни на минуту с момента, как ее ученица покинула лед. Сначала Домбровская долго сидела на катке, мучительно пытаясь осознать, что же в действительности произошло. В итоге тяжело поднялась со своего места и пошла в кабинет. В раздевалке, естественно, к тому моменту Милы уже не было, да и к лучшему. Сказать-то ей все равно было нечего.

И вот уже не меньше тридцати минут она смотрит в стену и повторяет только этот вопрос: в чем ее грех, что она так вляпывается с разбегу во всякое странное и непонятное.

С мальчиками, конечно, всякое бывало за долгий срок работы, особенно, когда ты еще достаточно молодая тренер, а твой спортсмен уже почти мужчина. Довелось Виктории Робертовне побывать в роли первой юношеской любви неоднократно за два десятка лет тренерской работы. Она даже научилась находить слова для молодых людей, вряд ли особен-

но правильные, но старалась, если приходилось объясняться, не ранить. Очарованность учениц тоже не была редкостью. Что греха таить, тренер Домбровская с удовольствием использовала в своих интересах привязанность юных девичьих душ. Именно с такими, выбравшими ее ролевой моделью, привязанными к ней большим, чем отношения тренер-ученик, она и добивалась их и своего максимума. И никогда не думала, что кто-то из этих девочек хотя бы помыслит определить свои чувства словом “влюбленность”, тем более не предполагала, что ее попытаются активно привлечь к разделению этой эмоции.

– Ну что же, Андрей Петрович, мы нашли затяжную неразделенную любовь вашей пациентки, – вслух в глухой тишине произносит Вика.

От нахождения ответов на некоторые вопросы легче не становится. Совершенно. И все же – это тоже ответ. И все же – это поданное блюдо, которое как-то нужно прожевать и проглотить, желательно, не отравившись и не подавившись.

Вздыхнув, тренер лезет в документы в поисках Милиных рецептов. На одном из них есть личный номер врача. Вот она жизнь спортсмена, даже антидепрессанты не выпьешь, чтобы об этом не знали еще минимум пяток человек, не считая антидопинговый комитет, если лекарство вдруг не про-

сто так, а с эффектами. Милкины были по сути травяными сборами, но и их аккуратно внесли во все списки, на всякий случай. В конце концов, чего может стесняться человек, который регулярно мочится на глазах у посторонних людей в баночку? Обратная сторона медалей. Так себе удовольствие.

Складывает бумажку с номером телефона в карман. В полночь звонить и даже писать смски – дурной тон. Так что придется завтра начать день с общения с человеком, видеть которого не было никакого желания, но, похоже, появилась необходимость.

Легкий стук в дверь отрывает Викторию от суматошных мыслей. В проеме появляется голова охранника:

– Виктория Робертовна, вы домой-то сегодня идете?– участливо спрашивает кругленький мужчина лет 50 в форме.

– Да, Михаил Яковлевич, что-то задумалась я глубоко. Сейчас соберусь,– отвечает тренер. Берет пальто с вешалки и выходит из кабинета.

“Буду думать завтра”,– наконец принимает самое разумное решение женщина, спускаясь по ступеням и выходя из дверей “Сапфирового”.

А этот вечер никак не желал становиться томным, поскольку возле своей машины блондинка замечает мужской силуэт и, уже без труда, узнала того, кто ее ждал.

– Вова, вот сегодня, действительно, неудачный день для того, чтобы вести беседы. Даже ночь. Поезжай домой!– все это Виктория сказала, еще подходя к машине, и, лишь приблизившись, поняла, что домой Владимир ехать не может. Он был в стельку пьян.

****

За 16 лет до олимпиады

Это был самый холодный июльский вечер в жизни Вики, хотя солнце ласково согревало землю, легкий ветерок прятался в кронах тополей, а в парке весело щебетали воробьи и так же чирикали ребятишки, высыпавшие на прогулку с матерями.

Владимир сидел рядом с ней на лавочке. От него несло алкоголем и Вику мутило от этого запаха. Токсикоз у нее был ненавязчиво-мучительным. Ее не рвало, но подташнивало почти все время уже второй месяц. И эта фоновая тошнота мешала наслаждаться ощущениями начала новой жизни.

ни, для нее, для того или той, которая сейчас росла в ней, для всего мира, который теперь уже точно не будет прежним.

– Тори, пойми меня. Я не отказываюсь от своих обязательств, но я не могу сейчас ничего сказать Аленке. Надо просто подождать!– с каждым словом он выдыхает этот спиртовой запах, и тошнота накатывает снова.

– Я не понимаю, чего мне ждать? Сколько? Зачем?!– они сидят на улице, так что она даже не может кричать на него.

– Слушай,– Владимир внезапно оживляется,– а может, еще это можно... ну, операцию. У нас еще будут дети, Тори. Но не сейчас. Сейчас это неподходящий момент! Я нормально разведусь, разберусь со всеми делами. И года через два-три родим малыша. Вместе. Семей.

Она смотрит на него и понимает, что плохо видит. Появляется какая-то муть, мешающая четко разглядеть лицо того, кто только что сказал ей, что ему не нужен их общий ребенок. И только потом, когда соленая вода потечет из глаз, она сообразит, что это слезы. Обычные бабьи слезы. Гормоны. Глупость.

Мужчина явно раздосадован ее реакцией. Становится суше и жестче:

– Ладно, хорошо. Давай тогда я куплю тебе билет в Америку. У тебя же есть кто-то в Америке, у кого ты можешь временно остановиться? Подружка какая-то вроде, ты же рассказывала? А потом придумаем что-нибудь. И родить в Штатах – это хорошо для ребенка. Гражданство, – Вова ерзает от внезапно посетившей его, как ему кажется, отличной идеи, – Нет, правда. Роскошная мысль. Давай на середину осени. Как раз успеешь дела доделать и спокойно улетишь? Тори, мне сейчас разводиться – реально зарез! Весь бизнес делить!

Девушка молчит. Все уже решено без нее и за нее. И да, пусть будет Америка. Там ее хотя бы любят и принимают.

***

– Долго работаешь, принцесса, – произносит мужчина, опираясь на капот ее автомобиля, – я уж думал, что опять не смогу с тобой поговорить! Но мне везет!

– Мне не везет, похоже сегодня, – тихо произносит блондинка.

– Тори, ты чего такая грустная? Неужто из-за своего молокососа? Чего это он тебя сегодня не встречает-проводит? Не думал, что ты стала предпочитать розам оципаные ком-

натные цветы, а нормальным мужикам – детей!

Значит вчера он видел их с Ильей. Да, прекрасно, что уж!
До кучи.

– Вова, пожалуйста, вызови себе такси и отправляйся домой. Место, время и мое настроение к разговорам не располагают. Да и ты безобразно пьян.

Мужчина машет рукой:

– Обойдусь без такси! Я за рулем.

– Ты собираешься вести в таком состоянии автомобиль?! –
Виктория по-настоящему пугается.

– Ерунда, – широкий раскоординированный взмах рукой,
от которого Коршунова заносит.

– Ну уж нет! Не хватает знать, что на моей совести будет чья-то жизнь. Хорошо еще если только твоя. Садись, – Домбровская открывает дверь пассажирского сиденья и почти впихивает на него своего собеседника.

Выяснив адрес, прокладывает путь по навигатору и, после того, как машина трогается с места, говорит:

– Позвони жене или сыну. Пусть тебя кто-нибудь заберет у дома.

– Сам дойду,– бурчит пьяно мужчина.

– Вов, я не обсуждаю, а говорю, что тебе нужно сделать, чтобы я могла со спокойной совестью уехать домой, зная, что ты добрался без приключений,– с теми же интонациями Виктория учит своих фигуристов, когда они отмахиваются от ее рекомендаций.

– Какая же ты заботливая, моя принцесса,– он отрывает одну ее руку от руля и целует в венку на запястье.

– Позвони жене,– женщина не вырывает руку, но и взгляд от дороги не отводит.

– Знаешь, Тори,– если б ты тогда согласилась... Мы бы были вместе.

Виктория резко бьет по тормозу и ее непристегнутого спутника бросает на переднюю панель авто. Будет минимум синяк, а если не повезет ему и повезет ей, то и стоматология с лицевой хирургией может подключиться:

– Ну, и мудака же ты!– выплевывает женщина в пространство,– Коршунов, я представления не имею, что хорошего ты сделал в своей жизни, но лучшее, что сделала я – это дочь. И ты мне говоришь, что ее я могла бы променять на тебя?

– Ты и правда настоящая королева, Тори,– вздыхает Владимир,– а я дурак. И, ты права, мудака. Хорошо, что тогда ты выбрала ее, а не меня.

– Однозначно!– это слово Домбровская почерпнула из лексикона Ильи. Очень емкое слово. Сплошное удовольствие его произносить!

Она притормаживает возле одиноко стоящей женской фигурки. Едва кивает Алене Дмитриевне, помогает практически выгрузить ей на руки ее мужа. Помощь в дальнейшей доставке не предлагает. Во-первых, знает, что та откажется; а во-вторых, не имеет ни малейшего желания длить общение ни с одним из этой парочки.

****

Четыре года до олимпиады. Санкт-Петербург

Первое золото выбивает почву из-под ног. Они обе, тренер и спортсменка, не ожидали такой оглушительной и од-

номоментной славы, падающий на них многотонным весом. Али просто нет. Она маленькая, закрытая девочка, которой некуда спрятаться от вспышек фотоаппаратов, автографов, постоянного внимания толпы.

Аля приходит на тренировку и падает. Падает. Падает.

На том же льду Зоя – соперница в борьбе за личное главную победу ее Альки, а по правую руку от Виктории маленькая чемпионка прошлого гоняет свою воспитанницу и надежду. В некотором смысле за бортиком идет куда как более жестокая борьба, чем внутри ледового овала.

Они не здороваются при встрече. Не прощаются, расходясь после тренировки. Проходят друг мимо друга. Коршунова бережет свою Зойку от глаз и вспышек фотоаппаратов. Алю рвут на части. Очень нескоро Вика поймет, что защита от прессы – так же важно, как и тренировочный процесс.

В очередной раз, видя, как падает ее спортсменка, Вика слышит:

– Увози ее отсюда, если хочешь, чтобы она хотя бы вышла на короткую, – Алена Дмитриевна, кажется, даже не разжимает губ, но произносит ровно то, что произносит.

Виктория считает до сих пор, что это был правильный совет. Но он запоздал, может быть, всего на день.

****

Дома темно. Да это и понятно. Илья, наверное, уже спит.

Нет, не спит. Сидит в холле в кресле. Полностью одетый. Измученный. Злой.

– Где ты была, вообще?– рявкает мужчина.

– Не кричи, пожалуйста. Я так устала,– голос у Вики тихий до полного пропадания звука,– давай завтра утром расскажу.

Ландау поднимается из кресла. Подходит вплотную:

– Нет, никаких “завтра поговорим”! Я зол! Я вымотался! Я звоню тебе битых три часа и не могу дозвониться! Я успел съездить до “Сапфирового” и убедиться, что тебя там нет! Я вернулся домой, потому что не знал, где тебя искать! Где ты, черт возьми, была!

– Илюш, я просто помогла человеку. Довезла домой. Это не преступление.

– Вика! Телефон! Один звонок. Чтобы я не бегал кругами, думая, не случилась ли беда с тобой! Это же просто! Это так просто помнить, что есть кто-то, кто о тебе беспокоится? Или нет? Может, тебе будет проще, если такой обузы как я не будет?

Виктория устало отмахивается:

– Знаешь, Илюш, конкретно сейчас мне и правда было бы проще, если бы ты спал... или тебя не было. У меня нет сил на семейные сцены. Правда.

Следующее, что она видит – это Ландау идущего к вешалке, снимающего куртку, натягивающего ботинки. И на ее немой вопрос отвечающего:

– Избавлю тебя, пожалуй, от своего присутствия. Я поехал к себе домой.

Дверь тихо закрывается. Остаются темнота. Одиночество. Усталость.

Тогда я встал; я показать хотел, что я дышу свободней, чем на деле

Лед в 7 утра? И вам 9 лет. И мама будит вас, собирает полусонной, везет в метро. Это будни, в которых живут фигуристы с детства. И их родители. Лед будет тогда, когда есть возможность. Либо вы на него можете приехать, либо вы не катаетесь в группе. Потом школа, потом сон, потом снова лед. Да, никому неинтересно, успевает ли спортсмен учить уроки, играть друзьями, читать книги. Любой тренер скажет, что учиться можно и в сорок, а олимпиаду выигрывать только в молодости. Если при этом ты любишь спать до полудня, это исключительно твои проблемы. До сколько любят спать твои родители, какой у них график работы, где они возьмут денег на тренировки и инвентарь, как организуют посещение тренировок ребенком, тем более не интересуется тренера. Для тренера спортсмен должен быть получен здоровым, отдохнувшим, настроенным работать. Последнее обязательно. Первые две функции – желательная опция.

Вика ненавидит вставать раньше 9 утра, но умеет, и в будние дни просыпается так, словно ее ждет лед в 7, хотя такого уже давным давно не бывает. В “Сапфировом” железно уста-

новленное расписание, заботливо подобранное и после чуть не в смертельных схватках выколоченное приемлемое время, которое не убивает нечеловечески ранними подъемами ее подопечных и саму тренера. Хоть Домбровская и встает рано. Сегодня вот в начале седьмого она уже пьет кофе на кухне, рассматривая детали обивки стула напротив. Пустого.

Оказывается, Виктория привыкла за прошедший год с небольшим пить кофе на этой кухне с Ильей. Прикипела к такой простой бытовой детали как завтрак с любимым человеком дома. Раньше она не позволяла слабости жить вместе с теми, с кем спала, во-первых, дома ребенок; во-вторых, вроде и незачем, и неудобно. С собственным хореографом как раз было удобно во всех смыслах, а ребенок теперь жил далеко, отдельно и возвращаться, если все будет хорошо, не собирался. А коли соберется, то вряд ли уже под мамино крылышко: слишком часто в неурочное время Вика слышала знакомый мужской голос где-то за кадром их с дочерью видеобщения. С одной стороны – рановато заводить полусемейную жизнь, с другой – эти почти дети все равно живут самостоятельно, черт знает в скольких тысячах километров от взрослых, пусть уж лучше вместе, поддерживая друг друга, чем врозь.

Пока Ника была маленькая, их общность определялась не столько домашними посиделками, сколько совместным вре-

менем на льду. Мама много работала, дочка много тренировалась под бдящим родительским оком. Именно на катке проходила не только тренерская жизнь Вики, но и родительская. Там она была со своей девочкой, и мамой, и тренером. И мамой всегда больше.

Но к 15 годам стало очевидно, что никакого одиночного у ее Ники не будет. Детская травма, результат материнского и тренерского недосмотра, по мнению Домбровской, давала себя знать все сильнее. Ника слушала музыку безумно точно, но не вывозила абсолютно сложности одиночного катания. Тройные ей давались с таким трудом и таким риском повторения беды с коленом, что даже думать о серьезных стартах при этом было ненаучной фантастикой, а размышлять об усложнении прыжковых элементов – и подавно. Конечно, Вика не врала, рассказывая журналистам, что переживала из-за возможных травм дочери, но она недоговаривала. Много недоговаривала. Ни для себя, ни для своих спортсменов, ни тем более для своего ребенка она никогда не видела и не хотела мест крепких середнячков. Себя нужно искать, и находить то, в чем ты можешь быть первым среди лучших. Минимум, на который можно согласиться, первая тройка, совсем сбив планку – топ-пять, а быть тридцатым или сороковым, убиваясь о неизбежные трудности движения по любой дороге жизни. В общем, игра должна была стоить своих свеч. Так вызрело решение о танцах.

Ника поменяла направление, а вместе с ним – расписание. Произошло ровно то, чего так не хотела Домбровская изначально, почему настаивала на фигурном катании, зачем взяла дочь к себе в группу: они перестали видеться, когда нике едва исполнилось пятнадцать. Так началась отдельная жизнь двух любящих людей под одним, пока, потолком. Временами Вика заставляла уже засыпающую, но еще не окончательно спящую дочь вечером или наблюдала, как она в суете утра без лишней болтовни собирается на тренировки и занятия. Общение через мессенджер превратилось в их способ не потерять друг друга в суете дней.

Что изменилось для обеих с перелетом Ники в Японию? Разве что время активных переписок и чуть более редких звонков. А в остальном? Последние три года она ребенка и так видела только на экране смартфона. Теперь ранним утром мать желала своей девочке спокойной ночи и начинала заниматься своей жизнью, то есть превращалась в тренера Домбровскую из любимой мамочки. А город тем временем окончательно просыпался.

И вот за последний год она привыкла к утру, в котором есть кто-то рядом, кто начинает день с тобой в одном ритме. И именно отсутствие этой общности ритма сейчас мешало сосредоточиться на начале дня.

****

Девять месяцев после олимпиады

Ландау приходит на работу пепельно-серого цвета. Трудится остервенело. Держится неплохо для того удара, который свалился на него так неожиданно. Им с Домбровской оказалось суждено остаться сиротами и перестать быть детьми почти одновременно. Теперь можно хором ходить на кладбища в родительский день. Теперь они оба окончательно взрослые. Мама вики уходила долго, мучительно, словно проверяла на прочность и без того армированную дочь. Мать Ландау сгорела одним днем, ничто не предвещало беды еще за неделю. Илья был полон планов на новогодние каникулы в Эмиратах с самым родным человеком. Не сложилось. Обширный инфаркт. К приезду скорой, в общем, все было закончено, но все пытались. Надеялись. Мама умерла раньше надежды на то, что она будет рядом.

Вика присматривает за мужчиной, пока он на работе. Иногда зовет вместе обедать или приглашает на чай в своем кабинете. Может быть, она ждет, что он пожалуется. Или попросит ее о помощи. Что бы она ему ни сказала, как бы ни объясняла, почему то, что между ними происходит – это ничего не происходит, но не совсем же она деревянная, что-

бы обходить ее стороной в таком состоянии.

В первые дни после потери они временно склеились, подобно сиамским близнецам, потому что свежий еще опыт Домбровской позволял быстро решать технические вопросы с моргом, бумагами, кладбищем, панихидами. Она прошла с Ильей все круги бюрократической и экономической части похорон, но по психологической поддержке в таких делах женщина была не мастер. Для этого нужен человек трепетный и чувствительный, кто умел без слов предлагать разделить боль другого. Кто-то вроде Рады, но с большим опытом и знанием жизни. Григорьев и Морозов как-то по-мужски поддерживали, но чувствовалось, что нужно было женское тепло и плечо, на котором можно выплакаться. Как подставить такое плечо Вика не понимала. И поэтому делала то, что могла. Помогала с конкретными задачами. Кормила. Давала перерывы в рабочем дне.

– *лять!– Илья со всей дури пинает крышку на собственном автомобиле, когда Виктория проходит мимо к своей машине, думая, кивнуть на прощание молодому человеку и направиться по своим делам. Но это полуистерическое поведение даже для нее веский повод поменять траекторию и просто хотя бы поговорить.

– Илюх, что случилось?

Ландау поднимает на женщину глаза и бессильно разводит руками:

– Не заводится! Надо было еще летом отогнать ее в сервис, но все как-то закрутилось.

– Вызывай эвакуатор, а потом я тебя отвезу домой,– говорит Вика.

Молодой человек кивает головой и лезет в интернет в поисках нужных телефонов. Тут Домбровская все понимает: конкретное дело, конкретная помощь, никаких лишних эмоций и сострадания.

Пока они выезжают со стоянки, Илья просит:

– Вика, довези меня до какого-нибудь кабака. Сил нет сидеть дома. Я там чувствую, как сам начинаю умирать потихоньку. Может под алкоголем будет полегче.

– Будет тебе кабак, Ланди,– тихо улыбается блондинка и направляется знакомым маршрутом.

Что Илье плохо – понятно еще и по тому, насколько безразлично прежде любопытный, словно маленький игривый

щенок, мужчина реагирует на все происходящее вокруг. В итоге сообразить, куда его привезла коллега, он может лишь после того, как машина останавливается на внутридомовой парковке.

– У тебя возле дома разве есть какие-то кабаки?– удивленно спрашивает Илья.

– У меня дома кабак,– смеется Виктория,– если бы ты знал, сколько пузырей с разным высокоградусный содержанием мне дарят! Я себя чувствую акушером-гинекологом или заведующей роддомом. Беда в том, что мой предел – два бокала красного раз в полгода и бутылка шампанского на новый год. Даже если передаривать, чем я и занимаюсь постоянно, все равно скоро погреба открывать винные придется.

И тут впервые за бог знает какое время молодой человек шутит:

– Так ты решила в меня утилизировать излишки? Это нецелевое использование трудового ресурса, Виктория Робертовна!

– Я буду тебя амортизировать аккуратно,– улыбается блондинка в ответ.

И они хором заливаются неудержимым смехом. Так легко и душевно Илья смеется первый раз с момента, как вышел из больницы после объявления о смерти матери.

****

А потом Ландау просто остался, наполняя собой ее дом.

На кухонном подоконнике сейчас лежит его планшет, над которым, по расписанному им сценарию программы, еще так недавно каталась их общая фантазия о паре. “И у партнерши длинное платье. Белое с переходом в пепельно-серый по подолу”, – внезапно подумала Домбровская.

Взяла планшет нашла файл с номером, сделала пометку о цвете и фасоне платья. Потом подумала и скопировала файл на собственный планшет. Сейчас неизвестно, как дальше пойдет ситуация, а красивому номеру стоит дать жизнь, даже если больше Илья в этот дом не вернется. Наверняка найдется пара, на которую “ляжет” их задумка.

Однако, 8 утра. Можно связаться с психиатром и попробовать назначить встречу побыстрее. Шутки шутками, но делать вид, что вчера на катке ничего не случилось, долго не получится.

Вика забирается в огромную сумку, где, кажется, есть место для складирования не только ее собственных вещей, включая коньки, но еще и пары спортивных сумок ее спортсменов со всем содержимым. Забирается в карман, в котором обычно лежит телефон, думая, что тот, конечно, окончательно разрядился за ночь... И понимает, что телефона-то и нет в сумке.

А следом всплывает в памяти, как она зашла в раздевалку, переписываясь с Никой, прошла вдоль бортика на тренерскую позицию, продолжая диалог с дочкой. С появлением Милы положила сотовый на стол... Ну, а после было совсем не до телефона. “Точно разрядился”, – уверилась Домбровская.

Ну что же. Значит планы меняются, сегодня Виктория Робертовна работает утренний лед. Жизненный опыт подсказывал ей, что, если она придет к бортику, то уже не договорится с собой променять живой труд на бумажную волокиту в кабинете.

****

Уже в раздевалке было видно, что сейчас она тут неожиданный гость. Виктория не позволяла спортсменкам бардака, считая, что привычка раскидывать вещи в домашней разде-

валке обязательно аукнется неприятностями на выездах. Дети, конечно, все равно оставались детьми, так что журналисты то и дело подлавливали ее собирающей сумку очередной чемпионки, которая улетела раздавать интервью, но воспитание – это малые шаги в течение времени. В общем, этим утром ее в раздевалке не ждали. Это было очевидно.

На льду тоже царила атмосфера большей расслабленности, чем под зорким взглядом старшего тренера: Илья и Миша активно перешучивались друг с другом и спортсменами, продолжая вести саму тренировку строго по плану. Похвала перемежалась с объяснениями и выговорами за невнимательность и неаккуратность в выполнении элементов.

Вика остановилась в дверном проеме выхода из девичьей раздевалки, наслаждаясь веселой организацией хаоса, в котором все были при деле. Лишь через пару минут она двинулась к рабочему месту, которое ее тоже не ждало сейчас... Или ждало?

На столе стоял большой стакан с кофе из местной кафешки. А ее многострадальный телефон был заботливо поставлен на зарядку от Илюхиного пауэрбанка. Лишних розеток под зарядники им не запланировали при проектировании рабочего места, приходилось иногда выкручиваться.

От противоположного бортика к ней ехал сам Илья, а Миша неспешно отстегивал удочку от одного из юниоров.

– Почему ты меня ждал сегодня?– Вика выразительно смотрит на кофе.

– А я не ждал,– пожимает плечами Ландау,– просто подумал, что ты, наверное, придешь.

– Нам нужно поговорить?– понижает голос и вопросительно глядит на мужчину Домбровская.

Илья утвердительно кивает головой.

– Я буду в кабинете после тренировки,– так же тихо продолжает Виктория,– Макс, центруйся лучше при входе!– тут же переносит свое внимание на лед тренер.

– И какими судьбами сегодня ты с нами в этот утренний час?– неожиданно в рифму удивляется Григорьев.

– Всему виной моя забывчивость,– женщина кивает в сторону телефона.

– Это подсознание, Виктория Робертовна, хитро улыбается ей Григорьев,– оно велит тебе избегать бумажной работы

и не тратить свой талант попусту.

– Точно! Именно так я и буду объяснять все свои косяки с бюрократической макулатурой отныне.

Все трое, окончательно развеселившись, расходятся по своим местам и в усиленном составе продолжают утреннюю тренировку.

Один успел упасть, другой – подняться

– Лиль, ты слишком рано уходишь во вращение. Считай. Выезд из флипа. Раз. Два. Три. Четыре. Пять и на счет шесть только начинаешь вращение. Не раньше!– Домбровская сопровождала свои слова активной жестикуляцией, намечая весь цикл связки для девочки. Карие глаза ученицы внимательно следили за тренером, тело так же повторяло контур связки за рукой блондинки набросками движения.

Вокруг текла простая и понятная жизнь утренней тренировки, не предвещавшая никаких иных забот, кроме привычно-спортивных. Спортсмены один за другим проверяли точность прыжков, наработанные уже к началу сезона элементы, подправляли хореографию и компоненты под руководством Ландау.

За спиной у Виктории под звук зубца, стукнувшегося о лед, уходит на прыжок очередной тренирующийся. “Аххх!” – полустон-полувскрик боли разворачивает тренера на 180 градусов. Слишком знаком этот болезненный вздох, и не потому что за 20 с лишним лет тренерской работы она слыша-

ла самыми разными голосами вскрики, стоны, вздохи боли, а потому что она знала до мгновения и этот уход на прыжок, и приземление, и голос.

Мила ехала медленно к бортику, оперевшись ладонями в колени. Короткие вдохи и резкие выдохи округляли позвоночник еще больше.

Развернувшись к Лилие Нинидзе, тренер резко отчеканила:

– Выполняй по счету, как я сказала. Еще раз! Я прослежу!– и поехала догонять скрученную дугой Леонову.

Впрочем девушка медленно и несколько неуверенно уже принимала нормальное положение, продолжая осторожно катиться в сторону бортика. Притормаживая за ее плечом Виктория внимательно смотрела на то, как выпрямляется корпус, работают ноги в толчке и лишь после этого задала вопрос:

– Где болит?

– Все нормально, Виктория Робертовна. Показалось,– врет Милка совершенно глупо и неубедительно.

Так неспешно они едут вдоль борта, спортсменка чуть впереди, за ее левым плечом, почти вплотную, тренер, пристально вглядывающаяся в профиль девушки.

– Врешь, – коротко и безапелляционно констатирует Домбровская.

Мила молчит. Лишь едва заметно в улыбке изгибаются алые губы. Неужели в Канаде она в таком же виде приходила на тренировки? Ну, тогда не удивительно, что практика поцелуев набралась столь быстро, чуть насмешливо думает Вика. Все-таки, не о таком знании о своих спортсменах мечтала женщина. Очень необычное ощущение внутри рождает понимание, что ты в деталях в курсе, как целуется человек, которого помнишь маленьким ребенком.

– Разве могу я вам врать? Только молчать и недоговаривать, – очень тихо произносит девушка.

– И о чем ты сейчас мне хочешь промолчать и не договаривать? – задает вопрос женщина, имея в виду болезненные ощущения.

Мила с ходу делает поворот и оказывается лицом к лицу с Домбровской. Они почти соприкасаются плечами, продолжая ехать так близко, что любой рассинхрон в движениях то-

го и гляди закончится столкновением. Но они всегда в синхроне. Много лет уже.

– Ни о чем таком, что имело бы значение здесь и сейчас,– продолжает улыбаться девушка,– я в форме, я могу работать дальше.

– Хорошо, Леонова. Тройной флип, тройной тулуп. Вперед!– Виктория продолжает движение вдоль борта, проезжая мимо Григорьева, который объясняет технику постановки ноги для лучшей крутки изучаемого четверного лутца Насте, прикасается к его руке и, переводя взгляд на начинающую разбег Леонову, просит: – Посмотри.

Вдвоем они наблюдают, как Мила с внутреннего ребра идет на флип, делает чисто, потом резко толкается зубцом в тулуп и выезжает с легким покачиванием. Светлые мужские глаза встречаются с болотными женскими. И Михаил коротко кивает:

– Сейчас позвоню Айболиту, пусть придет с волшебным укольчиком.

– Леонова, отдыхать!– резко через весь каток приказывает Домбровская. И направляется к упрямой девчонке, чтоб вытолкать ее со льда, если она попытается воспротивиться.

Но Мила на удивление спокойно и даже, кажется, с облегчением направляется в сторону скамеек за бортиками. Садится на лавку и тяжело опирается локтями на бедра.

– Ложись!– приказывает, приехавшая к ней Домбровская.

И снова покорное согласие, сопровождаемое лишь коротким смешком:

– Виктория Робертовна, вы же верите, что у меня есть хороший ответ на это предложение? Но сейчас я не в той форме.

– Милаха, не борзей,– негромко ворчит Вика из-за борта и тут же отъезжает в сторону

Лилии, начиная отчитывать девочку, еще приближаясь:

– Нинидзе, я же сказала до шести, а не до четырех с половиной? Ты повторила три раза и ни одного не сделала точно по счету! У тебя между какими двумя числами теряются еще полтора, что ты никак их найти не можешь?

Вот так и бегают теперь от опасных поворотов в диалоге. И понимает, что ничего такая беготня не решает, но разго-

вор завести душевных сил нет. А сейчас, кажется, еще и не время.

Любой спорт – это боль и рутина, рутина и боль. И жизнь, которая помещается между этими болью и рутинной называется детством спортсмена, потом юностью, потом молодостью. Если очень повезет, то в ней будет еще и что-то яркое, например, победы. Или люди, с которыми ты сможешь их делить. И еще делить боль.

О чем-то таком думает заслуженный мастер спорта Людмила Леонова двадцати полных лет от роду, пока лежит на лавке в ожидании врача, слыша, но не видя, ту, с кем она делила свою боль и свои победы. Она вслушивается в грудной резкий от приказных интонаций голос, напиваясь, цепляясь за каждую ноту, замешивая на нем и очевидно вернувшейся боли в спине, то ли горе, то ли радость совместности.

Пришедший врач задает вопросы, переворачивает ее на другой бок, колет обезболивающее, замораживая тысячи мелких электрических разрядов и не давая им пробраться в мозг от нерва. Врач велит не двигаться, ждать, пока подействует анестезия. За спиной тренеры и доктор обсуждают, что же с ней делать. В итоге решают, что новый день даст новую пищу для размышлений, а сейчас ее отправят домой в надежде на лучшее. Интересно, хоть кто-то тут может на-

десяться на лучшее, если даже сама Милка ни на что хорошее не надеется?

Бережно поддерживаемая Григорьевм с одной сторон и Викторией с другой, Мила отправляется в раздевалку. Она бы и сама дошла, но оба тренера в ответ на это предложение посмотрели на нее так, что к лучшему показалось не настаивать.

Пока она снимает коньки, Домбровская стоит рядом и внимательно следит, не нужна ли ей будет помощь, потом говорит:

– Михаил Александрович тебя доведет сейчас домой. Завтра по состоянию смотри. На тренировку только при полном отсутствии боли. Понятно?

Она помогает девушке стянуть с плечей спортивную водолазку и надеть худи, натягивает угли на ноги, с которых стащила коньки. Подсаживается, чтобы подставить плечо и дать легче подняться с низкой скамьи. Следит, как спортсменка выходит и раздевалки.

– До свидания, Виктория Робертовна!

– До свидания, Милочка, – негромко, но четко отвечает

тренер и возвращается на лед, к тем, кто может ехать, прыгать, вращаться.

“Леонова, я не работаю с кривыми, косыми, больными и немощным”, не так ли Виктория Робертовна? Материал должен быть в форме? Горькая улыбка промелькивает на губах девушки. Она так себе материал для тренера чемпионов, надо признать. И все же ее почему-то все еще не выкинули на свалку истории? И даже повторно не порекомендовали срочно устроить личную жизнь вместо карьеры.

****

Месяц после олимпиады

На этот лед больше нет сил смотреть, по нему невозможно ехать. И вообще все вокруг такое знакомое и отвратительно белое, что больно глазам. Все они полностью вчерашние. И выступления, которые прокатываются зачем-то на тренировках снова и снова – вчерашние. И Виктория Робертовна делает вид, что ничего не происходит. Просто снова тренировки. Она тоже вчерашняя. И особенно вчерашний Ландау с его одинаковыми поворотами головы, вскидыванием ног и теми же связками на новый лад.

Обо всем этом хочется с кем-то поговорить. Но слушать

готова только мама. Виктория все время куда-то бежит после тренировок, не останавливаясь как прежде даже на пару предложений. Но это и можно понять. Есть новые чемпионны, зачем ей отработанный материал в виде Милы?

– Леонова, да что с тобой происходит-то в конце концов?– не выдерживает Домбровская,– третью неделю я тебя на льду не вижу. Эти кривые руки, вялые ноги, бессмысленные движения! Ты работать планируешь в новом сезоне?

– Планирую, Виктория Робертовна,– огрызается Мила,– я много чего планирую, но я предполагаю, а вы располагаете. Как с олимпиадой!

– Леонова, ты сдурела совсем?– удивляется тренер,– О чем ты вообще говоришь?

Кажется, Виктория Робертовна впервые готова ее выслушать. И Мила говорит, говорит обо всем. О хореографии, которая ужасна. О том, что ей не дают усложнять контент так, как ей нужно для побед. Что времени с ней проводится мало, а с Радой больше. Что она не знает, куда все это ведет и почему так! Больше всего ей сейчас хочется зарыдать и обиженно, как маленькие дети, проныть: “Ты меня не любишь!”

Но из всего этого Мила говорит только одно:

– Я больше не знаю, что мне делать?

– Леонова, я тем более не знаю, что тебе делать!– повышая тон отвечает Домбровская,– Ты можешь продолжать кататься. Работать каждый день так, как мы работали до этого. Можешь пойти сниматься в кино, если позовут. Можешь идти замуж, благо возраст подошел. Ты можешь все, что угодно, но я могу работать только тут, на льду, с тобой. Все остальное – не в моей компетенции.

Ну вот, получается, ей все и сказали. Вали, Милочка, хоть замуж, хватит скакать на льду, куда уже готовы ворваться другие чемпионки. Не так ли?

****

И все же, зачем-то же она ее позвала назад сейчас, когда от той, прежней, Милы, не осталось ничего, кроме травм? Стоит совсем рядом, улыбается, шутит, переживает. Держит за руку. И не требует объяснений, и не отчитывает за их, почти безумный, поцелуй. Пусть не отвечала, но и не отвергала же его. Это греет девушке сердце, хотя тепло призрачное и состоит больше из вопросов, чем из ответов.

Все, что меня пленяло, я отсекаю

Ложка звякает о края стакана, пока Вика размешивает сахар в чае. Она не хочет чая, но организму после тренировки нужны углеводы, иначе в самый неожиданный момент может приключиться сюрприз в виде черноты перед глазами и неотвратимого обморока.

****

месяц после олимпиады

Невозможно тяжело приходят к олимпийскому “золоту”. Нечеловеческими самоограничениями, тяжелым трудом, психологическими надрывами. И все же преолимпийские преодоления – это ничто по сравнению грядущими. Чемпионы уходят из спорта после победы четырехлетия так же стандартно, как выпускники ВУЗов покидают стены альма матер после получения дипломов. Высшая цель достигнута. Ничего больше в этом круге не будет. Но институты и не ждут, что студент, подкинув вверх квадратную шапочку тут же вернется за парту, а от спортсмена – ждут.

Проигрыш сразу после олимпийского старта вам уже не

простят. До победы еще бы простили, а теперь – нет. И никто не поинтересуется, каково человеку, несколько недель назад стоявшему выше всех, на пике мира, державшему цель жизни всех, абсолютно каждого, кто профессионально занимается спортом в руках, слушающему гимн летящий над пламенем через пять колец, каково ему снова встать подножья наравне с любым другим на новом старте. А это невыносимо тяжело.

Вымотанные, выхолощенные олимпийники доползают до старта чемпионата мира без целей, без желаний, без физических возможностей. И срываются. И завершают карьеры побежденными.

Мила отказалась сразу. Вика и не настаивала. Дело было не столько в недолеченных травмах, сколько в понимании, что ребенок, у которого между пальцами утекла великая мечта, сейчас не спортсмен. Просто нечем брать. Раду снимать было нельзя, кто-то должен представить страну.

Они мотивировали, подвешивали сладкую морковку второй гигантской победы, великого дубля, золотой лиги тех, кто смог. И не верили в успех, потому что Рада не могла. В Раде плескалась усталость, опустошенность, мечта об отдыхе. Ко второму подвигу девочка готова не была.

Прожили эту драму вместе. Несчастливая Рада отплакала боль падений на льду мирового первенства и позор падения с пьедестала главной “звезды” сезона. Нарыдавшись до сухих бесслезных всхлипов, фигуристка выбралась из объятий тренера и ушла в свой номер. Виктория же тут же покинула собственный, атмосфера, оставшаяся внутри душила. Теперь сидела в лобби отеля без сил, потому что этот год ее рано или поздно обязательно убьет. И выступления Рады будут настолько малой каплей, что о них и думать-то не стоило.

Мама уходит. Это почти неотвратимо. Стоп! Будь честна с собой, Вика! Это совершенно точно неотвратимо. Раньше или чуть позже. Борьба проиграна. И вроде, какая глупость – случайный перелом на пустом месте, оказавшийся симптомом саркомы, давшей метастазы по всему организму. Мама уйдет, потому что внутри нее паутина неживого. Внутри самой живой мамы. Больше всего Домбровская винила дурацкий перелом. По-детски казалось, не будь его, не было бы и диагноза, а не будь диагноза, мама была бы здорова. Так все просто.

Мила молчит. Как только ушла на реабилитацию, так перестала отвечать на звонки и сообщения. И теперь кажется, что ее уход, до сих пор неозвученный, был очевиден еще там, в кис-энд-край их общей цели на двоих, когда девушка, заливаясь слезами, обвиняла и требовала, а Домбровская за-

крывала ее от телевизионных камер и тоже требовала. Требовала найти в себе силы и оставить себе свои ошибки. Может, стоило согласиться с ней? Сказать, что в ее словах есть доля правды. Тренер тоже идет за своим “золотом” на международные и местные старты. И грех его винить за то, что он умножает шансы и снижает риски. Только разве бы Милка это поняла? Спортсмен точно знает, кто должен стать чемпионом, а тренер знает, кто чемпиона должен сделать. В этом глобальная разница, в фамилии, которая точно обязана прозвучать обязательно.

И что против всего этого какие-то старты, даже старт чемпионата мира? Тем более в такой год. Да половина из тех, кто бился за вожаденные медали этой олимпиады сезон на ней и закончили. А они приехали. Стране нужны свои претенденты на большом старте. Может, и не стоило? Два пика формы в такой короткий промежуток – это нереально. И кому как ни тренеру знать все на эт тему. Выходит, и в том, что сейчас в номере плачет девочка шестнадцати лет тоже ее, Викина, вина.

– Виктория Робертовна, о чем ты так глубоко задумалась?– Илья подсаживается в соседнее кресло, вглядываясь в лицо начальницы. Усталое лицо. Осунувшееся. Замершее холодной маской недоверия.

– Да так, Илья Сергеевич, набегают внутренние счета, пытаюсь понять, как буду расплачиваться,– Вика хлопает его по руке, лежащей на подлокотнике и резко поднимается со словами:– Пожалуй, пора и отдохнуть.

И тут в глаза ударяет непроглядная чернота... И следующее, что она видит – номер Ландау, а над ней стоит врач сборной. И мерзко в носу ощущается запах нашатырного спирта:

– Илюх, я начальство вернул к жизни!– смеется специалист,– Ты для нее хоть сахар в кармане носи что ли, если уж она принципиально общепита избегает.

Эскулап собирает свой чемоданчик и, пожав Ландау руку, уходит к себе.

– Я правильно понимаю, что еда – это не твой эндорфиновый приход, Виктория Робертовна?– улыбается Илья и заказывает в номер ужин на двоих.

****

Ну что же, у любой медали есть обратная сторона. Обратная сторона такой заботы и внимания – сокращение степеней свободы.

Ложка звякает о стенки стакана. Сегодня утро началось без Ильи, так что с кофе началось, им и закончилось. Ужинать, похоже, тоже будет водой. Мысли Вики невесело текут своим чередом. Телефон, кстати, заряженный, и тоже без ее участия, булькает сообщениями, которые Домбровская не читает.

В дверной проем просовывается голова Ильи, а следом в полностью открывшуюся дверь заходит и он сам. В руках пластиковая тарелка из доставки и ложка. Капельки конденсата говорят, что внутри что-то горячее, как минимум теплое. И это для нее.

– Ешь! Я же знаю, что ты не завтракала,– ставит на стол тарелку молодой человек.

Женщина кивает головой, сдвигает в сторону тарелку:

– Давай поговорим. Про сегодняшнюю ночь, ну, и вообще,– ложка продолжает звякать о стакан, хотя размешивать уже совершенно нечего. Сахар давно растворился в жидкости.

Ландау забирает у нее ложку, стакан, пододвигает поближе тарелку, открывает пластиковую крышку. По комнате

распространяется запах пшенки с тыквой:

– Никуда твой разговор не убежит. А сама ты можешь куда-нибудь сорваться в любой момент запросто. Ешь кашу!

И она ест. Во-первых, он прав; а во-вторых, ну, есть же тоже когда-то надо. А мужчина любит тем, как склоняется над тарелкой светлая голова, дуют на ложку с горячей кашей полные губы, покрытые розовым блеском, даже тем, как она жует. Не то, чтобы у Ильи не было до этой ледяной блондинки женщин, которыми он очаровывался всерьез. Его тонкая эмоциональная натура жила фейерверками чувств всех видов, напивалась ими и отдавала потом эту энергию в творческий процесс, хоть катания на льду, хоть, как сейчас, в постановки программ. Илья Сергеевич любил любить женщин. Ему в принципе нравилось то эмоциональное состояние, которое дает очарованность человеком. В нем жил огонь, питающийся прелестью противоположного пола. И не умея Ландау так эффективно сублимировать этот пожар в творчество, к своим тридцати с небольшим плюсом превратился бы в унылого бабника.

Но эта тоненькая стальная богиня с лучистым взглядом, когда она улыбается, и металлом в зеленых, как медь, долго пролежавшая в каком-нибудь хранилище-склепе, глазах, когда настаивает на своем, была совершенно особенной фор-

мой очарования. “Эталон женщины для палаты мер и весов” сказал бы его папа, если бы мог познакомиться с ней.

– Все, я доела, Илюш! Давай уже закончим с нашей проблемой,— говорит Вика, отодвигая тарелку,— каша вкусная, спасибо.

– Да, о чем тут говорить, Эр? Я психанул. Но я дико испугался. Третий час ночи, тебя нет, телефон молчит. У меня мир кончился! Прости, что так ушел, нехорошо вышло,— вздох раскаяния закругляет его эмоциональную речь.

Женщина задумчиво внимает раскаянию по другую сторону ее рабочего стола, куда отодвинута пустая тарелка. Тихо кивает головой:

– В этом-то и проблема,— наконец говорит она,— Такое будет повторяться. Рано или поздно. И все чаще и чаще со временем, не так ли?

Молодой человек хочет что-то возразить, но она лишь коротко взмахивает рукой, словно отменяя его возражения.

– Будет, Илюшенька, обязательно. Я же даже не говорю, что ты не имеешь права. Все дело в том, что право ты имеешь. Но я... Я такое серьезное отношение не выведу. Зна-

ешь, чем я вчера занималась до трех ночи.

– Ты же говорила, что кого-то подвозила домой? Милку, наверное, – как-то неопределенно отвечает Ландау.

– Верно, подвозила, но не Милку, а одного очень старого знакомого, который не мог ехать сам, потому что был пьян и отказывался вызывать такси.

Илья понимающе кивает. Вчера в пике своих эмоций он абсолютно верно охарактеризовал себя "охрененно понимающим" человеком во всем, что касалось ее нужд и интересов.

– Я действительно забыла телефон и не слышала твоих звонков, но, и это важно, я и сама не вспомнила о том, что тебе бы надо позвонить. И тот факт, что телефона нет в сумке я заметила только сегодня утром и не потому, что хотела перед тобой извиниться, а потому что нужно было решить рабочий вопрос. Илюш, я не буду другой! Вся моя жизнь – вот про это: лед, фигуристы, снова лед, старты. Все остальное – по остаточному принципу. Легче со мной не будет. Я легче не буду!

– Я не понимаю, – морщится Илья, – ты мне сейчас даешь отставку? Из-за одной ссоры?

Женщина бессильно вздыхает:

– Нет, но я хочу, чтобы ты всерьез подумал о том, что я сейчас скажу. Я взрослая женщина, об этом неприятно думать, но совсем скоро про меня будут говорить “пожилая”. Я вряд ли уже что-то изменю в своей жизни: я буду работать всегда тренером, буду мотаться в Японию при каждой возможности к дочери, буду забывать, пренебрегать, не замечать твоих нужд и интересов, потому что что-то или кто-то всегда будет важнее. Я, банально, уже не рожу тебе ребенка. А дети – это настоящее чудо. И ты будешь прекрасным отцом.

Илья вскидывает голову:

– Меня мать в 45 родила. Сейчас куча возможностей не рожать самой. Я не вижу препятствий...

Вика усмехается:

– Да какая из меня мать, ей богу?! У меня половина года в разъездах, когда меняются страны и континенты будто в калейдоскопе, чемоданы распаковываются дома, чтобы запаковать новый комплект одежды. А вторую я провожу, пытаюсь вникнуть, у кого костюмы не пошиты к сроку, кто успел

руки-ноги переломать, кому надо срочно поменять график, чтоб поместить репетитора по английскому, а кого срочно отправить на операцию в Израиль или Германию, и так без конца. Сюда никак не вписываются бессонные ночи с грудным младенцем, режущиеся зубки, гормональные бури и все остальные прелести материнства. В такие игры надо играть, пока есть молодость, столь мало ценимая людьми.

– С Никой же получалось!– уверенно произнес мужчина.

– С Никой я была почти на 20 лет моложе. И да, мне повезло, что она полюбила фигурное катание, а то ничего бы с ней и не получилось. Я б ее при свете дня даже не видела большую часть ее жизни. И это еще одна важная причина, почему дети – не про меня!

Илья встряхнул головой, словно пытаясь разогнать морок:

– Я совершенно перестал понимать, куда ты ведешь беседу. При чем тут дети, которых пока никто вроде не планировал? Разве я от тебя чего-то требую в этом вопросе? Ты мне скажи, ты просто не хочешь больше, чтобы я был рядом? Ты меня разлюбила, я правильно понимаю?

Вика тихо и очень грустно рассмеялась:

– Ох, Илюшенька, не люби я тебя, насколько все было б проще!

– Тогда я просто ничего не понимаю. Ты хочешь со мной расстаться, потому что считаешь, что у меня должны быть дети от другой женщины? Только я слышу что-то дикое в этой идее?– Илья сидит, упершись локтями в ее стол, запустив обе пятерни в волосы и смотрит на произносящую непонятные речи женщину почти безумным взглядом, на мужском лице проносятся чувства, основными из которых можно назвать недоумение и боль,– Эр, ты о чем вообще? Это же бред!

– Это не бред. Это жизнь. Вся та огромная жизнь, которая кроме любви. Илюш, я пытаюсь думать хотя бы на шаг вперед. Ну, не смогу я быть нормальной женой или спутницей талантливого человека. Очень скоро это станет очевидно и тебе, захочется вариант попроще и поспокойнее. Лучше оторвать себя от тебя сейчас, пока приросла только кожей, чем ждать, когда врасу с мясом. Всем будет больше и сложнее.

Кажется, он через секунду начнет биться головой о столешницу в тщетной попытке понять извивы женской логики. Она его любит, что, прямо вот прорыв в космос, но она его бросает, потому что любит. Ну, и кто из них сошел с ума первым и сводит другого? Нет, бог определённо сотворил

женщину не из ребра и не из глины. Вероятно из какого-то случайно заброшенного с далеких галактик материала. Ничем эти существа, внешне прикидывающиеся обычными человечками не похожи по структуре мышления, если это вообще можно назвать структурой, на мужчин.

В дверь легко стучат и входит Федотов, администратор, крепкий хозяйственник, финансовая и материальная во всех смыслах опора “Сапфирового”, худющий, лысоватый мужчина под пятьдесят:

– Вик, закончишь здесь, зайди ко мне в кабинет. Надо пару вопросов обсудить,— деловито обращается к тренеру юркий администратор,— Привет, Илюх!

Домбровская коротко кивает головой в знак понимания и согласия, а менеджер уже убегает из ее кабинета, кажется, даже не дожидаясь ее согласия, и вынимает на ходу пиликающий сотовый, чтобы пообщаться с очередным очень важным для их катка человеком. Змееобразное тело исчезает в коридоре административных помещений ледового комплекса под радостно-ласковое воркование гибкого хозяйственника.

Женщина провожает визитёра задумчивым взглядом:

– Неуместный у нас разговор получился,– внезапно осознает она.

Илья в очередной раз встряхивает вихрастой головой:

– Ты мне только одно скажи: ты меня сейчас бросила или нет? Я ни черта не понял.

– Илюш, давай просто возьмем паузу. Не могу я выяснять отношения, не умею и не понимаю – зачем. Время само решит и все расставит по местам.

Значит, если его даже и бросили, то неокончательно, по крайней мере, пока:

– Хорошо, на какой срок эта пауза?

– До чемпионата России, хотя бы. А там, может, и не понадобится что-то выяснять. Все само собой образуется,– и то ли огорчение, то ли надежда звучит в голосе Домбровской.

– До начала или до окончания?– пытается выяснить точные даты Илья.

– Как пойдет,– отмахивается Вика,– не нравится мне все, что вокруг нас творится. Ладно, Илюшенька, пора и работу

работать.

Телефон мяукает очередным сообщением:

“Приезжайте завтра к 8.30, если это действительно срочно”. Андрей Петрович, видимо, не большой любитель тянуть кота за хвост.

– Илья, у меня завтра ранняя встреча. На утренний лед я, наверное, не попаду.

Ландау кивает головой и выходит из кабинета старшего тренера. Но тут же возвращается и забирает пустую тарелку из-под каши:

– Пообедай, пожалуйста, Эр, а то меня может рядом и не оказаться, когда ты свалишься в голодный обморок. А это будет неприятно, сезон не закончен.

И после этой саркастично-обиженной фразы хореограф окончательно уходит решать рабочие задачи.

Здесь каждый дух затерян внутри огня, которым он горит

– И что мне со всей этой ситуацией делать-то теперь, Андрей Петрович?– Именно этим вопросом Вика закончила свой короткий, но ёмкий рассказ о недавнем открытии, по ком же болит сердце у ее ученицы.

Психиатр покрутил в пальцах карандаш и произнес:

– Зависит от того, для чего вам нужен ответ на этот вопрос и насколько вы уверены в правильности своих выводов.

Женщина чуть прищурилась и с лёгким сарказмом произнесла:

– Поверьте, Мила весьма убедительно продемонстрировала мне свои чувства.

– Я так понимаю, рассказывать мне – как именно – вы не станете, – уточнил мужчина, – и вряд ли это была смска, судя по тому, что вы так заливаются краской.

Казалось, психиатра веселит смущение его визави.

– Хорошо, примем на веру ваши выводы. Как врач, по своему профилю, могу сказать только одно: накопительный эффект от того, что я ей прописал, будет примерно через месяц. До этого у вас граната с выдернутой чекой в руках. Из плюсов: она скорее убьет вас, чем наложит руки на себя. Так что жить ваша девушка будет, но, возможно, не той жизнью, которой ей бы хотелось.

Виктория смотрит на него недоверчиво:

– Вы серьезно сейчас про убийство?

– Слушайте, тренер! У вас в ноль выхолощенный почти подросток, отдавший все за призрак мечты и получивший – пшик! И, если я правильно вижу ситуацию, обе вы считаете, что в этом пшике есть вина ее тренера? – мужчина внимательно смотрит на собеседницу и слегка кивает, видя на ее лице подтверждение своим мыслям.

– Так вот если неудачно ткнуть в больное место, вы можете получить все, что угодно, от депрессии до психоза. А в психозе, да, иногда случайно убивают.

Врач увидел, как полиняло лицо женщины напротив и по-

спешно добавил:

– Да вы пока так не убивайтесь! Это же предельные варианты. В большинстве случаев все заканчивается обычной, ничем непримечательной истерикой и всеми стадиями проживания потери. Тоже так себе состояние, но это проходит. Люди переживают свои травмы и научаются с ними жить.

Виктория пристально разглядывала мужчину за письменным столом:

– То есть я правильно понимаю, что вы мне сейчас говорите: если все будет хорошо, то девушка 20 лет получит душевную травму, от которой вряд ли оправится полностью, а если все будет плохо, то плюс к травме она может получить срок за мое убийство?

– Ну, почему обязательно за ваше?– пожимает плечами психиатр,– На кого бог пошлет.

– Даже для меня это слишком цинично, Андрей Петрович, а я не бог вещь какая тонкая натура,– бросает Вика.

– А у меня профессия не располагающая к романтизму,– спокойно констатирует врач,– Дело-то не в этом ведь, дорогая Виктория Робертовна. Я не психотерапевт, мое дело

таблеточки прописывать, когда слово уже бессильно. Но демо-версию могу сыграть для вас.

Мужчина небрежно откидывается в кресле у офисного стола на тонких металлических ножках. В окне по левую сторону от стола мягко переливается осенними красками утро. Кабинет так стерильно безличен, что единственным крючком для взгляда становится книжная полка, заставленная справочниками. Стетоскоп отложен в сторону, на дальний от пациента край стола. Прозрачные песочные часы рядом с ним медленно текут осязаемым временем.

– Скажите, что вас действительно смущает в этой ситуации? Неужели для вас секрет, что ученики влюбляются в учителей сплошь и рядом? Это почти нормально. Глупо, но нормально, как минимум, распространено. И в большинстве случаев ситуация либо спускается на тормозах, либо получает развитие. В принципе вы можете пойти любым из этих путей. Это куда-то да выведет.

Вика выгибает аккуратную бровь и улыбается холодно:

– Вы всерьез полагаете, что с человеком, который отобрался на олимпиаду в высококонкурентном в стране виде спорта можно что-то спустить на тормозах? Мне что бегать от нее? А тренировать, убегая?

Виктория почти презирает его, даже не пытаясь скрыть меру недовольства такой рекомендацией. Доктора это немного забавляет и удивляет, так как он всего лишь очень умозрительно предлагает очевидно маловыполнимый вариант для того уровня контакта, который есть между этой женщиной и спортсменкой, что была у него на приеме недавно, но тренерша, кажется, вполне серьезно рассматривает даже невыполнимые варианты.

– Ну, тогда не убегайте. Девушка вам явно небезразлична. Вряд ли ее страсть продлится долго. Получив ответ, она успокоится. И жизнь потечёт своим чередом.

А это в ее взгляде уже не презрение, а возмущение, которое сейчас ему выдадут полной порцией:

– Вы понимаете, насколько аморальную вещь мне предлагаете?! Я этого ребенка с малолетства знаю! Я ее учитель! Я в конце концов в матери ей гожусь! Я всегда хотела, чтобы из нее получился хороший человек. Я делала все, в том числе и своим примером, чтобы они отличали добро от зла. А вы мне говорите что? "Переспите с вашим ребенком! От вас не убудет, а ей быстро надоест!" Вы понимаете, что несёте?!

Блондинка становится резкой, колючей, словно вся пре-

вращается в острые грани и готова резать каждой, если ее задеть.

– Знаете, чего важного я не слышу в ваших словах, Виктория Робертовна?– мягко говорит психиатр.– Я не слышу в них про вас, ваши желания и возможности. Вы не говорите, что не можете этого сделать, потому что вам противно или вы связаны другими отношениями, или вам не нравится именно эта девушка физически. Вы понимаете, что вы готовы стать объектом ее желаний и дорогой к их реализации, чего бы вам это ни стоило? Давайте честно, это даже более ненормально, чем рваться к железяке, которую вы называете золотой медалью!

В ответ на эти слова снова презрительный взгляд, который вызывает у врача едва заметную улыбку.

– Влюбленность вашей фигуристки – это ее жизнь, ее опыт. Она его проживет неизбежно. И опыт отказа однажды переживет. И опыт снисхождения. И много других неприятных и приятных опытов. И, да, у нее останутся душевные раны от этого. И это будут ее, а не ваши раны. Не спешите их принимать на себя, ресурса не хватит.

Андрей Петрович делает небольшую паузы, удобнее размещаясь в рабочем кресле.

– А по поводу того, что вам делать. Вы верно сказали: вы знаете ее с малолетства, вы ее воспитывали. И вы лучше меня знаете, как поступать с ней, чтобы она не навредила ни себе, ни вам. Вы лучше думайте, как вам поступать с собой, чтобы себе не навредить, пока вы выстилаете ей дорогу в светлое радостное будущее с единорогами и розовыми пони.

Мужчина внезапно наклоняется над столом, несколько приближаясь к собеседнице:

– И да, Виктория Робертовна, я уверен, что никакой вашей вины в состоянии этой спортсменки нет. Всего лишь стечение обстоятельств. Жизнь, как она есть! Но пока в это не верите вы, она верить тем более не будет.

Его награждают коротким кивком головы и холодным:

– Я приму к сведению ваше мнение.

"И что у мужчин за универсальный способ решения всех проблем: переспать", – нервно думает Вика, покидая приемную психиатра. С другой стороны, одну ценную мысль она услышала: тянуть до конца месяца со всеми разговорами.

Интернет-приложение в магнитоле запускает микс дня из

музыкальных подборок:

Мы так боимся спать,

Что не смыкаем глаз,

И легкой поволокой скрыты сны от нас.

Мы так боимся ждать,

Что кругом голова,

И так необходимы близкого слова..

Только не исчезай,

Не уходи, постой!

Только не оставляй!

Дыши со мной, дыши со мной!

Только не исчезай,

Не уходи, постой!

Только не оставляй

Меня с собой, меня с собой...

Впереди рабочий день. Если повезёт, спокойный.

****

“Не повезет”. Ровно это приходит в голову, когда Вика видит у ворот “Сапфирового” “скорую”. Женщина влетает в холл первого этажа ровно в тот момент, когда по тому же холлу проезжают носилки. На них лежит скрючившись с белыми даже под красной помадой губами Милка.

– Твою ж мать!– в гуле взволнованных голосов первого этажа тонет эмоция Виктории.

За носилками трусят Григорьев и Ландау.

– Что произошло?– обращается она к обоим, но Илья только машет рукой, а Миша хватает ее и тащит за собой молча.

– Илья Сергеевич, собирайте летучку, перераспределите обязанности, чтобы тренировочный процесс шел по плану,– уже выбегая за Михаилом, командует Домбровская.

Ландау останавливается в дверях. Секунду стоит в размышлениях, потом разворачивается и переводит свое внимание на собравшийся в холле народ: спортсмены, тренеры, помощники, охрана и, кажется, даже пара поварих выскочили из столовой.

****

Виктория догоняет носилки, взглядывается в Милено лицо с темными потеками туши от непрекращающихся слез боли. Берет ее за руку и чувствует, как ледяные пальцы вцепляются в ее ладонь:

– Милочка, маленькая! Где болит?– склоняется как можно ближе к носилкам, но девушка только всхлипывает и все крепче вцепляется в ладонь Домбровской.

– Я даже вдохнуть не могу нормально,– наконец выплескивается из фигуристики с новой порцией слез.

Вика потерянно и зло смотрит на фельдшеров:

– Сделайте что-нибудь?!

– Да что мы сделаем?!– бурчит один,– Ее час назад зако-

лоли, нельзя ей больше!

Пока врачи пакуют Леонову в свою машину, водитель доходчиво объясняет Григорьеву, что им с Викторией разумнее ехать следом на своем авто, потому что туда-то их, конечно, с мигалками довезут, а обратно – сами, все сами.

****

Следуя за машиной “скорой”, Вика слушает короткий рассказ Миши о произошедшем.

– Вообще, мы толком и делать-то ничего не начали. Ну, размяли ребят, пустили на лед. Первые круги, первые фигуры. Я еще и не подключался так-то. Илюха, тот поактивнее катал их, думаю, и видел больше, потом у него порасспросишь детали. Ну, пошли в отработку первых прыжков, да не прыжков так, заготовки. И тут она делает перепрыжку по сути, валится на лед и чуть не воеет.

Тренер резко выкручивает руль, поворачивая за “скорой помощью”.

– Ну, чего. Позвал врача, говорю: “Коли! Девчонка мучается, пусть хоть “скорую” дождетса без боли”. А он мне: “Фиг тебе, Мишка! Я вашу Леонову обколол прямо перед

тренировкой. Сама пришла.” Он, конечно, тот еще красавец, хоть бы с кем посоветовался или хоть после сообщил, но делать-то что теперь? Она у нас 15 минут лежала до приезда врачей. А у тех то же самое из обезболивающего. И им колоть ее больше нечем. В общем, я столько всякого видел, но пока ее выносил со льда с парнями, пока на носилки клал, думал поседею окончательно, понимая, насколько ей хреново.

– Дура упертая!– почти неслышно шепчет Виктория. И громче: – И мы дебилы! Надо было предполагать, что она не слушает никаких добрых пожеланий. Не девка, а конец света,– резюмирует в итоге женщина.

И с этой фразой они въезжают в ворота хирургического центра следом за скорой помощью.

Мольбу, быть может, позднюю творя, молю, помедли здесь, где мы страдаем

Когда долго занимаешься одним делом, теряется ощущение движения внутри общего потока, и только временами, обычно из-за каких-то совершенно побочных ударов судьбы, внезапно замечаешь, как далеко то время, когда ты начинала. Вика с неожиданным удивлением осматривает трибуны ледового дворца на очередном этапе национального кубка. Если бы ей пятнадцать лет назад, когда она только начинала выезжать со своими спортсменами на старты такого уровня, кто-то сказал, что пройдет совсем немного времени и вот этот, внутренний кубок, совершенно проходной, коммерческий турнир для фигуристов исключительно России, придут снимать ведущие спортивные телеканалы страны, журналистов придется отгонять от раздевалок грозными окриками, а болельщики перекроют доступ с улицы так, что коридоры внутри людского потока для спортсменов будут прокладывать с помощью полиции, да они бы посмеялась в лицо придумавшему эту фантазию.

Но вот они стоят под прицелами камер, огромное табло

под куполом показывает лица тренеров, а зал заходится приветственными аплодисментами. Вика поднимает в очередной раз глаза и тут же опускает, на экране крупно лицо Ландау, легкая улыбка. Мужчина пытается не замечать вакханалии болельщиков. Они играют в странную игру “не рядом”, “не вместе”. Впрочем, они играют в нее вообще на публике, потому что никакого отношения не имеет личная жизнь к тому, что должны видеть и понимать зрители, но только сейчас игра пошла всерьез. Теперь это не от болельщиков, а друг от друга. Важнее и сложнее правильно вести партию и помнить урезанную партитуру.

Второй этап Национального кубка они все запомнят этим странным танцем отстранения и сближения. Даже Мишка Григорьев, который к нему не имел никакого отношения по сути, но невольно тоже стал участником. Два дня их трио его танцевало у бортика с дичайшей настойчивостью. Вика вела в начальных па, но каждый раз к концу вынуждена была признать, что танец снова не удался. Ни один досужий зритель никогда не обратил бы внимания на эту удивительную пляску, но она о ней знала, Илья чувствовал кожей, а Миша только молча наблюдал, куда все это катится.

У Григорьева было ценное правило – не влезать в чужие семейные передряги. Он старательно придерживался этого правила и внутри их дружного трио. Никогда побочные со-

ветчики никакого добра не делают, ни себе, ни тем, кому раздают советы. Попросят о помощи, любой из двоих, не словом, а делом, Миша всегда поможет, потому что грех не помогать хорошим людям, а толочь воду в ступе – лишнее. Вот и наблюдает их топтание, молчит, осмысляет.

Итак, встаем на точку, Виктория Робертовна. Как можно дальше от Ландау, в результате – почти вплотную к Григорьеву. Говорим себе: держи дистанцию. И погружаемся в прокат короткой Машеньки или произвольной Яночки.

Оказывается зрителям жутко интересно смотреть на то, как их троица вытанцовывает за бортиком. Вика и Илья почти синхронно. Михаил присоединяется только в моменте прыжков, а потом снова замирает надежным ограничителем, чтобы эта эмоциональная парочка не начала бегать вдоль всего борта, гоняясь за спортсменкой.

И каждый раз в течение двух дней к концу программы своих спортсменок Домбровская чувствует, что прижимается плечом к плечу хореографа. Как говорится: “Никогда такого не было и вот – опять”.

Именно поэтому через два дня после всех танцев с бубнами, поздним осенним вечером Вика сидит в интернете и смотрит видео трансляции с кубка от одного из спортивных

каналов, который любезно освещает в правом нижнем углу, чем занимаются тренеры, пока спортсмен, надрывая жилы, демонстрирует миру результат их совместной работы. Команда Домбровской, естественно, танцует. Вот на пионерском расстоянии, а вот программа заканчивается и она, готовясь бежать в подтрибунное к Яне, что-то говорит Илье, плотно прижимаясь к его руке.

Вика смотрит это видео уже в пятый раз, совершенно отвлекшись от Машиного проката и погрузившись в мелкую картинку сбоку. Сначала Илья благородно шарахается назад, сохраняя очерченную ею дистанцию, как только она отступает в его сторону. Потом они синхронно приседают и делают шаг вперед... Вот картинка прячется. А вот конец, и им для полного слияния остается только поцеловаться взапас, потому что, куда уж ближе, когда ты к мужчине чуть ли не привалилась и что-то говоришь, запрокидывая голову, а он склоняет к тебе лицо, чтоб лучше слышать. Расстояние за гранью интимности. “Горько”, вашу мать!

Смотреть, что она вытворяла за бортиком на произвольной упорно желавшей полежать на льду Яны, смысла не имеет. В результате в конце программы их дуэт стоит так, что даже слепому ясно, что в этом трудовом коллективе двое не только трудятся вместе, но еще и засыпают в одной койке. И к Мишке это подозрение неприменимо.

Вот Яночка жалуется на развязавшиеся шнурки, получает втык за неумение подготовить обувь к важному прокату. И Вика убегает за Машей. Ну хоть в чем-то она похожа на профессионала, а не на малолетнюю влюбленную дурочку! Господи, да ее семнадцатилетняя дочь так не льнет при камерах к своему партнеру, хотя, черт ее возьми, Вика уверена, что рецепт на противозачаточные у Ники теперь не из спортивной необходимости, а по личной нужде обновляется. И Ландау тоже... мог бы и придержать ее, знает же, что в прокатах Вика ни о чем другом думать не может, кроме самих прокатов. Безответственный тип все-таки этот Ландау.

Так что... Чума на оба ваши дома, Виктория Робертовна и Илья Сергеевич!

****

Тренькает домофон. Интересно, кого несёт в это время к ней домой? Появляется сумасшедшая мысль, что это Илюха, который презрел все ее слова про паузы и приехал расставить точки над *i*. Какая нелепая надежда! Совершенно ненужная и все осложняющая.

Но видеодомофон внезапно показывает лицо Миши Григорьева.

– Мих, ты чего?– вместо приветствия спрашивает Домбровская.

Григорьев протягивает ей пару шнурков.

– Пощупай?– предлагает женщине.

Шнурки немного странные, жестковатые. Два тренера смотрят друг на друга, держа в руках непонятно зачем принесенную на ночь глядя деталь спортивной экипировки. В итоге Вика спрашивает:

– Это что?

– Это шнурки Янки, которыми были зашнурован ее ботинок вчера,– Миша задумчиво трет подбородок и продолжает.– Я предложил посмотреть, как у нее с заточкой лезвий, хоть мы и недавно точили. Взял ботинки, чувствую что-то непонятное. Шнурки она поменяла, а эти я забрал.

Взгляд Виктории все такой же непонимающий.

– Тебе не кажется, что они странные?– спрашивает Григорьев. Блондинка неуверенно кивает.

– Вот, и мне показались. Я проверил. Если их хорошенько потереть и потянуть, они становятся скользкими. Попробуй-ка!

В итоге Миша сам берет шнурки и качественно их трясет и дергает, а потом передает снова Домбровской. И правда, словно масло выделяется на поверхность плетения.

– В общем, Вик, не сами собой они у Яночки развязались на произвольной.

– Заходи,– Домбровская делает приглашающий жест и уходит в комнату. Михаил потоптавшись в прихожей, снимая одежду, проходит следом.

Они садятся рядом. Молча смотрят сначала друг на друга, потом на шнурки. И только после этого Виктория произносит:

– Почему Яна не заметила?

– А ты б заметила, не обрати я твое внимание? И это ты без перчаток,– Михаил смотрит в пол и говорит то, что сама она произнести не решается,– Хреново наше дело, Вик. Это саботаж чистой воды. И похоже, что все только начинается.

Оба они без уточнений понимают, на кого падает подозрение в первую очередь:

– Миш, я в это не верю! Он сам спортсмен! Сам прыгал четверные! Кому как ни ему знать, насколько это опасно? Да и не похож он на человека, который с девчонками будет бороться.

Вика пытается привести аргументы и самым весомым считает Алю:

– Ну, ты вспомни, как он с Извицкой возился. Он не поленился тогда из Питера в Москву прикатить, чтобы помочь ей с прыжком разобраться! Он ее на руках таскал на тренировках, когда она пожаловалась, что натерла ногу. Не мне, Миш, ему. Я не верю! Канунников, конечно, тот еще жук, но ломать детей – это все-таки не в его характере.

Григорьев пожимает плечами:

– Кто его знает, Вик, люди меняются со временем. Не всегда в лучшую сторону, согласишься. Кто мог подумать три года назад, что он нам устроит такое? А поди ж ты! Да и не один он в команде. И далеко не все из оставшихся что-то там прыгали и даже стояли на коньках.

Подбородок Домбровской напрягается. Взгляд становится жестким:

– Хорошо, Миш. Завтра это обсудим с Илюхой и другими тренерами. Попробуем выработать тактику. А пока поезжай домой, все равно ничего путного мы сегодня вдвоем на сообразим.

Пока Михаил обустраивается в прихожей, Виктория стоит прижавшись к стене погруженная в свои мысли полностью.

****

Полтора года после олимпиады

На пустых трибунах катка, где уже завтра начнутся открытые прокаты, сидят лишь посвященные и приближенные. Тучная старуха, которую, поддерживая с двух сторон, аккуратно усадили на один из стульев, внимательно наблюдает, как девочки отрабатывают движения. У нее тоже когда-то были легкие движения и большие надежды, которые закончились в 18 лет. Закончились совсем не спортивно и глупо: отмечали победу. Даже пьяными не были. Ну какое пьянство, когда все спортсмены. Подвернулась нога, в танце и партнер, держащий за руку неудачно дернул, пытаюсь не допустить падения. Локоть вылетел из сустава. И больше проч-

но не крепился в теле. И была-то у нее одна победа на чемпионате страны и большие перспективы, закончившиеся ничем. Вот и весь путь в большом спорте.

Венере Андреевне Матвеевой грешно жаловаться на свою жизнь. У нее было все, и слава, и успехи, и большие, достойные книг интриги, и небольшие, достойные интереса в прежние времена ОБХСС, коммерческие мероприятия, ставшие потом основной ее маленьких бизнесов, из которых выросло непрекаемое финансовое влияние, помноженное на профессиональный авторитет. Даже семья у нее была счастливая. Но все это было. Ее жизнь уходила в прошлое, с каждым днем оставаясь все больше там, по другую сторону заката. В воспоминаниях. В прожитом. А здесь, на арене Подмосквового катка, плескалась жизнь сегодняшняя и завтрашняя. В этих маленьких девочках, их тренерах. Молодой поросли, которая придет ей, Матвеевой, а еще ее заклятым-друзьям, любимым подругам, уже отошедшим от дел или еще работающим коллегам, то есть великим тренерам уходящей эпохи на замену. Да уже пришла.

Именно туда, на тренерские штабы и смотрела Венера Андреевна. Точнее на один штаб. Точнее на худую высокую блондинку, откидывающую непослушный локон, выбившийся из строгой прически. Не умеет Матвеева видеть человеческий потенциал, в ее копилке никогда не было бы такой

россыпи чемпионов. И в этой женщине, внимательно следящей за своими детьми на льду, чувствовался не просто потенциал, а энергия мощного лазера, режущего время и пространство в достижении своих целей. Очень жаль, что она упустила в самом начале карьеры из своего цепкого внимания эту щуплую девчонку. Эмоции затмили разум.

Бог не дал Венере Андреевне своих детей, да она и не рвалась их обрести. Когда ты половину суток проводишь на льду рядом с молодежью, отсутствие собственных отпрысков совершенно не тяготит. Кроме того, у брата Марса Андреевича, тренера конькобежцев, пошедшего по стопам их отца, было трое прекрасных сыновей, которые дополняли обойму любимых мальчишек и девчонок Венеры. Андрюшка, названный в честь деда, Вовка – обаятельный любимец всей семьи и младший Шурка, добродушный и нежный малыш. Всех своих племянников Венера обожала нечеловечески, желала им лучшего, пыталась пристроить сначала к самым хорошим тренерам, к сожалению, никто из парней фигурным катанием не увлекся: Андрюха рванул в хоккей, Вовка пошел по стопам отца, а Шурик оказался совсем не про порт, так что его оставили в покое, пусть для себя занимается.

С невестами, как парни подросли, проблем тоже не было: у Венеры Андреевны имелся штат фигуристок на любой вкус

– выбирай – не хочу! Шурка первым определился. Запала ему чуть ли не в пятнадцать лет девочка. Так в восемнадцать их и поженили. До сих пор живут душа в душу, хотя со спортом юная жена завязала быстро. Семья все же.

Андрей походил без интереса кругами, да и попросил не приставать к нему женитьбой. В результате к сорока годам нашел разведенную американку с парой детей и улетел за океан.

Вовка перебирал девчонок как яблоки, ища самый сладкий плод. В итоге определился, взяв лучшую из учениц Венеры. Аленка была настоящей звездочкой, чемпионкой, призеркой чемпионатов Европы. И только на такую девушку был согласен обменять свободу весельчак Вовка Коршунов.

И когда после десятка лет брака, замечательного сына Ванечки, на горизонте вдруг нарисовалась какая-то девка, притащившаяся за обожаемым Володенькой аж через океан, Венере было не до потенциала Домбровской. Она защищала прекрасную, образцово-показательную семью своих детей, где рос ее счастливый внучок Ваня.

Видит бог, Венера приложила все силы, чтобы любовнице ее племянника не светило ничего на родине, которую она оставила добрые пять лет назад. Нечего ей было делать тут

без работы, которую девица искала с настойчивостью танка, не боясь обращаться дважды, а то и трижды в каждое место, цепляться за любую потенциальную вакансию. И ведь нашла же, не побрезговала ни захолустном катком, ни копеечной зарплатой.

И поперла танком уже в профессии. Надо же было умудриться вывести на старты детей чуть ли не из дворовой “коробки”. И как вывести?! Будто на олимпиаду: с настроем. С верой в победу. С силой.

После этого стало очевидным, что никакое влияние извне теперь не остановит более серьезные школы. Домбровскую кто-нибудь да возьмет к себе. Ее и взял подмосковный ледовый комплекс.

Еще был шанс, что девчонка закрутится и ей станет не до женатого любовника, но Вика опять удивила: взяла и забеременела.

После такой новости Венера поняла: тянуть нельзя. Недаром Матвеева была великим тренером, объяснять и правильно стимулировать людей она умела. Вовочку тоже простимулировала по полной, объяснив, что в жизни первично – семья, а что побочно – непонятные любовницы и их байстрючата.

Идеальным вариантом, конечно, стало бы нерождение этого побочного ребенка, но, поняв характер молодой да ранней, глава дома Коршуновых-Матвеевых просто плюнула: пусть Вовка выпутывается, как может. А не может – пусть расплачивается за дурь. Аленку только жалко было до слез. Венера велела ей держаться, бедная чемпионка держалась. По-чемпионски. И додержала. Блудный муж вернулся, а беременная молодуха укатила туда, откуда приехала. Временно отпустило.

Вернулась она через полгода с дочерью и льдом во взгляде. А еще через два года стало очевидным – однажды эта зеленоглазая щепка прободает дыру для своих питомцев. Сил Венеры хватило еще на почти восемь лет. А дальше пришла Аля и пробила первую брешь. На Миле Матвеева сломалась. Простила Домбровской все, что было в прошлом, только бы она работала так, как работала теперь, и дальше, поставляя одну за другой спортсменок мирового уровня. По мнению Венеры Андреевны, профессионалу такого уровня и работоспособности как Домбровская можно простить не только плотские слабости, а даже черные мессы с распитием крови младенцев.

Виктория Робертовна же не простила Венере Андреевне ничего. Помнила не только личную обиду, но и каждую при-

душенную спортивную судьбу ее детей.

Монументальная дама чуть наклоняется к своей помощнице и просит пригласить к ней тренера Домбровскую. Девушка послушно кивает и убегает выполнять поручение. Матвеева же продолжает смотреть на лед и еще чаще за лед, не переставая даже в те моменты, когда совершенно не следит за фигуристками, замечать их ошибки. Многолетний опыт позволяет видеть и чувствовать все, что творится на катке. И там сейчас не происходит ничего интересного.

А вот по другую сторону бортика разворачивается сцена, которая достойна пера лучшего драматурга.

Машенька, помощница Венеры Андреевны, имеющая входы и выходы в любое помещение на любом катке мира, благодаря имени своей начальницы и подопечной одновременно, стоит против Домбровской и, очевидно, озвучивает просьбу Матвеевой. Виктория Робертовна лишь сцепляет руки под грудью, что-то коротко отвечает, но именно в это время и происходит все интересное.

Григорьев продолжает стоять у бортика, отдавая указания по прыжкам, но видно, как напрягается его спина и в случае любой неожиданной ситуации он готов развернуться и встать за спину коллеги. Ландау же сразу перемещается

вдоль борта, вставая практически вплотную к беседующим женщинам.

Виктория пару раз отрицательно склоняет голову, видимо, отказываясь от предложения. В это время Григорьев, так же, не отвлекаясь от работы со спортсменами, делает пару шагов в сторону Домбровской.

“Ишь ты, как смыкают ряды”, – восхищается Матвеева. “А вы, Виктория Робертовна, знаете, как прочно привязать мужские сердца к вашему подолу, не так ли? Стоило ли винить дурака-Вовку за такую измену?” – вздыхает про себя Венера.

В итоге, уж что там говорит Маша, но пожилая дама видит, как блондинка длинным взглядом обегает ряды трибун, находит место, где сидит тренер прошлого, что-то отвечает ее помощнице и отходит к бортику, становясь на привычную позицию между Григоревым и Ландау.

****

– Странный этот год выходит, правда, Мишк? – Вика говорит словно в никуда, не возвращаясь до конца из своих мыслей.

Григорьев только молча кивает. Прислушивается к чему-то и произносит:

– У тебя телефон звонит, по-моему.

И правда, набирая силу, раздаётся мелодия звонка. На экране застенчиво улыбающаяся Рада.

– Цагар,– удивляется Вика,– подожди, Миш, вдруг ещё день не закончился.

– Здравствуй, Радость наша,– произносит женщина в трубку и замолкает, слушая непривычно долго что-то, что говорят на другом конце.

– Как он ведёт себя?– снова внимательно слушает.

– Рад, ну, раз он не буянит, пусть пока посидит. Минут через 30 заберем его у тебя,– заканчивает разговор с девушкой тренер.

Дает отбой и, глядя на Григорьева произносит:

– День и вправду не закончился. Пьяный Ландау сидит у Цагар. Девчонка не знает, что делать. Поехали забирать.

– И она позвонила тебе?– удивляется Григорьев.

– Ну, как видишь,– пожимает плечами Вика.

– По меньшей мере удивительно. Ай да, Радочка! Я уж думал такие девушки выродились,– восхищается Мишка своей, пусть почти бывшей, но ученицей.– Надо ее моим с оболтусом познакомить! Какая женщина пропадает!

– Ты о чем, Миш?– перестает понимать коллегу Домбровская

– Ну, как у нас теперь действуют влюбленные женщины всех возрастов, когда к ним вваливается пьяный объект любви? И спать уложат, и рюмочку нальют и себя распакуют для большего удобства, чтобы не запутался в крючках и пуговицах. А тут такой “версаль”! Кто-то же еще может воспитать девушку, которая гонит пьяного вон, невзирая на свои чувства. Ай да, Рада, ай да, умничка!

– Радочка влюблена в Илью?– в очередной раз Вика признается себе, что совершенно не понимает, что твориться на душе у людей, даже ее маленьких людей, которых она ведет к медалям.

– Ты что, Вик?! Она ж в него чуть не с первого взгляда.

Как в омут. С головой. С тех пор и не выныривала!– Григорьев, кажется, тоже удивлен тем, что его напарница могла пропустить такую очевидную всем вещь, как влюбленность Рады в молодого хореографа.

– Господи!– только и вздыхает Домбровская,– да что ж мне нет покоя-то с ними со всеми? Ладно, поехали, Миш,– вздыхает она наконец.

– Ой, как-нибудь без тебя управлюсь!– отмахивается Григорьев,– ночь надвигается. Сиди уже дома.

Выходит за двери и отправляется спасать Радку от сошедшего с ума, не иначе, Ланди.

Объем рассудка нашего и речи, чтобы вместить так много, слишком мал

Вика даже не заперла дверь, продолжая размышлять почти ни о чем, так не хотелось погружаться в реальные заботы. Впрочем, сами воспоминания стали результатом вполне реальной заботы.

Время умело плести странно свою патину, перекрещивая старые воспоминания и сегодняшний день, сплетая что-то важное с совершенно проходными событиями, закончившимися давным-давно, прожитыми и, если не забытыми, то потерявшими всякую значимость.

****

Милку выписывали 10. В субботу. Ни раньше и ни позже, в день проката короткой на втором этапе Кубка. Хорошо, что хоть все действие в Москве, можно еще что-то делать в узких промежутках между подготовками, тренировками, двумя днями стартов.

Нет, конечно, можно не ехать к болящей, но Домбровская предпочитает услышать резюме врача и взглянуть на свою безумную спортсменку одновременно. Она, во-первых, желает высказать то, что думает милой Милочке в присутствии ее семейства. Тут Вика жестока и пряма, стелить соломку под самоуверенность девчонки и попустительство родственников она не намерена, сколь бы сложными ни были ее отношения с матерью Людмилы. А отношения были весьма спорными. Впрочем, со временем они становились такими с большинством родителей.

Будучи матерью фигуриста, в чем-то Домбровская понимала мам и пап своих спортсменов, но при этом беспрекословно полагала, что вмешиваться в работу тренера, пренебрегать его советами и экономить на труде того или тех, кто ведет ребенка к цели – неправильно. И речь идет не лично о ней, она как раз может и пренебречь гонораром, если видит, что спортсмен талантлив, но ее команда должна нормально жить и не думать, где бы подшабашить ради хлеба насущного. На уважительном отношении к их вкладу и зиждется крепость коллектива, воспитывающего идеальные инструменты побед.

Родители же, вкладывая огромные средства, безусловно, ждали отдачи и делились со скрипом, чаще экономя в том числе на том, на чем экономить не стоило. И все же молчать

ради мнимого спокойствия в итоге выходило дороже, поэтому Вика была готова к разговору, если потребуется и откладывать смысла не видела.

Домбровская мчится на выписку, надеясь не только успеть после нее к началу прокатов, но еще перед этим заскочить домой и переодеться во что-то более приличествующее успешному тренеру, чем потертые джинсы. К дверям больницы ее ведет еще очевидная после всего произошедшего необходимость выяснить все подробности здоровья этой ненормальной девчонки из первых рук. Кто ее знает, что она там еще не договорит, придумает по-своему или просто проигнорирует? Так что, проклиная на чем свет стоит московские пробки, Вика едет в день короткой программы Яны и Вари в больницу к еще одной головной боли этого ее сезона.

Мила выходит из дверей в сопровождении врача, опираясь на маму. Домбровская коротко здоровается с женщиной, долго молча смотрит на девушку, пока та не опускает глаза вниз. Для начала неплохой признак, хуже было бы, встретить Вика прямой и уверенный взгляд, которм временами в прошлой жизни Милка реагировала на ее замечания по поводу своих ошибок. Жестко произносит:

– Поговорим, когда придешь на первую тренировку после больничного.

Взгляд, который, казалось, проковыривал земную поверхность до лавы мантии, тут же взлетает к лицу тренера. Когда тебе дарят столько молчаливой благодарности и обожания, невозможно чувствовать себя уютно, особенно с учетом того, что каких-то пять минут назад ждала капризов и препирательств. И Виктория не чувствует. Она смущается, а потому сердится:

– Леонова, это не значит, что я не отправлю тебя вон с первой же тренировки. Я еще не решила!

Видит краем глаза, как напрягается мама спортсменки. С этой стороны как раз никакой благодарности и раскаяния. Тут только недовольство и страх за своего ребенка.

– Алла Анатольевна, – оборачивается к матери Милы Домбровская, – я вас прошу следить за своим ребенком и контролировать ее состояние. Мы не изверги и не садисты, с болями и травмами такой степени тяжести, естественно, не ждем спортсменов на льду. Я ее просто выставлю навсегда с тренировок, если хотя бы заподозрю ложь относительно состояния здоровья и самочувствия.

И после этой тирады наконец поворачивается к врачу, слыша, как медленно удаляются к автомобилю мать и дочь.

Удивительно тихо прошла встреча: ее даже не обвинили во всех смертных грехах, включая пренебрежение к ребенку.

– Справедливости ради,– резюмирует хирург, проводивший лапаро и буквально “заправлявший” на свое место пережатые нервные корешки,– я бы и правда рекомендовал вам не допускать ее больше никогда ни до каких серьезных тренировок. Если это, разумеется, возможно.

– Считайте, что невозможно,– отвечает Домбровская.

– Хорошо!– соглашается врач,– Тогда так. Минимум месяц – никаких вращений, никаких падений и уж, конечно, никаких прыжков. Если ей не терпится натянуть коньки, то ваш максимум – вдоль бортика, желательно с кем-то за руку. И, Виктория Робертовна, я не преуменьшаю и не шучу. Я не стал ей вкручивать фиксирующие пластины, хотя к этому у сейчас прямые показания. Рискнул. И было бы хорошо, чтобы вы оценили мой риск и поберегли эту прекрасную работу. Она действительно ювелирная! Так вот – постарайтесь донести до своей спортсменки, что между нею и инвалидностью даже не прыжок, а один неверный шаг.

Переодеться уже, конечно, не успела. Так и пришлось лететь к началу стартов “в домашнем”, с полным пакетом выписок, справок и рекомендаций для фигуристки Леоновой.

Все еще фигуристки. Фигуристки, которой можно кататься вдоль бортика за руку с кем-то, чтобы не упасть. Сдается, господа, что это была комедия, не так ли, Виктория Робертовна? Но выгнать она ее не могла. И Ахмедов тут был совершенно ни при чем.

****

Полтора года после олимпиады

Домбровская стоит и смотрит сверху вниз на сидящую легенду. Легенда стара, попахивает очень прошлым веком во всем, от одежды до прически и даже улыбки. Легенда по сути уже пережила свой яд, который так больно травил Вику меньше двадцати лет назад. И все же тренер ничего не забыла, больше всего не забыла свою дочь, своих девочек, которые завершили карьеру раньше или ушли и канули в бездну середняков, потому что негласный запрет ставил один заслон за другим ее девчонкам.

Однажды Милка спросила, почему девочка, которую она трижды обыграла в сезоне на стартах имеет допуск к чемпионату страны, а она, Мила, нет. Вика честно ответила, что у девочки другой тренер. И Леонова в лоб задала вопрос: “Получается я не выступаю, потому что тренер неправильный?” Тогда Домбровская поняла, чем она платит за свою ошибку

молодости, а главное, что платит не только она. В тот день женщина всерьез разозлилась и решила прорваться во что бы то ни стало. И все время боялась, что Аля и Мила сдадутся как многие другие, променяв ее на более осязаемые перспективы.

Тем страннее было сейчас слышать из уст этой женщины то, что она слышала:

– Виктория Робертовна, не гони ты ее!– резкий голос даже старость не сделала мягче, он так же криклив и полностью диссонирует со всей внешностью его владелицы,– Девчонка убьет себя. Неужели ты не помнишь, как вырастила из нее ту, которая заставляла рыдать стадионы? А если помнишь, то как можешь дать ей себя уничтожить.

Вика видит неуловимое сходство жестикуляций, поворота головы, которые ей так знакомы и так ею любимы. И никогда, никогда женщина не связывала родные движения с женщиной, что сидит рядом. Она не считала себя родней величественной старухи, но гены Ники безошибочно проявляли не только кровь Домбровских, но и кровь Коршуновых, что текла в венах и самой Венеры, и ее племянника, и Виктной дочери.

Домбровская не расцепляет скрещенных рук, не меняет

положения скрещенных ног, слова, кажется, срываются с сомкнутых губ, настолько мало мимики и мышечных движений, когда она говорит. Но каждое слово слышится отчетливо и весь смысл речи прозрачен до кристальной чистоты:

– Я помню. Я многое помню Венера Андреевна. И из раннего, и из позднего. И не только спортивного. И я помню, как десять лет назад вы в кровь бились, чтобы эта девочка не участвовала в Чемпионате России. И помню, как вы, рыдая, ей аплодировали после произвольной. И как все годы после не уставали объясняться в любви. И как рыдали после олимпиады на камеры, и давали комментарии миллионной аудитории. Так любили, что забыли про второго ребенка, который должен был праздновать радость, а не прятаться от визгов толп об “украденной” медали. Скажите, когда вы ей “подсказывали” выход со сменой тренера – это тоже от великой любви? Вот что я вам скажу, Венера Андреевна! Пусть она остается с вами! Так ее любить, как вы, я никогда не смогу! Я вообще не умею любить вашей любовью!

Эта боль невыносима и с каждым словом все невыносимее. Сил нет больше что-то говорить. Виктория направляется к выходу, все так же не расцепляя скрещенных рук. Матвеева хватает ее, проходящую мимо, буквально за задницу, а точнее за задний карман джинсов:

– Вика, она умирает без тебя! Мы убиваем ее! Если в тебе больше нет любви к ней, то хотя бы минимальное милосердие! Дай ей год. Еще один сезон.

Домбровская замирает на месте. Рваться вперед, когда тебя держат за жопу, и бессмысленно, и комично. Молчание густеет превращаясь по консистенции в кисель. Есть повод начать орать и возмущаться. Но две женщины просто молчат. И вдруг за своей спиной Виктория слышит:

– Пожалуйста!

Такое короткое слово, сказанное с такой мольбой, которой противиться не могли бы и стены. И Домбровская сдается:

– Хорошо, Венера Андреевна. Только сезон. И без всяких обещаний.

Рука, которая держит ее, отпускается:

– Прав твой Вовка, ты действительно королева, Виктория Робертовна, – констатирует старая черепаха.

Блондинка разворачивается и отвечает:

– Не по адресу фраза, Венера Андреевна: Вовка – ваш,

куплен с потрохами, сидит, не дергается. И слава богу! Даром не надо!— глубоко вдыхает и выдыхает, пытаюсь успокоить морзянку сердца.— У меня условие: все вопросы с руководством решайте сами. Без меня. Официально я ни на что не согласилась, ничего не хотела и ни о чем с вами не говорила. Вам надо оформить спортсменку к тренеру. Вот пусть мое начальство и решит, как это сделать, а не я буду бегать и убеждать их.

Матвеева заливается смехом. Он у нее совершенно девичий, легкий и нежный, будто колокольчик. Вика сдержанно улыбается в ответ. Как ни странно, но она, пожалуй, даже в чем-то благодарна этой женщине, в конце концов всех слабых и мелких железной рукой Венеры и созданными ею трудностями, отвело от Вики:

— А ты не промах, Виктория Робертовна! Молодец! Дай я тебя обниму!— и раскидывает руки.

Две женщины легко проникают друг к другу, смыкая объятия. Маша активно снимает на смартфон встречу великих тренеров прошлого и настоящего. Завтра соцсети взорвутся домыслами и подозрениями. И черт с ним!

****

“Придется изображать Бережную и Сихарулидзе после черепно-мозговой” в очередной раз саркастически отмечает про себя Домбровская. “Я за партнера, блин! Но без олимпийских притязаний в будущем!”

****

Ночь приносит холодную темноту и новую вариацию давно выученного наизусть кошмара.

Она ведет Милку под руку от двери больницы. Шаги их медленны и аккуратны. Через одежду чувствуется фиксирующий корсет в пол спины. Молчаливое движение, шаг за шагом.

Уже видна ее машина. За рулем сидит Илья. Дойти осталось метров сто... И тут земля охает и вздрагивает. Разлетающиеся от взрыва осколки стекла центра хирургии летят в них. И все, что помнит Виктория – “Ей нельзя никаких вращений, никаких падений”.

Остается только заступить Миле за спину, прижать к себе. Стоять до конца и чувствовать, как в тело влетают сотни осколков: “Хорошо, что ты такая маленькая и худенькая. Не посечет”, – думает Вика. И молчит, разрываясь болью изнутри...

Ее взгляд держится за взгляд Ильи, который почему-то продолжает сидеть в машине. Молча. Соблюдает дистанцию. Держит паузу. Все, как она сказала. А осколки летят и летят. И какой-нибудь однажды залетит в самое сердце.

Резкий звук будильника прерывает родной кошмар и давно заученную боль. Женщина не просыпается, а выбирается из черной дыры. Только сердце еще колотится так, словно и правда работало на грани болевого шока. Здравствуй жизнь!

Пять минут на отдышаться и сверять план на день с возможностями дня. Медленно протягивает руку к планшету на прикроватной тумбочке. Открывает планировщик. Делает необходимые пометки и комментарии. Закрыв, натывает на файл с танцем, который она скачала с планшета Ильи.

В графическом редакторе несколькими линиями набрасывает вариант платья, то и дело заглядывая в прописанный контент, чтоб понимать, как наряд будет выглядеть в движении на льду. Наносит контуры перехода белого в серый, чтобы представить четко фигуру партнерши на льду, не дав слиться белому с белым. И, оторвавшись от своего занятия понимает, что давно пора завтракать и торопиться жить.

Напоследок – пожелание спокойной ночи Нике на другой

конец континента, которое она, вероятно, и не увидит, так как сама давно спит.

Там же, в мессенджере, видит личное сообщение от Григорьева: “Забрал придурка. Везу домой.”

“Да уж, Илюшенька, добавляешь ты мне забот!”. Делает пометку: “Выговор Ландау за неподобающее поведение и слишком личные отношения со спортсменками”.

Внутри нехорошо сжимается сердце и становится совсем пусто.

Суровая карает Правота поддельщиков, которых числит строго

Если кто-то вам скажет, что в роли тренера вы будете только тренировать, и никто никогда не вмешается в ваши планы – не верьте. Чем выше статус ваших спортсменов, тем больше шансов получить массу общественной нагрузки во благо Родины.

– Вань, да ты шутишь так что ли? Конечно, нет! Никто из действующих спортсменок не поедет открывать елку на Красной площади. О чем ты вообще говоришь?! У них сезон!– эти утренние беседы с Федотовым по поводу участия девчонок в рекламных кампаниях, презентациях, открытых выступлениях и коммерческих турнирах вынимали у Виктории половину мозга и убивали миллиард нервных клеток.

Она, конечно, была рада, что “Самоцветы Москвы” могут обеспечить своим спортсменам финансовую поддержку за счет всевозможных коммерческих стартов и шоу, но объяснять из раза в раз, почему общение с сопливыми поклонниками в сезон простуд – ужасная идея для активно трениру-

ющихся и столь же активно выступающих спортсменов, временами надоедало.

– Но глава администрации мэра лично...

Она не дала руководителю закончить фразу.

– Давно у нас глава администрации стал специалистов в области фигурного катания? Жена половым путем передала, как инфекцию, знания?

В последние годы чиновники очень полюбили связывать свои жизни со спортсменками, особенно бывшими, и, кажется на этом основании полагали, что входят в мир спорта с полным правом. У Домбровской было свое мнение на счет и таких браков, и вмешательства новоиспеченных сопричастных.

Федотов морщится:

– Не пошли, Вика!

– Да, Вань, в нашем поле, блин, и так каждый суслик – агроном! Ну, пусть твой глава у своей разлюбезной супруги спросит, каково это – кататься на ответственном старте с температурой 38 и 6. Обойдутся они распрекрасно Радой!–

Домбровская встряхивает кудрями и переводит тему,— Что еще на повестке?

— Да тут еще родители забузили, что рекламные контракты идут не действующим спортсменам, у которых огромные затраты, а девочкам, которые из спорта ушли. И как-то они дружно завозмущались!— Иван Владимирович внимательно посмотрел на старшего тренера,— У вас там никаких конфликтов нет?

Виктория склонила голову, чуть задумалась:

— Нет, ничего такого. После весеннего обострения имени Мары все тихо.

Этот эпический скандал они надолго запомнят. Вика видела как почти из ничего девчонку закрутило в штопор эмоций и молнии залетали сначала над катком, а когда с него вывели, прямо в раздевалке и дальше коридоре. Девушка орала, что они задолбалась объезжать малолеток, которые ничего не могут и не умеют, но трутся тут же. Что она — не пособие для малышни. Не для того она рвет жилы на стартах, чтобы селедкой в бочке тереться на льду с мелкотой!

Ну что же тут скажешь. Нашла много пустого льда и флаге́й в руки. Пусть попробует на этом льду получить результа-

ты, которые у нее были, пока она терлась “селедкой в бочке” о малышню.

В глубине души было жалко терять такую гармоничную и легкую на льду фигуристку. Но прощать истерики было не в правилах “Сапфирового”, а уж Вика и вовсе не терпела такого поведения от своих подопечных, так что возвращение, случись оно, хоть тогда, хоть сейчас, хоть позже в любом случае для спортсменки простым не будет. Уж Виктория Робертовна протащит ее через весь доступный ей ад. Исключительно в воспитательных целях. Будет внимания барышне до тошноты!

– Ты, в общем, оглядись внимательно что и как, – сообщил администратор, – То ли нам извне воду мутят, то ли какой-то конфликт не видим. Я немножко короны им причесал, но если будет повторяться, то надо будет что-то решать в корне.

Да уж, вот вам и все, что нужно знать о тренерской работе: воспитай детей, а в оставшееся время воспитай родителей этих детей, чтобы помнили, кто в этом доме хозяин и кого надо слушать.

Женщина кивает в знак согласия, и они идут дальше по пунктам утренней повестки, больше ругаясь, чем соглашаясь, но худо-бедно находя компромиссы.

****

Утренний лед почти закончился, но она все-таки успевает заглянуть на последние полчаса, просто убедиться, что все живы, здоровы, никто новый не слег с неозвучиваемым вслух гриппом.

Илья у самого выхода на лед что-то объясняет Вите Осад-чему про положение рук. Ставит и поворачивает кисти. У мальчика не получается и Ландау повторяет всю процедуру снова.

Вика подходит к бортику со словами:

-Илья Сергеевич, да вы просто покажите, Виктор отлично запоминает то, что видит,— протягивая руку через бортик, треплет светлую мальчишескую шевелюру.

- Виктория Робертовна, а Илья Сергеевич не может показать. Он вчера упал неудачно,— поясняет Осадчий странное поведение хореографа.

Тут Ландау меняет положение и все, что может сказать Виктория: “Охх!”. От рассеченной нижней губы зацветает гематома до самого подбородка.

– Что ты ему объясняешь?– в итоге находится женщина, глядя на побитое, это без сомнений, лицо молодого помощника.

– Положение руки во вращении. Работа с кистью,– приносит Ландау.

– Вить, покажи, в каком вращении,– просит Виктория.

Внимательно наблюдает, что делает мальчик и по окончании парой коротких фраз, сопровождаемых жестом, отправляющим кисть в полет во время оборотов вокруг своей оси, доносит до ребенка нужную информацию.

После того, как Витька уезжает ближе к центру репетировать новое положение рук, Вика сосредоточивает внимание на хореографе. Смотрит молча, долго, оценивая масштаб повреждений.

Вряд ли его серьезно били, скорее профилактически вмазали и оставили в покое, решает в конце концов Домбровская.

Пока она, сложив на груди руки, вглядывается в одного из своих напарников, неспешно подъезжает второй с “удочкой”

наперевес.

– Красиво,– в конце концов произносит Виктория,– И как же тебя угораздило?

В голове крутится мысль, что в какой-то распивочной ему наkostenyляли за борзость и именно поэтому он помчался к Радке, которая, возможно, жила просто ближе всех. Такая мысль хоть как-то успокаивает сквозняк в душе, поселившийся с той минуты, когда она услышала голос бывшей спортсменки в трубке телефона. Григорьев останавливается рядом и тоже с интересом разглядывает избитую физиономию молодого человека.

– Я упал,– упрямо повторяет Илья.

– Ага, и, падая, ребрами свалился на комод, да?– подсказывает Домбровская.

– Да!– упрямо врет Ланди.

– А у комода, я так посмотрю, неплохо поставленный удар снизу?– задумчиво констатирует женщина, которая не раз и не два видела своего старшего брата с самыми разными синяками, принесенными с улицы после выяснения межнациональных отношений.

Как в семье, где барт был смугл и темноглаз, сестра отличалась породистой белой кожей и иссиня-черными волосами, внезапно появилась светловолосая зеленоглазая Вика, понималось с трудом. Но в межэтнических разборках именно брату доставалось много и совершенно не по делу. В ответ он выучился самому эффективному методу самообороны – уличной драке. А секция бокса помогла добавить техники в бесстрашие.

Илья поднимает глаза и смотрит на Вику так, что можно писать картину “партизан на допросе”. Но тут в их диалог внезапно вступает Григорьев, который, кажется, налюбовался живописной росписью на лице коллеги:

– Да у комода и прямой в корпус ничего так.

Ландау тут же переводит взгляд на мужчину. Где-то в глубине зрачков проскакивает стыд и злость одновременно.

– Да,– соглашается с утверждением старшего товарища Ланди.

Виктории остается только молчаливо наблюдать эту сцену визуальной борьбы. Она опускает глаза и видит сильные спокойные руки Михаила, сцепленные пальцы лежат на бор-

тике. Костяшки правой руки припухшие, а на паре даже содрана кожа.

Женщина перебегает глазами с одного на другого и обратно, и единственное, что может сказать, стараясь не привлечь внимания работающих на льду детей:

– Ну, вы, блин, даете!

А потом происходит и вовсе неожиданное даже для нее самой: изнутри вырывается первый смешок, превращаясь в залиvistый хохот, к которому присоединяются оба мужчины, хотя Илье этот смех отдается еще и болью в груди. Напряжение, грозящее взрывом каких-то пару минут назад тает в этом общем смехе, объединяющем, что бы между ними ни происходило.

****

– Я тебе обещал, Ланди, что накажу, если она будет страдать из-за тебя?– негромко произносит Григорьев за дверями Радиной квартиры. Крепко сжимает руку Ильи повыше локтя и тянет вниз с лестницы, проигнорировав лифт.

– Не я ее бросил, Миш, она меня! Так что она не страдает,– пытается пьяно оправдаться мужчина.

И после этой фразы он и получает короткий, несильный, но внушительный удар снизу в челюсть. Из прикушенной от неожиданности нижней губы сочится кровь. Пока Илья пытается оценить удар по своей физиономии и осознать сам факт того, что его бьет его же собственный товарищ по команде, ему прилетает так же быстро и коротко в район солнечного сплетения, а над его согнувшимся пополам телом, пытающимся бесполезно сделать вдох, нависает Григорьев и произносит:

– И если ты еще раз в пьяном угаре припрешься к девчонке, я не полениюсь поколотить тебя по-взрослому! Понял.

Илья кивает сквозь боль, то ли признавая, что услышал, то ли соглашаясь с возможной трепкой за неподобающее поведение.

Домой Михаил везет парня в полной тишине. Помогает ему добраться до квартиры, раздеться и даже ведет в ванную комнату, хотя тот отбивается, повторяя, что не настолько пьян, чтобы самому не принять душ. И лишь убедившись, что Ландау в нормальном состоянии (не считая пары синяков, которые проявятся в полную силу только завтра), отправился спать к себе.

****

десять месяцев после олимпиады

– Значит на показательные ты не остаешься никогда?– в очередной раз уточняет с удивлением Ландау.

– Зачем, Илюш? Это же праздник. Пусть они катаются в радость. А что за радость, когда ты знаешь, что за бортиком стоит тренер и оценивает каждый твой жест?– отвечает Виктория.

– Ну, ты же можешь не оценивать,– предлагает Илья.

– Нет, не могу. Я тренер. Тренером живу, тренером и помру,– смеется Домбровская.

Автомобиль, на котором он ее везет, больше стоит по пробкам, чем едет в нужном направлении. Вот и решил подбросить начальницу домой после рабочего дня!

– Слушай, нам точно не надо в ту сторону,– смеется Илья. Вон, ко мне домой зеленая улица, а к тебе восьмибалльные пробки! Вика, поехали праздновать по-взрослому прошедшую победу!

– В будний день! Это как?– прищуривается женщина, понимая, что разговор идет по очень скользкому руслу с учетом того, что они натворили совсем недавно. От воспоминаний становится внутри сладко и немного больно из-за желания повторения.

Ландау чуть скашивает глаза в ее сторону, прячет улыбку в складке губ. “Тебе понравится”,– несколько самоуверенно думает мужчина. И разворачивает автомобиль в противоположную сторону.

– Ну, как-как! Чуть-чуть выпьем чего-нибудь улучшающего взаимопонимание, сядем разбирать все прокаты победителей и спорить о том, каких компонентов не хватает нашим, чтобы быть на три головы выше. Ну, может быть, потом, после разработки плодотворной стратегии мирового господства в фигурном катании, мы включим музыку и будем танцевать до рассвета! Устраивает?

Он над ней посмеивается, но почему-то это очаровательно.

– Илья Сергеевич, только я не танцую,– в итоге это все, что она отвечает на его предложение.

Илья улыбается уже открыто:

– Ничего страшного, Виктория Робертовна, мы придумаем что-нибудь, чем вам понравится заниматься после разработки стратегии мирового господства.

И уже под общий смех она набирала Нике сообщение о том, чтобы та не ждала ее сегодня. Впрочем, дочь вряд ли и ждет. Утром ей на тренировку совсем рано, но даже утром ей не стоит волноваться, что мамы нет дома. Почему-то Вика была уверена, что ее ночь будет занята до самого утра. И, наверное, даже не только просмотром чужих коротких и произвольных программ.

Так в итоге и сложилось. Пока она заворуженно смотрела, как чемпион Китая на разорванной связке покоряет космос, губы Ильи прикоснулись к тонкому шраму на запястье, перепорхнули к мочке уха, прошлись по скуле, а последнее вращение китайца совпало с каруселью чувств, в которую закружил их обоих долгий поцелуй.

– Ну, почему ты так хочешь от меня сбежать?– шепчет ей в затылок молодой человек, притягивая вплотную к себе, прижимаясь к ее спине своим телом.

Когда страсть заканчивается, необходимо прятаться назад в свой непроницаемый кокон, чтобы вспомнить реальность.

Ту, где ты есть, а не ту, в которую тебя уносит иллюзия слишком хорошего секса, так небезопасно похожего на любовь.

– Ты хоть помнишь, сколько мне лет?– ни с того ни с сего произносит в темноту Виктория.

– Какая разница,– улыбка Ильи щекочет ее плечо,– я тебя варить не собираюсь!– и он прижимается к ней еще сильнее.

****

А на следующее утро, по окончании тренировки, когда мальчишки-фигуристы уже покинули раздевалку, Григорьев, не отрываясь от своих дел, сказал только одну фразу:

– Ланди, если она из-за тебя будет страдать, я тебя накажу. Больно.

До сих пор непонятно, как он догадался так быстро. Но теперь можно сказать, что слово свое Михаил держит. Впрочем, кто в их команде разбрасывается пустыми обещаниями и угрозами? На том и стоят.

Поставим сеть для львицы со львятами и путь им преградим!

– Ландау, жду тебя в кабинете! – этими словами закончилась утренняя тренировка на льду для хореографа штаба Домбровской.

Виктория Робертовна быстрым шагом направлялась к своему рабочему месту, почти не замечая привычной суеты спортивного комплекса и автоматически отвечая на приветствия своих учеников.

Голова была занята педантичной сортировкой задач, и шестеренки крутились на повышенных оборотах. Ландау среди вороха дел стал не самой яркой и важной, но самой близкой и болезненной из неотложных проблем.

Спускать на тормозах поведение, которое молодой человек позволил вчера вечером, было неправильно с точки зрения общей дисциплины. Виктория многие годы руководила тренировочным процессом и прекрасно понимала, что маленькая слабость рождает большой бардак. Но сил на трезвую оценку ситуации, непредвзятую со всех сторон, не было.

****

– Мама, это нечестно!– Ника кричала на весь каток, начисто подрывая тренерский авторитет матери,– все, все смеялись, когда пришла эта новенькая, а выгоняешь ты только меня! Я что – хуже всех?!

Ника, успокойся!– Виктория пытается достучаться до дочери, заставить ее посмотреть на себя, чтобы она не только увидела мать, но и поняла все то, что последняя собиралась ей сказать.

Девочка упорно избегала смотреть в лицо матери, продолжая возмущаться и обвинять.

– Грин, сейчас же прекрати истерику,– рявкнула в конце концов Домбровская и больше от бессилия, чем в воспитательных целях шлепнула девочку по пятой точке.

Ника вывернулась, словно маленький котенок, из материнских рук и понеслась со льда, заливаясь слезами обиды.

"Ну и что я за мать и тренер?!" – в сотый уже раз за короткую жизнь дочки на льду думала Вика, провожая убегающую девочку взглядом, но не делая даже попытки догнать.

****

В двери кто-то оставил записку, угол которой торчал на уровне глаз Домбровской, когда она подошла, вертя в руках ключ. Дедовский способ, которым с развитием интернета и различных мессенджеров пользоваться полностью перестали. Виктория вынула бумажку, провернула ключ в замке, и только войдя в дверь, развернула листок. В полном недоумении вчиталась в текст сначала раз, потом – второй.

“Они будут падать, страдать, ломаться и снова падать, пока не сдадутся! Не забывай, сука, своих щенков надо беречь! Второе место – тоже хорошее!”

Это, интересно, у кого такое оригинальное чувство юмора? Домбровская пытается обратить все в глупую шутку или месть за какую-то обиду (обижать она умеет, тем более за дело), но внутренний нюх чует паленое. Опасность вовсе не призрачная. И шнурки Яночке кто-то чем-то пропитал, между прочим. А кто и чем – неизвестно.

Пока она размышляет над текстом послания до ее кабинета доходит наконец Илья. Закрывает дверь и прижимается к косяку спиной.

– Зачем позвала?– спрашивает у начальницы.

Виктория молча откладывает листок, и упирается взглядом в молодого человека:

– Илюх, ты какого рожна творишь? Что за дурная идея таскаться пьяным по ученицам?

Ландау молчит. Рассказывать, какие виражи пьяненьких мыслей завели его в квартиру юной Рады он, конечно, не собирается. Потому что мысли были мелкие, гадкие и в трезвом состоянии ничего, кроме стыда, не вызывали.

– Я так понимаю, ответом меня не удостоят?– наконец произносит Домбровская,– Тогда будет вопрос номер два. Ты в курсе, что она в тебя влюблена?

Никаких признаний вслух не надо. По побитой физиономии Ильи ясно, что вполне себе в курсе. Пустота растет. Вряд ли, принимая решение о расставании, Вика думала, что будет настолько больно узнавать, что ее Илья (нет, не ее, теперь уже не ее) времени терять не будет.

– Так зачем же ты к ней пришел под ночь, Ландау?– тихо и, кажется, совершенно безразлично спрашивает женщина.

Сейчас стоп-кран сорвет, и он выскажет этой ледяной бабе все, что накипело.

– Эр, я пришел к той, которая не гонит меня из своей жизни. Ты спрашиваешь, в курсе ли я, что Радка в меня влюблена? Да какая разница?! Ты меня бросила и сказала, что любишь. Что мне в твоей любви? Радочка никого не бросает. Даже тебя. Я хотя бы хочу быть уверен, что рядом есть кто-то, кто не вышвырнет меня и не отложит в долгий ящик, когда ему надоест, что я рядом, и я живой!

С каждым словом монолог становится все громче, все горячее, но слушательница почему-то все больше замерзает от этих опаляющих фраз.

– Я поняла,– наконец прерывает Виктория своего подчиненного,– Это, собственно, не слишком удобно и потенциально может обернуться для нас репутационными потерями. Когда вы познакомились, Рада была несовершеннолетней и твоей ученицей. Но, в конечном счете, это можно так или иначе компенсировать. И все же не надо скотства. Хочешь ухаживать за девушкой – ухаживай. А того, что было вчера, чтоб больше не повторялось! Ты же можешь быть романтиком,– “кому как ни мне это знать”. – заканчивает про себя мысль Вика.

– Все?– язвительно спрашивает Илья.

Он хотел скандала, выяснения отношений, чего-то горячего и женского, по чему можно определить, что чувствует стоящая тонким гибким призраком его счастья женщина рядом. И что в ответ – иди, да более не греши? Запрети она ему эти экзерсисы, он бы понял, что важен, но ему ничего не запретили, кроме свинства. Это было отпущение на волю, признание полного безразличия к еще таким теплым и официально даже не законченным отношениям.

И вот Ландау смотрит на тонкий профиль, ожидая, что его просто отправят дальше работать, но в ответ звучит:

– Нет,– вздыхает женщина,– Я должна вынести тебе выговор за то, что случилось, но, учитывая, что Григорьев тебе объяснил неформально меру твоей неправоты, я так и быть спущу на тормозах вопрос. Но, Илья Сергеевич, еще один залет, любой, и ты летишь отсюда по собственному желанию в лучшем случае, а если я сильно рассержусь, то по статье. Не смей делать из наших девочек инструмент для поглаживания своих обидок и страданий!

Полагая, что разговор окончен, Илья взялся за ручку двери, однако Домбровская жестом остановила его:

– Нет, не все! Есть более важные заботы. Садись.

Она вытащила из сумки шнурки Ками и протянула ему записку, обнаруженную в двери.

– По-моему, нам угрожают, Илюш! Или у меня паранойя?

Все душевные страдания временно забываются, потому что в ее тренерском штабе нет людей, для которых работа на втором месте. Тем более тут нет людей, которые способны пренебречь здоровьем спортсменов.

– Может, все-таки – блеф?– неуверенно говорит Ландау.

– Может, Илюш! Но лучше перебдеть, чем недобдеть. У нас следующий выезд – Сочи. Зная специфику южного раздолбайства, необходимо детям внушить, чтоб все по сто раз перепроверили. И нам тоже задача – проверять их инвентарь. Что-то надо придумать с костюмами, чтоб не сперли и не испортили. Придумаем?– задает вопрос тренер

– Подумаем,– коротко отвечает хореограф.

В эти мгновения все их перебранки кажутся такими мелкими глупостями, что выветриваются не только из голов и душ, но даже с задника жизни. Главное – это доставить де-

тей живыми, здоровыми, собранными и готовыми на соревнования и такими же привезти и отдать их мамам и папам. Желательно с медалями.

В одном писавший Виктории записку был прав – своих щенков надо беречь. И они сделают все, чтобы для их подопечных ничего не изменилось: приехать готовыми – уехать с медалями.

Зачем твой взор прикован к глубине? Чего ты ищешь?..

Печальная правда жизни состоит в том, что хорошего сотрудника найти трудно. Невозможно трудно, поэтому дорожишь каждым и внимательно присматриваешься ко всякому вновь пришедшему. Вика на практике усвоила, что крепость цепи определяется по самому слабому звену.

И в новом трудном разговоре Домбровская ищет понимания прочности еще одного звена. Так было с каждым, кто приходил к ней, и с Сашкой, и с Мишей, и с Ильей, и еще добрым десятком людей, ставших неотъемлемой частью ее мира. Даже с Иваном было так же, хотя формально – это она пришла к нему, а не он к ней, однако, давно бы поменяла место, не окажись Федотов хорош в своем деле настолько, чтобы это самое дело с ним иметь.

– И как мне с этим работать?

Молодой тренер по ОФП читает длинный список противопоказаний и запретов для Милы, которой отдала ему Виктория:

– Это же список для спеца по лечебной физкультуре, а я спортсменов тренирую. Пусть восстанавливается до нормальных кондиций, а потом уже приходит на занятия.

Домбровская внимательно слушает то, что ей говорит этот парень лет 25 с ледяными, как замерзшая вода в лужах, серо-голубыми глазами. И силится понять, можно его слова считать обычной неуверенностью в своих силах, прикрывающейся псевдо-профессионализмом, или он и правда настолько неспособен принимать вызовы, а значит, в конечном счете, и работать в их команде.

****

за три с половиной года до олимпиады

– Хорошо, Илья... Сергеевич,– молодая тренер заглядывает в резюме паренька, стоящего напротив, чтоб убедиться, что не переврала отчество,– в целом на сегодня ваши задачи будут выглядеть следующим образом: вам нужно будет отрабатывать со спортсменами хореографические связки на льду, смотреть, как все это выглядит, при необходимости согласовывать с постановщиками программ девочек изменения, если они покажутся вам необходимыми,– Вика смотрит на соискателя внимательно и ждет, какая реакция последует.

ет на ее слова. Юноша молча слушает, не выражая никакой обеспокоенности или удивления.

На молодом скуластом лице проскальзывают непонятные тренеру эмоции, то ли удивление, то ли настороженность, но в целом этот парень производит положительное впечатление.

– На “земле” у нас хороший хореограф, однако, Саша не фигурист, ему трудно понять какие-то детали, которые вам, бывшему спортсмену, да еще и с опытом танцора на льду, скорее всего, я надеюсь, будут очевидны,– Ландау кивает, продолжая так же молчать.

– Илья, а вы умеете разговаривать?– вдруг задает вопрос женщина, заправляя за ухо каштановый локон.

– Конечно, Виктория Робертовна,– лицо новобранца озаряет такая еще почти детская улыбка, полная обаяния и хитрецы, что Домбровская внезапно понимает: они сработаются с этим мальчиком. Для нее он действительно еще мальчик, и не потому что ему даже тридцати нет, но по жизненному опыту, по количеству пройденного. Мальчик, в котором пока не обретен мужчина.

****

– Артем Александрович, лечебную физкультуру Леоновой прописали. Она будет исправно посещать ее. В вашу же задачу входит восстанавливать спортсмена в том числе и внутри тренировочного процесса. Чем дольше она живет жизнью вне нашего ритма, тем труднее будет ей вернуться. Найдите возможность ее тренировать. Нельзя динамические нагрузки, вращения, бег, прыжки, замените на статику, тренируйте руки. В целом это ваша задача найти способы работы со спортсменом после травмы.

Старший тренер замолкает, видимо, закончив свою мысль и готовясь покинуть зал, но в итоге возвращается и произносит:

– Если вы задержитесь у нас, то вам придется вводить в тренировки людей после переломов, растяжений, сотрясений, операций. Часто. У нас травмоопасный вид спорта. Вас не устраивает такая работа? Дворовая секция шахмат, возможно, тоже нуждается в тренере по ОФП. Говорят, у них вполне себе тяжелый спорт и им тоже нужно уметь выдерживать нагрузку. А травм намного меньше.

Ничего особенного тренер и не сказала. Действительно выпадающий из тренировочного процесса спортсмен удивительно быстро теряет кондиции. Не только физические. Тело

регулярными тренировками возвращается в форму относительно быстро. Гораздо хуже то, что происходит с головой, психическим состоянием. Чтобы бежать с той скоростью и силой, с которой бегут в спорте высших достижений, нужно бежать, вместе другими, видеть и чувствовать дыхание соперника рядом. Без этого рядомдышащего пропадает понимание того, где же ты на самом деле. Остаётся иллюзия нормы при любом уровне нагрузки и расслабленности. Объективно сам себя человек не оценивает, а вот обгоняющий на вираже оценит его полной мерой. И даст мотивацию заглянуть в глубины мешка с ресурсами и характером. Попытка отодвинуть Милу от общей тренировки – плохая услуга спортсменке. Пока вывод Домбровская готова сделать только один – ей придется сегодня присутствовать на ОФП.

Виктория заглядывает в класс хореографии. Две ее подопечные под руководством Морозова тренируют какую-то веселую связку под бодрую мелодию. Девочки сосредоточены, Сашка прекрасен. Танцоры хорошего уровня совершенны в движении. А Морозов особенно.

Три тела синхронно уходят в наклон, а разгибаются уже кто в лес, кто по дрова. В музыку попадает только хореограф. Девчонки слишком сосредоточены на элементах, поэтому мелодии и акцентов не слышат. Зоя, справа, спешит, Катя, слева,

запаздывает. И Сашка это точно заметил. Он вообще умел видеть и чувствовать людей.

Пару раз, еще на заре их работы, она оказывалась с ним на танцполе. И никогда, ни до, ни после, в танце “на паркете” ей не было так до полного забвения приятно находиться ведомой партнером. Не будучи парником Морозов очень чувствовал партнерш по танцу и умел правильно для каждой конкретной женщины вести ее. И это можно было бы принять за личный интерес, но Сашка был таким же незабываемым, как для нее, для каждой, которую выводил на танцевальную площадку.

После одного из таких танцевальных туров Вика обмолвилась:

– Морозов, ни одна женщина после тебя не сможет получать удовольствие от танцев с другими.

Хореограф хитро подмигнул ей в ответ и пошутил:

– Хоть в чем-то я должен быть незабываемым?

Сашка – ее незабываемый защитник. Д’Артаньян в жизни, инфо-пространстве, всегда, везде. Зубами загрызет любого, кто ему покажется обижающим Вику. Настолько геро-

ический, что в какой-то момент ей пришлось открытым текстом попросить его сдерживаться. И особенно сдерживаться во всем, что касается других тренерских штабов. А тренерского штаба Канунникова – отдельно не касаться. Сашка внешне вял, но в душе все так же петушился.

– Девчонки, еще раз!– Морозов ставит музыку сначала и отходит к дверям, в которых стоит Вика.

– Привет, богиня,– чмокает женщину в щеку,– сегодня ждём возвращения болящей?

Виктория кивает, продолжая смотреть на танцующих девчонок. Справа тонкая гибкая веточка, лева усиленно привыкает к новому росту уже березка, пока неуверенная в быстрых связках, но такая эстетичная длинными линиями тела, что невозможно отвести глаз.

– Сань, Яночке кто-то инвентарь испортил,– делится женщина недобрыми новостями их маленького большого мира.

– Давай угадаем, кто?! Я ставлю на гада-Канунникова,– мрачнеет Морозов.

– Давай не будем гадать. Наша задача сейчас готовить ребят и следить во все глаза за ними и всем, что вокруг. Сюда

Они тоже вхожи.

Из кармана Домбровская вынимает свёрнутую записку от "доброжелателя".

– Вчера в двери обнаружила.

Морозов пробегает текст. Поднимает глаза на Вику:

– Может, привлечь полицию?

– И что мы им скажем: у ребенка шнурки развязались и кто-то умеет распечатать дурацкий текст с компьютера?

Они посмотрели друг на друга задумчиво и встревоженно.

– Я этому чемпиону рожу набыю!– вспыхнул мастер танца.

– Саш, ты хореограф, а не бандит. Кто на другой стороне – неизвестно. Может, и не чемпион,– все так же полушепотом пыталась вразумить товарища Домбровская.

– Хамло он и вор в первую очередь. Остальное знать необязательно,– продолжал кипеть, Александр.

– Не надо мне тут бойцовского клуба! Вполне хватит ра-

зовой акции,— отмахивается женщина.

— У нас кто-то подрался?— озадаченно интересуется Морозов.

— Григорьев разбил физиономию Ландау,— ну, с кем ей ещё поделиться, если не с Сашкой? Ближе сейчас все равно нет никого.

Изумлённый присвист хореографа обращает на себя внимание даже учениц:

— Девочки, продолжаем,— тут же реагирует педагог,— Зоя активнее работай корпусом, амплитуда должна быть больше! Катя, тяни ногу в подъёме сильнее.

И тут же склоняется к Вике:

— За что?

— За Раду. Этот болван притащился пьяным к девочке поздним вечером. Перепугал,— Домбровская морщится.

Морозов пожимает плечами и спокойно констатирует:

— Ну, и правильно сделал Медведь.

"Ох уж эти мужики!" – мысленно возводит глаза к небу Виктория.

– Какие у тебя планы с Леоновой? – возвращается к работе тренер.

– Вик, не рули! Сам разберусь, что мне с дитем делать! – смеётся хореограф.

Ну что же. Здесь все надёжно и спокойно. Остался только лёд. "Будем ходить вдоль бортика дуэтом. Вспомню юность", – вздыхает Виктория.

****

За двадцать лет до олимпиады

– Мисс Тори, давайте поговорим после занятия?! – девочка показывает на циферблат, где уже побежало время урока.

"В России девчонки болтали бы с удовольствием!" – размышляет девушка-тренер, по себе помнит, как радостью делилась с собственными тренерами и партнерами всем наболевшим уже после начала занятия. Она совершенно не понимает, что делать с 13-летней девчонкой метр семьдесят семь

ростом. Как учить ее прыгать с такими длинными рычагами? Да и только ли в прыжках дело? Чем выше от земли центр тяжести, тем сложнее делать даже банальную ласточку, что уж говорить о сложных вращениях.

– Хорошо, Джен, разминайся и начнем.

Когда нет выбора, ищешь решение в заданной ситуации. Ищешь подходы к каждому, потому что нет возможности отобрать подходящих. Кто платит, тот твой будущий чемпион.

И, оказывается, это отличная тактика и стратегия. Работать с каждой, как с единственной, ища в их уникальности возможности роста. Общее только одно: они должны быть готовыми оставлять ради достижения побед всех себя в этих залах и на катке. Другим места в "Сапфировом" не найдется. И не только спортсменам

Крупней вину смывает меньший стыд

“Он работает хорошо”, – соглашается с самой собой про себя Виктория, глядя, как разминает и дает задания молодой тренер по ОФП. Действительно сбалансированно, качественно, отслеживая косяки и мелкую халтуру, которая неизбежна у любого спортсмена. Все они халтурщики, если считают, что делают что-то необязательное, тем более повторяют по сотому кругу. Тело лениво, мозг пытлив и всегда подскажет, как избежать лишней нагрузки.

Проблема только одна: маленькая темноволосая проблема, которая уже 20 минут повторяет четыре однотипных упражнения в ожидании, когда ее снова заметят и поставят другую задачу. Ее не замечают. С ней больше не работают. Работают с теми, кто может прыгать, бегать, приседать. И это совершенно не то, чего ждет от человека своей команды Домбровская.

Поняв, что ничего другого не будет уже, Виктория встает со скамьи, на которой сидела с первых минут тренировки, и проходит в дальний конец зала к Миле:

– Ну что, Леонова, так и будешь дремать?– с усмешкой интересуется тренер.

– Наше дело маленькое,– пожимает плечами девушка.

Признавать, что даже эти рутинные в прежние времена упражнения сейчас доставляют дискомфорт и приносят усталость девушке не позволяет гордость и затаенный страх: все-таки она не в группе здоровья, здесь неумеющих и нежелающих преодолевать боль и усталость не держат. Виктория Робертовна в принципе никого не держит рядом с собой: вольному воля.

– Специально для тех, кто спит – индивидуальная тренировка. Пошли!

Они углубляются еще дальше в зал, ближе к стене, где можно работать с использованием опоры и подключить другие вспомогательные инструменты. И начинается медленное временами болезненное возвращение в ритм больших тренировок. Все внимание сейчас сосредотачивается на абсолютно правильном выполнении упражнений, фиксации вытяжения, вверх, чтобы даже минимальное скручивание не стало причиной новых защемлений. Советы врача исполняются с педантичной точностью. Главный принцип этого дня

для Леоновой и Домбровской, превратившейся на время в специалиста по восстановительной гимнастике, не навреди.

В чем-то молодой тренер по ОФП прав, конечно, это лечебная физкультура. И, с учетом того, что на нем еще целая группа, так, как сейчас Виктория занимается с Милой, он просто не мог бы включиться. Но в любом случае его работа была неполноценной, а это непростительно.

– Леонова, да не стони ты так, – с усмешкой бормочет женщина, – а то решат, что я тебе не упражнение показываю, а убиваю медленно и мучительно.

Домбровская перехватывает Милин корпус из-за спины подмышками и силой своих рук задает направление вытяжения вверх, контролируя собственным плотно прижатым телом позвоночник спортсменки. Послеоперационный бандаж, держащий поясницу четко проступает сквозь тонкую спортивную форму:

– Вот так! Сильнее! И без прогибов, – говорит, отступая назад, тренер, – и уже после этого – наклон вперед.

Обе они устали. Вика поправляет волосы, откидывает прилипшую ко лбу влажную кудрявую прядь, пока Мила отрабатывает наклон.

– Да, и тянись руками вперед!– Женщина берет спортивную сумку за самые кончики пальцев и тянет легко на себя,– Живот держи! Куда ты заваливаешься поясницей!

Домбровская делает свое дело. Просто труд тренера, который она знает до мелочей. Каждый этап которого ей понятен и близок. Леонова делает свое дело. Просто труд спортсменки, которая следует за тренером, не задавая лишних вопросов. Сегодня всего лишь режим разогрева. Знакомая для обеих работа, неоднократно повторяемая в течение всей их жизни в одной связке. Знакомые руки, направляющие знакомое тело. Через усилие. Через боль. К цели.

Группа, которая было напряглась и зажалась под пристальным вниманием старшего тренера, поняв, что сейчас той не до них, переключилась полностью на свои задачи.

Еще растяжка. Еще укрепление мышц спины с поддержкой. За 10 минут до конца общей тренировки Виктория взмахивает рукой и произносит:

– На сегодня все, Мил. Отдыхай до хореографии.

И единственное, на что достает сил у девушки после этой фразы – медленно сползти вниз по стене с долгим выдохом

облегчения. “Не дай бог больше таких восстановительных индивидуальных тренировок!” – думает Милка, но на губах появляется тихая улыбка радости. Значит ее не списывают. Значит еще есть за что биться.

Проходя мимо молодого специалиста по ОФП, Домбровская бросает короткий пронзительный взгляд и молча удаляется по своим делам.

****

Коридоры “Сапфирового” в это время пусты. Все на занятиях. Лишь время от времени раздаются из-за дверей отдельные, приглушенные команды тренеров.

И вдруг одна из закрытых дверей распахивается и буквально на Вику с воем, иначе и не скажешь, вылетает девочка лет пяти, несущаяся, не разбирая дороги.

Домбровская протягивает руку и перехватывает беглянку за талию:

– Куда это ты бежишь? – задаёт она вопрос, строго глядя на малышку, – разве занятие закончилось?

– Пусти! Я к маме хочу! – ревет малявка.

– А красиво на коньках кататься хочешь?– спрашивает Виктория.

– Неет!– вопит девочка.

– Ну, тогда иди,– женщина отпускает ребенка и отходит в сторону.

Она не держит даже детей. В их мире много насилия воли, духа, тела, но разум должен принять и поставить фигурное катание выше всего. Добровольно. Иначе смысла что-то делать с этим спортсменом нет никакого.

Девчушка, которая только что собиралась бежать из этого жуткого места, сломя голову, внезапно замирает и, хлопая мокрыми ресницами с любопытством глядит на высокую светловолосую тетеньку, а потом, шмыгая носом, решает пояснить:

– Я хочу на коньках кататься, а на шпагат садиться не хочу! А она говорит – надо!– ябеда тычет пальчиком в сторону двери, у которой с улыбкой стоит Иришка.

– Ирина Александровна права. Если хочешь красиво кататься на коньках, надо учиться садиться на шпагат,– серьез-

но сообщает девочке Виктория.

– А ты умеешь на шпагат садиться?– любопытствует ребенок.

Про свои слезы она уже забыла. Слишком интересно все вокруг, особенно эта красивая тетя с приятным грудным голосом, в котором чувствуется тепло, словно солнышко согревает его изнутри.

– Умею,– тихо улыбается Вика.

– Покажи,– берет быка за рога девчонка.

Виктория бросает смеющийся взгляд на Иру, которая решила было прийти на помощь своему тренеру и руководительнице. И, продолжая улыбаться, наклоняется к девочке и на ухо шепчет:

– Попадешь ко мне в группу – покажу.

И, посмеиваясь про себя, уходит дальше по коридору на свое рабочее место. А нахальная малявка с протяжным вздохом возвращается в класс, сообщая:

– Пошли садиться на шпагат. Мне надо вот к этой тете

попасть тренироваться.

****

Ну, за ручку, конечно, Домбровская Милу не катает, но максимально бдит, чтобы спортсменка не занималась никакой самодеятельностью. Впрочем по Леоновой видно, что после ОФП и хореографии на творческие порывы и усложнения сил у нее особенно-то и нет. Так что она аккуратно скользит по катку, пробуя на вкус ощущения ото льда после перерыва и от тела, которое толком не хочет нормально трудиться.

– Давай на ход назад!– подъезжает Виктория к девушке,– попробуй скорость набрать.

И в момент, когда Мила, раскинув руки аккуратно начинает перебежку спиной, Вика подхватывает ее ладони, придерживая весь круг, который проходит спортсменка.

Светлые пряди, выбившиеся из прически, развеваются, по-новому обрамляя строгое лицо, высокий лоб. Внимательный взгляд смотрит Миле за спину. Со стороны это кажется полетом. Черно-белая графика: две противоположности: брюнетка в черном, блондинка в белом.

– Хорошо,– говорит тренер, когда их забег по кругу оканчивается,– Как самочувствие?

– Устала,– честно признается Мила.

– Тогда отдыхай. Завтра тренировка по плану. На ОФП найду тебе помощника, чтоб ты там не сачковала.

Леонова молча кивает головой и потихоньку катится к выходу с катка. Вика провожает ее долгим задумчивым взглядом.

***

за два года до олимпиады. Владивосток

Лед брызжет под коньками от удара зубца на взлете в сальхов. Виктория смотрит и видит силу, с которой Мила пролетает свою “Реальную любовь”. Каждый раз во время этой программы Домбровская вспоминает, как звонила маме после взрыва и успокаивала: “Все хорошо, все хорошо!” Из-под ногтей и возле кутикулы никак не отчищалась полностью запекшаяся кровь, которая текла по рукам, изрезанным осколками. “Мамочка, у меня все хорошо! Не переживай”

Милка выезжает сальхов и взлетает в тулуп. А дальше бу-

дет длинный легкий выезд. Виктория это видит уже по заходу. Тренер поднялась вместе со спортсменкой в этот тулуп, выехала его. И вдруг поняла, что ее душа в теле фигуристки взлетает снова, а она за ней не успевает!

Сердце делает: “Ааааххх!” и дергается на тонкой ниточке, когда девушка чисто приземляет лишний, никому ненужный и даже наказуемый риттбергер . Домбровская видит, что девочка смеется. Обхитрила всех.

По окончании программы на лед летят цветы, игрушки, открытки, сувениры, а Мила бежит к ней и заливается смехом: “Как я сделала! Вы и не знали! А я сделала!! Никто не знал!!”

Как хорошо, что людям не дано знать своего будущего и поэтому они могут жить на полную катушку.

Взгляд начинает различать немного все то, что мутъ туманная крапа

Самые тяжелые люди для тренера – не спортсмены, даже не начальство всех уровней и направлений. Тяжелее всего с родителями. Эти заряженные на победу собственных детей люди всегда имеют свое видение того, как разумно и правильно вести их ребенка к высшим достижениям. И при этом правы они бывают далеко не всегда.

С родителями безразличными трудно, потому что они не будут разделять ваши и их ребенка устремления. Их не заставишь соблюдать какие-то ограничения. Он не будет считаться с вашими тренировочными планами. У этих людей своя жизнь, в которую ребенок интегрируется максимально, следовательно в порт он вписывается по остаточному принципу. До Вики дети таких родителей почти не доходили.

Второй тип родителей – сделавшие ставку на успех ребенка. С ними появляется иллюзорная, а иногда изначально и вполне осязаемая помощь. Они нацелены на результат не меньше самой Домбровской. Но в ответ от нее ждали вовле-

ченности именно в их ребенка. Полной отдачей всех сил любимому Коленьке, Машеньке или Олежеку. Взгляд на другого спортсмена со временем становился доказательством измены. Реакции на неожиданности, травмы и форс мажоры становились экстремальными. А потом случился побег в поисках тех специалистов, кто сможет соответствовать пониманию пап, а чаще мам о заинтересованности в их детях. Как ни странно найти таких специалистов было совсем непросто, точнее невозможно. Тренер все-таки – не мать родная.

Сейчас перед Викторией Робертовной стоял второй вариант родителя. Белая от злости мать перспективного юниора, потрясающая перед глазами тренера костюмом для выступления своего сына.

– Ну, что вот это такое!– мама Никиты Ревковича уже откричала свое возмущение и сейчас ее голос был подавленным, а весь вид растерянным,– У него же старт через пять дней. Он вылетает со всеми послезавтра! Как без костюма-то?

Виктория смотрела на изодранный узор на брюках для произвольного выступления, будто кто-то специально отрывал чем-то острым пайетки на лампасах. Костюм был испорчен однозначно.

– Успокойтесь, пожалуйста!– пыталась вразумить мать фигуриста Домбровская,– мы найдем решение. Если не удастся исправить, будет кататься в обычных черных классических брюках. Одежда – это в конце концов просто одежда. Слава богу, сам Никита жив и здоров, готов к выступлению.

Женщина в упор посмотрела на тренера и произнесла:

– За костюм деньги заплачены. Кто нам восстановит его или компенсирует потери? Ведь это же здесь, в раздевалке, испортили одежду.

Вопрос, конечно, был резонным. Пошить костюм – это совсем не маленькие суммы, родители вкладываются ежегодно минимум в два наряда, что встает им иногда не меньше, чем в пару сотен тысяч. “Сапфировый”, как и другие школы фигурного катания, конечно, максимально пытается продлить жизнь костюмам, передавая их от одного спортсмена другому по сходным ценам, но временами или подходящего наряда не находится, или нужен совершенно иной образ, так что все это становится солидной статьёй расходов, наряду с коньками и прочим необходимым инвентарем.

Дорогой, опасный, сложный и очень конкурентный у них вид спорта. А тут еще и вот такое. Вика рассматривает брюки, перебирая ткань тонкими артистическими пальцами:

украшение вырывали “с мясом”, чем-то острым. Безжалостно. С намерением испортить безвозвратно. Затяжки по ткани, мелкие дырочки. Можно ли после такого восстановить наряд в принципе?

Вот что я думаю,— наконец прерывает молчание тренер,— мы попытаемся нашими силами восстановить костюм или подыщем что-то на время выступления. И, конечно, проверим через систему видеонаблюдения, кто заходил в раздевалку, когда Никита там переодевался, и мог испортить брюки, пока он отлучился ненадолго, как говорит.

Именно сейчас Виктория искренне поблагодарила Федотову за то, что несколько лет назад он настоял на установке видеонаблюдения в том числе при входе в раздевалки. И, если бы она не отбивалась всеми силами, то и на этаже рабочих кабинетов тоже стояли бы камеры, так что гадать, кто засунул ей в двери записку, не пришлось бы.

— Ну, и соответственно, все вопросы по возмещению ущерба вы можете адресовать виновнику непосредственно,— заключила свою мысль старший тренер.

Мама Никиты кивнула головой. Попрощалась и собралась было уходить, но, остановившись перед дверью, произнесла:

– Мне кажется, Никитка испугался и расстроился настолько, что у него вся мотивация пропала.

– Разберемся!– ответила Домбровская.

Говорить матери мальчика, что у того стартовал переходный возраст, и уже пару месяцев как его шатает со страшной силой и никакая мотивация даже не ночует в его голове, наставница не стала. Сейчас вряд ли подходящее время для подобных откровений с женщиной, которая пришла и без того в не лучшем настроении и с не самыми радужными мыслями и намерениям.

Проводив родительницу за дверь, Виктория взяла испорченную деталь костюма и направилась в общую тренерскую, где в данный момент должны были отдыхать между тренировками Илья с Михаилом.

****

В дверях тренерской женщина услышала веселый голос Григорьева:

– Ну и вот, заходит, значит, наша Зоенька на лутц, и я понимаю, что я за ней угнаться не могу! Куда они такие длинноногие и скоростные растут? Мне скоро только малышевую

группу возить на "удочке" при этих скоростях!

– Ну, потребуешь молодого и сильного помощника, – в тон ему отвечает Илья.

Напряжение, если оно и было после мордобоя, видимо, давно исчерпано. Отношение между напарниками по тренировкам восстановились явно быстрее, чем лицо Ландау.

Виктория молча кладет на стол испорченную деталь одежды и сообщает:

– Кажется, еще один привет от “доброжелателя”.

Мужчины внимательно рассматривают брюки, и Илья изрекает:

– Прямо балетное закулисье у нас.

– Надо что-то делать! – нервно замечает единственная дама их трио, – Кто-то может починить брюки в ближайшие день-два, интересно?

Илья продолжает вертеть штаны Никиты в руках:

– Попробую в костюмерную Большого сходить. У мамы

там подруга была, может, поможет, хоть советом.

Он сворачивает ткань и засовывает в сумку. Поднимает вопросительный взгляд на коллег и произносит:

– И что у нас на повестке?

– Камеры наблюдения, – спокойно констатирует Григорьев. Втроем они направляются в службу охраны.

Через 40 минут входят озадаченные и молчаливые.

– Ну, и что мы по этому поводу думаем? – наконец произносит Ландау.

Виктория молчит. Григорьев после длинной паузы произносит только одно слово:

– Хреново!

– Будем выяснять после этапа, – наконец решает Домбровская.

Через час тренировка на льду. Всем нужно успокоиться и прийти в рабочем настроении на занятие.

****

На катке, куда Домбровская приходит как обычно немного после начала, чтобы сразу войти в рабочий ритм, не дожидаясь окончания раскатки спортсменов, царит вполне рабочая атмосфера разминки. Шнурует коньки, поглядывая на лед, отмечает, кому и что надо сказать.

Милка сегодня утеплилась. Вместо тренировочной футболки на ней темный свитер. Можно понять, скоростей-то толком нет пока. И по льду едет неспешно. Лишь бы снова спина не дала себя знать.

Лиля опять торопится. Да что же делать-то?! Меньше чем через неделю выступление, а у нее одно и то же.

– Лильк, связку сначала под мой счёт!– Виктория встаёт возле девочки и с отяжкой начинает отсчитывать ритм. Раз, пауза, два, три.

С шестой попытки наконец-то получается что-то похожее на желаемый результат.

Илья следит, как Маша Максимова выкатывает дорожку, напоминая то и дело, куда должен быть направлен взгляд в каждом движении. Девушка все время пытается зацепить-

ся глазами за ледяную гладь, растеряв половину плюсов за представление.

Заканчивает первый круг между спортсменами, Домбровская подъезжает к Леоновой. Щеки девушки горят румянцем, взгляд блестит.

Я смотрю ты сегодня по-зимнему, – подшучивает наставница, намекая на свитер.

Девушка смущается и пытается стянуть свитер со словами:

– Я что-то замерзла. Сейчас!

Виктория хватает ее за руку, чтобы остановить.

Ладонь горячая, как огонь. Да и румянец, если посмотреть, вовсе не от разогрева на тренировке.

– Да у тебя, похоже, температура, Милк?!

Женщина подъезжает вплотную, берется обеими руками за лицо и притягивает голову Леоновой ближе. Прохладные губы, ещё более холодные от ментолового бальзама прикасаются ко лбу.

Девушка абсолютно обмякает, почти приваливаясь к телу тренера, впитывая это легкое прикосновение, как жаждущий в пустыне капли дождя на иссушенные губы.

Она и правда горит вся.

– Домой, Милк!– объявляет Вика,– я тебя отвезу.

Спортсменка пытается отказаться, понимая, что тренировка перед очередным этапом – это неотлагаемое и неотменяемое мероприятие. Даже смерть не может быть уважительной причиной, чтобы старший тренер на ней не присутствовал.

– Я на такси, Виктория Робертовна.

Попробовать сказать, что поедешь на своей машине бессмысленно, тренер ее в таком состоянии попросту не пустит за руль.

– Какой таксист, увидев тебя, куда-то повезет? Они от здоровых то при любом чихе шарахаются сейчас. Переодевайся. Жду на стоянке,– сообщает Вика и уезжает предупредить Григорьева и Ландау.

****

В машине тренер и спортсменка едут в полной тишине. Мила прикрыла тяжёлые от жара веки. Только лёгкий гул мотора наполняет хоть каким-то звуком салон.

– Вот и все, Виктория Робертовна,– не открывая глаз, говорит девушка.

Домбровская отрывается взглядом от дорожного полотна, скашивает карие глаза на заострившийся болезнью профиль ученицы.

– Ты это о чём?– задаёт она вопрос.

– Фигуристки Леоновой больше нет,– так же спокойно, не открывая глаз, отвечает Мила.

– Это у тебя от температуры такие мысли, надеюсь?– резко отвечает Вика.

– Да неважно уже!

Голос девушки смешивается с густеющим вечером. Все ещё видны алые губы, которые едва шевелятся, когда она говорит:

– Интересно, почему вы меня не вышвырнули, когда всем стало плевать?

И снова тишина. Автомобиль ворчит мотором. Мила приоткрывает глаза. Тонкий профиль Вики на фоне пробегающей за окном Москвы. Женщина молчит и, кажется, не собирается отвечать. Медведева снова закрывает глаза, даже движение улицы вызывает резь в зрачках. И тихо продолжает:

– Мне приятно думать, что я вам небезразлична.

Снова тишина. И после опять голос девушки:

– Виктория Робертовна, а у вас есть любимые стихи о любви? Свои я вам показала же...

Кажется, что ответа опять не будет, но вдруг девушка слышит тихим, чуть надтреснутым, давно знакомым голосом:

– Therefore like her I sometime hold my tongue,

Because I would not dull you with my song.*

– Это откуда?– спрашивает Мила, силясь вспомнить ка-

кую-нибудь песню, где звучит эта фраза.

Вика чуть заметно улыбается и, подшучивая над ученицей, говорит:

– Не только ты, Леонова, читаешь классику. Это 102 сонет Шекспира. В переводе тоже есть. И тоже красиво.

– Я найду, – соглашается с невысказанным предложением Милка.

Машина тормозит у дома фигуристки. Девушка выходит, отказываясь от помощи, и скрывается в подъезде.

****

В полночь в мессенджер Домбровская приходит короткое "спасибо", а вторым сообщением:

Люблю, – но реже говорю об этом,

Люблю нежней, – но не для многих глаз.

Торгует чувством тот, что перед светом

Всю душу выставляет напоказ.

Тебя встречал я песней, как приветом,

Когда любовь нова была для нас.

Так соловей гремит в полночный час

Весной, но флейту забывает летом.

Ночь не лишится прелести своей, Когда его умолкнут излиянья. Но музыка, звуча со всех ветвей, Обычной став, теряет обаянье. И я умолк подобно соловью:

Свое пропел и больше не пою

Вика читает оба сообщения, не отвечая, и продолжает сидеть за кухонным столом. В чайной чашке вместо чая на три пальца коньяку. Основательно початая бутылка стоит рядом.

—

*Поэтому, как и она, я иногда молчу,

Потому что я бы не утомлял тебя своей песней.

Отчаянных невзгод ты в скорбном сердце обновляешь бремя

Пить в середине недели крепкий алкоголь на ночь – плохое развлечение. Именно эта мысль не покидала Вику с того момента, как она открыла глаза. Голова нещадно болела. При виде полупустой коньячной бутылки становилось тошно.

“Слабости обходятся дорого!” – в очередной раз жизнь наказала Викторию за желание быть маленькой и глупой. Хотя бы один вечер.

Обезболивающее. Много жидкости. Сверху чашка крепкого кофе. Хоть на кого-то эта посталкогольная контрацепция действует так, как должна бы в теории? Душ. Глаза не болели только от черного, поэтому утреннее настроение воплотилось в тотал блэк в одежде. Долгий макияж, чтобы спрятать отеки, возникшие после пьяной обочины вчерашнего вечера, на которой она решила не кстати сделать перерыв в собственной жизни.

Магнитола в машине решила добить ее бодрим голосом Антона Макарского:

Ты обязательно станешь смелой

Честной и сильной, тебе понравится

Больно другим никогда не делай -

Они и сами прекрасно справятся

Помни, что много друзей не бывает

Знай, что дорога страшна поворотами

Плачь, если плохо – иногда помогает

Не пей – я пробовал, это не работает

Станет мир светлей и краше

Будет легче жить тебе и мне

Улыбаемся и машем

Видишь, Маша, наши на Луне

“Да уж, такими темпами нам до Луны, как до звезды ра-

ком”, – вздохнула Домбровская и выключила музыку.

****

За восемнадцать лет до олимпиады

– Моя дочь решила начать спиваться?

Роберт Домбровский смотрит на открытую бутылку водки, которую его девочка молча вынула из холодильника, поставила на стол и дополнила граненым стаканом, плеснув в него уверенной рукой граммов 150. Отец оценил эту мужскую дозу в переложении на хрупкий организм его девочки и тяжело вздохнул. Вике было плохо.

Не говоря лишних слов Роберт Александрович, забрал бутылку. Поставил на место. Усадил свою девочку за стол, сам сел напротив и сказал:

– Что случилось, милая моя?

– Мне 25, я беременна от мужчины, который поспешил вспомнить, что у него семья, нормальной работы нет и, похоже, не будет. Ты считаешь, у меня нет причин запить?

Из всех его детей именно младшая была его ясным солнышком. С рождения, когда ее мать вытаскивали после тяжелейших родов врачи, а отец крутился дома с младенцем и старшими, между ним и маленьким пищащим комочком, образовалась та связь, которая наполнила совершенно новым светом всю жизнь мужчины. Отцом его сделала Вика. Чет-

вертая, поздняя, так трудно давшаяся всей семье. И невозможно обожаемая девочка-счастье.

Именно он больше всех в семье переживал и внутренне противился отъезду восемнадцатилетней девочки в далекую заокеанскую страну. После ее звонков с другого континента и убеждения, что она жива и здорова, взрыв ее никак не задел, Роберта увезли с сердечным приступом. Прошло много лет, а Вика так и не поняла, почему жужжали СМИ России об этом частном событии из частной жизни, не думая, конечно, что в московской квартире переживают двое уже не очень молодых людей, для которых это была не просто новость из далекой чужой страны, а информация про жизнь их ребенка. Когда она приехала однажды погостить домой и сказала, что скоро вернется навсегда, он даже был рад, что есть кто-то к кому ей захотелось вернуться, потому что любимая дочка снова была рядом.

И вот из-за этого постороннего их семье мужика его малышка грустит:

– Виконька, доченька, да это же счастье, что у тебя будет ребенок! Нас много! Мы все его ждем. А ты пытаешься делать глупости. И работа найдется. Однажды все проходит. Ты еще станешь великой. Мы все будем смотреть, как твои спортсмены выигрывают Олимпиады. И твой дурак, который не понимает, кого лишился!

– Дураку есть за чьими успехами наблюдать на олимпиадах, – горько сказала Вика и все-таки закинула стопку водки

в желудок,— Что же мне делать, папочка?

— Жить! У тебя впереди большущая жизнь. Тебе только 25. Ты многое умеешь и на многое способна. У тебя будет ребенок, который даст силы применить свои умения. Я знаю, что ты прославишь наш род, девочка. Ты у меня богом поцелованная, столько пережившая, наша малышка. Единственная из всех способная на великие дела, хотя, видит бог, я рассчитывал на сына, продолжателя, но ты мой подарок от неба. И я тобой горжусь.

Может, папа выдавал желаемое за действительно, чтобы подбодрить расклеившуюся Вику, но оказался ведь прав. Именно благодаря ей мир узнал фамилию Домбровских.

****

Папа не болел за нее на Олимпиаде. Папы уже не было в тот момент, когда Аля в платье в мелкий цветочек под саундтрек из кинофильма “Анна Франк” делала его дочь великой, увековечивая фамилию Домбровской вместе со своей собственной.

С этими мыслями Вика приехала на работу, пришла в свой кабинет и занялась привычными бесконечными делами, которые вымывали из головы все посторонние идеи. Хотя бы до вечера.

Завтра вылет на третий этап кубка. Миша остается здесь. Они с Ильей везут детей. На летучке обсудили все тонкие места. Планы “б”, “в” и “полного г”. Еще раз гоняли всех участников грядущего этапа по программам. Еще раз по кругу от-

рабатывали то, что давно отработано. Пробовали комбинации и неожиданные решения. И так до вечера. Под непрекращающуюся слабость и то и дело прорывающуюся головную боль.

Завтра утром последний прогон на домашнем катке. Вечером вылет. И “здравствуй” город белой олимпиады. Давно не виделись!

****

за четыре года до олимпиады

Этот южный город о всеми пригородами теперь навсегда для Виктории связан с назойливыми болельщиками и бесцеремонными журналистами всех мастей, которые лезут в гланды через анус. А еще с опустошенными прозрачными глазами маленькой девочки, которая теряет себя, последние остатки душевных сил и внутреннего равновесия.

Такая сильная девочка с феноменальными вращениями, невероятной выдержкой и серьезным подходом к каждому вопросу, хоть на пресс-конференциях и интервью, хоть в жизни. Как сказать этой девочке, что олимпиадой ничего не заканчивается? Да что там олимпиадой! Что олимпиада никогда не заканчивается внутри спортсмена, и нужно будет ее забыть. Все ее триумфы.

Ничего уже у них не получится так, как получалось до этой золотой медали. Очевидно и невозвратно. Вика это видела. Слышала. Осознавала. А еще осознавала, что нельзя просто отпустить ребенка. Ей не простят такую быструю

утрату звезды”.

Аля разговаривает с матерью. Виктория стоит в трех шагах позади и очень не хочет слышать эту беседу, но все равно слышит и понимает, что эти слова адресованы и ей.

– Мам, ты мечтала о такой медали? О настоящей золотой?– Алька протягивает болтающийся на ленте тяжелый кружок матери. И, когда та принимает его, уходит прочь в сопровождении тренера.

Ад еще не закончился. Впереди индивидуальные соревнования. И на них ад тоже не закончится, потому что не закончится сезон. Фигуристка закончилась, а соревнования – нет.

****

– Что-то меня сегодня земля не держит,– произносит Виктория, когда последний из спортсменов уходит со льда,– поеду-ка я домой пораньше. Вы же справитесь без меня?

Григорьев кивает головой, не отрываясь от просмотра последних замечаний по прыжкам Лили Манукян. Илья тоже не возражает.

Когда женщина уже скрывается в раздевалке, Михаил поднимает голову и произносит:

– Ланди, проводи-ка ты ее. Она сегодня весь день не в себе.

Илья, поворачивает голову в ту сторону, куда ушла женщина и отвечает:

– Может, просто перед этапом нервничает?

– Она дважды не заметила, что Лилька сделала в каскаде

двойной вместо тройного! Это не “просто нервничает”.

Ландау тут же сгребает вещи и направляется к выходу. Не заметить количество оборотов в прыжке Вика просто так не могла бы. Никогда. Дело и правда плохо.

****

Больше всего, выбегая из тренерской, Илья боится, что упустил свою Эр, но, входя в холл первого этажа “Сапфирового”, замечает ее пальто и светлые гладко зачесанные волосы с вечно выбивающимися на затылке прядками, которые скрываются за наружными дверями. Успел.

Однако, когда он спускается к стоянке, то понимает, что женщина беседует с каким-то высоким седым мужиком. И, что уж совсем удивительно, тот крепко удерживает ее за оба запястья. И, хотя разговор Вике вряд ли приятен, судя по положению ее тела и напряженной спине, рук своих она не освобождает.

На секунду Ландау замирает. Может, оставить даму в покое? Но в итоге решает прояснить ситуацию и сокращает расстояние. В конце концов, если он ей не нужен сейчас, она всегда может ему это сказать.

****

– Вов, ты на самом деле заколебал!– произносит Вика тихо.

Мужчина крепко держит ее за обе руки, видимо, чтобы она не вздумала сбежать. Куда, спрашивается? Они стоят возле ее машины. И он перегораживает водительскую дверь.

– Сколько еще ты будешь таскаться сюда и пытаться меня в чем-то убедить? Я все поняла с первого разговора. Я тебе дала ответ. Ничего не изменится!

Владимир делает шаг к ней. Расстояние сокращается до интимного. Дорогой чужой мужской парфюм вторгается в ее поле.

– Виктория Робертовна, вам помочь?– голос Ильи как избавление.

Хочется даже стонать от облегчения, когда она чувствует, что хватка Володи ослабевает.

– Юноша, мы без вас разберемся,– отвечает на заданный не ему вопрос Коршунов.

– Я спрашиваю не вас, а девушку,– спокойно отвечает Ландау.

– Сопляк, тебя твои девушки на дискотеке ждут! Дай взрослым людям поговорить по-взрослому, а то я обновлю узоры на этой роже,– наступает старший из мужчин.

Илья молча оттирает оппонента в сторону, разворачивает Вику за плечи и, прикрывая своей спиной, провожает на пассажирское сидение. Возвратившись к водительской двери, нажимает ручку, ударяя навязчивого собеседника своей теперь уже очевидно спутницы дверцей:

– Я не гуляю по дискотекам, но вам советую именно там искать собеседниц.

Поняв бесперспективность дальнейших попыток добиться общения, Владимир делает шаг в сторону от машины и

пропускает Илью за руль. Слава богу, он ее не дрался со всякими идиотами малолетними, объясняет себе это поражение Коршунов.

– Это кто вообще?– задаёт вопрос Ландау, выезжая со стоянки.

– Старый знакомый,– бесцветным голосом отвечает Вика.

– Странные ты знакомства заводила в прежние времена, Эр,– удивляется молодой человек.

Вика только усмехается в ответ.

Всю дорогу они проводят в полном молчании. Даже музыка не нарушает пустоты между ними.

Доехав до места, Ландау глушит мотор, выходит из машины и явно собирается проводить женщину до жилища. А она, кажется, планирует этому воспротивиться.

– Мне надо забрать часть вещей,– прерывает Илья еще не родившееся возражение.

Постель так и осталась разобранной, это мужчина заметил, забирая с прикроватной тумбочки свой планшет. На кухонном столе стояла полупустая бутылка с коньяком и чайная кружка с недопитым содержимым:

– По какому поводу?– удивился Ландау, осмотрев кухню.

– Считай, поминки,– грустно улыбнулась Домбровская.

– Кого ты поминаешь, Эр?– участливо опустил руку на плечо женщины Илья.

Вика молчала, ощущая каждой клеткой тела, к которой прикасалась его ладонь, лёгкую дрожь. Мужчина, не говоря

ни слова, сгреб ее в объятия так, что она полностью утонула в его силе, тепле, энергии соучастия и ритме такого знакомого дыхания.

Чьи губы первыми потянулись к другим? Чьи пальцы вжались в кожу второго в поиске ответа на свою потребность? Чья душа начала молчаливый танец приглашения к нежности? Кто будет искать ответы на эти вопросы, пока сердца стучат перебивчивым ритмом, а тела рвутся к максимальной близости.

– Мне ещё к костюмерам в театр сегодня надо,– говорит Илья, нежно обводя кончиком пальцев выпуклую ключицу Вики.

Женщина лежит прикрыв глаза, как обычно податливая "посленежности" их совместных страстей. И лишь молча кивает.

– Я быстренько слетаю и вернусь к тебе,– целует ее в плечо молодой человек.

Отстраняясь, поднимается с постели, собирая свою одежду и натягивая второпях. Раньше уйти, быстрее вернуться. И никогда, никогда больше не давать этой сумасшедшей избавиться от него, что бы ни происходило.

И тут до него доносится:

– Нет, поезжай домой. Увидимся завтра в аэропорту. Я устала сегодня.

Ландау замирает с носком в руке на мгновение, а потом продолжает одеваться, но все движения становятся резче и

нервнее:

– Не хотел вас утомить собой, Виктория Робертовна.

Подхватывает сумку, в которой сложены его вещи, в том числе и те, что он забрал сегодня из ее дома. Хлопает входной дверью. Виктория медленно поднимается с постели, доходит до прихожей, кутаясь в покрывало, чтоб закрыть дверь на замок. Ей страшно холодно в этой пустой квартире. И в сердце отвратительный сквозняк.

Когда без слез ты слушаешь о том, что этим стоном сердцу возвещалось, – ты плакал ли когда-нибудь о чем?

Вике снился лед. Она вмерзала в него. Замерзала в нем. Как Люцифер в дантовом аду. Не оставалось ничего, кроме холода. Холода и льда, будь он проклят в конце концов. И этот лед становится ее миром, домом, ею самой. Безжалостный и вечный. Он приказывал остаться внутри, не сметь бороться. Не хотеть жить. Не быть.

Будильник вломился, разбивая сон, лед, но не прекращая холода. Трясло и морозило. Женщина буквально по стенке доползла до ванной комнаты, вынула из аптечки термометр и через минуту смотрела на ужасные 38 и 8, при этом явно это была не предельная точка.

Две таблетки жаропонижающего. И одно сообщение: “Миша, вылетаешь с детьми. Грипп, 38,8”. И как только лихорадка спала, Домбровская снова уснула, теперь уже без страшных снов. Все, что она успела подумать за 30 минут

между результатами на градуснике и тяжелым болезненным сном: “Встреча с прошлым отложена”.

****

Что делать, если все идет наперекосяк? Работать. Еще быстрее, еще качественнее и еще больше.

Менять расписания. Перераспределять обязанности. Искать помощников. И ровно в нужный час вывезти команду на очередной старт. И главное, никому не говорить, что у вас за последние три дня двое с жестокой температурой. Иначе никакого старта не будет. Тем более молчать, насколько плотным было общение между теми, кто выезжает и теми, кто лежит в полубессознательном состоянии дома. И надеяться, что повезет.

Илья смотрит на табло Шереметьево в ожидании посадки. Четверо подопечных птенцов сидят под присмотром Григорьева. Ничего особенного не происходит. Обычный выезд тренерского штаба, обычный день. И совсем необязательно каждые 5 минут заглядывать в мессенджеры и надеяться, что женщина, которая вчера тебя вышвырнула вон из своей постели хотя бы промелькнет онлайн. Внутренний голос-утешитель нашептывает: “Ей просто было плохо. Она не гнала тебя. Она заболела.” И так хочется ему поверить в очеред-

ной раз. Все бросить и кинуться извиняться за поспешные слова, которые сказал. За те, что только успел подумать. Но, решишь он сделать такое, его и вправду вышвырнут, но уже не из постели, а из жизни “Сапфирового”. Долг и ответственность превыше всего. И долг сейчас довести детей. Ответственность – правильно их настроить. Отработать этап. Вернуться со щитом. И все разборки – потом.

После стартов, после выяснения, зачем был испорчен костюм Ревковича, брюки от которого волшебные швеи умудрились отреставрировать за день, а скорее всего, даже за ночь. После всех разборов и построения новых планов. Все потом. Сначала работа. Сначала эта великолепная четверка, сидящая под присмотром Михаила Александровича в ожидании приглашения на рейс.

****

за двадцать восемь лет до олимпиады

– Девочка, о чем ты говоришь! Какие старты? Какое фигурное катание? У тебя трещина в бедре, вывих тазобедренного сустава. Ты это понимаешь?

Врач-травматолог смотрит на зеленоглазую взъерошенную блондинку с аристократически тонкими чертами лица.

С такой внешностью в кино сказочных принцесс играть и злобных мачех, когда возраст придет, а не прыгать по льду, выворачивая кости. По тяжелому насупленному взгляду из-под густых темных в контраст с волосами бровей понятно, что его словам никто не собирается внимать. Глупая девочка попытается соскочить с больничной кровати и начать прыгать при первой же возможности.

– Минимум полгода восстановления. Никакой самодеятельности! Слышишь меня, Вика? Ты станешь инвалидом. Никогда не сможешь родить, а может, даже нормально ходить, если не будешь следовать всем моим рекомендациям. Понятно?

– У меня сестры и брат. Мне рожать необязательно! – фыркает глупая девочка, – Вы не понимаете! Фигурное катание – это жизнь! У меня нет другой, и другой я не хочу!

– Все я понимаю, девочка, – а еще я знаю, что через 10 лет твое мнение поменяется. И если сейчас я не добьюсь от тебя следования моим рекомендациям, то ты будешь винить меня в том, что никогда не можешь стать мамой! И греха на душу я не возьму.

Сон пересмыкается с новым видением из прошлого.

за пятнадцать лет до олимпиады

– Тории, она такая сладкая, что даже конфеты, от которых разносит мой зад, не сравнятся с ней по вкусу!

Мэнди воркует над спящей в колыбели новорожденной Никой. Мамина принцесса, леди совершенство.

– Тори, как ты ее назвала?– не отрываясь от младенницы мурлычет Аманда

– Ника,– улыбается Виктория.

На прикроватной тумбочке лежит зачитанная до полной растрепанности книжка с тоненькой девушкой на обложке. Девушка ждет чуда и счастья. И дождется. “Алые паруса” – единственное, что помимо одежды и средств гигиены Вика увезла с собой из промозглой Москвы в сухой и жаркий Техас. Остатки своей незамутненной детской наивности под старенькой обложкой, ан начинающих желтеть страницах.

– Ника Грин,– дополняет имя дочки фамилией молодая мать.

– Почему Грин?– удивляется подруга

– Потому что ты, Мэнди, никогда в жизни не научишься произносить фамилию Домбровская, – хохочет Вика.

– Эй! – так же заливается смехом ее темнокожая подружка, – Я тебе клянусь, что буду первой в этой стране, кто произнесет твою фамилию, когда твои спортсмены выиграют олимпиаду! Клянусь!

В тот день, когда Аля отдала свою золотую медаль маме и ушла в номер, Вика вернулась к себе и набрала на Фэйстайм номер далекой подруги.

– Давай! Время выполнять обещания пришло! – сообщила она Аманде, когда та появилась на кране. И бедная Мэнди тщательно, по слогам, произнесла фамилию обожаемой Тори, а после долго, со слезами на глазах твердила ей, что она всегда знала, всегда верила и как же здорово, что все наконец так, как должно было быть непременно.

****

Пережить короткую, не пугая и не мучая девчонок постоянным контролем и проверками, но и не упуская из внимания. Пережили. Дожили до произвольной. Вот они. Стоят две красотки, готовые выскочить на лед разминаться. Катя в черно-красном, сверкающем под ярким светом софитов со-

ревновательного катка. Аня в нежном розово-лиловом.

Прыжок, прыжок, прыжок. Чисто, чисто, чисто. Пусть все получится. Второй день Виктория молчит. Невероятно. Непривычно. И они засиживаются ночами вдвоем, считают, обдумывают, делят ответственность.

– Илья Сергеевич, что-то у меня с рукавами,– подъезжает к нему Маша?

– Что у тебя с рукавами?– не понимает Ландау.

– То ли трет, то ли жжет?– недоуменно отвечает девушка.

До раздевалки они вчетвером: два тренера и две девушки-фигуристки – почти добегают. Совершенно не до политесов, поэтому врываются смешанным составом. По счастью все в зоне разогрева, поэтому пусто. Только они.

– Раздевайся,– командует Григорьев.

И этот приказ, который в другое время, наверняка, вызвал бы у Маши невероятное смущение, сейчас выполняется беспрекословно. Она вытягивает руки из рукавов, спуская верх платья почти до талии.

Тело хрупкой статуэточки. Уже не ребенка, еще не женщины. Острые ключиц, длинные мышцы плеч. Два алых пятна в сгибах локтей. Два в подмышках. С двух сторон мужчин прикасаются к пятнам в локтевых складках. Горячие.

Девушка стоит откинувшись на стену. Молчит закусив губу.

Григорьев принюхивается сначала к локтю девушки, а потом к рукаву платья:

– Блин! Капсикам!

Разогревающая мазь. Есть почти у любого спортсмена. Наверное, даже у девчонок такая есть. Вот только никто не мажет ей нежную кожу или слизистые. Это гарантированный ожог. Четыре ожога.

– Смываем!– ошавевший Григорьев практически выталкивает Машу в сторону туалетов раздевалки.

– Нельзя,– вдруг спокойно говорит Ландау,– От воды будет только хуже! Ждите!– и буквально вылетает из раздевалки.

Через полторы минуты он возвращается с пакетом неиз-

вестно откуда добытого кефира. В шесть рук буквально заливают ожоги напитком при этом тщательно следя, чтобы ни капли не пролилось на наряд. В нем еще выступать.

Спортсменке явно легчает.

– Илья Сергеевич, откуда такие познания?– удивляется Григорьев, аккуратно вытирая Машину руку от кефира.

– Я ж из балетной семьи,– невесело усмехается Илья,– Хорошо, что платье, а не трусы намазали. Как-нибудь расскажу, какие байки ходят про балетное сообщество. Наши спрятанные костюмы и коньки – детский сад против того, что балетные друг другом вытворяют о школьной скамьи.

Раздается непонятный всхлип. Оба мужчины смотрят на спортсменку, которую пытаются привести в порядок.

– Балет – искусство безжалостности,– сообщает, словно прописную истину, Илья.

– А сейчас самое жуткое!– внезапно говорит Ландау,– У нас нет сменного платья. Так что тебе, Манюнь, придется натянуть на обожженные места то же самое платье, и грош цена нашему кефирном омовению.

Мария закусывает губу. Григорьев безнадежно опускает голову:

– Будем сниматься с произвольной! Кать, иди в зону разогрева, тебе через 8 минут выходить.

– Я против,– эти непреклонные слова звучат из уст хрупкой девочки, которая даже не открывает глаз, прижимаясь затылком к стене туалетной комнаты.

– Манечка, это даже не международный старт,– жалость в голосе Ильи невозможная, потому что он знает, что не переубедит эту стальную малышку.

– Я против,– повторяет спортсменка.

– Хорошо! Миш, ты к Кате, а мы попробуем что-нибудь сделать.

Илья убегает снова. Григорьев уходит за Катериной, которой через 5 минут на выход. Маша продолжает стоять, откинувшись головой на кафель туалетной комнаты. Она даже не плачет. Плакать тоже нельзя. Макияж испортится. Просто стоит, не открывая глаз, пытаясь отключиться от грядущей боли.

Через минуту Ландау возвращается со своей сумкой. В ней ватные диски, бинт, пластырь. Хотя что-то, чтоб попытаться создать преграду между жгучей мазью и телом.

– Машенька, выходи! Будем экипироваться, – зовет он еще от дверей спортсменку.

Они сходятся рядом с ее вещами. И только тут одновременно замечают лежащий поверх сумки спортивный телесный топ с длинными рукавами и открытой спиной, который идеально можно спрятать под платьем. Совершенно чужой. Новый. Без посторонних запахов или пропиток.

– Между ангелом и бесом, – только и успевает пробормотать Илья, накладывая тонкие компрессы, которые не будет видно под одеждой, на тело фигуристки в местах ожогов.

Закончив работу медбрата чуть ли не бегом направляется к входу со словами:

– Одевайся и готовься к выходу. Мне надо еще Катин прокат посмотреть. Справишься? – спохватывается Ландау внезапно.

Марья только кивает головой. Она уже просовывает руки в рукава топа-спасителя.

****

Катька бракодельничает, но кто б ее обвинил после всего случившегося. Бросив девчонку в КиКе одну, оба тренера бегут принимать Машу. Ее выход следующий.

Максимова... улыбается. И ее улыбка сейчас ничем не отличается от любой другой предстартовой улыбки Марии. Озера ореховых глаз все так же безмятежны.

И только в прокате видно, что ее шатает. В сложных дугах. В кривых выездах с прыжков и вишенкой на торте в ошибочном лишнем тройном риттбергере в каскаде.

По окончании программы она чуть не плачет, подъезжая к тренерам. И оба мужчин торопятся спросить только об одном:

– Болит?!

– Мне стыдно,– понурившись твердит Маша,– Я забыла, что тройной риттбергер в каскаде уже был.

Тренеры хором выдыхают. Самобичевание – это не страшно. А сегодня так и вообще лучшая часть всего этого жутко-

ГО ДНЯ.

****

– Виктория Робертовна, ваших спортсменок называют универсальными солдатами. Как вы к этому относитесь?

Вика морщится от слов журналиста:

– Ну, какие они универсальные солдаты? Они маленькие девочки, нежные как полевые цветы?

Вторые сутки Виктория почти все время спит, пока в ее организме идет борьба за выздоровление, и не знает, что именно ее маленькая и такая непохожая на универсально-го солдата девочка пережила в отвратительном городе боли и первой победы Домбровской, там, где сбываются мечты и рушатся все планы.

Душа катится вниз, на дно колодца

Мила терялась в чувствах, мороке обожания и ожидания, которое никак не затихало и не меняло вектора, превращаясь в мечты, надежды, сны.

И во сне желанные губы не сжимались насмешливо в складку, истончаясь почти до полного исчезновения, а голос с трещинкой лишь выдыхал короткие призывные звуки. И пальцы ее запутавшиеся в длинных непослушных прядях, больше не искали случайных соприкосновений. И было бессмысленно и прекрасно ощущать, как в тебя вжимается давно знакомое тело, требуя отдать то, что уже годами хранится как подарок.

Зеленые с прожилками глаза глядятся в карие между поцелуями. Светлые и темные волосы перепутались по подушкам. словно две сильные дикие кошки ведут борьбу за право выжить.

Губы срываются с губ, как бабочка от цветка, с которого собрана вся пыльца. И бегут вниз короткими жаркими поцелуями на горле, между ключицами, облизывая грудь, цепляя краешком зубов дуги выступающих ребер, тоня в лож-

бинке живота, касаясь выступающих косточек бедер, ныряя в сосредоточение желания и страсти... И только стон доносящийся с полных губ брюнетки озвучивает первобытной музыкой этот горизонтальный танец.

С легким вскриком Мила выпрыгивает из сна, навещающего ее разными вариациями чуть ли не каждую ночь весь последний месяц. И особенно ярко и остро с момента несчастного поцелуя, после которого, если быть честной с самой собой, ничего и не изменилось в реальности. Виктория Робертовна все так же ведет ее по тренировочному процессу, выслушивает жалобы и откровения, мотивирует, успокаивает, решает проблемы. И не пускает ни на шаг ближе. Ну, может, на шаг. На один шаг размером в 102 сонет Шекспира.

– По кому ты тоскуешь Милли?– ласково говорит Джош, видя ее задумчивое выражение после тренировки?

– Немного по дому, наверное,– пожимает плечами Леонова.

– Считай, что твой дом теперь здесь,– подбадривает новый тренер,– мы все для тебя и с тобой. И мы тебя любим.

– Дома меня тоже любят, Джош,– невольно начинает спор Мила.

И тут американец проявляет удивительную для Людмилы пронизательность:

– Тори, дорогая Милли, любит свою дочь, деньги и победы. А вы – просто материал. И, как видишь, это неплохо. Но тебе этого было бы мало. От нее – точно. Со мной будет проще.

В Штатах все намного проще с желаниями и влюбленностями, никто не удивляется и не шарахается от твоих чувств, хотя, право слово, Мила не рвется их демонстрировать и не рассказывает никому, но, видимо, это и без того очевидно и понятно всем вокруг.

Джош лишь однажды, в самом начале работы, поинтересовался ее мнением о специфике работы Домбровской и предложил взять то, что будет помогать Миле. Леонова отказалась: все с нуля. Все сначала. Она полностью доверяет новому тренеру и готова менять себя и меняться под его систему. Американец пожал плечами: в конце концов, раз ей так проще, то ему и тем более.

Мужчина добродушно щурится и, помахав на прощание, углубляется в тренировочный процесс.

****

Мила открывает соцсети, решая наконец-то выяснить, чем живёт ее маленький большой мир, из которого она выпала почти на пять дней. И начинаются чудеса на виражах.

Аккаунты команды пусты, а страница тренера отсутствует начисто. И последние выбивает всякую почву из-под ног. Виктория Робертовна освоила соцсети чуть ли не первой в мире фигурного катания. Это благодаря ее знаниям они ворвались в интернет-пространство. Домбровская умело перенесла американский опыт пиара на реалии российского интернет-рынка. Представить, что Виктория Робертовна просто снесла страницы, было такой же дичью, как представить два солнца на небе.

Первое сообщение для мира живых по возвращении из ада болезни оказалось неожиданным по содержанию, но точным по адресу.

"Виктория Робертовна, почему удалена ваша страница?"

В ответ тишина. И лишь через несколько часов приходит ответ: "Ничего не знаю. Я на больничном."

И снова тишина в эфире.

Мозг после пяти дней температуры работает так, словно между нейронами проложена вата.

Сообщение Ландау с тем же вопросом. Ответ ещё короче, чем от Домбровской: "Нас взломали и забанили".

Третье сообщение улетает за океан к милому парню Мартину, который вежливо попытался поухаживать за Милли и так же вежливо отошёл в сторонку, когда понял, что этой большеглазой брюнетке с полными губами и фарфорово-белой кожей интересен только ее такой же фарфорово-белый лёд на катке.

Формально они согласились остаться друзьями. В реальности же до этого сообщения даже с рождением друг друга ни разу не поздравили после неудачной попытки встретиться.

У Мартина было одно достоинство. Мартин мог хакнуть вселенную, если бы очень захотел. Впрочем это было его второе достоинство. Первым была мать Мартина, работающая ведущим менеджером проектов Фэйсбука. Сейчас эти два достоинства сливались в один огромный и прекрасный образ помощника-спасителя.

****

Как Домбровская доехала до "Сапфирового", она понимала с трудом. Температура ее оставила, забрав с собой ещё и все силы. Но она приехала. На разбор этапа. На разговоры, которые нельзя было отложить. С твердым знанием, что другого места силы у нее нет.

И этот ледяной дом ее принял, обнял своим воздухом и повел привычными маршрутами. Тренировочные залы, зоны отдыха между занятиями для спортсменов и, конечно, лёд.

Малыши учили первые фигуры. Иришка в длинном пуховике скользила между ними, как слаломист между воротами трассы. Именно в этот момент здесь начинаются новые чемпионы и чемпионки. Они вырастут из самых упорных, самых стойких, самых стремящихся к звёздам... Самых влюбленных... в спорт, красоту фигурного катания, белый лёд и надпись "Россия" на спортивной форме.

Виктория не верила в талант, не верила в особенный чемпионский характер, не понимала фраз про разумность и ответственность не по годам. Ты либо разумен и имеешь что-то, что можно назвать характером, и тогда из тебя что-то да выйдет, и не только в спорте, характер – неотъемлемое качество для созидательной жизни, либо – нет. И тогда ника-

кой аморфный талант ничего не даст. Вторая категория людей находилась для Домбровской в “слепой” зоне. С первой она старалась находить общий язык и училась искать оправдания глупостям, которые творят даже хорошие люди с правильными установками и подходящим характером. Не забывать, но учитывать право на заблуждение.

Сегодня придется разобраться, с кем же они имеют дело. И можно ли считать произошедшее только заблуждением.

На входе из ледовой раздевалки женщину подхватил под локоть Ландау.

– Не рановато ли ты приступила к работе, Эр?

Вопрос можно было отнести к разряду формальных. Его начальница была бледнее смерти и совершенно не походила на человека, который может трудиться, тем более принимать какие-то серьезные решения.

– Мне здесь лучше,– чуть улыбнулась Виктория, оперевшись на его поддерживающую руку.

– Вы с Леоновой даже оправдываетесь одинаково!– покачал недовольно головой Ландау.

– Ааа! Так Милка тоже пришла на тренировки,– радостно удивилась старший тренер,– Думала, ее скосит очередной психологический кризис.

– Ну, как – пришла на тренировки,– уточнил Илья,-выглядите вы примерно одинаково, думаю, и чувствуете себя обе полутрупамии. Вы не пришли, в приползли и делаете вид, что готовы включиться в процесс. Так что то, что Милочка делает сегодня, можно назвать тренировкой только потому, что как-то же это надо назвать. И ты тоже – хороша.

Вика выслушала тираду хореографа команды, а потом сказала:

– Зови Мишку ко мне, будем обсуждать прошедший этап и вокруг него. Я даже трансляций еще не смотрела, настолько мне было нехорошо. Если это и грипп, то я его никому не желаю,– закончила женщина и медленно пошла в собственный кабинет.

****

До того, как они разошлись готовиться к вечернему льду, успели обсудить и прокаты, и результат, и инцидент с капсикамом, и главное, наметить стратегию разговора про испорченную одежду с Никитой, так как вопрос возмещения

ущерба нельзя будет спустить на тормозах.

– Надеюсь, родители примут ситуацию адекватно,– вздохнула в конце концов Домбровская.

На том и расстались.

****

Возле катка царила необычная суета. Пока основной состав разминался, у тренерского стола стояли и сидели: Миша, Илья, Милка на ее месте в теплой куртке и Рада в тренировочном костюме по другую сторону бортика.

Трое внимательно смотрели в бумаги. Григорьев контролировал ситуацию на льду, но тоже то и дело отвлекался.

В тот момент, когда Виктория подошла к своему месту, Рада уже собиралась погрузиться в процесс тренировки и, отъезжая, сказала только одно:

– С соцсетями понятно. Сделаем временные страницы и будем ждать, если иначе нельзя. Ну а все остальное,– она беспомощно перевела взгляд с Михаила Александровича, на Илью,– я не знаю. Это, наверное, в полицию надо.

– Жалко в полицию,– вздохнул хореограф,– Она ведь тоже наша девочка.

– Что случилось?– кладя руку на плечо, попытавшийся встать Милы, задала вопрос Домбровская.

И чуть сильнее надавила, когда спортсменка хотела снова подняться с ее места. Илья не преувеличивал: выглядела Милка бледно в прямом смысле.

– Сиди!– дополнила свой жест словами Виктория,– Я надеюсь, ты не планируешь сегодня еще и на лед выходить?

Мила только отрицательно мотнула головой.

– Ну, вот и сиди тогда!– ответила на ее жест тренер.

Глядя через плечо девушки в бумаги, которые без нее просматривали те, кто продолжил сидеть на тренерском месте и ушедшая в центр льда Рада, Домбровская бежала по строчкам чьей-то переписки в одной из соцсетей.

– Откуда это?– спросила она, поднимая и откладывая в сторону верхний лист, чтобы прочесть дальше.

Илья сдвинулся к самому краю скамьи, Мила плотнее

прижалась к Григорьеву, освобождая место для Виктории.

Так вчетвером, плечом к плечу они и сидели, пока главная движущая сила команды Домбровская листала файлы переписок, финансовые вкладки с комментариями.

Михаил Александрович покрикивал со своего места на фигуристов на льду. Илья следил по большей части молча. Милка, кажется, получала удовольствие от нового ракурса, с которого смотрела на тренировку. Дочитав, Вика отложила последний листок, сцепила руки под подбородком и произнесла:

– Ну что же, все прояснилось, только кому от этого легче?!

Ожидает нас немалый путь, и нелегка дорога, а солнце входит во второй свой час

“Дети – это всегда сложно!” – Домбровская всю жизнь, с двадцати лет, когда начала свою тренерскую деятельность, повторяла эту фразу как мантру. Сейчас она делает то же самое, сливаясь оттенком кожи с серым креслом и глядя на очередное “трудно” в ее жизни.

– Досмотрел? – задает вопрос Виктория Робертовна.

Мальчик молча кивает головой, не глядя на тренеров.

В кабинете сидит трое взрослых, занятых своими делами: Виктория все время просмотра занималась планами тренировок старшей группы, Илья активно о чем-то переписывался в соцсетях, а Григорьев изучал видео четверного лутца на “удочке” недавно выложенного в интернет, одной из опасных соперниц их девчонок.

Ноутбук Домбровской стоял развернутым от нее и демонстрировал Никите Ревковичу видео с камеры наблюдения

перед входом в раздевалку мальчиков. Если быть точным, видео уже завершилось и близился непростой разговор, начавшийся только что вопросом, который был произнесен его тренером и получил безмолвный ответ.

Виктория отодвинула в сторону бумаги, которыми якобы занималась все те 20 минут, что фигурист смотрел на экран и уперлась взглядом в молодого спортсмена:

– И что ты можешь нам сказать по поводу увиденного?

Никита лишь пожал плечами, продолжая отмалчиваться.

– Хорошо, – кивнула женщина, – тогда говорить, видимо, придется мне. Это кусок записи примерно с того момента, как ты ушел со льда в раздевалку и до того момента, когда ты вышел из нее и направился домой. Со льда ты ушел в совершенно целом костюме. Домой привез драную тряпку.

Мальчик продолжал упорно молчать, разглядывая что-то, вероятно, очень интересное или чрезвычайно важное на столешнице возле развернутого ноутбука.

– Из этого твои родители и мы могли сделать только один вывод, – продолжала тренер, – кто-то успел испортить тебе костюм, пока ты был в раздевалке. Скажи мне, кого ты ви-

дишь входящим в нее, пока ты оставался там и, возможно, отлучался, например, в туалет?– еще одна затяжная пауза.

Больше всего эта сцена похожа на какую-то мучительную пытку, где взрослые тянут жилы из ребенка, а он героически сопротивляется. Ситуация настолько тягостная, муторная и похожа на бесконечное движение сквозь поток встречного ветра, что силы, которых у Вики и так немного после болезни, утекают из женщины практически полностью. Она тяжело вздыхает и продолжает говорить в молчание, воздвигнутое против нее, подобно китайской стене.

– Никит, дело не в том, что мы хотим кого-то наказать за произошедшее. Но твои родители, весьма резонно, ждут, что им заплатят за испорченный костюм, точнее, что за его восстановление Илья Сергеевич сможет заплатить тем, кто этим занимался. И я лично обещала твоей маме, что найду виновника произошедшего.

Мальчик наконец отводит взгляд от невидимой точки на столе, где до сих пор для него находился источник всего самого важного в этом помещении, судя по неотрывному вниманию, и утыкается в жесткий взгляд зеленых глаз тренера.

– Что мне сказать твоей маме, Никита? За все время, что ты провел на тренировке, от момента приезда на каток до

момента выхода из раздевалки, никто, ни одна душа, не заходили больше в нее. Получается, твою одежду испортили либо мы: я, Илья Сергеевич или Михаил Александрович – либо человек-невидимка или НЛО, либо... ты сам. Какую версию мне предложить твоим родителям?

Виктория продолжает в упор смотреть на мальчика. Двое других взрослых вроде бы занимаются своими делами, но изредка посматривают то на одного из собеседников, то на другого.

– Я не знаю,– наконец бурчит Ревкович.

Еще один тихий вздох женщины:

– Зачем ты испортил костюм, Никитушка?

Мальчик сжимает губы, еще упорнее опускает взгляд в пол, под кожей щек нервно двигаются желваки.

И тут ребенка прорывает:

– Я не знаю! Я ничего не делал! Я ничего не портил! Отстаньте от меня!

Парень срывается с места, и хочет выбежать из кабинета,

но Ландау действует проворнее и, так же вскочив со своего стула, заступает ему выход.

– Виктория Робертовна тебя не отпускала, Никита!– жестко произносит хореограф,– Сядь на место!

Сейчас их троица больше всего похожа на стаю волков, которая травит олененка. Взгляд Ревковича злой от безнадежности ситуации. Видно, как через зрачки рвется наружу все то, о чем мальчик пытается промолчать. И, наконец, не выдерживает. Он разворачивается к Виктории и кричит:

– Отпустите меня! Отпустите! Я не знаю ничего! Я ничего не хочу! Все эти ваши дорожки, перетяжки, подсечки, тройные, четверные! Я хочу нормально жить! Есть чипсы, пить газировку, болтаться по супермаркетам с друзьями! Я хочу чтобы перестало болеть... все! У меня болят руки, ноги, спина!..

– А задница?– неожиданно подает голос Григорьев.

Эта фраза на секунду сбивает мальчика, но он тут же продолжает с еще большим нажимом:

– Да, Михаил Александрович, и жопа тоже болит! Хотите покажу, где?!

Парень тянется к поясу брюк, явно намереваясь спустить их и детально продемонстрировать синяки, которых после сегодняшней тренировки точно прибавилось.

– Ревкович!– резкий женский голос выдергивает фигуриста на мгновение из собственной боли и озлобленности.

Он видит перед собой красивую женщину с бледным лицом, сжатыми плотно губами, взглядом прожигающим его насквозь. Видит голубые пристальные глаза второго тренера. И понимает, что все закончилось. И ничего уже не вернуть. Злость затапливает все больше. Расхристанная душа требует действия. Побега. Одномоментного решения всех проблем. Разрубленного гордиева узла. И Никита снова ломится в двери сквозь тело Ландау.

Все, что остается Илье – крепко обхватить мальчишку и прижать к себе, не давая вывернуться и сбежать.

Григорьев подходит к дергающемуся в объятьях хореографа ребенку, кладет ему на плечо руку и негромко произносит:

– Все ошибаются, Ник. И пока ты жив, любую ошибку можно исправить. Почти любую.

Михаил вынимает фигуриста из цепких рук Ильи и усаживает на стул. Сам придвигается ближе:

– Чем хоть драл-то штаны?– спокойно задает вопрос мужчина.

– Коньками,– неохотно отвечает Ревкович.

– То есть тебя не просто так выносило на этапе на внешнюю дугу?– уточняет Григорьев, имея в виду, что своим актом вандализма парень не только испортил одежду, но еще и повредил заточку на лезвиях.

Чувствуется, что кризис потихоньку отступает. Мальчик сидит на стуле упершись руками в колени и в нем больше нет той натянутой струны, которая вибрировала уже некоторое время, а сегодня натянулась до предела. Одним движением Михаил Александрович, как опытный музыкант, скрутил колок и ослабил эту струну до провисания. Уже через секунду он начнет снова ее натягивать, ожидая верной ноты в ответ на его слова.

– Что мне теперь делать, Михаил Александрович?– произносит мальчик,– Не могу же я маме сказать, что сам?

– Должен,— отвечает Григорьев,— Неужели ты думаешь, что Виктории Робертовне будет легче говорить твоим родителям про это?

Мальчик смотрит на Домбровскую. И больше в ней нет той жестокости, с которой она терзала его на протяжении всего диалога. Все, что осталось – усталая женщина, переживающая вместе с ним его ошибку. Никита глубоко вздыхает и произносит:

– Хорошо, я расскажу.

– Сделай это в течение недели,— говорит в ответ Домбровская,— больше времени я тебе просто не могу дать. Твоим родителям нужен будет ответ.

Ревкович кивает.

– Расскажи сегодня, Ник,— снова вступает Григорьев,— Чем больше будешь откладывать, тем труднее будет начать.

Мальчик кивает снова.

– Никита, у тебя будет три свободных дня,— внезапно продолжает Домбровская,— Я надеюсь, тебе хватит этого времени, чтобы обдумать, готов ли ты продолжать.

Это опасная игра, никто не сможет сказать, хватит ли сил у ребенка вынырнуть из благословенного отдыха и свободы и вернуться назад. Тем более никто не скажет, будет ли он сам рад возвращения, даже если примет такое решение. Не всякий хомячок может бросить крутиться в колесе, даже если ни сил, ни ресурсов, ни возможностей на это уже не осталось. Иногда они возвращаются лишь потому, что другой жизни не знают. Аля возвращался именно поэтому. Милка тоже вернулась, и Виктория не может сказать, что это было осознанное возвращение из любви к делу. От безысходности, от трудности первого шага по новому пути. Любовь нередко не главное в выборе дороги дальше или возвращения к истокам.

– А если я надумаю раньше?– задает вопрос юноша.

– Ты всегда знаешь, где нас найти,– спокойно отвечает Виктория Робертовна.

Они прощаются со спортсменом вполне по-дружески.

– Илья Сергеевич проводит тебя,– заканчивает встречу Домбровская.

****

Григорьев еще раз внимательно смотрит видео лутца, которое остановил в острой фазе конфликта с учеником:

– Не, не приземлит она его нормально,— в итоге окончательно убеждается вслух специалист по прыжкам.

– А?— неопределенно отзывается Вика, сидящая с закрытыми глазами и медленно сливающаяся с серой обивкой сидения.

– Говорю, не приземляет нормально Белка свой лутц.

Сергей смотрит на блеклое лицо коллеги, которая вряд ли даже сразу осознала, кто такая Белка, и произносит:

– Давай-ка я тебя домой отвезу, Вик?

Женщина улыбается с закрытыми глазами и неопределенно отмахивается:

– Мне и тут хорошо!

– Угу! Заметно,— Миша поднимается,— Ладно, понадеюсь на Ланди, может, хоть он убедит тебя не умирать на рабочем месте. Знаешь, сколько у всех у нас будет гемор, если ты

тут кони двинешь?

Из кресла доносится тихий смешок:

– Не дождутся!

– Только на это и надежда!– отвечает Григорьев и выходит из кабинета.

Ступили, чтоб вернуться в ясный свет, и двигались все вверх, неутомимы

Когда Илья возвращается в кабинет старшего тренера, то видит, как Вика, уронив светловолосую голову на руки, спит безмятежным сном за собственным рабочим столом. Так нерадивые студенты отсыпаются после ночных загулов на задних партах во время лекций. Потом, Ландау уверен, Эр рассердится, что он не разбудил ее, но это будет потом, а пока пусть спит.

Лицо упавшей светлой прядью даже во сне бледно, но жесткая складка губ стала спокойнее, потерял свою бескомпромиссность, и в ней нет больше той силы, которая движет их ледяной мир вперед. Хочется укрыть ее от всех тревог и печалей, хотя бы на время этого недолгого сна.

Мужчина потихоньку закрывает дверь, вынув ключ из замка снаружи и заперев кабинет изнутри. Крадучись садится на свое место, надевает наушники и углубляется в прослушивание музыки для будущих программ нового сезона. Сортируя мелодии, помечая для кого из спортсменок и спортс-

менов школы он может их предложить, Илья изредка бросает взгляд на уснувшую женщину, еще больше похудевшую за прошедшие 5 дней температуры. С болью где-то у самого сердца замечает тени залегшие под глазами его любимой, которые не исчезают даже во время сна.

В эти минуту ему кажется, что никакие объяснения, выяснения отношений и расстановки точек над *i* не имеют значения. Все равно, как, где и с кем она будет, если она будет улыбаться.

Под звук “Либертанго” Пьяцоллы кружились мысли: “Что же ты так напортачил, Ландау, что она тебя гонит из своей жизни, своего сердца, и даже, черт бы с ней в самом деле, из своей постели?”

“Либертанго”, в котором так удачно расставлены акценты под прыжки и точки для набора компонентной базы, меняется нежнейшим Адажио из “Спартака” Хачатуряна. Хореограф невольно делает отметку о том, что это отличная мелодия для парной произвольной. Пар у них нет, но Илья умеет видеть музыку в парном танце не хуже, чем в одиночном. Этот молодой еще мужчина соткан из музыки и ощущения движения в ней. Любой танец ему отзывается. Балет, конечно, особенно. Сейчас трудно сказать, врожденное ли это, но в любом случае настолько ставшее самим Ландау, что те-

петь и не разделить. В этом его сила, его незаменимость для их команды. Как сила Миши в техническом оснащении. Сила Вики в умении холодно и бесстрастно оперировать цифрами, перелагая эти цифры в звук и движение. Надо признать, что он никогда не сможет так точно и уверенно высчитывать сложность программ, как это делает Домбровская, но музыку он видит, слышит и чувствует.

Вика начинает возиться и поднимет голову с рук. С легким стоном трет лицо и глаза:

– Я что – уснула?– чуть осипшим голосом говорит она

– Ну как ты такое можешь про себя думать?– укоризненно качает головой молодой хореограф,– просто задумалась и очень медленно моргала.

Он над ней немного посмеивается, хотя хочется жалеть и оберегать. Вот только жалость тальная дама не принимает, а от его бережения она отказалась совсем недавно. Остается лишь общая шутка и смех.

– Охх, стыд-то какой? Кто-нибудь видел?– Ландау глядит на нее с выражением “а ты как думаешь?”, но женщина не очень понимает его посыл и уточняет,– Так видел?

– Ну, конечно, Эр! Я тут как раз пару экскурсий провел, показывая всем ученикам, что ты тоже человек,— и в этот момент он не выдерживает собственного серьезного тона и начинает хохотать.

– Да ну тебя!— отмахивается Вика,— пошли работать!

– Ехала бы ты домой, долечиваться,— просит Илья.

– Еще один!— фыркает Домбровская,— Все со мной нормально.

****

День за днем текут будни “Сапфирового”. Тренерский штаб сосредоточенно готовится к грядущему в конце ноября финалу национального кубка и дальше чемпионату России. Самый незначимый для них четвертый этап они мысленно почти проскакивают, планируя, что туда отправятся опять Григорьев и Ландау вместе с Зоей и Настей. Но ближе к выезду, обсудив все и взвесив состояние Виктории, которая никак не может отойти от прошедшей болезни, решают, что Мишка возьмет кого-то одного из младшего состава, а Илья останется дома, чтобы облегчить нагрузку на старшего тренера.

Мила тоже возвратилась к тренировкам, но на катке рядом ней теперь все время Илья, не только из-за того, что Домбровская не в форме для активной помощи, но и потому, что сейчас ее внимание полностью занято Машей в первую очередь и всеми, выезжающими на Россию во вторую.

Ландау тоже периодами отвлекается от Леоновой и переключается на девочек, то поправляя Настю, которой меньше чем через неделю стартовать, то следя за Зоей, то отмечая что-то для себя в прокатах Маши и Яны, то поправляя руки Кате. Вокруг льда горячо, на нем самом переплавляются, закаляясь, будущие чемпионы. Этот круговорот спортивной жизни бесконечен и однообразен.

Мила чувствует себя наблюдателем, далеким от этого плавленного котла, который зачем-то брошен в общую кучу, но никому по настоящему не нужен. Закрывая глаза, она проваливается туда, где сама была заготовкой, которую закаляли.

****

полгода до олимпиады

– Цагар, где твои глаза! Куда ты все время смотришь на дорожке? Где зрители? У тебя под ногами?

Резкий голос тренера разрывает воздух надо льдом. И Мила радуется. Это плохая радость, но это сейчас единственное, на что она может надеяться – на ошибки соперников. Если Рада катает все, что ей поставили, и все, что она может прокатать, то никакая улыбка, никакое вживание в образ не помогут ей, Миле Леоновой, получить желанную золотую медаль и разделить ее с этой ужасной женщиной, которая натягивает свой голос через воздух катка, так хорошо и честно тренируя ее, Женькину, соперницу.

Хочется подбежать к Виктории Робертовне и задать все вопросы, которые мучают. Высказать все то, что наболело. И самое главное прокричать, прошептать: “А как же я? А как же мы, Виктория Робертовна? Неужели эти годы, которые я отдавала нашему общему делу, нашим общим победам, нашей... любви...”

Дальше мысль обрывается. Даже самой себе страшно признаваться, что фантазия, которой ты жила все это время, в каждом вращении, прыжке, скольжении – это не более чем твоя и только твоя фантазия. И значит она что-то лишь для тебя. И это у тебя одна на двоих душа, а у твоего тренера просто цели, которые она реализует с любой другой, если та другая подойдет лучше. Мысли ощущаются вкусом предательства и горчат болью. Тренер хочет быть лишь тренером, а Мила хочет быть просто Милой, а не только спортсменкой

Леоновой.

Мила уходит в заклон. Из заклона в бильман. В спине снова что-то неприятно дергается и сжимается, но привычно и сильно фигуристка вытягивает себя вверх. У Леоновой никогда не было вращений, которыми восхищала Извицкая, у нее никогда уже не будет силы выкатать технический арсенал жизнерадостной, молодой, пока почти не травмированной Рады. Мила точно знает, что ничем не примечательна и эти два года ее ведет на вершины не тело, а душа, которая отдает всю себя ради их общей победы. И это ее, Милина душа, может так проживать программы, что рыдают стадионы, но душа не может научить тело быть сильнее определенного предела. Уже не может.

Выходя из вращения, видит, что Домбровская стоит на льду совсем рядом и внимательно смотрит на нее:

– Красиво,– произносит тренер и добавляет,– жаль, что мы не можем перед ним вставить каскад.

Они больше не пробуют усложнять. Трижды в первой половине сезона пытались и трижды через неделю-другую Виктория возвращалась к упрощенной композиции, потому что видела, что Леонова не выкатывает большую сложность. Что она при этом чувствовала, было никому неизвестно. Может

быть, ничего, кроме математической необходимости усложнять и такого же прагматического понимания, что набрать в усложненной программе больше не получится, так как “материал” не годится для этого решения задачи.

****

Вика аккуратно идет по льду в сторону замершей в конечной точке Яны. Илья, как обычно, материализуется почти из воздуха и протягивает руку, на которую она опирается. Счастье – это знать. Знать, что кто-то всегда протянет тебе руку. Команда, которая не предает, вот оно счастье неудачливой спортсменки и удачливого тренера Домбровской.

Периферическим зрением Виктория замечает, как ее провожает взглядом Мила. Еще раз ловит себя на том, насколько тяжело ей дается наблюдать почти полное отсутствие прогресса в восстановлении этой девочки. Они обе до сих пор больны, бледны и вряд ли готовы к тем нагрузкам, которые должны нести, каждая в своем деле.

Больше десяти лет вместе. Чего греха таить за это время даже ритм сердца становится одним на двоих. Столько общей боли, столько радостей пережитых сообща. А теперь еще столько недоговоренностей, обид, непонимания. Когда-то казалось, что выросли друг в друга идеально, подо-

шли, словно кусочки пазла. А потом началось отторжение. И почти трехгодичное отсутствие Милы рядом сделало расстояние еще более осязаемым. Любовь к этой девочке никуда не делась, но в этой любви появилось очень много работы, очень много осторожных касаний, чтобы не нанести больше боли и не получить боль в ответ.

Домбровская делает свою работу. Объясняет, показывает, направляет новую спортсменку к вершинам. Леонова наблюдает, как красиво и плавно движутся руки ее тренера, рисуя узор финала “Оды к радости” для Яны. Как резко выбрасываются вперед кисти в последнем движении, как намечается прогиб, который в исполнении спортсменки превратится в сильнейшую финальную точку, а сейчас лишь тонким карандашом очерчивается тренером, указывающим, куда стремиться.

– Не спи, Леонова, замерзнешь!– неожиданно слышит чуть ли не над своей головой Мила.

Как же глубоко она задумалась, если не заметила, когда подошла Виктория Робертовна и встала почти вплотную, запустив девушку будто вовнутрь себя, спрятав в кокон собственной энергии, разливающейся на метр вокруг блондинки.

Губы сами собой расплываются в улыбке, когда она рядом. Они медленно двигаются вдоль бортика, беседуя ни о чем, точнее о самом важном. О том, чего словами-то и не скажешь.

– Устала?– задает вопрос Виктория Робертовна.

– А вы? – отвечает Мила.

– Есть немного!– чуть улыбается тренер.

– Вот и у меня немного есть,– в тон отзывается спортсменка.

А потом Домбровская выходит за лед и снова превращается в чужого тренера. В тренера, который о тебе не забыла, просто нужно еще чуть-чуть подождать. Мила перестает чувствовать тяжесть ботинок и почти как три года назад легко скользит по льду, не замечая ни усталости, ни упадка душевных сил.

И только через тьму мог вывести его стезею чудной

Григорьев стоял в темном углу коридора и смотрел на вход в женскую раздевалку. Ощущения были смешанные: с одной стороны он даже в ранние годы не играл в разведчиков и шпионов, потому что все детство провел на катке и тренировках, так что сегодняшний шпионаж – это что-то новенькое; с другой стороны – сидеть в засаде, когда тебе давно уже не 10 и даже не 30 – это совсем не то, чем хочется заниматься. В зале для разминки что-то сейчас вытворяла Настюха, которую он оставил с наказом заниматься делом, а не развлекаться, хоть бы и правда занималась. И вот стоял тут и пялился на двери пустой раздевалки в надежде, что туда кто-то зайдет или, что хуже, выйдет. Но было пусто и тихо.

В “засаду” Михаил играл на этом этапе уже в четвертый раз, все больше разочаровываясь в собственной идее поймать того, кто портит жизнь девчонкам, а заодно и их команду тренеров, и самостоятельно предельно предметно поговорить. Выносить сор из избы в интернет, как в последнее время стало популярно в их штабе, в этом случае совершенно не хотелось – не чужие же люди, можно сказать, почти родные.

Идти на прямой разговор было совершенно бессмысленно. Хорошо если сделают вид, что не поняли, а то ведь могут и скандал раздуть.

И вот юниорская произвольная, а злоумышленник и не собирался проявляться. Кажется, в этот раз он очень занят чем-то более важным. Зато Григорьев с удовольствием понаблюдал пьедестал полный его девчонками. Трое. И всех он научил прыгать то, что они прыгают. Особенно вот ту, на первом месте, фанатично обожающую прыжки и выводящую этой своей любовью из себя всех, даже самого Григорьев. Лерка была дана Мише в радость и наказание. В радость, потому что она полностью разделяла его устремления, а еще была намного талантливее самого Григорьева. В наказание, потому что упрямая девчонка готова была прыгать и развивать сложнейшие элементы, но плевала на всю хореографию высокой колокольни. Вика возводила глаза к небу, Илья просил его уволить от этой аномальной. И беседы о том, что Лера не убьется, так искалечится, так ничего и не добившись, потом что одной техникой прокат не сделаешь, велись в кабинете Домбровской регулярно. Вика требовала у Михаила влиять на девчонку, а девчонка смотрела исподлобья хитрым взглядом и отшучивалась. И Миша прощал ей все, Лерка умела летать. Это много.

Григорьев засунул руку в карман и нащупал кругленький

брелок с ключами. Смешной смайлик, который Лера подарила ему на день рождения со словами: “Михаил Александрович, вы же будете так улыбаться, когда я прыгну в произвольной все чисто?” Он знал, что будет. И очень хотел, чтобы эта упорная фанатичка прыгнула свои ве ультра-си, если уж ей так приспичило.

Именно среди этих размышлений Михаил и заметил женскую фигуру, которая, абсолютно не прячась, шла в сторону раздевалки девочек. Заглянула. Убедилась, что в помещении пусто, и прошла вовнутрь. Григорьев, переждав секунд 30, последовал за неизвестной.

****

Все, что нужно – это подцепить несколько швов. Именно так ее научили и именно этим она сейчас и занялась. Всей работы – пара минут.

Останавливает порчу чужого имущества внезапной крепкий захват выше локтя. Женщина поворачивает голову и видит серьезного рыжеватого блондина за 40, который сжимает ее плечо.

– Ну как? Получается?– интересуется Михаил у дамы в форме волонтера, которая держит в руке распарыватель и

невооруженным глазом видно, что успела его использовать на Настином платье для произвольной.

Второй рукой Григорьев зажимает плотнее ладонь женщины, в которой она держит инструмент:

– Держи крепче, а то наниматель вычтет из зарплаты,– тянет ее к входу тренер,– Пошли, поговорим с Костиком, заодно и отчитаешься за успешно выполненную работу.

Они выходят из коридора раздевалки, потом и вовсе покидают подтрибунное и движутся в холл.

Михаил довольно быстро обнаруживает того, кого ищет, и прямо идет к нему, таща за руку пойманную преступницу. Константин Смирнов, отец их бывшей подопечной и сегодняшней “звезды” подиума, стоит почти у выхода, что-то набирая на телефоне, и замечает тех, кто направляется к нему уже в момент, когда мужчина и женщина подходят к нему почти вплотную:

– Привет, Кость!– вполне дружелюбно здоровается Григорьев,– Вот твоя подчиненная или вольнонаемная, как назвать-то, проводила меня любезно к тебе. Ты ей заплати. Она работу свою сделала. Так что мне еще придется исправлять, поэтому давай быстренько скажем друг другу все, что дума-

ем и разбежимся.

– Медведь, ты о чем вообще?– Константин кажется искренне изумленным.

Михаил бы ему поверил, если б лично не читал его переписку в том числе и с этой теткой, которую притащила Милка от своего канадского хакера.

Григорьев отпускает наконец пойманную с поличным волонтершу и тихонько произносит над самым ухом той: “Брысь!” Впрочем, тетка и не стремится задержаться, и без того рада радешенька, что так легко отделалась и освободилась от этого блеклого психа, который точно оставил своими лапищами синяки у нее на руке.

– Ну и что это было, Кость?– задает в лоб вопрос Михаил.

Вообще не знаю – о чем ты!– упирается его собеседник.

– Не надо Костя, не надо,– прерывает Григорьев,– у нас переписка твоя есть. И с этой дамой, и с предыдущими. Ты мне только одно скажи: как тебе это в голову пришло? Ты ж и Машку, и Яночку знал. Ну ладно, Настюху похуже, так она и не соперница! Как вообще?!. Это же дети. Они же как Лерка!

Чувствуя, что сейчас он и врезать может, Михаил делает полшага назад, чтобы просто вспомнить себя и прийти в разум. И тут оппонента прорывает, иначе и не скажешь:

– Медведь, ты сам-то в курсе, сколько я бабла ввалил в это ваше фигурное катание? Твоя начальница в Прада ходит за мои кровные! И не мне тебе говорить, что я его хочу отбить на этих покатушках! А сколько ещё она проскачет?

– А я тебе говорил – не дергайся! Ты ж не мне поверил, а совсем другим людям. За что ты нам-то гадишь? Разве мы плохо работали? И разве девчонки виноваты, чтоб их калечить?– Григорьев набычился готовый в момент перейти от слов к рукопашной, мстя за девочек.

– Да чего б им сделалось? Ну, упала, ну, не первая будет. Ну и Марью бы свою замазанную сняли б с произвольной. Не помер бы никто!– нагло констатирует папа-Смирнов,– а уж распоротый шов вообще ничем не грозит, кроме понижения оценок. – Чего ты убиваешься? А нам контракты рекламные на нормальные деньги край надо, а для этого нужен рейтинг!

Михаил все-таки не выдерживает, хватает за грудки наглеца и встряхивает, шипя:

– Пусть твоя Лерка возвращается, как контракт с Липами закончится. Я буду только рад, остальные тоже слова не скажут. Возьмем. Но тебя, козла, я дальше парковки “Сапфирового” чтоб не видел!

Отталкивает в стену беспринципного папашу и продолжает:

– Мне твоими стараниями еще швеей работать, – развернулся, чтоб возвратиться в раздевалку, но притормозил на секунду и произнес, – Скажи Лерке, что проблема не в толчке, а во вращении вверху, пусть тренер с руками больше работает.

Григорьев возвращался к непосредственной работе, а по дороге размышлял о том, что же такое родительская любовь и почему она принимает такие дикие формы. На что бы лично он, Мишка Григорьев, мог пойти ради своего Егорки? Малыша, который перерос отца уже на полголовы и по поводу всего имел собственное авторитетное мнение? Да на что б только не пошел! И даже сказать, что не подверг бы риску чужого ребенка – лукавство. Чем в сущности они с Викой занимаются? Зарабатыванием денег для своих детей на чужих. И не очень-то щадят этих чужих. Но вредить другому ребенку специально? Тем более ради контрактов и денег, которые то ли будут, то ли – нет. Вот это было за гранью понимания

Михаила. И еще очень обижало, что Константин Смирнов был ему близким, можно сказать, другом. Григорьев всегда думал, что они скроены с отцом Леры по одним шаблонам. Больно ошибаться настолько сильно в человеке.

Настин костюм висел на своем месте. Сама девочка, к которой Григорьев заглянул перед тем как вернуться в раздевалку, кажется, тоже была в полном порядке и даже вполне качественно размялась без его надзора. Так что все выглядело по-рабочему хорошо.

Михаил снял платье, порылся в карманах куртки и раздобыл нитки и иголку. Прищурившись вддел кончик в ушко и начал искать распоротое место. Однако вместо дырки нашел аккурантную штопку, сделанную весьма тщательно, так, что, не зная, где искать, и не обнаружил бы повреждения.

Хмыкнул про себя. Подумал о том, что ангелы и бесы и впрямь уравновешены, а добро и зло симметрично.

****

Все бури внешние идут где-то далеко. В “Сапфировом” тишь и благодать, лишь внутри одной души завивается вихрь боли и негодования

Тонкие пальцы без украшений проводят по горловине спортивной футболки едва касаясь теплой кожи, поправляют выбившийся шов. Каждый раз, когда палец прикасается к телу, Мила вздрагивает так, словно это ее одежду поправляет Виктория Робертовна. Нет, именно потому что – не ее.

Не к ней обращённые слова. Не для нее эта забота, что звучит из уст тренера. Не на нее смотрят пронзительные зеленые глаза. Мила всего лишь наблюдатель чужой беседы.

– Маш, что-то случилось?– удивляется Виктория.

Уже который раз они пытаются выкатить этот фрагмент, который вполне удавался Максимовой чуть ли не с самого начала изучения.

– Я не знаю. Просто нет сил. Совсем,– не менее удивлённо отвечает девушка.

Два огромных светлых янтарных озера глаз наполняются смесью непонимания и затаенного страха.

Виктория проводит по руке девушки своей ладонью и произносит:

– Отдохни пять минут и попробуем ещё раз.

Как только тренер отходит от спортсменки, мир Милы обретаёт форму, теряющуюся каждым прикосновением к другой, которые невозможно не замечать и не чувствовать ожогами на своей душе.

****

В аэропорту Григорьев долго всматривается в людей, надеясь заметить ту, кому он очень хочет сказать "спасибо", но, видимо, этот ангел справедливости решил не пересекаться с Михаилом Александровичем сегодня.

В великой буре судно без кормила

Тошно не днем. Днем есть работа, есть твое привычное сопротивление среды и преодоление себя и других. Тяжко становится к вечеру, когда смотришь в пустоту одиночества. Вика постигала эту сложную науку – быть одной. Хотелось плюнуть на все паузы и принципы. Набрать номер Ильи и просто сказать: “Приезжай”. И будь что будет. Хотя бы сегодня вечером, этой ночью. Хотелось чувствовать себя живой. Рядом с кем-то. Закрученной в водоворот простых как сама жизнь желаний. Если бы утро не наступало, а вместе ним не приходила расплата за необдуманные желания и потакание им.

Вика сидела на диване в полумраке зимнего вечера, который перебивался лишь парой настенных светильников. Именно в такие вечера полностью и понимаешь, что одиночество не равно уединению. Сегодня у нее в доме поселилось одиночество. В городе царилась ночь, снежная и тихая. Небо, обсыпанное яркими звездами как детское лицо веснушками, смотрело на заснеженную землю с безразличием вечности. И человек во всем этом становился песчинкой, ничего не решающей и ничем не управляющей. Одной из миллиардов.

Она набрала Нику, но та куда-то спешила. Позвонила сестрам, поговорили ни о чем. Поворковала с младшим племянником по видеосвязи. И можно бы было уже лечь спать, но сон как назло именно в этот вечер совершенно не соби­рался к ней, кажется. И она снова и снова погружалась в ра­боту. Воспоминания о сегодняшней тренировке. Очередные вопрос и очередные поиски решений. Даже понимание того, что это холостое кручение шестеренок души и разума, не из­бавляли от бега внутри лабиринта мыслей.

В итоге впервые за эти месяцы тренер решила наверстать то, что стоило бы наверстать уже давно. Восстановить упущенные из внимания три года Леоновой, которые они ходи­ли друг мимо друга, словно призраки.

Конечно, невозможно не знать, что делает спортсмен, ко­торый борется в одной группе с твоими собственными, но знать вообще и видеть конкретные прокаты – это про разное.

Собственно, довольно быстро стало понятно, что это про­смотр истории умирания. Каждый новый старт – еще немно­го смерти. Каждое новое интервью – еще чуть-чуть про то, насколько не хочется умирать. Милка ни на минуту не ста­новилась собой за прошедшие в Америке годы. Ей все время было плохо, в ней не было успокоения и ясности взгляда на себя и свое дело.

Леонова врала, общаясь с журналистами. И как этого можно было не замечать – совершенно непонятно. И была смертельно честна в каждом прокате.

Убийственное серебро и произвольную, подарившую его, поднявшую Милу со дна шестерки на подиум, Виктория видела. Лично. Это был прокат жизни, после него оставалось только упасть на лед и умереть. Леонова не умерла, она сжала руку в кулак и больно стукнула ею о ладонь, вскрикнув злое “да!” в трибуны. Домбровская не сомневалась, кому он был адресован. Злой жест пирровой победы, убивающей все внутри. Жест, говорящий лучше всяких слов. Сама она неоднократно демонстрировала его, когда вопреки всему они с Милкой прорывались через субъективизм судей и выживали вместе. Тогда они были вместе против всех. А на чемпионате Леонова была против нее, может быть, как раз с теми, с кем раньше они боролись вдвоем.

Рада выиграла. Мила стала второй. Вике хотелось тихо умереть, глядя на протоколы. От усталости. И танцевать голдой под луной от радости: все ее взяли медали. Даже та, которая отказывалась теперь не то, что говорить, но и здороваться, проходя мимо Домбровской, словно той и не существовало.

****

через полтора года после олимпиады

Внутри нее звучала смесь Болеро Рады и танго “Роксан” Милы, когда она постучалась в номер Ильи, и, переступив порог, впилась в него поцелуем. Чемпионат мира стоил любой мессы, а уж его празднование – и подавно.

– Я хочу отметить по-взрослому!– оторвавшись от губ молодого хореографа произнесла Домбровская.

И дальше ее вжали спиной в стену, не оставив никаких иных мыслей и желаний, кроме лихорадки тела встречающего другое тело.

Частое дыхание, перемежающееся поцелуями-укусами, похожими на сладкую месть за слишком долгое ожидание. Руки, стягивающие джинсы, словно снимающие старую кожу, на месте которой начнет переливаться под солнцем обновленная. Губы, ползущие от пупка вниз, пока руки заняты одеждой, и прихватывающие нежную кожу. Поцелуи, не оставляющие места тайнам тела. И ее пальцы запутавшиеся в его шевелюре.

Музыка внутри переходит в крещендо.

– Держись за меня крепче!– слышит она в самое ухо горячее дыхание. Ее руки оплетающие мужскую шею, ноги обнявшие бедра, стена за спиной и первобытный метроном тела отдающего и тела принимающего.

И на пике сквозь обрывающиеся его дыхание и прерывающееся собственное сознание звучит хриплое:

– Я тебя люблю, Эр!

Мир падает в бездну страсти под это бессмысленное признание.

****

Ну что же, Вика, ты получила свою жестокую и последнюю победу на фронте женственности. И одиночество в качестве комплимента от шефа. Полтора года любви на излете. Не так мало и не так плохо.

Женщина поднимается с дивана, выключает свет и отправляется наконец-то спать, потому что думать о чем-то больше невозможно. А то и до третьего визита к дорогому Андрею Петровичу дойдет. Но пациенткой этого психиатра уже будет тренер собственной персоной. То-то он обрадуется.

ся.

И надо же уже что-то сказать Миле, невозможно видеть ее горящие глаза каждый раз, когда поднимаешь голову. Или не надо? Право, переспать было бы проще, как ни дико это звучит. И, может быть, даже полезнее для всех, усмехается про себя Домбровская.

“Чего только в голову не придет, когда ни одна из твоих спортсменок не может за всю тренировку нормально прокатать программу!” – качает головой тренер. И навязчиво возвращается к мыслям о работе.

Через 40 минут она включит свет на прикроватной тумбочке. Возьмет планшет, где сохранены все программы, и начнет заново перепахивать контент, пока мозг окончательно не закоротит, а следом, наконец-то придет благословенный сон, в котором, если повезет очень, даже не будет кошмаров.

****

Новый день – новый тренировочный мрак и ужас. Девчонки как сговорились: ни одна нормально не может сделать программы от начала до конца. Их шестеро на льду, не считая Леоновой, которая просто отработывает скольжение. И

из этих шестерых никто не хочет нормально работать.

– Настя, где выражение на лице, соответствующее программе?

В ответ пустота.

– Зоя, если прыгать так трудно, иди в танцы! Крутиться без дела и там можно!

И снова падение

– Яна, что у тебя опять развязалось, расстегнулось и мешает выполнять нормально программу?

Девочка только склоняет голову и идет на исходную точку.

Из лексикона доступен разве что мат, но и он не отражает всей глубины разочарования этой тренировкой.

– Десять минут перерыва! Не могу смотреть на вас!– рычит в конце концов Домбровская.

– Виктория Робертовна, нам надо поговорить,– подъезжает к тренерской позиции Мила:

– О чем?– не понимает Вика.

– Мы еще будем ставить показательный номер?– взгляд вопрошающий и, пожалуй, взывающий.

– Милочка, прости! Обязательно будем, но давай позже поговорим. Когда этот бедлам чуть схлынет!– виновато отзывается тренер и безапелляционно бросает в другой край катка, где пытаются прийти в себя девочки, которым нагорает сегодня по полной программе,– Приведите уже головы в порядок, а еще лучше повторите то, что у вас не получается!

Мила собирается отъехать, но тут чувствует, как на ее руку ложится сухая прохладная ладонь Виктории:

– Я посмотрю, когда можно будет взять свободный лед, а то в тренировки мы точно никогда ничего не начнем с такими-то подругами по команде. Девочки, хватит прохлаждаться! Яна, на исходную. Остальные повторяют фрагменты, по поводу которых были замечания.

И в этот момент женщина видит, как внезапно качнулась Максимова и ухватилась за бортик.

– Извини, Мил! Пока не до тебя,– произносит тренер и устремляется в сторону бледно-неживой Маши, но Ландау

успеваает первым подхватить девушку.

Впрочем, Марья уже не падает. Стоит вполне ровно и спокойно. Лишь время от времени несколько раз сильно моргает, будто пытается сморгнуть соринку из глаза.

– Что с тобой?– спрашивает, доскользив на кроссовках, Виктория.

– Не знаю, не знаю!– разводит спортсменка руками,– Уже несколько раз в последнее время было.

– Тебе нужно полное обследование и побыстрее. Хорошо бы прямо завтра,– решает Домбровская,– А сейчас как себя чувствуешь? Сможешь тренировку доработать?

– Да,– кивает девушка.

Илья привычно протягивает руку и помогает Вике вернуться на свое место за пределами ледового овала.

Когда одну из наших сил душевных боль или радость поглотит сполна

“Извини, не до тебя. Не до тебя... не до тебя”... Второй день эта фраза, брошенная чуть ли не на бегу, режет душу. И на что она рассчитывала? “Не до тебя, не до тебя”... Под лезвиями так же режется лед, как ее сердце короткими словами. Никакого свободного льда. Никаких больше бесед. Никакой надежды. Выходя в тираж, входи! Не цепляйся за иллюзию прошлой любви, даже если тебя когда-то и любили, а ведь и это никто не может доказать или подтвердить.

Она, Милка, сделала снова все, что могла. И снова этого недостаточно для победы. Ее место где-то всегда на подступах: достаточно хороша, чтобы на тебя обратили внимание, тобой пользовались, пока нет никого лучшего, но не настолько, чтобы ради тебя отступить от честолюбивых планов и максимальных успехов.

Вот она, снежная королева их маленького ледяного царства, идет уверенно вдоль бортика, привычно острым взглядом отмечая все недочеты тех, у кого еще будут шансы. Чуть задерживает внимание на Леоновой и опускается на скамью,

чтобы переобуться.

Тут и верный паж подкатил. Что-то сказал. Резкое движение головой и Ландау отъехал на свое место. Мила отворачивается, чтобы заняться своими маленькими делами, совершенно не того масштаба, который интересует Викторию Робертовну. Их время кончилось, и теперь это очевидно. Домбровской будет все больше “не до тебя” Леонова, прими как факт.

****

Илья даже с другого конца катка замечает запавшие от бессонницы глаза Вики. Значит кошмар приходил снова, наверное, уже и не первую ночь. Плотные сжатые губы женщины говорят о том, что и тело, и психика из последних сил держат нагрузку недавней болезни, работы и вернувшихся кошмаров. Насколько изматывающе-страшны сны любимой женщины Илья знает не понаслышке, только это ничего не меняет и уж тем более ничего не упрощает.

Он почти без всякой надежды подъезжает, чтоб попросить Викторию сегодня посидеть за льдом. Побережь остаток сил. Получает резкий отказ и сдаётся. Его больше не пускают ближе, чем заканчивается упрямство и мороз ее стальной природы. Остается только краем глаза следить за тем, как все-

гда собранный тренер, несмотря на то, что предел уже близок, изящно скользит по льду к первому из учеников.

****

Настя настойчиво выкатывает под руководством Ландау вторую часть, пытаясь приучить тело не умирать, а улыбку не отклеиваться от лица на пиках усталости и сосредоточенности. Тяжело до слез. Дома можно наорать на маму, но здесь держит себя в руках, только искрит нервными движениями, пока Илья Сергеевич снова и снова читает нотации о том, как правильно делать то и это. Рутинка повтором и такая же рутинка усталости, накапливающейся на кончиках нервов, вот вся ее жизнь к тринадцати годам. И так по кругу, без конца. Еще минимум три года. До призрачного успеха, который, вполне вероятно, и не сбудется. Злит все: более успешные сокомандники, и тем более неуспешные. Вторые ранят реальностью пустоты. Их быть не должно! Пусть призрак победы остается абсолютным. Хотя бы он.

Так боек бьет в запал, так соприкасаются два оголенных провода... Так сталкиваются спинами Меркулова и Леонова:

– Корова,– выдыхает Анастасия. И девчонку больше не остановить,– набрали инвалидов и запихнули на лед, чтобы не плакали по потерянным медалькам!

Милка белеет от этих слов, потом заливается краской. И, конечно, не молчит:

– Но ты-то медальки не теряй. Вика проигравших не любит. Наша королева ради медалек мать родную бросила и помчалась за золотом-серебром! Так что ты прыгай выше, а к 18 она и тебя прожует и выплюнет! И никто ей не прикажет!

– Про тебя же кто-то приказал,– презрительно говорит Настя.

И тут взгляд девушки падает за спину оппонентки и лицо меняется на совершенно обескураженное и испуганно-пристыженное.

– Меркулова, ты уже исправила все ошибки в произвольной или языком молоть не мешки таскать? Есть время дружески беседовать?– раздается совсем рядом резкий голос тренера.

Милка, наверное, впервые видит такое лицо у женщины, которую знает уже больше 10 лет. Мертвое. Только глаза горят двумя бешеными изумрудными огнями. Вика молчит. Смотрит в упор на девушку. В памяти всплывает одно за другим.

Вот мама тискает маленькую Милу, а та хохочет и жмет-ся к рукам, словно котенок. На коленях у Вики сидит семилетняя Ника. Тренировка только закончилась. Все они ждут Милкину маму, которая задерживается. В раздевалке светло и искристо от счастья.

Вот мама, которая уже теряет себя саму, кладет свою ладонь на руку Вике и шепчет непослушными губами: “Я буду смотреть, как ты с девчонками выигрываешь, доченька”

Вот она прижимает возле олимпийского катка рыдающую Милу и позволяет себе проваливаться с ней в боль, что сейчас гораздо ближе ей, чем радость. Эта боль таких разных и неизбежных потерь их соединяет гораздо больше, чем радость общей победы с Радой.

Вот она стоит после похорон рядом с полками с наградами и бесцельно смотрит в никуда, а потом вынимает медаль Леоновой с полки, где у мамы стояли вперемешку награды дочерей и сына, а после внуков. Мике среди этих близких людей в тот день места не осталось, пока была жива мама Домбровская не могла предать ее веру в Леонову.

Рука взлетает сама собой и Виктория наотмашь тыльной стороной бьет по лицу предательницу. Впервые в жизни она

позволила себе ударить своего спортсмена. Костяшка среднего пальца ударяется о зуб и царапается об него. Верхняя губа девушки тут же опухает. И почти в мгновение ее хватает за плечо Илья.

Все, что понимает Домбровская – она ничего не чувствует – хуже, чем после олимпиады. Вообще ничего. Даже боли в руке от удара. Только видит, как в глазах Милы закипают слезы. Девушка бросается прочь. И никто не собирается ее догонять. Тренер разворачивается к ошалевшим и замершим спортсменами, бросает короткое:

– Продолжаем работать!

Илья рассматривает ее руку с саженой костяшкой. Тихонько тянет ее за собой приговаривая:

– Мы только на минуту. Надо заклеить пластырем. Пойдем. Пойдем.

Пока они добираются до аптечки, спрятанной в тренерском столе, бешенство полностью растворяется, оставляя после себя липкую вязкую пустоту. Виктория тяжело садится на стул, не обращая внимания на манипуляции Ландау. Опускает лицо в свободную руку и со вздохом произносит:

– Ну, что я за тренер, Илюш?!

– Нормальный тренер. Нормальный человек на пределе.
Не убивайся, Эр!

Он хочет ее обнять и спрятать от ее же собственных мыслей, которые женщину сгрызают, но та упирается в него руками и делает шаг назад. Все, что ему удастся – взять тонкую руку с заклеенным пальцем и почти невесомо прикоснуться губами к запястью, повторив:

– Не убивайся, Эр! Всякое бывает.

Хореограф отправляется работать, а еще через 10 минут возвращается на лед и Домбровская. И, можно сказать, что, с учетом прогремевшего в самом начале взрыва, остальная тренировка проходит спокойно и в отличном рабочем ритме.

****

Распустив детей после занятия, поменяв коньки на кроссовки, женщина возвращается в кабинет и погружается в расписание. За полтора часа она успела не только успокоиться, перестать бессмысленно бичевать себя за срыв, но и выстроила план.

Виктория не умеет просить прощения. Во-первых, в силу характера, а, во-вторых, она редко бывает неправа. А когда бывает, предпочитает оплачивать свою неправоту действиями, а не сорить словами.

Минут через 15 поднимается, накидывает пальто на спортивный костюм, в котором вела тренировку, и выходит из здания в смежный корпус медицинского комплекса, где сейчас у Леоновой должен быть массаж. Если повезет и девушка не сбежала сразу домой.

****

Кроссовки успели вымокнуть в ноябрьских талых лужах, пока она дошла до медкабинетов. Но зато в остальном явно повезло: не вызывало сомнения, что на массажном столе именно с Милой сейчас заканчивает процедуры их лучший специалист.

Увидев Викторию, мужчина приветственно кивнул и пошутил:

– Экая ты, Леонова, “звезда”, тренер бегаешь посмотреть на твою расквашенную о лед мордашку даже сюда!– и тут же фыркнул,– Да, не зажимайся так! Ты еще по стойке смирно встань! Виктория Робертовна простит тебе неподобающее

положение и внешний вид.

С шутками и прибаутками массажист накидывает на Милу спину простыню и говорит:

– 30 минут лежи, отдыхай. Я пойду чайку попью пока.

На прощание раскланивается с Домбровской и выходит.

– Свободный лед есть в пятницу в 8 вечера. Я заняла его для нас, – сообщает Виктория.

– Да уж... Интересно... – отвечает в массажный стол Мила, и больше ничего.

Не все ль равно, что люди говорят? Иди за мной, и пусть себе толкуют!

– Мил, ну, я же пытаюсь исправить свою ошибку!– в конце концов, устав от молчания, произносит Вика.

Девушка резко разворачивается на спину, приподнимаясь на локтях. Простыня соскальзывает, открывая практически нагое тело. Верхняя губа заплывает гематомой, которая осталась от неконтролируемого удара тяжёлой тренерской рукой.

– Зачем?– вызывающе произносит спортсменка,– Зачем, Виктория Робертовна, вы хотите исправить что-то? Все стало прозрачно как никогда!

Смотреть на девичье лицо с синяком почти физически больно. Домбровская била изо всех сил, не раздумывая, и уж, конечно, не пытаясь смягчить удар. И жалеть об этом срыве, который так ясно проявился на лице ее нежной девочки, ей теперь до конца собственной жизни.

– Мил, мы же не чужие друг другу люди! Ты мне дорога. Я люблю тебя, в конце концов!– правду говорить легко

и приятно, но больно, как проехаться в падении кожей по асфальту.

Она помнит огромные детские глаза Милки в первый день на катке, неуклюжие заплетающиеся ножки, которые старательно вычерчивали линии лезвиями по льду. Кривоватые вращения, того и гляди, свалится на попу с задранной ногой. Это их жизнь рядом, вместе. О таком не забудешь. Из этого выросла ее любовь к маленькой девочке, девушке, спортсменке, победительнице.

– Любовь?! Я заметила эту любовь. И почувствовала!– голос спортсменки дрожит, пальцами она касается синяка.

Вика морщится от этого прикосновения, будто это к ее синяку приложила ладонь Мила.

– Я же прошу прощения! Я совершила огромную ошибку. И я пришла ее искупить!– в конце концов повышает голос Домбровская,– Неужели для тебя этого так мало?

Леонова долго и пристально смотрит в глаза своему тренеру:

– Искупить? И на что же вы готовы, любезная Виктория Робертовна, во искупление?– вдруг почти нежно произносит

фигуриста.

– Чего ты хочешь, Милк?– тихо и очень устало отвечает ей женщина.

Из груди девушки врывается короткий неконтролируемый смешок:

– Как все люди – любви!

– Любви?– удивляется тренер,– Разве мало я отдала тебе своей любви? За все годы? Я сделала все, что могла!

– Точно все?– коротко и требовательно вопрошает девушка.

– Да!– так же коротко отвечает Виктория.

– Да?– вопросительно утверждает свое несогласие фигуриста.

– Да!– отвергает ее вопрос тренер.

И этот диалог так неожиданно похож на тот, давний, в зоне кисс-энд-край...

****

второй соревновательный день олимпийского турнира

– Я сделала все, чтобы победить. Все, что могла!– рыдает под прикрытием спины Григорьева, защищающего ее от камер, Мила. Их трое перед всем белым светом, сколько не прячь, а рыдание девушки увидят миллионы.

– Точно все?– требовательно и жестко держит ее над поверхностью собственного горя Домбровская.

– Да!– выдыхает Мила.

– Да? – вопрос-несогласие с ее трактовкой летит в самое сердце от тренера.

– Да!– сопротивляется спортсменка.

– Нет, ты сделала не все!– обрубаёт одним ударом Вика всякую претензию к мирозданию и лично к Виктории Домбровской.

****

– Нет, ты сделала не все!– мстительно выдыхает Ленова.

И после короткой паузы, – Раздевайся!

Борьба взглядов, которой могут позавидовать боксеры-тяжеловесы. Огромные юные темные зло и обиженно ждут то ли мести, то ли исполнения мечты. Пристальный с искорками света у самых зрачков зеленый пытается разглядеть правильный ответ, который поможет утвердить уже принятое почти решение развернуться и уйти. И неясно, что Виктория заметила в себе или в Миле на этом поединке без единого слова, но она резко дернула пояс серого тренча, повела плечами и сбросила пальто, не глядя, на пол.

Когда рука тренера взялась за молнию спортивной кофты, застегнутой до самого подбородка, на лице девушки мелькнуло какое-то странное выражение, то ли испуг, то ли недоверие, то ли разочарование в самом светлом.

Кофта упала на пол рядом с пальто. Вика ни на секунду не отводила взгляд от карих глаз ученицы. Безжалостный свет выхватывал на ее коже белые рубцы шрамов разных форм и длины, тянущиеся вверх от кисти к плечу. Узор боли уходит плотными каплями оплавленных как воск краев заживших ран на спину, расчерчивает редкими линиями впалый живот, ребра, грудь.

– Ты правда готова на все ради своих целей? – выплонула

почти шепотом Леонова,— Любых! Лишь бы твоих!

Соскочила с кушетки и кинулась к выходу, чтобы исчезнуть из этой жуткой комнаты, где ей открывалось то, что она не могла считать правдой о своей любви. В этом было предательство близости и чувства. Леонова верила во что угодно, но только не в то, что Домбровская безразлично и холодно будет готова отдаться ради возможности остаться тренером и не раздувать новый скандал. Что угодно на благо делу! Какая красота! Какая мерзость!

Руки тренера поймали почти голую, рвущуюся за пределы тесного кабинета, брюнетку.

Борьба больше похожая на объятия, ребра прижимающиеся к рёбрам, грудь сминающаяся о грудь.

— Куда ты, куда!— Вика изо всех сил держит извивающуюся девушку, теряя силы и боясь, отпустить это изворотливое в своем бешенстве маленькое тело, которое непонятно на что способно.

— Ненавижу тебя! Ненавижу!— кричит борющаяся с ней не на жизнь, а на смерть Милка,— Отпусти! Не хочу!

В конце концов их разворачивает, и на подгибающихся

коленях Вика сползает по стене, таща за собой на землю бьющуюся в неконтролируемой истерике девчонку, продолжая держать и прижимать к себе тем крепче, чем меньше сил.

Борьба переходит в рыдание. Неутешное. Безостановочное. Слезы умирения. Короткие вдохи, которых не хватает даже на минимальную порцию воздуха. И выдохи-вскрики, рассказывающие о боли, так и не пережитой, но спрятанной глубоко и запертой на сто замков.

Мокрое лицо зарывается в голое плечо Вики. Руки обхватывают шею тренера. Вселенная сворачивается до двух сплетенных полуголых тел. Очистительных слез. Тихого утешающего бормотания, в котором и можно разобрать лишь: "Девочка моя, маленькая! Шшшш! Тише, тише!". И что-то еще, совсем неразборчивое, что шепчет любящий страдающему любимому. В чем нет правды, но всегда так много желания забрать страдание себе.

Виктория протягивает руку и накидывает валяющееся пальто на голую Милину спину. После чего сжимает ее еще крепче. Всхлипы становятся всё реже, дыхание выравнивается постепенно, ресницы лишь изредка вздрагивают, щекоча кожу на плече женщины. Временами еще вырываются прерывистые вздохи.

Под своими пальцами Домбровская чувствует два маленьких шрамика от лапароскопической операции на спине. Щечкой прижимается к острому плечу девушки и прикрывает на миг глаза.

“Обычная истерика, значит, говорите, Андрей Петрович”, – прижимаясь к юному телу думает Виктория, боясь отпустить фигуристку: “Какая же тогда в вашем мире истерика “необычная”, право слово?”

Напряженные руки саднит от усталости, но женщина не расцепляет на всякий случай замка, опасаясь, как бы ее подопечная не рванула снова голышом к дверям. Лишь чуть откидывает голову, чтобы посмотреть, что происходит с Милой, так и не вынырнувшей лицом из надключичной впадины ее плеча.

И этот осторожный взгляд внезапно успокаивает и даже веселит в глубине души Вику. Выбившаяся из сил после скандала, массажа и финального аккорда с рыданием и попыткой побега девушка, попав в кольцо рук, в которых давно мечтала оказаться, просто заснула не слишком здоровым полубморочным сном. Как маленькие дети, она лишь изредка вздрагивала не до конца выплаканными слезами на родном плече.

Женщина откидывает голову на стену, снова закрывает глаза, пытаясь поудобнее устроиться под спящей Милкой. Еще выше натягивает свое пальто на плечи девушки, накрывая заодно и свое полуголое тело.

И пусть весь мир подождет!

Минут через десять со щелчком открывается дверь, и первое, на что натывается массажист – две вытянутые поперек его дороги длинные ноги в светлых кроссовках с мокрыми носами, а поверх них еще пара босых ступней.

Проследив взглядом от ног кверху, он видит дремлющих в обнимку блондинку и брюнетку под одним пальто.

Виктория приоткрывает глаза, тихонько подносит палец к губам, призывая мужчину не шуметь. Тот лишь недоуменно встряхивает головой. Придя в себя, вынимает одну связку ключей из штанов и кладет ее на пол возле руки тренерши. Потом демонстративно вынимает вторую связку и показывает ее Домбровской, имитируя поворот ключа в замке. Выходит и запирает снаружи двери. Чего только в своем кабинете за 40 лет практики не видел этот человек: от поцелуев, до летящих в голову коньков, но такое – впервые.

Чтоб огонь любви мог уничтожить вмиг долг, ими здесь платимый повсечасно

Время, мерно переплетаясь, оседает на усталом сознании двух дремлющих женщин. Сон их не будет долог, но сейчас он дарит восстановление, и телесное, и физическое. Руки тренера ве так же сжимаются на талии подопечной, не позволяя полностью утратить контроль над телом, которое так активно отбивалось от их общности, что не выдержало сознание.

Домбровская не спит в полной мере, скорее отрешенно созерцает происходящее внутри нее и рядом. Пережили ли они кризис, который предвещал психиатр? Что будет за ним? Восстановление? Смирение? Вечная рана, что не зарубцуется? На душе ее Милки таких ран становится только больше. Их порождает бескомпромиссный характер, дающий возможность двигаться к высшим достижениям, но мешающий вовремя отпустить то, что важно отпустить, чтобы жить дальше полно и цельно. Домбровская знает, насколько это сложная наука – отпускание. И не может сказать, что сама ее постигла в полной мере. Никому из своих спортсменок

она не желает боли, хотя каждую ведет сквозь нее.

Виктория Робертовна Домбровская слывет тренером жестким и даже жестоким. Она и не отрицает этого. В их спорте нельзя быть тонким, звонким и прозрачным надутым человечком, гнущимся от любого порыва ветра. Она не жалеет своих спортсменок публично, но любит каждую, болеет за любую. За некоторых, хоть это и непедагогично – больше.

Телефон в кармане пальто, которым укрыты двое, звонит, усиливая звук и вибрацию о пол. Пока Виктория протягивает руку, чтобы вытащить сотовый и отключить звук, Мила начинает ворочаться, утыкается носом в ключицу тренера и, вострепнувшись мгновенно, тут же открывает глаза.

– С добрым утром?– вопросительно улыбается Домбровская, не глядя на экран, сбрасывает звонок и выключает звук.

Состояние, в которое попадает Леонова спросонья – смесь непонимания и смущения. Неловким кажется все то, что так бесшабашно и легко получалось до срыва. Собственное голое тело, прижатое к обнаженной коже другого человека. Руки, которые держат тебя за спину, не давая возможности резких движений. Сам этот взгляд ласковых зеленых глаз, ко-

торые заглядывают в душу обнаженную сейчас даже больше тела.

– Я тебя сейчас отпущу, – тихо произносит Домбровская, – но ты мне пообещаешь, что никуда не побежишь больше от меня. Да?

Мила молча кивает головой и чувствует, что замок пальцев за спиной раскрывается. От движений пальто сползает вниз и девушка стыдливо пытается прикрыться руками, спрятав вдруг ставшее таким неуместным нагое тело.

Виктория отталкивается спиной от стены, поднимает тренч, накидывает его на плечи спортсменке. Берет одну ее руку и засовывает в рукав. Вторую Женя опускает в пройму сама. Молчаливая сцена одевания заканчивается тем, что женщина плотно запахивает свое пальто и завязывает болтающийся пояс туго на тонкой талии, а потом бережно и неспешно расправляет лацканы, то и дело легко касаясь кожи на груди девушки.

Кажется, надо что-то сказать, объяснить, может быть, попросить прощения, но внутри усталая пустота моря после шторма и такая же пустота в голове, не дающая определиться, что верно и что ошибочно сейчас.

– Леонова, если ты сейчас же не слезешь с меня,– неожиданно весело произносит блондинка,– у тебя будет безногий тренер, так как нервные окончания уже никогда не восстановятся!

Мила тут же скатывается с коленей Домбровской и слышит как та с блаженным стоном облегчения подтягивает к себе длинные тонкие ноги, которые можно наконец-то согнуть. Виктория Робертовна сворачивается складным метром возле стены, прикрывая от счастья освобождения глаза.

Теперь они сидят плечом к плечу, вжавшись в одну на двоих стену.

– Виктория Робертовна,– наконец прерывает свое молчание девушка,– а у меня еще будет тренер?

– Непременно,– отвечает блондинка, вслушиваясь в иголочки, пробегающие по всей поверхности уставших ног,– как только она сможет хотя бы встать. Ну и тяжелая же ты, оказывается, Леонова!– продолжает подшучивать Домбровская.

В конце концов, упираясь спиной и руками в стену, женщина поднимается и на нетвердых ногах идет в сторону окна. Опершись на раму, смотрит на начавшийся плотный снегопад и вслушивается в усталость и щекотку оживающих нер-

вов во всем теле.

За спиной едва слышны босые шаги. Между лопатками упирается круглый теплый Милкин лоб. Руки обхватывают талию и куда-то в позвоночник летят слова:

– Я столько натворила... Почему?

Снег метет противной замятью, то рассыпаясь крошкой по асфальту, то собираясь в полосы-змеи, перебегающие по диагонали парковку. И непонятно, слышит ли Вика слова выдохнутые в ее шрамы на спине или думает о чем-то совсем другом. Но она отпускается от рамы и, продолжая глядеть в окно, кладет ладони на сцепленные девичьи запястья у себя на животе. А потом по кабинету, сплетаясь в светящуюся цепь, обматывающую прочно двоих, грудным чуть надтреснутый голосом старшей из них раздается:

– Любовь долготерпит, милосердствует, не завидует, не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит,— тишина для двоих прерывается последней фразой, которую, все так же глядя на снежную пургу, произносит Виктория,— Любовь никогда не перестает. И вот это, Милочка,— через паузу произносит женщина,— ми и

вправду самые любимые строки о любви. Настоящей.

– Стало быть мы обречены друг на друга?– прижимаясь щекой к позвоночнику женщины, улыбается Мила.

Спина тренера вздрагивает в беззвучном смехе:

– Может быть, Милка. Все может быть.

– И всё-таки я сожалею,– неопределенно произносит де-вушка.

Виктория размыкает ее руки и разворачивается лицом к спортсменке. После чего снова сцепляет пальцы, но уже у себя за спиной. Убирает прядь темных волос за ухо, прижимается своим лбом к девичьему и негромко говорит:

– Не жалея! Никогда и ни о чем старайся не жалеть. Старайся исправлять то, что можно исправить, и платить за то, чего исправить нельзя.

Домбровская откидывает голову назад, кончиками пальцев приподнимает подбородок девушки и почти невесомо касается губами синяка на ее лице.

Телефон в пальто вибрирует сообщениями. Женщина

опускает руку в карман, достает трубку и начинает читать, тут же сосредоточиваясь, отдаляясь, возвращаясь в рабочий режим.

– Все, Мил! Перерыв на философию кончился. У меня работа.

Объятия размыкаются. Домбровская делает пару шагов в сторону, поднимает с пола свою кофту. Быстро натягивает ее, застегивая под горло и, уже развернувшись к выходу, проносит:

– В пятницу в 8 вечера лед. Я тебя жду... И да, мы, наверное, поменяем музыку. Подумай, что ты хочешь, кроме Цветаевой.

Виктория берет за ручку двери и слышит за спиной:

– Пальто, Виктория Робертовна!

Женщина поворачивается назад. Запахивает поплотнее тренч на Леоновой, отвечая:

– Не надо, так добегу. У тебя куртка тонкая, в пальто будет теплее. Вернешь потом, когда будешь по погоде одета.

Мила кладет ладони на пальцы, сводящие края пальто, и спрашивает:

– Все в порядке?

Домбровская качает отрицательно головой:

– У Максимовой плеврит на фоне инфекции. Побежала я, Мил. Дела.

****

Уже, у дверей главного входа, засыпанная пургой и снова промочившая ноги, Вика слышит за спиной:

– То есть ты решила в одну больничку с Марьей прилечь, чтобы не прерывать тренировочный процесс?

Григорьев снимает свой пуховик и накидывает на плечи коллеги.

– Куда дела верхнюю одежду, несчастная?– удивляется товарищ.

– Отдала страждущей, которая не умеет одеваться по сезону,– махнула рукой отогревающаяся в пуховике блондин-

ка.

– Кому ж это?– полюбопытствовал Михаил.

– Леоновой!

– Недешево, я смотрю, тебе одна зуботычина вышла,– хотнул Мишка,– ты больше не маши кулаками, а то наши ребята тебя голой и босой оставят.

С этими словами они и вошли в холл. Впереди ждало совещание и принятие решений о том, что же делать в сложившейся ситуации.

А новый странник на пути своем пронзен любовью, дальний звон внимая

Когда Вика влетела в свой кабинет, на ходу скидывая пуховик Григорьева, ни о чем произошедшем в кабинете массажа она не помнила и, спроси ее, что серьезного и важного случилось до сообщения о болезни Маши, пожалуй, вполне искренне ответила, что день был рутинным.

Жизнь Домбровской разумно и верно вращалась вокруг одного и главного – дела. Определялась сегодняшними и завтрашними задачами. Пройденное оседало в виде памяток о совершенных ошибках, чтобы не повторять их в дальнейшем, но мгновенно теряло значимость, как только задача была решена.

Задачу по имени Людмила Леонова Вика закрыла до момента, пока не появится необходимость снова действовать в прямом столкновении. Задача Маша Максимова же стояло со всей остротой и сложностью здесь и сейчас. И не только в приложении самой Маши, но и их, ее тренеров.

Илья нервничал. Настолько, что даже не обратил внимание на странный вымокший вид Домбровской. И ее это позабавило и обрадовало, хотя в радости была особенная горчинка, которая появляется в мыслях каждого, видящего того, кто входит на трудный путь, уже пройденный тобой. Илья переплавлялся из хорошего мальчика, талантливого постановщика и чудесного катальщика – в тренера. Срастался с их жестокой и неблагодарной профессией, радостнее и нужнее которой Вика и придумать не могла.

Троица расселась по местам.

– Ну, ближайших стартов у нас, понятно, не будет, – начинает Вика подводить итоги, – относительно реальная дата – Россия. На чемпионат России успеть можем при хороших раскладах. Посмотрим, может, выгорит... Но если...

Ландау весь подбирается, готовый возражать. Домбровская смотрит на него долгим взглядом, пока он внутренне не затихает и продолжает:

– Но если нам не повезет, то нужно, чтобы остальные были готовы на все 200 процентов. Обидно будет упустить победу, имея такую-то базу. Илья, на тебе Яна. Мы с Мишкой делим Зою и Катю. Ну и остальное по плану.

А ведь, скажи кто в прошлом году, что они будут выгадывать варианты на чемпионат России, все бы только недоуменно пожали плечами. Год назад у них было пятеро в обойме, трое на подходе. О чем тут беспокоиться? Но жизнь подбросила сначала один сюрприз, потом второй, а потом и дальше покатило. И вот команда тренеров сидит и прикидывает варианты, как бы получше разложить оставшиеся кадры.

– У меня еще Настя и Лиля, то ли возражает, то ли напоминает Ландау.

Виктория кивает:

– Юниоры все так же на тебе, само собой. Очередной этап придет в свое время и надо на нем показаться в полном порядке. В конечном счете, мы идем к Миру. И на чемпионат, и взрослый, и юниорский готовим максимум. Маша к нему уже тоже должна будет прийти в форму. И наша задача – добиться этого в ускоренном темпе после выздоровления.

Григорьев спокойно воспринимал слова старшего тренера, а вот Илья разве что не прокрутил сидалищем в стуле дыру, так ему не терпелось высказаться. Но у начальницы явно не было в планах выслушивать его сейчас.

После детального обсуждения вопроса с болезнью Максимовой и решений этой проблемы, перешли к важной тематике. Потом поговорили про дальнейшие перспективы на шоу и окончание сезона и следующие за ним отпуски. Вернулись назад к вопросу этапа национального кубка. Только ракурс сместился с общих задач на технические детали подготовки.

В итоге, определив план работ, разошлись по своим делам. У самого выхода из кабинета Вика вдруг остановила хореографа:

– Илюш, если ты не спешишь, не уходи. При тебе думается лучше.

Ландау закрыл дверь и сел на свое место. Минут 30 женщина делала какие-то пометки на планшете, бумаге и в компьютере. Мужчина активно прослушивал треки, определяя для себя, кому и какую музыку стоит предложить на следующий сезон.

– Мы окончательно решили, что “Ода к радости” перейдет в новый сезон?– уточняет Илья.

Виктория молча кивает, продолжая делать пометки.

– А “Тайны далеких земель” откатываем этот сезон и ме-

ням?— еще один уточняющий вопрос.

Домбровская откладывает работу и внимательно смотрит на хореографа:

– Спроси уже то, что ты действительно хочешь спросить, Илюш!

Вопросы все незначимые и не о том, а подобраться к главному хореографу все не решается.

– Зачем ты мне скидываешь Яну?— вопросом в лоб отвечает на ее пожелание мужчина,— Мы все знаем, что моя работа там толком не нужна. Это же твой ребенок от и до?

Блондинка чуть улыбается:

– Считай, что я делюсь с тобой лучшим, что есть у меня.

Но Илью такой уклончивый ответ не устраивает.

– Я всего лишь хочу ясности,— уточняет Ландау.

Виктория поднимается, обходит свой стол и встает за спиной у молодого человека. Тонкие руки опускаются вдоль его груди, сцепляясь пальцами, словно образуют нагрудную цепь

или ленту медали. В миллиметрах от своего затылка Илья чувствует, как при звуке ее голоса чуть вибрирует кожа, за которой солнечное сплетение, и почти ощущает легкие движения живота при вдохах и выдохах.

А это, Илюш, анестезия,— наконец произносит Домбровская,— Когда один любимый ребенок выпадает из процесса, нужно нагружать себя заботой об успехах другого, чтоб не начать бегать по потолку. Ты ведь именно это планировал делать все время, пока Маша болеет?

Ландау откидывает голову и упирается ей под ребра макушкой, заглядывая в глаза.

Я боюсь, Эр,— признается он,— Мне кажется, я так не боялся, когда она ногу сломала.

Вика лишь кивнула, не произнеся ни слова.

****

за полгода до олимпиады

Как хрустит кость, которая скручивается максимально, до разрыва всех связок и сухожилий вокруг, вы никогда не забудете, если слышали хоть раз. Громкая музыка на катке поз-

воляет скрыть этот звук, но не искаженное болью лицо, не резкий вскрик ребенка, падающего на лед.

Сердце хореографа обрывается при звуке голоса Маши, падающей с тройного акселя. Что происходит с сердцем Виктории неизвестно, но скорость на которой она несется по льду с противоположного конца катка говорит, что и для нее этот крик – что-то экстраординарное.

Они поднимают девочку, оплетают ее спину с двух сторон своими руками и медленно втроем катятся, держа легкую как пушинка Машу почти на весу над гладью катка, пока она, белая до синевы, закусывает губы, чтобы не кричать, и даже не плачет, но слезы сами вытекают из глаз. Тело снимает стресс, а разум борется с подступающим болевым шоком попыткой полностью отключиться.

Тот перелом стал для молодого хореографа посвящением в большую жизнь тренера. Когда он сидел рядом с тихо плачущим от боли ребенком в ожидании скорой. Когда держал за руку, пока не приехали в больницу родители. Когда навещал и видел гипс, уже зная, что это минимум на два месяца. Когда после снятия гипса смотрел на ноги разной толщины и длины и, сам мне веря, убеждал семью, что все выправится с регулярными нагрузками. Когда первый раз выводил ее на каток после перелома... Ну как выводил?..

Летел по льду и кричал: “Не отходи от бортика!”, потому что, надевшая впервые после двухмесячного перерыва коньки, Машенька, решила, что ждать тренера в помощь – это глупость и взрослые перестраховщики просто ничего не понимают. И выскочила на лед одна. Как буквально водил ее вдоль бортика, пока ее ноги вспоминали что такое скользить на коньках. Как утешал, когда она, пытаясь делать первые связки, постоянно падала, с самого простого. Как было страшно смотреть ее заходы на первые прыжки. Совсем детские.

И еще в том сезоне он увидел, как легко случаются чудеса, если до этого много и трудно работать над их созданием, когда эта маленькая стальная девочка взяла первое место Чемпионата России, приехав аутсайдером едва мечтающим о попадании в сборную.

Но тогда он не боялся так. Правы космонавты, когда говорят, что самый страшный полет – второй, потому что ты все уже знаешь. Ландау теперь знал, как будет Аня возвращаться. И это было тяжело и больно, и неизбежно.

****

Илья смотрит снизу вверх на лицо Виктории. Берет ее ла-

дони в свои руки и спрашивает:

– А тебе не страшно?

Видит едва заметную смутную улыбку:

– Не страшно. А может, и страшно, но не ново. Но это больно. Всегда больно и тебе, когда больно им. Это неизбежно.

– И что ты делаешь, Эр, когда так больно?– спрашивает Илья, не отпуская ее рук.

– Продолжаю работать, как видишь,– вполне честно отвечает женщина.– Главное помнить, что никогда ничего не заканчивается.

Мужчина тянет Вику за руки вниз, и она склоняется без всякого сопротивления, пока губы не встречаются с губами. Поцелуй, как взаимное утешение, обещание, что вдвоем им будет легче переносить эту отраженную боль грядущих преодолений.

Его руки, держащие ее запястья. Ее губы скользящие медленно и нежно по поверхности его губ. Не поцелуй страсти и даже не поцелуй нежности, а подтверждение верности друг

другу на той дороге, по которой им идти дальше.

Оставь сомненья, мы уже у цели, не робостью, но силой облекись!

– Сегодня ты и правда щедра, – шепчет мужчина ей в губы, не желая прекращать секунды внезапной близости, которые, чем больше проходит дней их “паузы”, тем менее реальными и осязаемыми кажутся.

– Это просто передышка, – последнее легкое касание губами его губ, и женщина отстраняется. Лишь ее запястья все еще скованы его руками.

Блондинка стоит за спиной Ильи, положив ладони ему на плечи и чувствуя на своих кистях его пальцы. Два погона для особенно отличившегося в ее войсках. Но вряд ли она все еще в этом кабинете. Мысли Домбровской перебирают варианты, выстраивая максимально правильную линию поведения на ближайшие месяцы.

– Я приеду к тебе вечером? – слышит Вика вопрос, который мешает ей сосредоточиться на том, что сейчас важнее.

Встряхивает головой, пытаясь вернуться в реальность из

собственных планов:

– Нет, Илюшенька, сегодня мой вечер, скорее всего, пройдет там и с теми, где и с кем мне быть и не хочется, но теперь нужно.

– Моя помощь нужна?– задает вопрос Ландау.

Домбровская лишь отрицательно качает головой.

– Не везде нашей сплоченной команде рады в расширенном составе,– иронично отвечает она.

Виктория отходит к столу и начинает искать на нем что-то важное. Понятно, что та самая “передышка” для нее закончена, а значит закончена и для Ильи. Продолжая рыться в бумагах женщина слышит, как хореограф отодвигает стул и поднимается на выход, под нос себе он напевает:

-

На точке двух миров

Стояли мы в огне,

Пылали облака, и ты сказала:

Давай уьем любовь,

Не привыкай ко мне.

Давай уьем, пока ее не стало

Ты лучше

Ты круче

Ты сможешь

Я в курсе.

– Ну и дурак!– невесело хмыкает Виктория в ответ на песню.

– Может быть,– спокойно отвечает Илья,– Но, вообще-то, Эр, уже очень хочется, чтобы ты сама прибилась к какому-нибудь берегу и дала мне возможность сделать то же самое. Хочется ясности, если уж на то пошло.

И с этими словами он выходит из кабинета.

– Да уж, ясности. А как мне-то хочется этой самой ясности,– тихо сообщает закрытой двери Домбровская,– И хоть

немного простоты. Хотя в чем-то.

Она наконец нашла записную книжку и набрала номер телефона. Разговор предстоял не самый простой.

****

Жизнь идет своим чередом, что бы ни происходило в ваших душах. Так и жизнь “Сапфирового” потихоньку двигалась, углубляясь в зиму. Дети приходили на тренировки. Тренеры работали. В свободное время по очереди интересовались здоровьем Маши. В целом получалось, что все лучше, чем могло бы быть, но хуже, чем хотелось бы. С ближайших стартов они ее пока не снимали, но никто не верил, что Максимова даже поправится к этому времени, а уж про то, что она будет в форме и говорить не приходилось.

Шли упорные слухи, что из тренировочного процесса выпали минимум две сильные конкурентки, но официально пока это не подтверждалось, однако, стоило принять к сведению и использовать максимально, если подтвердится. Все умели играть в игры, предлагаемые их сложным миром большого фигурного катания.

Виктория на длинных дугах докатилась до Михаила и поманила к бортику. Откинувшись на него спиной плечом к

плечу тренеры наблюдали за происходящим на катке. Зоя выкатывает без помарки четверной тулуп. С третьей попытки. Яна бьется над дорожкой, переходящей в тройной лутц. Ей явно неудобно, но Ландау закусило делать именно так. Вращение Кати бесподобно. Милка пробует прыгать и даже успешно. Ревкович, затесавшийся в эту компанию на время, пока Маша болеет, штампует свои четверные и вполне успешно привязывает к ним тройные тулупы. Никита – это однозначная победа, хотя вся война еще впереди. Парень оказался гораздо большим мужиком, чем думалось.

После истории с “самострелом”, иначе Вика не могла назвать тот случай, она рассчитывала на что угодно, вплоть до того, что мальчишка повесит коньки на гвоздь и ничего никому не расскажет. Но все пошло быстро и по лучшему из сценариев: в тот же вечер парень решил вопрос с родителями, а утром, что уж и вовсе было сверх всяких ожиданий, пришел на тренировку собранным и серьезно настроенным на работу.

– Давай-ка в этот старт Яночке тройной в короткой запланируем, – предлагает Домбровская Григорьеву.

Тот следит за неудобной дорожкой, которую упорно разбирают Ландау и девочка.

– Давай. Аксель у нее стабильный, а более спокойно-го старта, наверное, и не будет,– соглашается Михаил,– Не убьются, так покалечатся,– резюмирует он наконец то, что творят Илья с Яной.

Домбровская направляется к хореографу и спортсменке, чтоб озвучить свое решение, а заодно дать втык Ландау за тот треш, что творится сейчас у нее на глазах.

– И что у вас происходит?– задает тренер вопрос спортсменке и хореографу.

– Решили немного по-другому сделать вход на лутц,– сообщает мужчина.

– Кто из вас это решил?

Домбровская смотрит на Ландау, но внезапно отвечает Яна:

– Виктория Робертовна, я подумала, что так будет интереснее.

– Тебе же неудобно,– удивляется женщина.

– Нормально. Еще непривычно, но я сделаю,– сопротив-

ляется спортсменка.

– Илья Сергеевич, а у вас какое мнение?– внимание Виктории снова переключается на Ландау.

– Согласен с вами, Виктория Робертовна,– поддерживает хореограф старшего тренера.

– Илья Сергеевич, но у меня же получается!– фигуристка смотрит на Ландау как на предателя.

“Этот бы характер, да на пользу делу”– поражается Домбровская упрямству девочки. Яночка не из тех, у кого нервы как канаты, не Максимова, в общем, Яна словно породистый жеребенок: тонкая, нервная, искристая, что придает ее программам особенный свет, но всегда вносит элемент неожиданности в их исполнение.

Илья растерялся. Переводит взгляд с одной женщин на другую, не понимая, на чью сторону лучше встать. Вику это забавляет. Но все же надо прийти на помощь коллеге и, в некоторой степени, ученику в тренерском деле:

– Хорошо, Ян. Я вам даю одну тренировку. Сможете собрать безошибочно дорожку и прыжок – тренируйте так. Нет – возвратитесь к накатанному варианту,– Домбровская, за-

молкает, внутренне оценивая свое решение, а потом продолжает, – и еще в короткой активнее накатывайте тройной. Будем пробовать на этапе.

И даже не глядя на девочку, чувствует, что Яночка внутри закачалась. Бури “Далеких земель” будут как никогда суровы на этом этапе”, – утверждает мысль внутри себя Виктория.

Двойные у Милки идут вполне стабильно. Тройные страшно. Так страшно, что ног под собой не чувствуешь, принимая решение о переходе к ним. Сейчас Виктория едет к своей девочке именно на таких нечувствительных ногах, чтоб сказать только одно:

– Леонова, пробуй тройной сальхов. Михаил Александрович тебя подержит эту тренировку.

Во взгляде Милы страх, радость, надежда и что-то еще, что нельзя определить иным словом, кроме слова “любовь”. Страшный взгляд, потому что в нем слишком много надежды, которую почти невозможно оправдать, и веры, достойным которой быть вряд ли кто-то сможет.

Фигуристка третий день приходит в ее пальто. Отдавать, кажется, не собирается. Короткий тренч, который едва прикрывает середину бедра Домбровской, невысокой спортс-

менке доходит до самого колена, рукава почти скрывают пальцы. Мила будто прячется в этом пальто от мира. И забирать его Вика не намерена. Пусть прячется, если ей это поможет выздороветь и вернуть ту девочку, которая умела собственной радостью, энергией и юмором зажигать всех и все вокруг.

– И, Леонова, вопрос с музыкой на показательные все еще открыт. Идеи есть или мне выбирать?– задает полупроходной вопрос тренер.

– Есть. Сегодня скину,– отвечает фигуристка, пристегиваясь к удочке Григорьева.

И жизнь продолжает течь своими руслами, что бы ни происходило в ваших душах. Лед хрустит под лезвиями, спортсмены осваивают новые элементы, тренеры придумывают новые решения. Как каждый день до этого дня и многие дни после.

Тот ангел, что земле принес обет столь слезно чаемого примиренья

Во всем – ночь, холод, пустота. Предательство. Или просто взросление и способность идти на компромиссы, которые по сути и есть предательство, сколько не раскрашивай это красивыми словами.

Как же она ненавидит эти серые здания. Все – про разное, и все – про одно и то же. Никогда в них ничего приятного и радостного не происходит. Вот и сегодняшняя встреча – два километра нервов и тридцать литров крови в доказательствах, что тебе и правда нужно то, чего никогда не было и не будет, конечно, но, если очень нужно, то есть волшебное слово.

Виктория надеется, что волшебное слово не понадобится. Она верит в молодой организм и силы природы. И она себе врет. Ни во что она не верит. Если б верила, даже не позволила бы по тому номеру, который ей, неморгающе глядя мимо лица, дал человек, такой же серый, как все эти здания, где отродясь ничего хорошего не бывает, перед олимпиадой семь лет назад. Тогда она была честная, может, и хорошо,

Алька и без того убивала себя на “пять с плюсом”, хотя бы не усугубили. А вот сейчас, видимо, стала другой. Поэтому к одному номеру телефона прибавился второй, стоивший ей литров крови и километров нервов.

Теперь главное – сесть за руль и спокойно отъехать по-дальше. Лучше сразу домой. Включить музыку как можно громче, чтобы не слышать саму себя. То, что, наверное, называется голосом совести. В салоне оглушающе тянется:

Вылечи меня, пожалуйста, вылечи!

Вытащи меня, пожалуйста, вытащи!

Хочешь я уеду, в любой город вылечу,

Только вылечи меня, пожалуйста, вылечи!

Я, наверное, путанно объясняю.

Говорю же – правильно не умею.

Все чего добился всегда теряю.

И о чем не надо жалеть – жалею.

Голова включается слишком поздно, А душа устроена еще хуже. У меня к тебе небольшая просьба.

Помоги, прошу тебя, очень нужно.

Не удаётся ей в этот раз разговор с богом, никак не складывается. И она не выдерживает. Сворачивает в ближайший двор, глушит мотор, кладет голову на руки и без слез по-звериному завывает, упираясь лбом в оплетку руля. Трусливо вертится в голове, что надо было взять Илью, который бы сейчас обнимал, прятал от всего дерьма, что она пережила, пока доказывала, объясняла, просила за своих и против себя и их. Предавая саму себя, принципы, душу по кускам. Впервые внутренне согласившаяся на предательство собственных девчонок ради исполнения их же мечт. И сейчас малодушно надеющаяся, что не понадобится. Что все само собой получится. Но ведь уже предала, уже сторговалась с собой.

В конце концов кричать сил не остается. Голос охрип, но внутри немного утихло. Пора возвращаться к жизни, в мир повседневных дел. В конце концов пообщаться с собственным ребенком. Просто вспомнить, что есть что-то помимо больших интересов и больших целей, ради которых ничего не жалко: ни себя, ни других.

Женщина вынимает телефон. Видит целый список непрочитанных сообщений сразу из всех мессенджеров. Ну вот, тут хотя бы все как всегда. Пролистывает, просматривая неотложное и оставляя на потом то, что вполне может подо-

ждать. В конце концов натывается на послание Милки. Трек без названия. Прекрасно. Самое время для сюрпризов. Ты-чет в кнопку воспроизведения. И с первыми звуками нежной мелодии умирает вся боль, а слезы, которые, кажется, пересохла начисто, вдруг начинают буквально литься из глаз.

Опустела без тебя Земля.

Как мне несколько часов прожить?

Так же падает листва в садах,

И куда-то всё спешат такси.

****

месяц после олимпиады

Телефон оглушительно молчит, не пробиваясь сквозь глухую стену обиды. Сердце болит скорым и неизбежным разрывом. Неотступно и отчетливо вспоминается первое знакомство.

за двенадцать лет до олимпиады

Маленькая девочка робко перебирает ножками по глади льда. Старательно вычерчивает линии. И видно невооруженным глазом, как ей важно, чтобы заметили, оценили приняли. Сопrotивляться этому желанию ребенка невозможно.

Вика уже выделила ее среди новичков и, подъезжая, уверена, что возьмет эту девочку к себе, хотя таких маленьких пытается не брать, у нее и более взрослые редко выдерживают нагрузки.

– Как тебя зовут?– огромные глаза смотрят снизу вверх, в

улыбке не хватает одного зуба.

– Людмила Леонова,– шмыгнув носом, отвечает ребенок.

– Милочка, значит?– чудесное имя для будущей чемпионки.

за семь лет до олимпиады

– Милка, с почином! Это твой чемпионат России! Они все тут для тебя! Будь для них! Но забудь про них!

Виктория взглядом обводит трибуны, склоняясь к спортсменке, которая ниже бортика катка. Они берутся за руки и в этом единении слушают друг друга без слов.

за пять лет до олимпиады

Тренер ворчит на откатавшуюся, по ее мнению, на “отвались” Милочку на произвольной финала юниорского гранпри, а Милка с улыбкой рассказывает, что не получилось, совершенно не тушуясь и не очень-то обращая внимание на недовольство Домбровской. Пока они еще не знают, что выиграли этот финал.

за три года до олимпиады

Их медаль на России и общая юная “Джувелетта”. Тренер поддерживает своего ребенка, своего спортсмена за плечи в ожидании оценок. И обе они не до конца понимают, что вот и кончилось детство. Дальше все серьезно.

****

Ты летишь, и тебе

Дарят звёзды

Свою нежность.

И с нежностью у них все получилось. Нежность с криками, слезами, толчками на лед, чтоб почувствовала всю ненависть к самому падению, обозлилась на себя и на тренера, и на этой злости удерживала себя даже в невозможной ситуации. Нежность, когда Милка подкатывалась сходу под бок и обхватывала в кольцо своих рук. И дальше уже ехали вместе, единым организмом. Нежность, когда поправляешь костюм, потому что все должно быть прекрасно и все должны этим восхищаться; массируешь ноги, чтобы не застаивались мышцы перед стартом. Когда привычно, не замечая жеста, подаешь руку, чтобы создать опору для надевающей чехлы фигуристки. Когда даже во время программ видишь, что она держится за твои глаза, пролетая мимо на бешеной скорости.

Вам и не снилось... столько нежности. Каждый день. Из года в год.

Так же пусто было на Земле,
И когда летал Экзюпери,
Так же падала листва в садах,
И придумать не могла Земля,
Как прожить ей без него, пока
Он летал, летал,
И все звёзды ему
Отдавали
Свою нежность.

за два года до олимпиады

– Виктория Робертовна, я вас люблю. Очень сильно

– Я тебя тоже.

А что бы вы ответили? В жаре побед? В холоде преодолений? Когда звезды совсем рядом! Как тут можно не любить? Тоже... Очень сильно. Больше самой себя. Мы чемпионы, my friend, не так ли? И дальше они непобедимы. И всеильны.

олимпиада

– А вы сделали все, чтобы победа была у Рады!

И тишина, и и холод звезд, и тишина. И что остается, кроме памяти?

Опустела без тебя Земля,

Если можешь, прилетай скорей.

“Леонова, жизнь без тебя – не жизнь, но и с тобой жизнь – не сахар!”

Вика вынимает салфетки, вытирает глаза, нос и даже радуется, что никто не увидит ее такой дома. Есть свои плюсы в том, чтобы жить одной. Можно позволить себе вернуться расхристанной и опухшей от слез и не объяснять причин.

В мессенджер улетает: “Берем!”

Блондинка заводит мотор и тихо выруливает из незнакомого двора.

Быть может, на пути к стезе прощенья тебе до слуха этот звук дойдет

Плотно прижавшись друг к другу у тренерской позиции Вика и Мила смотрят... кино, точнее нарезки кадров из разных фильмов. Этот ролик попался Домбровской, когда по приезде домой она углубилась в мелодию, рисуя внутри себя узор будущей программы. Требовалась зацепка. И интернет, где есть все, даже то, чего быть не должно, снова нашел невероятное. На большом экране ноутбука, который обычно показывает повтор прыжков и фрагменты композиций, снятые во время тренировок, сейчас идет нарезка старых фильмов, совсем другие, несовременные лица, другие, цельные взгляд. За каждым характер, в каждом цель и вокруг всегда какая-то война, битва, огонь, выплавляющий из людей цельности. Так сейчас бывает только в спорте или снова на войне. Именно этого цельного, рожденного из борьбы и преодоления Виктория Робертовна и хочет добиться от своей спортсменки. Зарядить лирику и нежность музыки силой спортивного духа.

После разбора компонентов программы и черновых набросков проката этого показательного номера Домбровская

говорит: “Мила, я хочу тебе показать, про что ты катаешься”. И вот уже десять минут они смотрят “кино”. Последний фрагмент, особенно острый и болезненный.

Брюнетка-врач с ненавидящим взглядом говорит офицеру в немецкой форме: “Вас родила мать или волчица?!” и забирается в машину с пациентами психиатрической клиники.

Леонова, не отрываясь от экрана, вжимается плотнее в бок Виктории. Та запахивает на ней полу своего пуховика и продолжает держать в кольце собственных рук.

– Виктория Робертовна, зачем же она поехала? Ведь этим никого не спасешь?– задает вопрос Мила.

Как ответить ребенку, зачем мы идем в огонь, хотя этим никого не спасешь? Потому что это правильно. Делать неправильное, безрассудное, смертельно опасное – иногда единственное, что превращает нас в людей, даже если по всем канонам заслуживает лишь осуждения.

Тренер прижимается щекой к темноволосой гладкой макушке и, чуть улыбнувшись, отвечает:

– Потому что это ее работа. Ответственность за этих людей.

Девушка немного ерзает в объятиях, высвобождаясь настолько, чтобы заглянуть в лицо стоящей вплотную женщине и поймать взгляд, но Домбровская просто продолжает смотреть ролик, так что Людмила лишь удобнее перехватывает свои ладони на талии тренера и тоже углубляется в бегущие кадры.

Они синхронно чуть подкатываются и откатываются от экрана, стоя на коньках. И почему не пришла сразу в голову идея нормально сесть? Но теперь, когда видео затянуло в себя полностью, даже мысли не возникает поменять позицию. И вот эти двое, плотно обнявшись, вбирают в себя судьбу персонажей, силу лиц, мастерство актерской игры, делающей вымысел единственной правдой..

Виктории важно, чтобы Мила видела тех, про которых и поставила этот номер Домбровская. Женщин не предающих себя, свои убеждения, свою жизнь. Даже ради того, чтобы выжить. Даже ради того, чтоб продлилась любовь, потому что нет любви во лжи, и быть не может.

Вдруг под полой ее пуховика слышится вздох, а после тихие слова:

– Он ведь так ее любит, неужели мог бы убить, если бы

узнал, что она предательница?

И они продолжают молчать, глядя на экран, где смешивается война, жизнь, любовь, долг. Следить за этими женщинами в бежевом, голубом, белом, ярком и темном. Гордыми и горячими – как огонь. Прямыми и натянутыми – как струна. В которых так много любви, что никакая смерть им не страшна.

Вот героиня сбрасывает руки палачей и сама идет на собственный расстрел, не давая даже приблизиться к себе. Вот она встает между трех берез и оператор наезжает на лицо актрисы с общего плана до крупного.

И Мила видит то, что видела много лет. Узнает сразу. Как прозрение. В знакомом перекресте рук, в опущенном подбородке, во взгляде пристальных глаз. Больше не нужно объяснений. Спортсменка не сомневается, про что будет ее программа. Все сложилось. Из многих образов, из последнего кадра, из холодного лица и пожара взгляда.

Они разъезжаются. Вика к столу, чтобы включить музыку, фигуристка, чтобы встать на исходную точку.

Прозрачная мелодия заполняет свод “Сапфирового”. Девушка рисует на льду первые фигуры. И становится понят-

но, что она увидела слишком много и слишком много осознала того, о чем даже не планировала танцевать ее тренер. Но теперь уже не остановишь. Не про этих многих создает программу ее спортсменка, а про ту единственную, которую разглядела за ними. Из другого времени, с несовременной, слишком сильной, душой и слишком прямым характером.

Блондинку срывает с места, и она следует за своей композицией в исполнении той, кто всегда лучше всех могла рассказать ее, Домбровской, истории. Они сейчас связаны невидимой нитью, да и разве это удивительно? Как можно оторваться, когда твоя душа танцует отдельно от твоего тела. Только следовать. Безропотно и неотрывно. Виктория следует. Мила обозначает точку первого прыжка не уходя на него. И продолжает скользить. Видно, что в паре мест она поменяла элементы на более удобные для нее или на ее взгляд более выразительные. Леонова, как полноправный партнер, достраивала программу прямо на льду, в полете по глади катка. И ее тренер лишь следовала за ней, не мешая тому, что происходило.

Музыка шла к исходу. До последней точки оставались секунды. И вдруг Мила подняла руку и повторила жест, которым с ней и их общим прошлым в свое время противилась Вика на глазах у миллионов болельщиков фигурного катания. Значит Мила тогда видела и понимала, к чему было

это отпущение и кому посвящалась В тот день Виктория ее прощала, благословив на полет, который остановить в любом случае была не в силах. Тогда у Милы Леоновой появилась возможность вернуться. Она еще долго улетала, но все больше ждала часа прилета домой. Мила Леонова вернулась, чтобы остаться. Виктория Робертовна приняла, потому что смогла отпустить и заскучать по разбитости их единения.

Если вы захотите умирать мучительной, но светлой смертью, найдите человека, который сможет вам рассказать про вас на вашем языке. Вика ничего не будет исправлять в этой программе. Нельзя что-то менять в чужой истории про себя. Тем более настолько точной.

Мила неспешно катится к своему наставнику за разбором и комментариями, но Виктория только отмахивается от ее вопросительного взгляда и скользит рядом в полной тишине.

– Как думаете, Виктория Робертовна, вас в конце концов тоже расстреляют?– вопрос-удар под дых.

Ну, а чего она хотела после того, что видела только что? После такого подобный вопрос – лишь мелкое замечание по сути проблемы.

– Как минимум попробуют. И, если очень захотят, то, ко-

нечно. Рано или поздно,— зачем врать. Для тех, кто готовит ей расстрельную команду важнее приспособляющиеся Копперники, а не бунтующие Джордано Бруно.

Однажды даже они поймут, что идеальное умение тренера Домбровской встраиваться в систему, предлагаемую ситуацией — это издевательство над системой. И над ситуацией. Как с теми программами Рады. Вторично играть в игры, дуруя матрицу, ей уже не позволили, но один раз — она собрала все, что смогла с их куста. Разве нет?! “И черта с два ты увидишь разрешение на усложнения в женском катании!” — показала ей кукиш система.

— Виктория Робертовна, а вы не боитесь?— странный вопрос, который трудно однозначно понять.

— Чего, Мил?— лед под лезвиями со скрипом крошится, оставляя на поверхности мягкие изгибы линий-шрамов.

— Того, что все увидят,— фигуристка неопределенно охватывает взглядом лед, на котором только что танцевала.

— Люди захотят увидеть в этом совсем другую историю. Про любовь,— тихо смеется Виктория.

— Но это и есть про любовь,— соглашается Леонова.

– Вот, так и отвечай во всех интервью. Большого никому и не надо, – кивает Домбровская.

Одновременно хрустит выбивающийся из-под двух пар коньков лед при торможении у закрытой калитки. Вика опускает руку, снимая засов и толкает воротца. Поддерживая Милу за ладонь дает выпрыгнуть на пол, а потом переступает порожек сама, продолжая держать фигуристку за руку, когда та надевает чехлы, даже не обращая внимания, настолько этот жест за годы вместе влился в кровь и запомнился всеми нервными окончаниями.

Но тут девушка буквально обтекает Викторию своими объятиями и произносит:

– Можно, когда вас будут расстреливать, я буду с вами?

Блондинка прижимает девушку крепче к себе и тихо говорит:

– Нет, Леонова, тебе – нельзя. Ты должна выжить. Вы все должны выжить. Это главное.

И усаживается на скамью снимать коньки, а Леонова цокает чехлами в раздевалку. И уже, почти покинув каток гром-

ко предлагает:

– Виктория Робертовна, а давайте “Жестокий романс” в шоу поставим.

Домбровская замирает с полураспущенным шнурком в руке. Последний выстрел этой программы убил их дуэт на олимпиаде. И стоит ли возвращаться к нему? До сего момента Вика однозначно сказала б – нет, но бывает и вот так.

Милочка умеет ставить красивые точки. Что уж там говорить!

– Хорошо, будет тебе “Жестокий романс”, Мил,– соглашается тренер. Но девушка уже в раздевалке и вряд ли слышит ее слова.

Твои глаза отраду обретут, насколько услаждаться в состояньи

Жизнь тренера не так увлекательна, как кажется со стороны, еще менее увлекательна она у спортсменов. Многодневный, многомесячный, многолетний рутинный труд, расцвечиваемый выступлениями, как черно-белое кино цветными вставками. Стартов ждут все, и тренеры, и спортсмены. Ждут своего, неизбежного, адреналина. Радости победы. И даже горечи поражения. Но больше всего ждут праздника старта. Времени демонстрации своей силы, всего того, чем они научены и начали.

Последний этап перед финалом. Пустые трибуны. Все вокруг исключительно свои. Дети привыкают к таким стартам с первых выходов на соревнования. Кого, кроме мам и пап, интересует квалификационный старт восьмилетки? И со временем эти ребята, лучшие из них, встанут перед полными трибунами, на которых за ними будут наблюдать представители всех стран мира. А они будут нести на своих олимпиадах и в сердцах Россию.

Для юниоров ситуация полупустых трибун не очень странная, но уже и не самая привычная, но те, кто начал выступать на взрослых этапах, всегда ждут зрителя: кто со страхом, кто с любовью и жадной поддержки. И любой закрытый старт – это не то.

Но сегодня для них аналог тренировки. Поэтому на этот раз решено пробовать тройной аксель для Яночки. И в этом тренировочном режиме кроется своя опасность: отсутствие хорошего адреналина и телесной памяти стартовой собранности. Слишком легко – это тоже нелегко. Мозг обманывается возможностью второй попытки. А ее-то как раз и не будет. Сейчас важно найти интонацию для ребенка, которая настроит правильно: спокойно, но собранно.

У Мишки в этой тишине и пустоте свои надежды. Он надеется наконец поймать за руку уклончивую тень поддержки этого сезона. Как никогда в этом году стало понятно, что спорт и война очень похожи. И людей раскрывают одинаково: кто друг, кто враг, кто с тобой, а кто – против. И тех, кто всегда только за себя раскрыл. В чем-то новое узнавание огорчило, а в чем-то порадовало. Однако, у них пока окопные бои, так что оставалось лишь ждать.

Поэтому, даже заметив ту, с кем жаждет душевной беседы уже две недели, Григорьев остаётся со своими. Снова и

снова оценивая силы Яны здесь и сейчас. Он не сомневается, что у девушки все должно получиться, но не знает, получится ли. Все неправильно и необычно, а это выбивает. По ребенку уже видно, что особенности очередного старта, помноженные на попытку нового элемента, создают разбалансировку системы. Перед стартом ее заметно внутренне болтает, что неминуемо скажется на координации.

Виктория о чем-то шепчется со спортсменкой. Слова вторичны. Скорее всего тренер просто напоминает основные огрехи и просит обращать на это внимание в прокате. Важна сама близость, возможность утонуть в уверенности взрослого и вынырнуть полностью омытым этой энергией, обновленным, сильным. Яночка кивает. Кивает. Что-то отвечает и снова кивает. У них с Викой всегда так. Одна говорит, вторая кивает. С Машей иначе, так что-нибудь всегда комментирует. Радой тоже было не так, девочка словно замирала, окутанная словами тренера, проваливалась в обвивающую сеть слов и голоса. Милка. Милке слова были не нужны. И они просто стояли с Викой, держась за руки, дыша в унисон, глядя друг другу в глаза.

За годы работы научаешься понимать, кому и какая поддержка нужна. Одним беседы, другим – взять за руку или обнять. Кого-то лучше оставить в покое. И лишь изредка попадаются "терра инкогнито", которые, кажется, не могут са-

ми понять и дать тренерам почувствовать, чего же им не хватает. Иногда понимаешь. Но уже поздно и все сложившееся необратимо. Алю вот поняли поздно, а Вика, кажется, и сейчас не поняла.

Нежная музыка. Нежное платье. Нежная девочка на льду. Длинный заход и почти удачное приземление с побежденно-го акселя. "С почином, малышка!", – выдыхает Михаил. Она сделала свой первый тройной аксель на старте. Она умница. Они все – большущие молодцы. И те, кто учились, и те, кто учили.

И внутренне на сегодня – все! Обязательная часть закончена. Впереди только произвольная программа. В жизни тоже есть обязательная и произвольная программы. Когда это усваиваешь, становится проще.

****

– Ну, привет, гопота сибирская! – кладет руку на плечо молодой женщине в сером Григорьев.

Она даже не вздрагивает от неожиданности. Миша ещё помнит, когда от любого прикосновения эти плечи напрягались. И только поняв, кто положил ладонь, девушка расслаблялась. Или не расслаблялась. Теперь ей проще, сама она

стала проще в контакте и общении. Да и повзрослела, часть защит, так необходимых ребенку, особенно слишком рано познавшему славу и боль, стали не нужны.

– Здравствуй, Медведь, – голос как солнцем напитан улыбкой.

Ну, и какой ещё двадцатилетней соплячке он бы позволил себя так назвать? Только этой – светлоглазой, которую он с удивлением и радостью разглядел на записях редких камер наблюдения, когда искал, кого же благодарить за швейную подработку. Вот в ком Михаил не сомневался и не ошибся, как показало время, несмотря на все сложные вывихи судьбы, создававшие иллюзии ошибки и предательства. Эта девочка была его и за него. За них.

Михаил садится напротив и смотрит в ещё такое юное лицо. Они не виделись больше двух лет. Редкие сообщения. Ее поздравления с днями рождения. Его ответные – с Новым Годом.

Широченное серое пальто, в котором она почти тонет. Мужчина не знает, модно ли это сейчас, но его веселит промелькнувший при движении цветочный подклад. Она умела в троллинг и раньше. Он почему-то убежден, что этот мелкий рисунок, так напоминавший победное платье чемпион-

ки – ее ирония над судьбоносными событиями собственной жизни. Она спрятала прошлое, но сохранила его, даже в этом наряде.

– Как ты живёшь, девочка?– нежно спрашивает Миша.

– Как ты учил: просто и без надрыва,– улыбается ему в ответ блондинка.

– Видел твоих девчоночек на льду. Красавицы. Вот уж не думал, что ты пойдешь тренировать,– чуть покачивает головой мужчина.

Она снова едва улыбается. Одними губами:

– Я вообще не думала, что захочу к катку подходить, когда закончу. Но оказалось, что я всё-таки люблю этот проклятуший лёд. Больше всего остального.

Они болтают о пустяках. О важном тоже, но не о том, из-за чего он подсел сегодня к ней. И наконец Григорьев говорит:

– Я тебе благодарен за помощь на прошлом этапе, но вопрос вопросов: ты же знала, могла сказать, написать мне, позвонить? Что за партизанщина, девочка?

И после этого вопроса он снова увидел его: взгляд-стену. Взгляд-отпор. Взгляд-дубину. Взгляд – "не влезай, убьет!". С этим взглядом она перла на паркинге "Сапфирового" на парней, с которыми сцепилась неизвестно из-за чего. Именно после того, как Григорьев разогнал несостоявшуюся драку, он и обозвал свою ученицу "гопотой". Так смотрела она на Вику последний год совместной работы, буквально запрещая одним взглядом той подходить хоть на шаг ближе, прикасаться, искать контакт.

Такой внешне холодной, но внутри нежной, словно маленький ребенок, Виктории было невероятно тяжело общаться с отстраняющимся от нее спортсменом, не дающим возможности держать свое сердце и управлять им. Они обе измучились. Одна в попытках сближения. Вторая – в желани отдаления.

– Медведь, по-хорошему, я вообще в этом деле сторона. Я сейчас, если уж честно, там. И мне там хорошо. Девочки Домбровской – не моя головная боль. Просто мне не нравится так. Я за честность, наверное.

– Святая ты душа! – смеётся Михаил, – какая уж тут честность, когда такое. Тут, как на войне: линия фронта и окопы с той и другой стороны. А ты или с теми, или с другими.

Девушка молча смотрит на развеселившегося Григорьева и произносит:

– Миш, я всегда с тобой. А ты всегда с Викой. А с ней я не могу. Вот и весь сказ.

– Спасибо тебе!– она все так же глядит на него очарованно, но теперь это не взгляд ребенка. Впрочем, этот взгляд никогда и не был полностью детским. Ни в ее 10, ни в 16. Ни тем более сейчас, когда ей за 20.

Пора бежать дальше. Все важное, ради чего он искал этой встречи, сказано. Григорьев на прощание треплет девушку по ткани серого пальто на плече, зная, что внутри она "Анна Франк", прощается и уже готов бежать, но все же произносит то, чего бывшая подопечная, кажется, не хочет понимать:

– Про линию фронта я не шучу. Однажды тебе придется выбирать, с кем ты в одном окопе, с нами или с Канунниковым. И, совсем забыл,– вдруг спохватывается он,– поздравляю с дочкой! Мужу привет!

Михаил знает, что муж совсем не муж и она не будет ему передавать приветы от него, Григорьева. И, если честно, ему почему-то нравится мысль, что это так, хотя по гамбургскому счету, и мысль, и то, что стоит за ней, никак не отнести к

порядочным и светлым чувствам. Это зависть к молодости, собственничество, то ли почти отцовское, то ли мужское. И не разберешь, ведь отцовское – тоже мужское. Эх, Алька, Алька! Все вы, девчонки, сердце крадете, некоторые немного больше, чем готов отдать.

И ежели она осилит с небом первый бой опасный

Третий день они с Ильей на льду кружат вокруг вернувшейся Максимовой. Григорьев даже не подходит. Речи о прыжках не идет. Маше хватает одного круга беговыми шагами, чтобы посинели губы и началась одышка. Разве можно такого спортсмена куда-то вывозить на старты? Вчера казалось, что ей несколько легче, сегодня кажется, что тяжелее, чем позавчера. Они только переглядываются друг с другом. Ответ на вопрос “что делать?” – очевиден, но взять на себя ответственность за него никто не решается.

Снова отправляют Машу отдыхать. Медленно едут плечом к плечу:

– Ее придется снимать, – обреченно говорит Илья.

Почему Виктории так тяжело согласиться с его мнением, даже сама тренер не смогла бы сказать. У Маши это второй чемпионат России. Уже даже “золото” есть. Для нее, Максимовой, сам по себе чемпионат – проходной этап. У Вики еще четверо, идущих плотным строем, на замену. Бойтся

ли Домбровская остаться без Мира, на который отберут по “спортивному” принципу и без Машки? С одной стороны, не хочется верить в подлость федерации, с другой – ей ли не знать, на что способны чиновники, если им закусятся напомнить, кто в доме хозяин.

– Мы рискуем оставить ее без Мира, если снимаем с России. Сезона-то нормального опять нет.

Они снова молчат. Третьим подруливает Михаил. Круг почета без единого слова. Общая мысль рождается именно сейчас, в полной тишине.

– Поменяем лутц на флип, – наконец говорит Григорьев.

Виктория кивает головой.

– В короткой упростим заходы, – высказывает свое предложение Илья.

Получает еще один кивок от главной в их команде.

– И вращения надо будет посмотреть. Что она сможет, – наконец открывает рот и Вика, – Хорошо. Будем вводить ее в упрощенном варианте. Частями. А сняться... Сняться можно даже прилетев в Красноярск.

Еще четверть круга втроем, после чего Михаил Александрович тормозит возле Насти и отправляет напрыгивать четверной флип, следя за точками отталкивания. Когда его еще можно будет вставить в программу? Но не прыгать, ответ очевиден – никогда. Так что пока это прыжок в падение. Как любой опыт в жизни – не набил синяков, не получил результат.

– И, Ландау, меняя программу, проконтролируй, чтоб она на ровном месте не падала. Стыда Яночкиной произвольной нам вполне достаточно для ощутимого позора!

Этот пролет мимо лутца она ему планирует припоминать время от времени. Так глупо у нее фигуристы не падали уже... никогда они так по-идиотски у нее не падали, как на этом прокате в середине сезона.

Кажется, в момент, когда девушка приземлилась на пятую точку, Виктория изобрела новую нецензурную конструкцию. Впрочем, приобретенная с годами сдержанность позволила сохранить от почтенной публики в тайне, каков уровень владения бранью у старшего тренера “Сапфириного”, а вот эмоциональная жестикуляция и убийственный взгляд по адресу хореографа и упрямой фигуристки сохранится в веках и кадрах.

Сейчас, когда над катком висит напряжение, создаваемое коротким дыханием Максимовой и ее бледным лицом и синими губами, вспоминать эту глупость последнего этапа – облегчение и антистресс для всех, даже виновников.

Вот и Илья, который третий день не улыбается. Почти не говорит. Не отходит от Маши на тренировках. И он на мгновение выдыхает и усмехается.

По товарищам Виктория всегда лучше видит остроту ситуаций, чем ощущает по собственному уровню страха или напряжения. Так она видела, когда Миша начал напрягаться на Алькины перепады веса и потерю крутки в прыжке. Так сейчас видит метания Ландау. А вот, когда Мила с переломом приходила и падала, падала, падала, Вика почти не понимала, что что-то не так. Все видела, но почему-то в голове было полное убеждение, что это временно и вот сейчас, совсем немного пройдет, и Милка станет той самой, которой была все годы до этого. Как-то почти само собой произойдет. Надо просто еще раз попробовать. Так она и пропускала назревшие до взрыва и оголенных нервов вопросы.

Леонова что-то рассматривала на льду между лезвиями Григорьева. Вполне по-деловому обсуждала с Мишей собственные отталкивания. И снова Виктория не очень пони-

мала, тут все нормально или она опять что-то упускает, не чувствует.

– Леонова хочет “Жестокий романс” в шоу катать,– вдруг сообщает она Илье.

– Да ну?– удивляется хореограф,– Интересный мазохизм.

Домбровская вскидывает взгляд на Ландау:

– Думаешь, стоит отказаться?

Илья лишь пожимает плечами:

– Зачем? Красивая программа. Пусть катается, если хочет. Я перережу музыку и упрошу контент под шоу. Обсудим после тренировки.

И он возвращается к минимально порозовевшей Маше, чтобы снова попробовать, сколько и что она может сделать.

Виктория начинает свой обычный объезд фигуристов, поправляя там и тут. Поглядывая то на Милку, продолжающую консультацию с Григорьевым, то на Машу, опекаемую Ильей.

Интересно, что б ей сказал дорогой психиатр, если бы она ему призналась, что временами видит в своих спортсменах лишь бомбы с часовым механизмом и ждет, какая же из них рванет и в каком углу катка. Наверное, заподозрил бы и у нее невроз. Вполне резонное подозрение. С другой стороны, если, прожив почти полвека, ты не нажил себе приличного невроза, то ты весьма скучно прожил эти годы:

– Зой, ну, конечно, ты падаешь, ты же почти половину оборота не доворачиваешь!

Как тут не нажить проблем по части Андрея Петровича, если даже в твою философию кто-то впрыгивает с кривого лутца?!

****

Ландау устало вытягивает ноги ей под стол. По лицу видно, что спит плохо. Хочется надеяться, что это нервы, а не горизонтальные страсти. Правильно было бы желать наоборот, но от одной мысли, что Илья решит зажить полной жизнью, внутри все ежилось.

В чем Вика уверена: этой самой жизнью Илья планирует жить не с Радой. К ней с той памятной загульной ночи он перестал ходить, и пьяным, и трезвым. Да так, что бедная де-

вушка в последнюю тренировку прямо посреди льда устроила допрос, куда он подевался и что происходит. Впрочем, красивые девушки в Москве Цагар не заканчиваются.

Я тут подумала, как мы можем “Романс” Милке перестроить по компонентам, говорит Виктория. Тычет пальчиком в файл на планшете и перекидывает его Илье. Ландау открывает полученный документ на мгновение замолкает, выглядит удивленным. Потом неопределенно хмыкает:

– Мне нравится подход. Только надо кое-что изменить.

Стилус бежит по экрану планшета, словно фигурист на льду. И документ возвращается Вике. И, уже принимая файл, женщина понимает, что это не то, что она хотела отправить.

Прежде всего, это картинка, а не документ... И тут до нее доходит, что же правил молодой человек. Ну, конечно, ее набросок к костюмам для его “рок-н-ролла”.

Кто там сегодня философствовал про полвека? А вам слабо краснеть как гимназистка, которую поймали за тайной перепиской с юношей? Домбровской точно не слабо.

Илюха оторвался от души! Художник он, прямо скажем,

не очень, но стремление проявить себя заслуживающее уважения. На партнера хореограф натянул косуху и джинсы вместо строгого костюма, а партнерше от души отсыпал светлой копны непослушных волос.

– Мне кажется, мы оба сильно не досыпаем,– пытается оправдать свою оплошность Виктория, а заодно проявить какую-никакую заботу.

– Ну, почему,– прячет улыбку Илья,– идея мне понравилась, но, согласись, Виктория Робертовна, что концепция “барышня и хулиган” всегда работает лучше.

– Да я не об эт...

Домбровская осекается, поняв, что над ней посмеиваются. И, молча, пересылает нужный файл.

А Илюша-то не так плохо себя чувствует, как выглядит, понимает Вика. Даже способен на иронию.

Мужчина погружается в переписанную программу, делает короткие пометки по ходу элементов.

Ну, смотри, Эр, я сделаю вот так,– он показывает ей планшет с пометками, поясняет, какой фрагмент, куда поставит.

Головы склоняются над описанием программы. И Виктория окончательно с тоской осознает, что ей совсем не хочется, чтоб Илья жил полной жизнью и обзавелся хорошенькой девушкой, которых так много ходит по Москве. И пусть она собака на сене. Все равно не хочется.

И если мир шатается сейчас, причиной – вы...

Каждый выезд на старт – это возможность узнать что-то неожиданное про особенности перевозок, особенно на родине, хотя за свою жизнь Вика убедилась, что багаж теряется, портится, рейсы отменяются и много еще всякого интересного происходит в любой стране мира. Все на что хотелось надеяться – новых сюрпризов росавиация им не доставит.

Их дружная суетливая банда погрузилась на рейс до Красноярска и сейчас Домбровская из заднего ряда наблюдала, как ее ребята создают веселую суету в салоне самым фактом присутствия в салоне. Кому-то с ними всеми нескучно придется лететь четыре часа. Илья с молодыми помощниками тренеров дополнительно помогал в создании суеты, при том что вроде взрослые пытались утихомирить шебутную компанию, но хихи, хаха, селфи и видео в Тик-Ток никак не способствовали тишине. Даже все еще болезненная Маша и та активно участвовала в чехарде и суматохе. Да так, что врач команды, которого было посадили наблюдать за спортсменкой, тихонько переполз на свободное место подальше.

Опекали они Машеньку настолько плотно, что примерно через неделю после судьбоносного решения не сниматься со старта в Красноярске, ребенок буквально взвыл от осады бдящими взрослыми. После тренировки она подъехала к Виктории и громким шепотом взмолилась:

– Виктория Робертовна, сделайте что-нибудь Ильей Сергеевичем?! Он меня провожает на все занятия, встречает, даже до папиной машины водит! Скажите ему, что я не упаду на ступеньках между первым и вторым этажом в обморок и вообще вполне твердо стою на ногах!

По правде, Домбровской было бы спокойнее, если бы Максимову и дальше встречали, провожали, следили внимательно за каждым вдохом и выдохом, но понять несчастную девушку она тоже могла, так что пришлось объясниться с Ильей и попросить умерить пыл.

– Да не могу я! Не могу я так, как ты и Григорьев. Отпускаете ее со льда и идете по своим делам! Я каждый раз после любого ее занятия жду, что сейчас туда приду, а мне скажут, как ее утаскивали в медпункт или, что хуже, увозили на “скорой”.

– Ну, уж про “скорую” все мы узнаем не после занятий, а сразу, как только она появится у наших дверей, – рассуди-

тельно заметила Домбровская.

– Не в этом дело!– Ландау горячился,– Я же видел, как вы с Мишко бежали за Леоновой на носилках. И перед этим видел, что он чуть не плакал, когда она там на скамье стонала. А с Машей вам почему-то проще, а мне – нет!

Сомнений не оставалось из Ильи Сергеевич выросстал хороший тренер. Настоящий. По призванию.

– Ты прав, мы с Мишкой тоже бегаем за носилками, когда случается беда. И переживаем, конечно. И за Машу переживаем не меньше, и не легче нам. Но мы давно работаем. И видели многое. И дети у нас падали, болели, ломали себе что-то или сильно разбивались. Бывало. Это всегда страшно. Если происходит у тебя на глазах, то ты еще и виноватым будешь себя чувствовать. И всегда будешь помнить. Каждый перелом, каждую тяжелую болезнь, каждую. Но если ты, Илюша, будешь из любой болезни делать культ, как ты потом сможешь заставить их полностью выкладываться на тренировках, восстанавливаться и набирать форму через усилия?

– Может, не надо через такие усилия?– вдруг сказал Ландау, вспоминая белое лицо Максимовой на тренировках.

А дальше произошло неожиданное. Вика буквально схва-

тила его за грудки и крепко встряхнула.

– Надо, Ландау, надо! Первые, кто тебе не простят слабости и попустительства, будут именно те, кого ты пожалел! Тебя и только тебя они обвинят в своих грядущих поражениях. Тебе и только тебе будут предъявлять претензии, что ты бросил их ради более сильных, более здоровых, более перспективных!

Глаза женщины горели болезненным огнем. Может быть, впервые она кому-то говорила о пережитом и пережитом за эти годы:

– Тебе сейчас жалко ее, когда она задыхается здесь, на тренировке? Знаешь, как тебе ее будет жалко, когда она будет рыдать у тебя на плече, потому что единственный шанс на медаль всей жизни пролетит мимо нее?! Единственный шанс, к которому они идут с двух, трех, четырех лет! Что ты ей тогда расскажешь? Как жалел ее раньше?! Да плевать ей будет на это!

Откровение лилось, перебиваемое резкими вдохами, чтоб набрать новую порцию воздуха, руки все крепче держали полы его куртки. Каждый толчок стиснутыми пальцами в грудь чуть отодвигал их по скользкой поверхности катка, с которого они несколько минут назад отпустили детей. В конце

концов тренеру Домбровской было что порассказать о том, как не прощают спортсмены. У нее была Алька, Милка, а до них и кроме них были Антон, Саша, Никита, Алена, Марина и еще многие и многие, у кого не случилось самого важного старта или он прошел не так, как им мечталось. И их лица никогда не сливались в череду и не превращались в одно, потому что боль каждого от несбывшейся мечты оставалась уникальной.

Илья чувствовал, как раскручивается волна страстной ярости в тонкой женщине, держащей его за полы куртки и того и гляди закоротит контакты в плате эмоций. Злая на него, обиженная на несправедливость и обвинения, которые неизбежны при ее работе, испуганная очередными неопределенностями и трудностями, грядущих событий. Прекрасная во всей этой буре непростых эмоций. Она рассказывала ему в этот момент, наверное, больше, чем сказала про свои чувства за все время, пока он был с ней. И невозможно было оторваться или прервать ее. Хотелось слышать, видеть, чувствовать.

Вика не поняла в какой момент в ответ на торопливые, преребивчивые слова Илья обнял ее за талию и притянул к себе, то ли давая защиту, то ли предлагая еще больше разделить с ним. Но она отлично поняла и всем телом почувствовала его губы на своей скуле и, вместо того, чтобы отве-

сти голову, зачем-то повернулась по направлению этих знакомых губ и нашла свое утешение.

Утешение обволакивало, втягивало в себя, ласкало, предлагало и отдавало то, о чем положено было забыть и не желать. Утешение одобряло в ней слабость и женственность, желало ее нежности и требовало сострадания к себе и принятия себя. Утешение прощало ей все грехи и обязывало ее простить их себе. Утешение было абсолютным и оттого запретным.

– Я тебя услышал, Эр!– почти не отрываясь от ее губ прошептал Илья.

Поднял голову вверх. Мгновенно женщина почувствовала его напряжение, и почти сразу поняла его причину. От бортика раздался голос Янниса:

– Охренеть, каминг-аут!

“Дети наша радость! Мужчины наша слабость! Один раз расслабишься...”– было стыдно и при этом очень смешно.

– Ян, какого дьявола тебе понадобилось?– не выдержал Илья.

– Я хотел предложить убрать там из дорожки пару мест и переделать, а то мне неудобно и не нравится.

– А медали тебе удобно и нравится выигрывать, Илвис?– задала вопрос Домбровская.

Как смотреть после всего того, что он только что наблюдал, в глаза этому почти мужчине и оставаться его тренером – непонятно. Такого в практике Виктории Робертовны еще не было.

– А медали мне выигрывать удобно и нравится,– согласился Яннис,– Так чего, не поменяем, да?– безнадежно прозондировал почву еще раз молодой человек.

Виктория отрицательно покачала головой, продолжая смотреть куда-то мимо плеча фигуриста, потому что поднять глаза сил не было.

– Вообще, я, конечно, охренел, но я это, восхищен, ага. И я забуду то, что видел, Виктория Робертовна- сообщил Яннис.

– Только на это и надежда, Илвис,– с непонятной от смущения интонацией ответила Домбровская.

Как только парень ушел в раздевалку, тренер и хореограф переглянулись и одновременно с одинаковой интонацией произнесли:

– Блин!

Караулить каждый Машин шаг с того дня Ландау прекратил. А в их тренировках появилось что-то такое, чего раньше Виктория не замечала: упорное желание отодвинуть еще чуть-чуть доступный предел.

И это довольно быстро дало результат. Сегодня уже понятно, что при хорошем раскладе, даже произвольную Марья как-нибудь дотянет до конца, хотя и с потерями. С этим можно выходить на старт. И именно с этим они летели в Красноярск, создавая на весь салон кутерьму и суету.

Взгляни на колос, чтоб не сомневаться; по семени распознается злак

Кто говорит, что нет акклиматизации внутри страны, тот врун и зараза. Сухой и холодный Красноярск их убивает. Убивает надежду на лучшее. Убивает надежду на то, что Маша справится. Они хором начинают ненавидеть этот отвратительный морозный город. Хотя, возможно, нужно ненавидеть московские зимы, которые с каждым годом становятся все менее русскими и все более европейскими, сыроватыми, чаще с дождиками, чем настоящим снегом. Воздух влагло повисает над городом. И ничем это не похоже, на сухой холод в центре Сибири, куда их сослала федерация соревноваться в этот раз. Хочется ненавидеть еще и федерацию. Менее адекватно команда Домбровской еще не проживала свои дни, хотя чего только сама Вика не переживала за жизнь о спортсменками. Например дикую ненависть к федерации, требовавшей все новых и новых доказательств состоятельности Альки перед ее олимпиадой. Презрение к вкрадчивым вопросам начальников о здоровье Милки, перед их с Радой олимпиадой. Жестокие указания после. И каждый раз, понимая, что ни к чему эти эмоции не ведут, продолжала их

проживать внутри.

Первый день прошел без радостей, но и без приключений. Второй тоже вполне рабоче, а вот на тренировку третьего дня ехали уже как в ад. Какие там полноценные прокаты? О чем вы! Белое лицо, синие губы и то и дело накатывающая слабость, купируемая только нашатырным спиртом под нос. День проката ждали так, как обреченные ждут дня казни.

Умом все трое понимают, что ненавидеть город совершенно не за что, но душа требует хоть какого-то выплеска тревоги и огорчения. Столько стремления, столько труда. И все ради пустоты.

Маша падает даже с тройных прыжков. Маша не держит вращения. Маша того и гляди умрет на дорожке, начиная спотыкаться на первой трети. Маша можно только снимать с чемпионата. И тут тихая Маша в очередной раз говорит свое негромкое, но непреклонное – ”нет”. Они, кажется, начинают привыкать к этому жуткому ”нет”. Хочется переломить через колено сопротивляющуюся волю девочки. Это было бы и разумно, и благородно, и, что главное, правильно.

Но, внезапно, Виктория не спорит с Машей. Лишь тихонько кивает и говорит:

– ”Нет”, значит – нет.

Они продолжают мучение, которое почему-то называют тренировкой. До черноты перед глазами, до тошнотворного запаха нашатырного спирта, который поселился в носу у всех, до тяжело заваливающегося на бортик тела Максимовой. Так нельзя. Так нельзя со спортсменом. Так спортсмену нельзя с самим собой. Но они продолжают. Вика чувствует, что в глазах темнеет уже у нее, глядя на экзекуцию устраиваемую спортсменкой над собой.

– Ты не боишься, что она у нас умрет после этой короткой?– шепчет Илья в ухо Домбровской.

Вика усмехается:

– Я боюсь, что она умрет до того, как закончит. Если это произойдет, она себе никогда не простит.

– А если не произойдет?– интересуется Ландау, подразумевая, что произвольную в таком состоянии выкатать все равно нереально.

Виктория поворачивает голову и тихо говорит:

– А если не произойдет, то вечером, после всех мучений

проката, мы с тобой поедem продавать душу дьяволу. Точнее я поеду продавать, а ты будешь следить, чтобы продана была только душа и только один раз.

Ответ непонятный, но уточнений и пояснений, похоже, не будет.

****

Вечер и впрямь мудренее утра. Маша серо-белая, но стоит на ногах, дышит нашатырным спиртом. Его запахом теперь пропитался весь штаб. Почти не падает с ног после разминки. Виктория черная. Черные брюки, черная мешковатая кофта под черным всегда элегантным пальто. И ледяное лицо, на котором темные, морозные в черноту, от усталости как дно океана, в котором нет ни капли солнечного света, глаза.

Не бывает простых прокатов. Ерунда все это. Даже на тренировках каждый прогон, а у Домбровской в среднем полноценных прокатов в неделю почти вдвое больше, чем у других тренеров, так вот даже обычный тренировочный прогон – стресс для спортсменов и стресс для тренеров. Т видишь программу целиком. Она тебе всегда не нравится. Не потому что сама по себе плоха, хотя и это временами бросается в глаза, а потому что всегда неидеальна. идеала не бывает в

принципе, бывает хорошо и очень хорошо, а идеал – недосягаем. Обычно даже “хорошо” наступает к середине сезона. Все, что до этого – приемлемо.

И еще в каждом большом прогоне сидит страж травмы. Он, конечно, возможен и в другое время, на любом элементе, в любой момент, но наступает холодным огнем, когда смотришь, как спортсмен пытается вписаться в музыку, из неудобных положений, в неудобные моменты, и нет возможности остановиться, попробовать еще раз, отказаться. На боевом прокате ведь этой возможности тоже не будет. Надо учиться. Надо рисковать на тренировках. И потом рисковать при прокате. Больше никак.

И так они входят на вои битвы и надеются на опыт, везение, бога и спортивных богов, которые будут благосклонны и в этот раз. Пусть и сегодня повезет. Сегодня нужнее, чем обычно.

В короткой нет четверных. И впервые это хорошо. У Маши нет акселя в 3,5. И это тоже хорошо впервые. Квадистка с программой без ультра-си – это сейчас гарантия того, что совсем ужасно не будет. Пусть не гарантия, но хотя бы надежда.

Перед первыми тактами музыки Маша дышит. С началом

мелодии – дышит, ожидая миг первого движения. Пытается найти мышцам хоть сколько-то кислорода. Виктория стоит монолитом у бортика, и вокруг нее вибрирует энергия такой силы, что раскидывает мужчин в стороны. Они оба ей сейчас мешают. Мешают держать эту девочку своим взглядом. Неотрывным. Гипнотическим. Осязаемым физически.

Каждый раз ее спортсмены цепляются за глаза тренера, когда что-то идет не так, в надежде поймать силу, веру, стойкость. Сегодня все это нужно резонанснее, больше, сильнее, чем обычно, потому что грядет беда и боль, трагедия так близко, что ближе не бывает.

Синеющие губы заметны уже перед первым прыжком, когда впереди почти вся программа. Что держит спортсменку надо льдом и дает силы набирать скорость, вращаться, прыгать, известно одному богу, Маше и женщине за бортиком, не отрывающей взгляда от девушки на льду.

Во время короткой ласточки янтарные глаза зацепляются за зеленые и питаются, питаются, питаются энергией непроницаемой женщины в черном. Воздуха нет совсем, легкие работают вхолостую, когда начинается вращение. Тело мучительно устало, Тело неуправляемо. Все, что остается – это характер. Именно он заставляет руки, которых не чувствуешь, найти конек и зацепиться в кольцо, а потом мучительно

тянуть себя вверх.

Где-то за спиной Виктории стонет при виде умирающего и нечеловеческими силами спасенного вращения Ландау, нервно топчется Григорьев. Силы отданы туда, на лед. Домбровская совершенно не замечает того, что происходит вокруг и, попытайся кто-то отвлечь ее от спортсменки на льду, пожалуй, может убить. Она видит только, как смерть элемента перерождается в жизнь и рост.

Максимова заканчивает финальную дорожку. Виктория ослабляет внимание и почти тут же чувствует, как с двух сторон приближается поддержка. На последнем аккорде она откидывается спиной на плечо Ильи, и от глаз проступает возраст, который только обостряет слишком контрастный макияж. Холодная маска на лице скрывает большую часть чувств, оставляя одни глаза. Глаза древней мудрой старухи, которым сотни лет.

Маша едва перебирает ногами. Какое счастье, что лед скользкий. Обычно они упоминают это качество их рабочей поверхности лишь в отрицательном смысле, как создающую неприятности непредсказуемость, но сейчас скользкая гладь – подарок. Маша доберется сама до бортика. И, едва дойдя до калитки, падает на грудь Домбровской. Последний шаг со льда они делают вместе. Неразрывные, как всю эту ужас-

ную длинную короткую программу. Фигуристка все время коротко вдыхает-вдыхает-вдыхает из своего тренера такой необходимый воздух и силу. Тренер, держа плотно девушку, грудью в грудь, длинно выдыхает свою силу, чтобы дать ей дойти несколько метров до места ожидания оценок. Никто не знает, есть ли у Вики эта сила, но, даже если нет, она ее отдаст девушке, дышащей судорожно в ее ребра.

Конечно, Домбровская сделает формальную часть своей работы: задаст вопрос о снятии с произвольной. Ну, теперь-то Маша обязана понять, что она ее не докатает до конца. Маша, может, и понимает. Но непреклонное "нет" останется все тем же. А это значит, нужно уложить ребенка отдыхать и ехать за его мечтой, чего бы та мечта ни стоила им всем в конце концов.

Они выходят в вечерний мороз Красноярска. Город переливается снежными искрами под светом фонарей, пока команда бредет к шаттлу, увозящему спортсменов и тренеров в гостиницу. Маша похожа на себя саму. Отдаленно. Но она хотя бы дышит. Никогда никто из взрослых уже не забудет лицо девушки, которой не хватало вдоха. И никто из них не хочет повторения этого, а оно неизбежно.

Илья молчалив. Миша неожиданно говорлив. Вика задумчива. И только спортсмен веселы, даже те, кто видел умира-

ние Маши на льду. Хорошо быть незрелым, недопонимать, верить в собственный героизм и всемогущество как во что-то простое и реализуемое. Любой из этой братии с коньками наперевес готов идти по Машиному пути, если придется. Смогут не все, но никто, даже тренер, не скажет, кто сможет, а кто – нет. Домбровская, по крайней мере, не стала бы делать ставки ни на кого, даже на Машу вторично. Свой предел преодолений есть и у Максимовой.

Мы были там, где, выйдя в новый круг, кончалась лестница...

То, что делает Ландау – вообще-то, банальное подглядывание и ничем не мотивированное любопытство, но он все равно наблюдает, не отрываясь. И даже подходит чуть ближе к низкому креслу в холле, где ждет Викторию. В кресле сидит Мила. У нее в руках большой планшет. На планшете запись ее собственного показательного номера, сделанная на сегодняшней тренировке для приглашенных гостей чемпионата. Музыку Илья не слышит, но он и так знает, под какую песню будет кататься Леонова. Отдельные связки он успел посмотреть на тренировках, а вот целиком программу только сейчас на планшете.

Удивительно сильный и нежный номер, построенный весь на плавных скольжениях и сходный с полетом большой сильной птицы. Такую программу могла придумать только Вика, стиль виден в каждом движении. Но так, как ее исполняет Мила, пожалуй, вряд ли кто-то еще мог бы. Чисто и точно, не разрушая замысла создателя ни в одном жесте. У них хорошие спортсмены. В каждом есть стиль и свой взгляд на фигурное катание, но Леонова на сто процентов творение Дом-

бровской, напитанная ею как губка.

Илья, конечно, видит в программе больше, чем обыватель, от этого у него щемит сердце красотой постановки и исполнения, но даже он не понимает до конца всей глубины того, что создается на льду. И это тоже тревожит, но совсем иначе, так беспокоит мысль, что есть в чувствах дорогого тебе человека места, куда даже ты не попадешь никогда. А Мила туда попадает, там обитает, этим и в этом живет. Есть что-то, в чем Леонова навсегда ближе его Эр. И это не изменить. Слишком долго они были вместе, слишком многим пересеклись и переопылились, слишком многое знают друг о друге, даже не произнося вслух это знание никогда не оформляя его в мысли. Долгое слияние учителя и ученика, изменение друг о друга и друг другом.

– А вам, Илья Сергеевич, никто не говорил, что подглядывать нехорошо?– вдруг раздается снизу голос фигуристки. Ландау и не заметил, что подошел почти вплотную, настолько увлекся ее катанием.

Наверное, в другое время Илья бы смутился этими словами, но сейчас он слишком раздерган состоянием Максимовой, слишком многое пережил во время короткой программы, видя, как неумолимой опорой стояла Виктория и тонко настроенным приемником на нее жила на льду Маша. Сей-

час, когда он смотрит в планшете на плавное широкое скольжение Милы, хореограф просто не может скрывать то, чего он совершенно не мог понять в постолимпийском разладе этих двоих..

– Вы ведь по-настоящему близкие люди. Такое чувствование у кровных родственников и то не найдешь. Я видел вас четыре года до, я вижу вас сейчас. И это всегда было больше, чем тренер и спортсмен. Ведь ты же ее даже любила, я не знаю, и любишь, наверное! Как же ты могла поступить с ней так жестоко и безразлично? Неужели это “золото” олимпиады стоило того, чтобы ее настолько больно и долго наказывать?

У Милы есть, что ответить этому лезущему не в свое дело и не в свои отношения человеку. По крайней мере сейчас и для него – точно есть. Но прямо по направлению к ним идет Виктория Робертовна, а значит ответ имеет смысл отложить на будущее. Она лишь бросает злой взгляд по адресу хореографа и снова углубляется в очередной просмотр программы.

Вика почти невесомо потрепала Милку по макушке, заглянула в планшет и заметила:

– О! Отсняли. Сейчас посмотрим вместе, – тут же оберну-

лась к Илье и протянула ключи от каршерингового авто,— Я поставила на прогрев. У нас минут пять-семь.

— Я за водителя?— удивился Ландау,— Почему?

— Виктория Робертовна плутает в незнакомых местах,— улыбнулась Мила.

У ее тренера был тот самый чисто женский пространственный кретинизм, который полностью не искоренялся никакими навигаторами. Обычно это ровно ничему не мешало, но если приходилось пускаться в путешествия по новым местам, Домбровская нервничала и предпочитала сама не садиться за руль. Эта особенность никогда и нигде не озвучивалась, но за десяток с лишком лет чего только не узнаешь о человеке.

Втроем они снова углубились в просмотр “Нежности”. Мила отдала один наушник Виктории, но та тут же передала его Ландау. Ей нужен был сторонний взгляд. А сама она и без того отлично помнила все акценты по мелодии.

Указания на технические огрехи, проводимые из-за спины Леоновой сменялись короткими профессиональными консультациями у нее над головой. Практически все время Вика либо склонялась через спинку кресла почти вплотную

приближая свое лицо к лицу девушки, разглядывая детали, либо придерживала ее ладонью за плечо, пока разговаривала с Ильей.

В чем Ландау был прав, так в том, что они с Викторией Робертовной и впрямь близкие люди. Что тренер не знала про нее? Да практически все знала. Тренер вообще знает очень много о своих спортсменах: от размера одежды и обуви, включая, простите трусы и бюстгалтеры до всех болячек и цикла месячных. И, конечно, кто и что ест, пьет, какие фильмы смотрит, о чем мечтает и даже, успел ли влюбиться. Рано или поздно тренер узнает обо всем. И чаще всего в этих знаниях нет ничего, кроме утилитарной необходимости полноценно работать со спортсменом.

Что знала Мила о своей любимой Вике? Знала размер обуви. Это нетрудно. И что каблук не носит, комплексует из-за роста – знала. Теперь могла прикинуть размер одежды, когда надевала ее пальто, утопая в нем. Знала, что между белым и красным вином Домбровская предпочитает красное. Знала, что любит романтические комедии с такой же как она сама солнечной и Мег Райан.

Чего Леонова никогда не знала – как ее тренер плачет или пугается. Вообще, чего боится эта хрупкая и сильная женщина? От чего она страдает? Что ее ранит? Эти вопросы нико-

гда не возникали. Ведь это Виктория Робертовна. Всегда собранная, сильная, разумная, бесстрашная и прекрасная. Она просто не бывает другой.

Рассказывая о замечательной атмосфере внутри американской команды, разве думала Мила, что это может смертельно ранить жестокую и красивую Домбровскую, которая так безразлично и честно поменяла ее любовь на перспективы Рады? Нет, Милка просто показывала обиженно язык и демонстрировала, что ее жизнь удалась на сто процентов. Когда не отвечала на звонки тренера, считала ли она, что Виктория Робертовна будет переживать или волноваться? Нет, конечно. Она просто избегала неприятных и болезненных соприкосновений с той, кто все время напоминал ей о поражении и потерянной мечте. И в ней не было желания ударить побольнее словами, молчанием, напускным безразличием, а была детская обида и боль уверенности, что никто ее соболезнований и не ждет. Может быть, Ландау, каким бы неправым он ни был, в чем-то был все-таки безусловно прав.

Над планшетом вместо пяти минут они провели не меньше 15, когда Домбровская поняла, что того и гляди увязнет окончательно в любимых разборах, а ждать ее часами там, куда они поедут, точно не будут. И прервав обсуждение, заторопилась на выход.

А шапка?— удивился Илья, глядя на тотал блэк, который остался неизменным с показа короткой программы.

Шапки у Вики не было. Она хотела отмахнуться, но хореограф лишь вздохнул и извлек из кармана куртки тонкую вязаную шапочку-унисекс. Домбровская удивленно повертела это изделие, которое вообще никак не гармонировало с ее стилем. Но в ответ на ее колебания Илья сразу сказал:

— Даже не вздумай! Это тебе не Москва! Отморозишь уши и не заметишь!

— А ты тогда как же без шапки?— попыталась возразить женщина.

Хореограф еще раз вздохнул, вмещая в свой вздох всю печаль еврейского народа, и вынул из второго кармана куртки еще одну такую же невнятную вязаную шапочку. И тут стало ясно, что от жуткого изделия не отвертеться. Одним движением Вика натянула сверху на аккуратный пучок то безобразие, которое ей подsunул Илья. Ландау демонстративно натянул свою шапку и они двинулись к выходу.

Мила с любопытством смотрела на этот тандем, в котором ее тренер, надевшая безропотно дурацкую шапочку, стала вдруг настолько другой, что почти незнакомой женщиной,

а давно знакомый хореограф вдруг оказался удивительно эффективным переговорщиком, и думала о том, что ей никогда не пришло бы в голову захватить для Виктории Робертовны вторую шапку. Она даже не поинтересовалась, как женщина добралась без пальто до “Сапфирового” в тот памятный день. Пожалуй, стоило призадуматься над вопросами Ландау.

****

– Так куда мы все-таки едем, Эр?– поинтересовался Илья, проложив на навигаторе маршрут до адреса, который назвала Виктория.

– К Гудвину, который даст нам силы для Маши,– ответила ничуть не более понятно Вика.

– Есть какие-то возможности ее восстановить до разумных кондиций?– удивился мужчина.

– Попробуем добыть волшебное зелье,– так и не вышла из сказочных ассоциаций Домбровская.

– А просто заказать его в гостиницу было нельзя?– Ландау мягко повернул в очередной спуск, углубляясь от центра города.

– Ага, у них служба доставки не работает,– неопределенно хмыкнула блондинка.

Они все глубже въезжали в какие-то промышленные районы города, удаляясь от цивилизации и центра одновременно.

– Ты бы как-то поподробнее меня просветила, а, Эр?– не выдержал наконец хореограф.

– Илюш, ты знаешь, чем мы с тобой занимаемся?– вдруг задала совсем странный вопрос Вика.

– В смысле вообще или сейчас, или о чем ты?– не смог вникнуть Ландау в вопрос.

– В смысле, приходя каждый день на работу, вывозя детей на старты и все остальное,– пояснила женщина.

Видимо, меньше всего Илья ожидал настолько странного захода в тему, которую просил пояснить. Вика не собиралась экзаменовать своего ситуативного водителя, поэтому продолжила, не дожидаясь ответа:

– Так вот, Илья Сергеевич, пока мы с вами честно де-

лаем свою ежедневную работу, кто-то кое-где у нас порой рассматривает результат нашего труда в качестве разменной карты и оружия пропаганды в больших политических играх. Это понятно?

Понять это было нетрудно. Зачем иначе государству вкладываться в спорт высших достижений, если ничего с него не иметь.

– А там, Илюша, где идут игры такого уровня, всегда есть то, чего нет. И сейчас мы едем с тобой туда, незнамо куда, и будем просить то, незнамо – что, о чем пока никто не знает.

– То есть мы о допинге?– скосил глаза на начальницу хореограф.

Вика весело рассмеялась:

– А вот это в больших играх самое смешное: допинг, господин Ландау, да будет вам известно – то, что названо допингом и висит в списке запрещенных препаратов. Так что допинг – это мельдоний. А то, за чем мы едем, не допинг.

Домбровская умела взрывать системы изнутри и понимала всю иронию того, с чем имела дело. Безобидный милдронат, который поможет сердцу восстановиться после сверхна-

грузок и поддержать метаболизм, она не может дать своим спортсменам, а вот то, за чем они сейчас едут в промзоне Красноярска, можно употреблять до того момента, пока не будет найден способ отлавливать все это в организме тех же спортсменов.

Однажды, конечно, то, что сегодня они введут Максимовой, будет обнаруживаться, получит свой код в списке запрещения и навсегда останется в результатах пробы Б, если ее кто-нибудь решит вскрыть и проверить, что там с допингом у прекрасной чемпионки Максимовой, задним числом. Но пока можно все. Лишь бы Маша дышала.

Автомобиль затормозил у очередного серого здания без видимых опознавательных табличек. Суда по маячащему на крыльце в полумраке и свете фонаря человеку, их уже ждали.

Блондинка снова натянула дурацкую шапку, перекинула через плечо сумку и направилась в сторону ожидающего человека.

И мне глядел в глаза, чтобы узнать, вполне ли я постиг его уроки

Уже полчаса Илья ждет, глядит на закрывшуюся за Викторией и незнакомцем дверь, над которой тут же погас свет, и ждет. Арендная “Тойота” самого неприметного вида ворчит работающим мотором.

Он вспоминает, как в самом начале, когда на него никто не обращал внимания, а сам он крутился среди спортсменов Виктории, поправляя технику скольжения и больше приглядываясь к “старожилам”, чем делая что-то полезное, он увидел, как во время одного из объяснений Домбровская сильным и резким движением встала в позицию и замерла. Тогда он восхитился совершенно балетной законченностью движения в этом коротком действии. Кто б мог подумать, что через 7 лет он будет сидеть в чужой машине в чужом городе и ждать эту слишком нечужую уже балетную женщину, боясь, как бы чего не произошло.

Над крыльцом наконец-то снова загорелся свет и в дверном проеме появился знакомый тонкий силуэт в сопровождении уже другого мужчины. Пока Вика шла к автомобилю

ее провожатый что-то активно ей объяснял, жестикулировал и даже пару раз стукнул по листам в руках, видимо, доказывая свою правоту. И, кажется, Домбровская подустала от провожатого.

Чуть опустив стекло автомобиля, Ландау услышал в сухом морозном воздухе знакомый голос с интонациями легкого нетерпения:

– Я вас прекрасно поняла. Мы, конечно, перепроверим и учтем ваши замечания, но я вполне доверяю своему врачу. Если он принял такие результаты анализов, стало быть у него не вызвал вопросов окситоцин крови.

– Да поймите вы, -мужчина горячился,– если результат верен, то даже наш препарат не даст многого. Собственно, это чуть лучше, чем мертвому припарка!

– Я учла и не имею претензий. Вы все сказали, я приняла к сведению!– видимо, эту фразу Виктория говорила уже не в первый раз.

Она забрала результаты анализов из рук провожающего, перехватила поудобнее пакет с логотипом какой-то торговой сети и погрузилась в автомобиль.

– Все, Илюш, поехали. Нам это все,– она приподняла пакет,– еще капать всю ночь ребенку. Кстати, ты капельницы ставить умеешь?– вдруг спросила женщина.

Илья отрицательно мотнул головой.

– Ясно, значит придется не спать на пару. Я все-таки немного надеялась на чудо и эксплуатацию твоего молодого организма. В таком случае я колю, ты следишь, чтобы я не спала,– вздыхает Вика.

– Ну, поставь и иди спать,– предложил Илья.

– Не выйдет, там замороженная схема, придется каждые пару часов менять препараты и подкалывать что-то там еще дополнительное. Смысла ходить уходить спать нет. Все равно не засну в промежутках, только одурею.

– Поспишь у Максимовой,– пожал плечами мужчина.

– Ну да, не хватает, чтобы при ее состоянии она еще вздергивалась от моих кошмаров,– ворчливо из-за собственных несовершенств отвечает блондинка.

Как же легко вылетело из головы то, что больше года было частью его жизни – оберегать ее от ночных призраков, тер-

зающих душу. Он давно не присматривался к Вике, хотя бы потому, что в этом безумном сезоне все они не выглядели бодрыми и цветущими. А после болезни Домбровская все время была уставшей и бледной, что списывалось на последствия тяжелой простуды. Выходит – не только простуда, еще и ночные кошмары.

– Часто снится?– сочувственно спросил Илья.

Женщина лишь пожала плечами. Какая в сущности разница, когда поделаться с этими снами ничего нельзя?

Еще пара поворотов в молчании. И Илья нова пытается завести разговор о том, что его заботит:

– Почему ты говорила про продажу души, Эр?

Блондинка кривовато улыбается:

– Потому что, как только мы начнем капать это, мы на крючке. Я в первую очередь, но, вообще-то, все мы. Остается только ждать, когда за услугу начнут просить. И надеяться, что просить будут не очень много.

– Не понимаю,– вполне искренне произнес Илья.

– Ты скандал двухтысячных помнишь?– внезапно спрашивает Домбровская.

Ландау не то чтобы не помнил, как все фигуристы он застал и сам скандал и прочувствовал на собственной шкуре все изменения, которые он повлек. В сущности, их вид спорта изменился невозвратно после долгих конвульсий давней американской олимпиады. Стал иллюзорно менее субъективным, но при этом нисколько не отменил возможные договоренности и платежи. И все же, он тогда был еще слишком мал, чтобы постигать тонкости. В такие минуты становится очевидным, что Ландау младше на целую жизнь, потому что сама Виктория живо помнит все, что происходило в ее любимом фигурном катании на той странной олимпиаде. И сейчас, с опытом работы, ее интересует только одно – как в парах удалось так дешево отделаться. Тренер “золотых” парников явно знала секрет удачных торгов на высшем уровне. Разделили тихо, мирно, без шума и пыли. Все остались при своих, а спортсмены даже чуть-чуть выиграли. Тогда это выглядело, как проигрыш федерации фигурного катания России, сейчас, с опытом работы и более тонким знанием того, как функционирует механизм, понятно, что на этом уровне никто ничего вообще не решала по сути. Решали люди далекие от спорта. И Домбровской очень нужен был ключ к переговорам с этими далекими от спорта людьми, который бы давал результаты похожие на те, что выторговала тренер сво-

им парникам. У танцоров явно таких входов к власти имущим не было, поэтому их сторговали недорого во имя государственных интересов.

– В общем, Илюш, тот шум, гам и переворот – это расплата для тех и теми, кто должен был заплатить. С теми, кто платить отказывается, бывает интереснее, но короче. В лучшем случае будет найден частный случай”, но у меня нет за спиной такой политической и финансовой поддержки. Так что, если мы платить откажемся, то нас ждет судьба какой-нибудь легкой атлетики.

Про допинг легкоатлетов знал даже совершенно безразличный к любому спорту, кроме футбола и фигурного катания, Ландау. Уж больно громко в спортивном мире все в итоге загремело, начавшись зримо с легкого щелчка по носу раз да второй. И тот факт, что на чемпионаты Мира, Европы и олимпиады фигуристы теперь ездят без гимна и флага тоже пошел с тех скандалов, в одном из которых под колени подбили целую федерацию.

– Эр, но ведь там был допинг на самом деле, – задумчиво произнес Илья.

– Ну, конечно, был. И у легкоатлетов, и у лыжников, и у биатлонистов, и много у кого еще он был. И ловят их то и

дело. Только вот так никого раньше не уничтожали. Это был пример по принципу “бей своих, чтобы другие боялись”. Я боюсь, Илюшенька. Очень. Я этим детям, которые приходят ко мне, обещаю, что они будут побеждать, получают свои медали, свои успехи, свою славу и деньги в конце концов, если правильно приложат усилия. И подставить их под удар мы не можем себе позволить, так что в любой непонятной ситуации придется сотрудничать, чтобы медали Али, Рады, Милки и всех будущих навсегда были чистыми.

– Можно не пользоваться этим, – мужчина кивает на пакет на коленях у блондинки.

– Можно, но тогда мы отправляем завтра девочку умирать за пустоту или ломаем ее через колено, лишая чемпионата Мира. И как это дальше скажется на конкретной судьбе – неизвестно, – Виктория смотрит в ночь, – Молот и наковальня. Два зла, из которых мне нужно выбрать. С прогнозированием будущего у меня не очень хорошо, а провиденье – и вовсе не мое. Я выбираю сейчас, здесь и Машу. А дальше будет видно.

Остаток пути проходит в полном молчании.

****

Кап-кап-кап... За тонкой стенкой в вену Маши тихо втекает вещество, которое помогает восстановить мышцы замученные кислородным голоданием, насытить кровь эритроцитами, чтобы помочь максимально эффективно отлавливать молекулы кислорода и доставлять их туда, куда завтра запросит тело во время произвольной. Кап-кап-кап. Минута за минутой.

Спортсменка дремлет на большой тренерской кровати в спальне. Вика и Илья сидят в креслах комнатки, называемой на сайте гостиницы "зал".

По здравом размышлении стало понятно, что в комнате, которую Максимова делит с Яночкой, никаких ночных капельниц быть не может, так Маша переехала на одну ночь в номер старшего тренера.

И вот они сидят через стенку от кемарящей Максимовой, в кисть которой Домбровская ловким движением воткнула иглу, найдя тонкую вену. За пол года лечения мамы Вика с педантизмом отличницы освоила все способы ставить капельницы, потому что вены от постоянных инъекций у бедной женщины уходили и удобные места приходилось менять на доступные. Машины вены на предплечьях после лечения инфекции тоже не радовали, так что выбор пал на запястье. Да и вероятность, что ребенок сможет заснуть с такой ка-

пельницей была выше.

А двум взрослым оставалось только бодрствовать, то подкалывая дополнительные препараты, то просто проверяя, все ли в порядке. А остальное время, устало сидели в глубоких креслах с низкими спинками и говорили о самом важном: о фигурном катании и работе.

Начав с ближайших стартов, они потихоньку углублялись во времени. И сейчас уже бродили районе первой Викиной олимпиады:

– Перед Алькиной олимпиадой они нас всех измордовали своими постоянно меняющимися правилами отбора на Игры.

Вика называла свою первую олимпиаду "Алина", вторую "Милкина и Радина". У ее олимпиад были имена девочек. Юные и полные надежд. Единственные. Уникальные имена.

– В общем, когда в очередной раз правила игры поменялись и отбор перенёсся на "по результатам Европы", я думала, что мы с Извицкой хором будем рыдать в истерике от этого безумия. До этого было – "по результатам отбора гран-при", потом по результатам чемпионата России, а дальше по результатам Европы. Оставалось только после Европы ждать

– по решению федерации, честное слово! До сих пор не понимаю, чего они ждали и зачем ее так терзали! Никого более достойного на ее место ведь все равно не было!– вика устало взмахивает рукой, так и не найдя оправдания чиновникам.– Ну, приехали на Европу, а ее лихорадит. Там ни то что прыжков, там на беговых какой-то ужас был.

Женщина прикрывает глаза. Видны острые скулы, темные тени усталости вокруг глаз. Лучики первых морщинок, которые при хорошем отдыхе и покое почти полностью разглаживаются, а сейчас протупили кракелюрами времени на холсте светлой кожи.

– И вот время на короткую ехать, а я сижу в номере, на кровати. У них ещё такие покрывала были, словно море по цвету. Смотрю я на это покрывало и думаю: "Накроюсь с головой и никуда не пойду. Я в домике!"

Илья устало тихо смеётся:

– Но пошла же!

– Пошла. Но это было так страшно – встать с этой уютной кровати и пойти смотреть, как мы будем позориться, валяясь на льду.

– И не опозорились,– закончил Ландау.

– С Алей я никогда не понимала, зачем она так борется, но до Олимпиады эта девочка, как робот, включалась на ответственные старты, что бы ни происходило с ней до этого. Потрясающий характер! Удивительно, что она никогда не любила фигурное катание настолько... настолько,– Виктория искала эквивалент.

Ассоциация терялась в усталой голове, поэтому женщина поднялась и пошла проверить, что там в соседней комнате у Маши. Вернувшись, она продолжила рассказ с места, где остановилась:

– Она никогда не любила фигурное катание настолько, насколько Максимова. Или Милка. И даже Рада больше любит фигурное катание, чем Аля.

– А Аля что любила?

Мужчина задает вопрос не столько, чтобы знать ответы, хотя наблюдать за тем, как Вика выстраивает образы своих учениц, облекая в слова то, что успела прочувствовать и понять про них, сколько за тем, чтобы она говорила, продолжая бодрствовать.

– Аля? Свой Алтай, горы, собак... и держать данное слово. Это ее и сгубило в итоге, пожалуй. Слишком много внутренних обязательств.

Илья протягивает руку и забирает в ладонь холодные от усталости пальцы любимой женщины.

– У тебя тоже слишком много обязательств, Эр, – большой палец скользит по ее ладони.

Виктория негромко смеется:

– Мне проще. У меня это по любви, – и накрывает его пальцы, согревающие ее, второй рукой.

Волшебному раствору вливаться еще час. Потом у них двоих будет два-три часа на сон. Потом утренняя тренировка для всех, кроме Маши. Ей положен отсыпной. А потом они пойдут на произвольную, как пообещал ей тот нервный дяденька, трясший результатами анализов Максимовой, сделанных экспресс-тестом после короткой, “задохнуться на третьей минуте даже с нашим средством”. Перспектива радовала, чего уж там.

Огонь благой любви зажжет другую, блеснув хоть в виде робкого следа

Ландау не только спит сам, сколько оберегает женский сон и потому чувствует, как напрягается ее тело в первом всплеске морочного забвения, в которое они едва погрузились к рассвету.

Как всю ночь сидели рука в руке, так и ушли в его номер, освободив Максимову от иглы, через которую перекапала надежда на лучшее. Виктория бы, наверное, упала в кровать прямо в верхней одежде и ботинках, если бы Илья бережно не стянул с нее все лишнее и так же аккуратно не надел свою футболку на уже почти спящую.

Когда мужская голова коснулась подушки, а рука притянула уснувшую за мгновение женщину к себе, в этом не было ни страсти, ни желания, только потребность не дать ей быть одной с тем, что может настичнуть в сумраке сна.

****

“Сапфировый” сыпался, словно матрица, превращался в ничто. И только небольшой пяточок льда еще был прочен. Маша замерла в ожидании начала произвольной. Первых звуков музыки, которых не будет. Тоненькая, словно тростинка в нежно-легком, скрывающая лицо за сплетенными пальцами рук. Маша, в которую сейчас полетят эти острые распадающиеся осколки ледяного мира, где вся жизнь – это жесты, позы, движение до момента замирания.

Вика смотрит на начальную позу своей спортсменки и ей кажется, что Маша тоже ждет боли. Все понимает, но продолжает мужественно стоять в начальной точке, не меняя намерения, не меняя своей жизни. Веря в то, что она обязательно выживет на этом осыпающемся льду, несущем в себе страх и даже саму смерть.

Первый осколок, самый болезненный, как точно знает со времен взрыва в Штатах Вика, влетает ей куда-то под ребра, наверное, рядом с сердцем. И дальше боль раскаленными каплями по всему телу, до крика. Маша стоит в центре льда, пока в безопасности, Виктория следит за ней из-за бортика под ливнем колючих осколков. Они так далеко друг от друга. Так страшно, что сейчас взорвется лед под ногами фигуристки и порежет нежную и прекрасную картинку. Но Маша стоит, мир вокруг нее не меняется. Он так же прочен и безопасен. Фигуристка ждет первого звука музыки.

И в этот момент ожидания и собственной боли Вика чувствует, как ее сжимают сильные руки, обхватывают, закрывают от летящих осколков. И боли становится вполовину меньше, потому что крепкое знакомое тело Ильи принимает на себя часть колючего града. А над катком начинает звучать та самая музыка, которую так ждала Максимова. Она ступает в пропасть... и пропасть закрывается, под ее коньками в паре сантиметров от начала лезвия ткется из воздуха ледовая дорожка. И для Виктории не остается ничего, кроме этого завораживающего скольжения к началу пустоты, что никак не начинается, покоя внутри ледовой арены и шквала осколков, под которыми теперь стоят они вдвоем за ледяным овалом. Пока Маша будет ехать, мир внутри будет прочен и безопасен. В этом Домбровская уверена. Остальное почти неважно. Она делает глубокий вдох... и просыпается.

****

Просыпается практически в Ландау, который сгреб ее, прижал к себе плотно-плотно, почти подмял под себя, спрятав от всего мира. В ее боли он оказался рядом, плетеный с ней, оберегающий, пусть столько наполовину, от горячих осколков льда.

В комнате вопят звонками сразу два телефона. От недо-

сыпа подташнивает и кружится голова. Мужчина и женщина расплетаются и каждый тянется к своей одежде, чтобы найти трубку. Вике звонит Григорьев. Илье – Катя. Спрашивают одно и то же: куда подевались и почему опаздывают.

Ландау вылетает на тренировку первым. Виктории нужно еще добраться до своего номера, хотя бы минимально привести себя в порядок, да и проверить, что с Машей все хорошо.

Маше хорошо. Точно лучше, чем самой Домбровской, которую нешуточно мутит после двух часов сна. Глаза красные, как у лабораторной белой крысы. Собственно в зеркале она себе именно это животное и напоминает. Бледное лицо, белая спутанная копна волос, дрожащие от усталости пальцы, которыми она пытается нанести ровные стрелки подводки глаз до середины верхнего и нижнего века.

И еще Виктория восхищается железной нервной системой Максимовой, девушка не проснулась за все то время, что тренер ходит по номеру, собирая себя на работу. Лишь после особенно неудачного хлопка дверцей шкафа из кровати донеслось неуважительное бормотание с требованием не шуметь и, кажется, даже чем-то похожим на ругательство. Блондинка беззвучно прыснула, надеясь, что Маша заспит те слова, которые сказала тренеру, не осознавая, кто ее тревожит.

****

После тренировки Домбровская вернулась в пустой и даже уже убранный номер. Хотелось упасть и уснуть на те два часа, что остались до выезда на арену и подготовки к старту произвольной. Такие разорванные сны, пожалуй, утомляют даже больше, чем бессонница, но после сорока стало совершенно невозможно не выспаться. Недосып, что в молодости оборачивался лишь лихорадочной деятельностью и ускоренным сердцебиением, сейчас становится отупением и мутными мыслями в киселе наматывающего сна.

Думать о чем-то и что-то уже решать было бессмысленно. Они или сделали все правильно, или – нет. Изменить что-либо теперь все равно не в их власти. Но одно дело нужно доделать.

Собрав последние силы, тренер спустилась на два этажа вниз и постучала в номер Яны и Маши.

Взгляд у Максимовой был совершенно обычный: прозрачный, спокойный, цвета застывших на коре дерева лучей солнца. Можно было не сомневаться, что в команде Домбровской сегодня это самый надежный элемент. Девочка, которая шла своим путем и не сомневалась в том, что он имен-

но ее и единственно верный.

– Как тебя дела, Маш?– поинтересовалась тренер.

– Все будет хорошо, Виктория Робертовна,– улыбнулась девушка в ответ и на щеке появилась нежная ямочка.

Рядом с маленькой фигуристкой верилось в то, что и впрямь все будет хорошо. Внезапно стало легко, будто кто-то снял с души тяжесть. С этим новым чувством облегчения Домбровская и вернуть в своей номер.

Виктория, словно змея, скидывающая кожу, выбралась из одежды и рухнула на кровать. Ей снилось море, соленые брызги которого летели в лицо, белый песок далеких пляжей и теплое солнце отражающееся от древесной коры и дарящее абсолютное счастье и гармонию.

****

Когда у тебя поток на выход, то ты только и делаешь, что держишь за руки, поправляешь одежду, разминаешь мышцы, провожаешь на лед, снова держишь за руки, слушаешь их дыхание и сверяешь его со своим собственным. Тут уже не до лирики и не до философии.

Зоя – первая в горнило произвольной. Зоя падает с четверного флипа и ленится или боится, а скорее и то, и другое пробовать лутц. Ну, если уж ты не желаешь идти в танцы, куда тебе настойчиво предлагает на тренировках змея-тренер, чтобы взбудоражить и заставить доказывать свою состоятельность, то прыгай, черт побери! Ругается про себя Виктория и сама же себя одергивает. Зоя заходит на четверные, а она, Вика Домбровская, ушла в танцы, не справляясь с тройными. Ей ли в душе обвинять Зойку, которая уже ростом с нее, а еще вся юность впереди. И все же за бортиком она не удержится от язвительного: “вот и выучили два четверных, чтобы иметь возможность замены и повтора”. И, переглянувшись с Григорьевым, усмехается под маской. Зо на них не обижается. Зойка вообще умница. Зойенька сильная и верящая в талант Виктории, Григорьева и Ильи. Поэтому Зоя здесь и у Зои есть ее флип и лутц, пусть пока и номинально, но будет же. У Зои будет все и еще немножко. А у Домбровской есть Зоя. И это важно и спасибо за еще одну упрямую девочку на льду тому, кто с неба их распределяет к Вике.

Чужих Виктория не видит, но Лерка не чужая, хоть и дурная со своими рекордами сложности. И Лерка перед Яночкой, так что можно вполне законно выглядывать и подглядывать, якобы случайно, не показываясь на публике и не вызывая досужих кривотолков. Девчонка в своем репертуаре: сначала заваливать, потом героически спасать, когда боять-

ся нечего.

Мишка тоже подглядывает. Лера – его девочка. Он ее создал гораздо больше, чем Вика. Вон какие кривые руки. Руки – это то, что прививает им тренер Домбровская. И вон какой лутц творчества Григорьева. Лерка никогда не понимала и не любила все эти взмахи руками. А про прыжки она все понимает. Бог даст, у них еще будет шанс объяснить талантливой девочке Лере красоту того, что ей пока недоступно. Бог даст! Мимо Канунникова они проходят молчаливой армией. Миша первым. Виктория следом. На лед демонстративно даже не смотрят. Показательные выступления для прессы. Да и не до того. И так ясно, что Лерка прыгающая и вращающаяся делает в произвольной в одну калитку всех.

Смирнова в произвольной первая. И сейчас это неважно. И все равно радостно. Всем им радостно. Даже болтающемуся от усталости Илье, у которого с Леркой была вечная борьба. Даже бледной с залегшими морщинками у глаз Виктории. И уж конечно, радостно Григорьеву. Где-то в кармане лежит веселый смайлик, а в сердце вопрос: “Вы же будете так улыбаться, когда я прыгну все запланированное в одной программе?” Он будет. Он уже улыбается так, просто под маской этого не видно.

Яна пролетает свою программу на одном дыхании. Все сильнее и сильнее к концу, как и было задумано. С этой программой они уйдут в олимпийский сезон. И, возможно, именно она сделает Яночку чемпионкой. Или это будет не Яна? Или эта будет совсем другая девочка? Та, за которой убегает от бортика Илья. Та, которую ждет у этого бортика Виктория. Та, которая смотрит на них спокойно и счастливо, будто никто не обещал для нее смерти от удушья в середине программы. Будто она сама не знает и не помнит вчерашнего дня. Будто нет прокола на запястье, спрятанного под расшитыми перчатками и будто эта ночь всем им лишь приснилась. Маша улыбается, смотрит в глаза Домбровской и тихо говорит: “Все будет хорошо”. Кто кого держит за руки и дает энергию на старт? Вот и походи разберись с этими простыми сложностями.

Две ладони прячущие глаза, в которых свет. Сейчас начнется музыка и откровение. Смогут-не могут. Будет – не будет. Со щитом или же на щите. Лед ткется под коньками, создавая прочную опору. Для скольжения, для толчка, для четверного, для выезда. Миша мечется за спиной, пытаюсь силой собственного желания поднимать Максимову в каждый прыжок. Илья скользит за ней по льду, словно надеется поймать, если ей станет плохо. Виктория ждет. 2,5 минуты. Маша скользит, дышит, прыгает. Три... Маша еще дышит, но уже страдает. Последний прыжок. И дальше длинное

сложное вращение со множеством смен позиции. И волшебства больше нет. Белеют губы, вдохи холостые и бесполезные сменяются короткими выдохами. “Держись! Держись! Держись!” – шепчет в маску Домбровская. “Держись! Держись! Держись!” – мечется у бортика Григорьев. “Держись! Держись! Держись!” – почти выпрыгивает на лед Лнадау. Маша выходит из вращения... Маша... улыбается.

Длинная дорожка, и кажется, что уже весь ледовый дворец повторяет “держись! держись! держись!”.

В этот момент, под аплодисменты сидящих на трибунах, Виктория понимает, что ничего не страшно. И ничего никогда не произойдет с Машей Максимовой. И неважно, будет ли когда-то вскрыта “проба Б”, найдется ли неправильный пик в ее биопаспорте. Маша навсегда летит по этой дорожке шагов с этой улыбкой и светящимся взглядом, а зал поддерживает ее без остановки. И этим она защищена от любых кривотолков и любых неудач. “Все будет хорошо”, – повторяет слова Максимовой Домбровская, когда Миша раскидывает победно руки, Илья вскидывает голову, безуспешно пытаясь удержать слезы, а сама она, сжимает Машины чехлы и поднимает вверх кулаки, то ли вознося хвалу, то ли благодаря небо за то, что отдало им их давно потерянные души.

Григорьев сгребает всех в общее объятие. Виктория при-

жимается к плечу рыдающего Ильи, еще почти держа себя в руках и находя в себе силы оттолкнуть его за камеры, а может, это он, чувствуя, что сейчас прорвет плотину вечной сдержанности, утаскивает ее подальше от прямого обзора. Слишком много чувств, обретения и потери. Все оказалось настолько хорошо, что без слез дышать невозможно. Хочется уткнуться в мужское плечо, остаться один на один и выплакаться друг другу своим освобождением.

Еще при выходе из финального прогиба лицо фигуристки светится только счастьем, но с первыми шагами во взгляде проступает мука человека, который оставил все на льду.

И лишь глаза ее цепляются за улыбку тренера, которую, если и можно как-то перевести в слова, то лишь восхищенным: "Ну ты даёшь, Максимова!". Ещё что-то непонятное читается в этом взгляде, но такое безумно нежное, что смотреть невозможно.

Маша практически лежит на мягкой долгополой черной шубе Виктории Робертовны, вдыхая лёгкие духи, которыми пропитана одежда. И с ними силу и покой. Внутри нее поет каждая усталая клетка песнь радости, которая дается лишь тем, кто честно делает свое дело и идёт своим путём.

Илья держит в объятиях двух самых лучших девочек

на Земле. Его девочек. И вспоминает, не вспоминая, тонкую ручку Маши, с медленно текущим раствором, холодные пальцы Вики, которая всю ночь рассказывает о своих фигуристах, их победах и поражениях. Сейчас только об одном он думает: "Не надо мне никаких детей, Эр, кроме этих. И никого мне не надо, кроме тебя".

Но Домбровская уже отошла, оставив Машу на ее самого верного рыцаря в их тренерском штабе. Впереди Катя, а значит все сведено к началу и прошлое обнулилось. Даже после такой победы нужно вставать к бортику, словно ничего и не было до этого. Словно ты выводишь своего самого первого спортсмена и вам нужно ещё доказать, что вы оба имеете право быть здесь: он на льду, ты за бортиком. Так будет всегда. Каждый сход со льда обнуляет все заслуги тренера. И нужно начинать с самого начала, будто и не было былых заслуг, прежних чемпионов.

Пока тренер держит Катини руки, говорит ободряющие слова подготовки, дышит с ней в унисон, смотрит прокат, в кармане безостановочно вибрирует поздравлениями телефон. Для всего мира главное произошло, а для Виктории главное – в этом моменте и Катининов последнем движении руки, завершающем ее прокат.

Не – только я, но все, кто с нами рядом, глядят туда, где свет тобой разъят

На старой подмосковной даче, где до сих пор стоит рояль, на котором уже годы никто не играет, прячутся тени покойных подруг и друзей в складках портьер, а в воздухе призраком прежних дней витают победы ее учеников и ее собственные, в удобном вместительном кресле сидит больная старая женщина, хрупкая от собственной ветхости.

Венера Андреевна уже давно не живет будущим, даже завтрашним днем. Все, что ей ценно, осталось в прошлом, максимум доживает в сегодня, старыми фото, пластинками, роялем, на котором некому играть, но, между тем, регулярно приходит настройщик, чтобы держать инструмент в форме. Сейчас в жизни немолодой женщины остается все меньше связывающего ее к брэнному существованию.

Племянники давно утратили связь с тетушкой, погрузившись в собственные семьи, детей, заботы. Их дети так и не стали внуками Венеры. Они знали других бабушек, а знаменитая родственница осталась на ближней периферии род-

ни. Дети, скажем прямо, не так уж благодарны. И нет, женщина больше не ропщет на это. Все-таки иногда приходят ее спортсмены. Временами бывают племянники с детьми. И она все еще что-то да значит в своем деле. И просмотры больших стартов еще напоминают немощной телесно старухе о силе, которая до сих пор есть в каждом ее слове и решении для маленького мира фигурного катания. Венера Андреевна еще может карать и миловать, приближать и сбрасывать с корабля. И даже интриговать еще может. И своей волей сгибать даже такие конструкции, как сама Домбровская. Этому осталось всего ничего, но пока еще и Виктория гнется под напором Венеры. И Венера может гнуть, сопротивляющуюся гордычку.

Старуха видит, как на экране девушка в светлом пишет новую часть большой драмы под названием “история фигурного катания”. И, когда лицо ее после вращения захватывают достаточно крупным планом, в глазах некогда великого тренера, видевшего самое разное выражение лиц спортсменов на льду, появляются слезы, и все, что она думает и говорит выражается в одной фразе: “Звезда родилась!”. Одна фраза на двоих: ту, что на льду в летящем и легком с нежным сияющим взглядом, и ту, что за льдом, в монолитном черном, напряженную, как металлическая струна рояля, пронзающая зеленым огнем взгляда стены и души.

Тренер всегда чувствует другого тренера. У них общая дорога. Отрезки разные.

Вот по олимпийскому льду разных лет в самых разных ситуациях и физическом состоянии несутся ее чемпионы. Лучшие и единственные в своем роде. Созданные своим тренером для победы и любви фортуны. Выстеганные ею за слабость и безволие. И не имеет значения, болит ли у них что-то, можется им или не можется, тем более не имеет значения, чего они сейчас хотят, если это не победа. У чемпионов никогда ничего не болит, если они хотят быть чемпионами. Даже в тот момент, когда им выкручивают суставы, ломают кости и отрывают связки. Или ты чемпион – и пусть любая боль подождет, даже смертельная. Или ты болишь, и тогда чемпионы – другие!

Вот ее золотой мальчик стоит коленями на льду и целует эту стеклянную воду, которая лишила его здоровья к двадцати годам и подарила звание олимпийского чемпиона. “Теперь ты можешь все!”, – кричит внутри себя его тренер и тискает в объятьях счастливого победителя. Вот льются слезы у маленькой женщины на верхней ступеньке пьедестала, потому что отдано все, даже любовь, даже счастье быть матерью, но в итоге есть эти слезы на вершине. Вот обнимаются двое посреди катка, зная, что больше никогда не выйдут на лед вместе, но зато у них будет общая, на двоих победа. Герои,

поставившие на карту жизни все, и саму жизнь – тоже.

Бегущая камера ищет и находит еще одно лицо на трибуне. Огромные карие глаза затмевающие все, что есть вокруг. А в них восхищение, удивление и страх, и боль.

“Ну что же, Милочка,— думает про себя больная, наполненная воспоминаниями более, чем жизненными силами, женщина,— один сезон я тебе выбила у твоей богини. Что же ты вынесла из него?”

****

Как же по-разному видится одна и та же жизнь с разных мест. Мила сидит на трибуне и смотрит с нее на своего тренера. На этом Чемпионате России весь штаб “в мыле”: принимают и отправляют спортсменов. Виктория Робертовна с каждой только, сколько можно: с Зоей доходит до КиКа, с Яной только у бортика. Сейчас она с Машей, которая стоит в центре катка и ждет начала музыки.

Милка помнит, как смотрела на эту программу с тренерского места в “Сапфировом”, чувствуя ладонь Домбровской на своем плече, запрещающую вставать с места. А Маша в этот момент катала то один фрагмент, то другой.

Девушка на льду очень нежно и бережно живет в прозрачной музыке. Милке такую воздушную мелодию даже не предлагали никогда попробовать. Совсем не ее формат. Не ее душа. А Максимовой эта композиция идет, будто хорошо подогнанное платье правильного фасона, делающее красивее любую женщину. Вика чувствовала души своих спортсменов, выбирая что-то такое, с чем они смогут слиться и остаться на все времена в душах болельщиков.

“Милка, не позорь музыку и программу таким катанием!— рычала Домбровская, когда Леонова халтурила.— Можно не выиграть. Победы не всегда зависят от нас и наших желаний, но нельзя остаться бледной тенью на льду, нельзя спустить в унитаз образ. Катайся так, чтобы о тебе помнили все, кто сидит на трибунах, и те, кто следит за стартом по телевизору.” Это была принципиальная позиция тренера Леоновой. И в Маше тоже были вложенные Викторией Робертовной ориентиры. Она выходила кататься так, чтобы каждый запомнил эту программу.

О том, что Максимова не может целиком выкатывать программу знали все еще во время тренировок. Она так ни разу и не исполнила ни короткую, ни произвольную от начала до конца после болезни. Что творилось в короткой Мила тоже видела. И сейчас к восхищению той нежностью, которая простиралась надо льдом, примешивался страх, что вот-вот

все это закончится и Маша “встанет” по скорости, силе, уверенности. И нежность поломается.

Но Маша трудится. В каждом движении, в работе рук при отталкивании и вытягивании высоты прыжков. Она и не думает “вставать”. У Маши нет “вчера”. Маша вся в “сегодня”, в “сейчас”.

Виктория Робертовна по другую сторону льда тоже живет без “вчера”. Не отрывает взгляда от фигуристки. Толкает ее вперед собственной энергией. Это Леонова как раз знакомо. Взгляд ее тренера совершенно осязаем. И, когда она ведет тебя по программе, ты ощущаешь себя на льду в паре. У них двоих всегда было так: парное одиночное катание.

В последнем выезде из каскада что-то не так. Внешне уверенно, но не так. Мила много раз видела, как Максимова делает этот каскад. Как выезжает. Сейчас все иначе. И Виктория Робертовна становится другой, еще более собранной, еще больше “в паре”. Леонова помнит такие же глаза напротив за бортиком после ее перелома, произошедшего прямо на льду во время выступления. Тогда в каскад, заморозив на мгновение всю боль, ее поднял этот требовательный, безжалостный, но такой оберегающий взгляд. И она выехала. А Маша под этот взгляд ушла во вращение.

Но когда фигуристка начинает заключительную дорожку, за которой так напряженно следит брюнетка на трибуне, становится ясно, что у Максимовой есть что-то еще, совсем другое, что-то собственное, что рождает ее улыбку и захватывает зал. И это собственное вернее и надежнее сильного взгляда из-за бортика.

Леоновой больно смотреть на то, что творит на льду Маша. И не потому что это история преодоления. Преодоления есть у всех, кто забрался достаточно высоко по ступеням большого спорта. А потому, что это история единственно верного развития жизни в моменте.

– Я сделала все, что могла, чтобы победить! Все, что могла!

– Все?

– Да!

– Да?

– Да!

– Нет, ты сделала не все!

Даже там, на олимпийском льду Мила Леонова не смогла бы быть Машей Максимовой на этой финальной дорожке. Даже отдав всю себя до полного опустошения. Ей бы очень хотелось услышать в себе той такую же улыбку, ведущую за пределы физических возможностей. Поднимающую над собственным телом.

Вряд ли и Виктория Робертовна четко понимала, чего ей и ее Милке не хватило, чтобы победить. Просто она чувствовала, что для чемпионки Мила должна была шагнуть на один шаг выше себя самой, а не только подняться на собственный максимум и встать на цыпочки.

По окончании программы Леонова вынимает телефон и отправляет Виктории одну фразу, после чего успокаивается и с радостью и любопытством наблюдает, как артистично Катя выкатывает свою произвольную. Милка охает вместе с тренерами, когда спортсменка едва не срывается с конька во вращении. Хватает у них преодолений. У каждой, кто выходит на лед перед тысячами зрителей.

****

– Вы знаете, это просто спорт. Все то, что произошло – это про спорт, – отвечает на вопрос журналистов Виктория. «Наверное, это про любовь. И жизнь полную этой любви к

своему делу. Во что бы то ни стало”, – думает она про себя, подразумевая и то, о чем можно говорить, и то, о чем не скажешь словами.

Не поймут. Она и сама не очень понимала то, что ощутила. Но ощущение катарсиса, когда Максимова закончила, было настолько полным, что смыло всю накипь страхов и усталости, которые почти приросли к ней за прошедшие сутки.

Они раскланиваются, фотографируются, улыбаются. Маша просто счастлива. Да что уж там, все они счастливы на общем фото, на видео, в каждом ответе и принятых поздравлениях. И, кстати, пока ее оставили в покое, а терзают бедную, но такую счастливую этими журналистскими вопросами Машу, можно и ответить на самые важные из поздравлений.

Виктория извлекает телефон и бежит по списку новых сообщений в мессенджерах. Рассыпает вежливые благодарности, смайлики. Подробнее – на Никино послание, от сестер и брата. О, и Милка не поленилась отметить.

Ровно через 15 секунд, дважды прочитав единственную строчку сообщения, Виктория резко развернется и, бросив на ходу Илье:

– У меня срочное дело, организуйте с Мишей возвращение девочек,– уверенно и быстро направится к выходу, теперь уже игнорируя любые попытки задавать вопросы и брать интервью. Лишь пару раз остановится, чтоб расписаться на плакатах для ребятишек.

“Все-таки никак без равновесия в судьбе”,– устало подумает Домбровская, садясь в такси и направляясь в сторону гостиницы. Не выходит у нее незамутненных радостей побед. Ну – никак!

Здесь та и эта соединена, та – покоряясь, эта – созидая

Милка удивляется, как может быть тихо вокруг. Сейчас, когда основная суэта кружится где-то в ледовом дворце спорта, за окнами рано за вечеревшее небо высыпается звездами, в комнате номера включены все приборы, способные издавать звук, всепроникающей захватывает пространство совершенная тишина. Идеальная, как бывало в детстве, когда остаешься дома совсем одна и можно послушать мир внутри себя.

Резкий стук в дверь нарушает медитативное настроение девушки, в котором она пребывает все время с окончания прокатов чемпионата России. Принятые решения всегда успокаивают так или иначе, как путника выбор дороги на развилке. Вот и Мила успокоилась после своего решения и отправленного сообщения. Она была, пожалуй, впервые за этот год, если не счастлива, то довольна тем, как все складывается. Борьба закончена. В первую очередь борьба с собой и гонка за призраком вчерашнего дня. Оказалось, что именно это утомляло, а не обострение травмы и не болезнь.

Удары повторились, пожалуй, еще настойчивее. Человек по ту сторону точно не собирался уходить от запертой двери. Придется открывать.

Леонова сползает с кровати и бредет к дверям. Никого ей сегодня не надо, тем более таких нервных визитеров.

Распахивает дверь и с удивлением утыкается взглядом в пару блестящих и таких знакомых зеленых глаз:

– Какого хрена, Леонова?!– голос Домбровской совершенно не сочетается с бледным уставшим лицом, настолько он энергичен и сердит, да и сама взъерошенная фурия мало похожа на познавшего радость победы человека.

Милка удивленно смаргивает это странноватое приветствие и, молча, пропускает замученную разгневанную кошку в номер.

Виктория энергично сбрасывает в прихожей сапоги, с которых течет мешанина красноярских тротуаров из снега и реагентов, проходит в номер и кидает на ближайший стул свою шубу.

У каждого заслуженного тренера по фигурному катанию должна быть шуба: бессмысленная и беспощадная. А луч-

ше несколько. У Вики все хорошо с аксессуарами, включая шубы. Мила за три года молчания выучила все наряды этой блондинки, которая была ей настолько безразлична, что ее поисковик автоматом пытался ввести поисковый запрос на имя “Домбровская” просто при открытии. Каждый новый предмет гардероба был дороже и изящнее того, которому приходил на смену. Леонова только диву давалась, как легко ее тренер, большую часть жизни пробежавшая в спортивных курточках с надписью “Россия” на спине, переключилась на брендовые шмотки, умудряясь выглядеть в них так, словно всю жизни ничего дешевле капсульных коллекций от “Диор” и не носила. И вот что удивительно, даже в своих курточках она была не менее элегантной, чем теперь в дорогих тренчах и шубах. Впрочем, отношение к шубам у Виктории Робертовн было такое же, как к спортивным курточкам. Безразличное.

Итак, шуба валялась на стуле, подметая лапами имитацию паркетной доски из ламината, а ее хозяйка черным смерчем вышагивала по Милкиному номеру. Наконец Виктория Робертовна замирает на месте, резко разворачивается к спортсменке и повторяет с той же сердитой интонацией:

– Леонова, ты мне ответишь или нет, что опять-то не так? И какого, блин, хрена!

Мила наконец находит какие-то слова, но спросить может только одно:

– Что вообще происходит?!

– Нет, Милочка,– взвывается окончательно Виктория,– Это, черт возьми, мой вопрос! Что опять произошло такое, что ты бежишь? Чем мы, нет, вернее я, ведь это всегда я, не угодили Миле Леоновой?!

– Да что я сделала-то?!– благостного настроения как ни было, осталось только зарыдать. И слезы уже близко.

Домбровская молча лезет в карман брюк вынимает телефон и с каким-то ожесточением снимает блокировку с экрана. В смартфоне открыт чат с Милой. И последнее сообщение от Леоновой “Я ухожу”

– Мила, я охренеть как рада, что у нас такой прогресс! Я узнаю о твоих решениях не из новостей, ни от чиновников, и не в тот момент, когда ты пролетаешь над океаном, меняя континент, но объясни мне, что случилось-то опять?

Домбровская швыряет свой телефон на стол, и девушка морщится: больно должно было быть и смартфону, и столу от взаимного удара друг о друга.

Для вики удар, полученный однажды утром, когда она почти успокоилась, убедив себя, что Мила просто долечивается и отдыхает, поэтому не выходит на связь, даже пообещала выругать девчонку за такое безобразное поведение, как только вернется к тренировкам, оказался слишком неожиданным и прилетевшим почти одновременно с двух сторон.

Сначала зазвонил телефон, и мягкий голос руководителя федерации фигурного катания доложил, что фигуристка Леонова объявила о смене тренера и планирует отныне работать с американской командой специалистов.

И с последней фразой в трубке новости на телеэкране показали пустой Милин взгляд, каким она смотрела на нее каждый раз, планируя соврать или отказаться от чего-то, что Домбровской было важно. Девочка повторила информацию, до этого услышанную от уважаемого источника в трубке сотового.

С тех пор Виктория Робертовна смотрела с экрана телевизора только фильмы из интернета. И никаких новостей, тем более с утра, когда впереди рабочий день.

Леонова понимает, что разговор идет неправильно и о чем-то разном, потому что ее решение никак в ее собствен-

ной голове не должно было привести вот к такой реакции в виде мечущейся по комнате блондинки, которая хочет то ли рыдать, то ли повторно врезать ей. Мила не уверена, что из этого хуже: с одной стороны раз она по физиономии получила и, спасибо, больше не надо. С другой – видеть плачущую Викторию Робертовну – это сюрреализм. Она к подобному не готова.

Нет, конечно, приятно, что тренер так ценит ее. Признаться, сама-то спортсменка думала, что вызовет своим решением вздох облегчения и только. Возможно, напутственные пожелания перед уходом в большую жизнь. Но уж точно не шквал бури и натиска, который происходит сейчас.

– Виктория Робертовна, но это же когда-то должно было произойти. Впереди олимпийский сезон. У вас Маша, Рада, Яночка, Катя, Ася, Зоя. Я не думаю, что еще и я вам нужна.

Вику после всего пережитого за последние сутки плохо держат ноги, особенно на фоне тех эмоций, которые в ней кружат сейчас. Она прижимается спиной к стене и безнадежно думает: “Опять! Опять то же самое! Ревность к младшим. Тогда только Рада. Теперь девчонки! Ну, и что она предлагает? Выбросить всех детей за борт и любить только Милку Леонову? Дурдом!”

– Ну, и к кому ты уходишь? Еще один кандидат в “Лед и Пламень”?– все, Виктория Домбровская выдохлась. Убеждать и отговаривать нет ни сил, ни желания. Осталась только пустота на том месте, где в сердце жила Милка,– Тебе пообещали лед, хореографов и специалистов по списку на олимпийский сезон? Мы так, конечно, не сможем, Мил. Ты права у нас возок и очередь из желающих. И для всех равные условия. Даже тебе не будет преференций.

– Да, какие “ЛиПы”?– у ее тренера (нет, правильно, бывшего тренера), кажется, на фоне стрессов чемпионата России легкий сдвиг по фазе,– Нет никаких “ЛиП”! Зачем?!

– Кто же тогда?– Вике это не интересно, но она спрашивает, привалившись спиной к стене и не открывая глаз,– в конце концов, мне не безразлично, кто будет с тобой работать. У тебя травмы. Тебе нужны хорошие специалисты, которые понимают, что делать в твоём случае.

– Виктория Робертовна, зачем мне другие тренеры? Я же уйду!– Миле кажется, что она вполне ясно выражает мысль.

Виктории тоже кажется, что мысль ее бывшей спортсменки вполне ясно выражена. Она только не понимает, почему Леонова скрывает фамилию нового тренера, поэтому лишь кивает устало головой, наконец открывает глаза и произно-

сит:

– Милк, эту мысль я уловила из твоего сообщения. Я хочу знать, к кому из тренеров ты переходишь, уходя от меня.

И только тут до девушки начало доходить: что она хотела написать, торопливо набирая текст под впечатлением от проката Максимовой, что она на самом деле написала и что прочитала ее тренер.

– Виктория Робертовна, мне не нужен другой тренер! Я ухожу из большого спорта, но я остаюсь с вами! Я... я неправильно написала. Я... простите!– Мила теряется в словах и умолкает.

В такое нельзя поверить. Подобный бред случается только в плохих сериалах. Вика выдыхает нецензурное и совершенно непедagogичное облепление по адресу ситуации и немного ее юной темноволосой создательницы и, окончательно утратив силы, тихо сползает по стене на пол:

– Леонова, твою мать! В следующий раз – звони. Мессенджеры – не твое,– произносит Домбровская и неожиданно всхлипывает.

И все слезы, которые не пролились в этот день из ее глаз

наконец прорываются на полу гостиничного номера Жени. Они текут по лицу, впитываются в рукава черного объемного свитера и штанин на коленях, к которым женщина прижимает голову.

Когда-то, на одной из десятков передач, которые успели пройти с ее участием, пока Милка под руководством Виктории Робертовны один за другим брала старты, ей задали вопрос, из-за чего может расплакаться ее тренер. Ничего более удивительного и дурацкого спортсменка не ждала в программе от журналистов. Это же Домбровская! Она не плачет. Никогда! Вы что! Ни за что и ни при каких условиях!

Вика как-то ободрала о лед и конек Милы неудачно повернувшейся, пока ей ставили зубец, три пальца в мясо и даже слезинки не выкатила, только велела отвернуться и не смотреть на капающую кровь. Алюю на белом. Милка навсегда запомнила, как красные капли разбиваются о стекло льда, превращаясь в кровавые маленькие солнца на поверхности катка.

Ну что же. Вот и ответ. Последний раз на веку Людмилы Леоновой, он же и первый, Виктория Домбровская плакала из-за неудачно сформулированной фразы в мессенджере.

Девушка садится рядом, прижимается боком к Вике и ти-

хо говорит:

– Виктория Робертовна, ведь это любовь. И мы обречены друг на друга. Куда я денусь?!

Женщина притягивает Милу ближе, чмокает в темново-лосую макушку и хрипловатым от слез голосом говорит:

– Леонова, я на парикмахера, благодаря тебе, теперь трачу намного больше денег!

– Это еще почему?– Мила вскидывает голову и лицо ее близко близко от лица женщины.

Огромные глаза, удивленно приоткрытые губы, округлый подбородок. Вика откидывается затылком на стену и смеется:

– Потому что три четверти моей седины – твоя заслуга, Милочка! И я чувствую, что это не конец, да?– блондинка опускает глаза вниз, туда, откуда на нее смотрит очарованный и смешливый взгляд ее самой родной после Ники девочки.

Именно эту мизансцену и застает Илья, открывший после пары вежливых ударов незапертую дверь в номер Леоно-

вой. Ну, естественно, стоило ли бегать по этажам, ища Вику, без которой, понятное дело, никакого празднования победы быть не может, имело смысл сразу идти сюда. Где еще могло в Красноярске возникнуть самое неотложное и срочное дело, если все остальные дела были под боком на ледовой арене, пьедестале и вокруг него в паре метров?

Виктория смотрит снизу вверх на Ландау и спрашивает:

– Все хорошо?

Илья кивает и в ответ задает свой вопрос:

– Решила срочные дела?– и протягивает сразу две руки дамам, полагая, что обе они не против подняться.

– Ага!– Вика хватается за его левую руку, Мила за правую,– легкое недопонимание.

Обе поднимаются, и тут Домбровская от резкой смены положения на фоне уже хронического сибирского недосыпа покачивается и удерживает равновесие лишь потому что ее подхватывает Илья.

– Пожалуй, отмечать будем завтра,– констатирует Ландау,– нам всем надо выспаться, особенно тебе.

Пока Виктория натягивает сапоги, мужчина забирает из рук Милы шубу и, приобняв женщину за талию, бережно выводит ее в коридор. Девушка провожает их взглядом. Перед входом в лифт Домбровская обвивает талию хореографа своей рукой, делая очевидным тот факт, что паж допущен намного ближе к телу королевы, чем было бы приятно думать Милке.

Развернувшись, чтобы закрыть дверь номера девушка замечает прислонившегося к стене Григорьева. Он отталкивается плечом, вставая прямо, и мягко произносит:

– Ты только не делай глупостей, Леонова.

Это отпрыск древа, которое растет на высотах и от которого вкусила Ева

Ещё до рассвета два тела встретятся, чтобы любить друг друга, захлебываясь чувственной терпкой радостью перво-родного греха. Нежной и томной, быстрой и жадной, приветствуя друг в друге собственную полноту. Но сейчас светловолосая женская головка покоится на мужском плече, так же полно приняв свое поражение в борьбе с собственными страхами перед будущим, как принимала все, чего не могла избежать. Особенность Виктории Домбровской – умение встраиваться в то, что не в ее силах поменять. Оказалось, что поменять радость совместности, близости и цельности, приходящие в ее жизнь вместе с этим кареглазым, заботливым и таким эмоциональным мужчиной она была не в силах.

И с той же решительностью, с которой три месяца назад она наложила вето на их отношения, сегодня вынула их из-под сукна, ни за что не извиняясь и ни о чем не сожалея.

Этот сезон с его болями и радостями сделал их ближе, понятнее друг другу. Теперь и у Ильи есть шрамы от осколков,

невидимые никому, но фантомно болящие каждым ушедшим учеником, оставившим их. Каждая разбившаяся мечта этих детей сечет и душу взрослого, ведущего их к целям, болезненной шрапнелью обид и недоговоренности. Каждая сбывшаяся мечта оставляет за собой выжженную землю, на которой не остаётся места слабости и страху. И вместе с гордостью за них ранит болью пройденного через безнадежность и сверхпреодоление пути. Такие раны по-настоящему не рубцуются никогда и то и дело кровоточат от прикосновений небрежным или слишком точным словом.

И пока непонятно, смогут ли они разделить эту боль пополам или же только удвоят ее, соприкасаясь друг с другом.

Но сейчас морозная сибирская ночь делала страхи о будущем призрачными, а близость и утешение друг другом реальными.

И под женской щекой билось ровно и безмятежно пораненное мужское сердце. И мужская ладонь прикрывала женскую лопатку, за которой пряталась израненная и нежелающая заживать душа.

****

– Вот и думай, Милка, – Григорьев посмотрел на рубино-

вую жидкость в чайной кружке на дне.

Уже второй час они с Леоновой ведут задушевную беседу о превратностях любви, допивая любимое вино Вики. Подкрадываются на самых цыпочках и отходят от опасного места встречи с тяжелой правдой.

Когда там в коридоре Мила молча зашла в свой номер, не закрывая дверь, Михаил расценил это как приглашение поговорить и не стал отказывать своей ученице в такой насущной малости. Как ни крути, а что-то важное они с Викой Милке задолжали. Может быть, вот такой разговор по душам.

Вот он, Мишка Григорьев, успевший поседеть и погрузнеть за годы вокруг спорта. Неудачливый спортсмен и, как оказалось, отличный тренер, любимец всей команды Домбровской от малых детей до самой королевы. И все же, много ли он при всей своей внимательности к человеческим душам понимал то, что происходит в сердцах их воспитанников? То-то и оно. Чуть больше, чуть меньше, а по сути – ничего. Всего лишь хотелось, чтоб они смогли перескочить неизбежные ухабы юности, не наделав слишком невозвратных ошибок.

Она ждет его в небольшой прихожей и задает единствен-

ный вопрос:-

– Давно?

– Давно,– пожимая плечами в том смысле, что это личное дело двух взрослых людей, отвечает Григорьев.

Мила проходит в глубь номера и Михаил следует за ней. На стол выставлены две чайные кружки:

– Наливайте, Михаил Александрович. Вряд ли кто-то еще присоединится сегодня к празднованию, а завтра и подалее все разбегутся по своим делам.

Леонова взглядом указывает на бутылку вина, которую Григорьеву отдал Илья перед тем, как зайти в номер Милы.

– У тебя спортивный режим,– отрицательно качает головой тренер.

– Спортивный режим – у спортсменов, а я с сегодняшнего дня в завязке с соревнованиями и стартами,– посвящает его в свои планы на будущее девушка.

– С почином!-кивает мастер прыжков и ставит бутылку на стол,– Ну, тащи тогда штопор, будем отмечать твою новую

жизнь.

Ближайший штопор нашелся у парней-парников из соседнего номера. Один даже рванул в провожатые, намекая, что готов разделить веселую компанию в обществе хорошенькой девушки, но увидев Григорьева, стушевался и ретировался вон.

Глядя, как Михаил Александрович разливает вино по кружкам, Мила думала, что вот такую картину она не могла представить даже в самой странной фантазии. Спроси ее кто-нибудь, как она относится к Григорьеву, девушка нашла бы только обще-обтекаемое “хорошо”. Этот человек просто был в жизни каждого фигуриста группы Домбровской. Держал надо льдом, чтобы уменьшить количество боли и травм от падений, учил дышать, отработывал толчок, тренировал выезды. Поддержка вся “Сапфировый” О нем думалось как о неотъемлемой части тренировки. Так принимаешь в свою жизнь инвентарь: коньки, форму, кроссовки, ту же “удочку”-лонжу. Григорьев шел где-то в этом ряду. И, вот ведь удивительно, он никогда не пытался претендовать на другую роль. Не втирался в доверие. Не проявлял больше внимания или заботы, чем было абсолютно необходимо.

За острой болью обиды на Домбровскую как-то потерялись все прочие потери. И только сейчас Мила до конца осо-

знала, что в США ей ничуть не меньше не хватало и Григорьева, прошедшего с ней ту же дорогу, что и Виктория Робертовна и брошенного так же, без единого слова прощания. И еще девушка помнила, что это именно он закрывал ее рыдающую от камер, от любопытных взглядов всего мира. И делал это так же незаметно и просто, как все остальное. Он их просто берег, своих спортсменов, не ожидая взамен даже благодарности.

– Михаил Александрович, а вы сердились, когда я ушла?– неожиданно поинтересовалась Мила.

– Не знаю. Сердился, наверное. Виктория Робертовна очень страдала. Время ты выбрала уж больно неудачное для ухода. Это ее добило, конечно.

Милка невесело рассмеялась:

– Ну вот, и тут Виктория Робертовна! Я ж не про нее спрашивала. А без нее снова никак.

Григорьев улыбнулся. Ну что уж тут поделаешь, без нее и правда никак в их маленьком мире. Все на ней держится, и все вокруг этой стойкой женщин крутится. Даже ам Григорьев держится за этот несгибаемый дух Вики Домбровской как путник за посох. Куда же без нее? Никуда.

– Знаешь, мне было бы приятно, если бы ты пришла со мной попрощаться, и я мог бы пожелать тебе счастливого пути в дальнейшую спортивную жизнь. А больше-то за что на тебя сердиться? Ты выросла и решила попробовать что-то еще. Так бывает со многими спортсменами. Ты попробовала. Теперь снова тут. Я рад, что ты вернулась.

– Какой же вы милый, Михаил Александрович,– девушка уже слегка захмелела от вина и душа просила признаний,– Знаете, вас я тоже люблю и мне так вас не хватало!

Григорьева насмешило и это “тоже” и то, как быстро девчонку развезло до таких признаний. Ну вот что с ней делать? Милка есть Милка. Неподражаемая и прекрасная. Кто бы мог не любить эту девчонку? Вот и он любил. Не так, как любил Альку. Алька была в костном мозге. Не так, как любил Лерку. Лерка была на уровне рефлексов. Но Милка была солнцем и светом их команд с самого начала. Любимая девочка Вики. Их первая стопроцентная звезда без примесей вмешательства других тренеров. На сто процентов “сапфировая” Леонова. Разве можно ее не любить?

– Да уж, Милочка-Милаха, умеешь ты сделать комплимент. Но я тебя тоже люблю! И очень рад, что ты вернулась. Про завершение спортивной карьеры ты серьезно надумала?

Девушка кивает.

– Я б на твоём месте переждал заявлять об этом вслух, – совершенно серьёзно сообщает ей Григорьев.

– Ну, вы же не про мифическое ожидание повышения возрастного ценза? – удивляется Мила.

Григорьев отмахивается от подозрений в глупостях. Все пересуды про повышения возраста – это треп в пользу бедных то и дело всплывающий в дискуссионном поле фигурного катания и глохнувший после нескольких невнятных обсуждений на высшем уровне. Михаил давно живет на свете, большую часть этого времени плотно связан со спортом, и отлично знает, как в этой среде легко обращаются с возрастом при необходимости: перспективному спортсмену найдут способ год-два накинуть, если приспичит.

– Да брось ты, Милочка-Милаха! При чем тут возраст и ожидания? Льда у нас мало. Вообще места мало. Для действующей спортсменки мы место найдем в тренировочном процессе, а с ушедшей – непонятно, как и что может решить администрация. Вот и думай, Милка!

На дне чашки, в которую смотрит Михаил темное как

кровь вино. И к разговорам оно располагает таким же: терпким и плотным. Но они говорят о работе, спорте, холодном льде и тяжелых тренировках, делающих пребывание на нем жарким до тошноты.

– Значит она страдала, когда я ушла?– переводит тему на то, о чем болит, Леонова.

Григорьев молчит и думает, что с этими подрастающими так быстро и некстати девчонками он стал слишком много говорить о любви, самой первой и почти всегда несбыточной. Две олимпиады, две девочки, две песни о любви. Был ли он готов к тому, что и это станет его работой, когда встретил Вику и связал свою жизнь с их дуэтом на льду? И, наверное, это только начало. Ох, и непросто быть взрослым, тем более, когда сам знаешь, что так и не вырос, остался тем пятнадцатилетним мальчишкой, который распугивал на катке всех своей бешеной скоростью и круткой в прыжках.

– Вы с ней обе странные и такие похожие, что даже страшно. Вы так красиво умеете рассказать о чувствах на льду, она – своими программами, ты – своим катанием. Но как только этот рассказ о чувствах нужно сделать простыми человеческими отношениями: честными и понятными, – вы обе забираетесь в нору и высовываетесь оттуда только для того, чтобы куснуть вторую побольнее. Удивительно, что даже поку-

санные, вы не перестаете любить друг друга, хотя от такой любви кому и когда бывало легче?

– Вы, как моя мама, считаете, что все это глупость и не любовь никакая, да?– удрученно смотрит на мужчину Мила.

– Ну уж нет, такого я не думаю,– улыбается Михаил,– у вас-то как раз любовь. Да еще какая! Убийственная! Вам бы чуть помягче друг с другом, чтоб не только горело, но еще и согревало.

Вино бежит по венам, делая мир проще, людей нежнее, души мягче и ближе. Юная женщина и зрелый мужчина говорят о любви. Такой простой. И такой сложной.

– И что же мне делать, Михаил Александрович?

И вопрос этот, растерянный и совершенно детский он тоже слышит не впервые. Ответ у него есть уже. И сейчас намного проще произносить правильные слова, чем в предыдущий раз, потому что тебя они никак не касаются.

– Жить, Милочка-Милахаа! Просто жить. Любить тех, кого есть силы любить. Отдавать столько, сколько можешь отдать, не ожидая оплаты. Принимать то, что тебе готовы дать в ответ. Не мешать тем, кто любит тебя, выражать свою лю-

бовь. Простая и наполненная жизнь не заканчивается одной любовью. Ее много больше.

Леонова криво улыбается:

– Это, наверное, даже правильно все, но получается, пока я буду просто жить и просто любить, она будет просто спать с Ландау и любить Илью Сергеевича.

Голос вздрагивает при упоминании имени хореографа.

– Наверное, будет, Мил. Только, если ты будешь жить как-то иначе, она все равно будет спать и жить с теми, с кем посчитает нужным. Этого ты за нее не решишь ведь. И вот что я тебе скажу. Ланди ей подходит, хотя бы потому, что ему в голову не придет, что можно рядом с ней ходить годами и делать вид, что ее не существует.

– Да уж, подходит, – буркнула Мила, – на десяток лет младше да еще и подчиненный.

Григорьев от души расхохотался над этим ханжеским высказыванием от девочки, которая только что ему признавалась в любви к тренеру, да еще и одного с ней пола:

– Леонова, тебе ли печалиться, что Викторию Робертовну

не очень смущают цифры в графе рождения?!

И, посерьезнев, заметил:

– Ланди и правда ей подходит, но я тебе так скажу, Милочка-Милаха, ради него она б не сбежала ни то что с награждения, где ее спортсменки завоевали большую часть пьедестала, а по сути весь, а даже с рутинной планерки о необходимости покрасить бортик катка в “Сапфировом”, а ей нет тошнее дела, чем обсуждать такие вопросы. Так что не гневи ты бога, девочка. Куда уж больше-то любви?! И хватит надираться вином, которое даже не для тебя куплено!– неожиданно включил строгого педагога Григорьев.

– Хорошее вино,– заметила Мила, которая и впрямь успевала пить вдвое быстрее собственного учителя.

– Хорошее,– согласился Михаил Александрович,– но нет хуже дела, чем кататься на похмельную голову. Я пробовал. Да и время уже позднее. Разбегаемся.

В дверях Милка крепко обнимает Михаила Александровича и тихо бормочет:

– Надо было влюбиться в вас.

– Не надо, Леонова! Я бы точно ради тебя с награждения не сбежал, – треплет девочку по худенькому плечу и уходит в свой номер с почти пустой бутылкой вина и телефоном Вики, который она умудрилась забыть на столе у Милы. Талант у женщины терять средство связи!

****

Илья просыпается от того, что на его груди мягкие губы оставляют влажные следы поцелуев, а нежное тело жмется к боку, скользя по всей длине неспешными плавными движениями начала дня.

Мужчина чуть поворачивается, обхватывает талию той, что будит его и укладывает на себя сверху, предлагая продолжать развлечение. Тихий женский смех заканчивается первым горячим поцелуем этого утра. Ее бедра прижимаются к низу его живота, пока мужские пальцы скользят от позвоночника по ребрам к соскам. Тихий стон превращается в еще один поцелуй. Тела находят друг друга и начинается синхронный танец, в котором поиск общего ритма ведет к высшей точке удовольствия.

Илья открывает глаза и восхищается тем, что видит над собой: настойчивым поиском наслаждения, который отражается на лице его женщины, в ее закушенной губе, в том, как

в каскаде светлых волос теряются черты лица и лишь временами оно вскидывается вверх, устремляя за собой тело.

Мужские пальцы ныряют в нежные складки женского тела и болезненная радость близкого экстаза на тонком лице ясно говорит, что кружащие движения по нежной точке, скрытой от глаз, совсем скоро вознесут ее на пик блаженства.

Женское, взрывающееся от наслаждения тело, и мужское, замершее, переживающее этот полет, ощущающее каждый спазм экстаза и ловящие вскрик-рыдание с ее губ губы. А дальше настойчивое продолжение пути в поисках собственного откровения в ее глубине. Потребность остаться с ней и в ней хотя бы малой частью.

И тихое кружение пальцев по ее позвонкам после того, как все взято и все отдано. Новый день начинал еще одну точку или тире в азбуке Морзе жизни.

Bead, quorum tecta sunt peccata!*

– Нет, ты мне все-таки скажи, почему мой телефон у тебя оказался?!

Они сидят на неудобных сидениях красноярского аэропорта в ожидании рейса, и Виктория уже в который раз начинает допрос Григорьева о том, как забытый ею в номере Леоновой телефон, попал ко второму тренеру.

Миша как-то неправильно уклоняется от точного ответа, то подшучивая, то игнорируя, то переводя на другую тему. Непорядок, скажем прямо.

– Домбровская, отстань ты ради бога!– взмолился Михаил,– Она такая же моя ученица как и твоя. Нужно было зайти, я и зашел. А тут смотрю – разбросанные вещи. Лучше б ты Федотов мозг вынесла на тему того, что написывать сообщения и заниматься рассылкой в ночи – дурной тон. Меня это “бзз-мяу” из мессенджера твоего телефона заколебало сегодня! Чего ему не спится ночами? Женатый же человек! Семейный! Откуда столько энергии, чтобы спам-рассылками заниматься.

Виктории не было смешно и шутки Григорьева ее не развлекали. Она отлично помнила, как в через год после одной олимпиады и за три до другой, когда, правды ради, и без того все шло наперекосяк, стала замечать, что Аля все чаще предпочитает разговаривать совсем не с ней, а зачем-то уединяться с Мишей. Тогда вопросов она не задавала. А потом случился последний старт, прерванный терактом, от которого ее по сути отстранило начальство, сообщив, что Извицкая едет со вторым тренером. А следом Аля ушла. Совсем. Словно забыла все годы, которые были пройдены вместе. Так что теперь Вике совершенно не весело слушать отговорки Григорьева и шуточки по поводу Федотова. Она всего лишь хочет знать, не ждать ли ей очередного исчезновения. Еще раз. Конечно, все по-другому, но терять еще одну ученицу, которой отдано так много, еще раз терять, было сейчас не по силам.

– Миш, я очень боюсь, что она опять сбежит. И боюсь, что ты ей это подскажешь... как Але, – заканчивает тихо женщина.

Григорьев практически присвистывает от такого внезапного откровения:

– То есть это ты все годы считала, что я Альку убедил уйти? Хорошо же ты обо мне думаешь! Ладно... Ладно

Михаил умолкает. Смотрит куда-то сквозь стену терминала. И потом медленно начинает:

– Почему ушла в конце концов Аля, я тебе не скажу. Не спрашивай, – резко мотнул головой, – тебя это не касается. Скажу, что не только твоя вина или вина ее семьи там есть. Хотя, справедливости ради, вы вместе наседали на нее нечеловечески и ей было очень трудно. Однако ж вы всегда наседали. Она привыкла. Но я тебе скажу, что для нее так лучше было. И правильнее. И это не про спорт. И если Мила уйдет, это тоже будет не про спорт. И для нее тоже будет так лучше. Послушай меня, Вика, я это по любви тебе говорю. Иногда лучше, когда у них есть сил уйти. Ты только не называй ее уход “побегом” и не делай из нее предательницу. Влюбленному человеку трудно рядом с тем, кого он любит, если любовь его неответна.

Григорьев всматривается в профиль Вики и кивает каким-то своим мыслям:

– Стало быть для тебя не сюрприз, что девочка переживает? Ну и тем более тогда.

Женщина ерзает в кресле и, морщась, как от боли, произносит:

– Ну, это же не всерьез. Она еще ребенок! Пройдет.

– Во-первых, она уже не ребенок,— довольно резко отвечает Михаил,— А, во-вторых,— вздыхает он,— до конца иногда это и у детей не проходит.

– Ну, и что я могу с этим сделать?— резко оборачивается Домбровская.

Светлые выбившиеся из прически пряди падают Виктории на склоненное лицо и она нервно отбрасывает прядь назад.

– Для начала можно попробовать не целоваться с Ландау посреди катка,— чуть заметно улыбается Григорьев.

– Убью Янниса!

Смех у Мишки легкий, беззаботный, совершенно не вяжущийся с его серьезной внешностью. Очаровательный смех. Только сейчас Вика задумывается над тем, что ее коллега приятный и обаятельный мужчина, в которого можно легко влюбиться. Почему-то за все эти годы, что они работают вместе, ей никогда не приходило в голову, что девочки-спортсменки могут увлекаться не только юными младши-

ми тренерами, пластичным Сашкой, юными тренерами второго эшелона или даже Ильей, но и вот этим немолодым мужчиной.

– Миш, а ты б на моем месте как поступил?– интересуется Вика.

– Будь я на твоём месте, Виктория Робертовна, вся история была бы другой. Просто побереги себя и побереги ее. На то мы и старшие, чтобы защищать детей, я думаю. От них самих тоже, если так получается.

Рейс на Москву объявляют к посадке и Григорьев, подхватив свою сумку и ручную кладь своей спутницы, направляется к выходу в терминал. Их ждет столица, любимая работа, новые преодоления и новые проблемы, куда уж без них.

****

В Красноярске ледовая арена звенит множеством звуков, яркими цветами, переливающимися нарядами фигуристок и смехом юности, спортивной силы, праздника, что выпадет им за сезон раз десять, двенадцать. Все остальное время они на белом, в черном и сером. Рутинно, ежедневно, без права на расслабление и слабость.

Цветные софиты выхватывают на катке фигуристов. Илья почти не следит за показательными: его задача – вывести на лед, принять со льда всю их резвящуюся банду. Почетная обязанность младшего в команде. Когда-нибудь придет время и его место заменит кто-то новый, дерзкий, молодой, подающий надежды. Где в это время окажется он – неизвестно. Может, еще ближе к Вике, может, в поиске нового себя, в другом месте, с другими людьми. В промежутках мужчина углубляется в создание программ нового сезона, до которого подать рукой, а работы непаханое поле.

Вдруг за спиной раздается голос:

– Она у тебя тут три балла потеряет.

Леонова изучает расписанный для Насти контент. И, когда Ландау оборачивается, тычет в одну из связок:

– Вот это физически сделать почти невозможно без ошибки, тем более Аське, которая каждый раз в скольжении пытается накосячить.

В том, как Мила объясняет ему свое видение узкого места в программе, очевидно слышится другой голос. Скорее всего Виктория высказала бы ему то же самое и примерно теми же словами. Неожиданная встреча с любимой женщиной в

ее продолжении. Леонова отбирает у него планшет и стилус и бестрепетной рукой заменяют обозначение связок.

– Вот так!

Продолжить диалог они не успевают. Миле пора к бортику и участвовать в представлении, а ему держать ее чехлы и спортивную куртку.

Музыка накрывает зал невесомым облаком нежности. Девочка в светлом платье скользит по катку, заставляя сердце рваться из-под ребер. Эта сага любви, зажатая во временной формат одной песни, рождает у каждого свои мысли и воспоминания, свои надежды на большее и лучшее. В этом их волшебство “Нежности”

****

Пока в далеком от Москвы Красноярске ледовая арена грезит о любви в полумраке театрального света, в “Сапфировом” идет своя большая жизнь. Будущее отодвигает пределы возможного для настоящего.

Вика занимается тем делом, которое знает и умеет, а главное любит намного больше, чем стоять в дорогом пальто и улыбаться камерам, изображая снежную королеву, сдуваю-

щую на ледовые арены мира своих изящных снежинок.

Здесь в ярком и жестком рабочем свете, при котором не спрятать никакой брак, она видит настоящую красоту техники, воли, преодоления. Именно ее требует от нового поколения учеников, которые придут на смену тем, кто сейчас кружится по цветному льду Сибири.

Она поправляет им руки, учит правильно закручиваться в прыжки, повторяет снова и снова базовые правила, чтобы те превратились в часть их существа. Она работает как обычно. Как всегда. Как каждый день. Каждый момент своей жизни, не оборачиваясь назад, не упиваясь прошлыми победами. Ничего не требуя от этого, навсегда ушедшего, прошлого и постоянно навязывая свою волю будущему.

Пока у нее есть работа, она знает, за что держаться в любых бурях и среди любых превратностей бытия. Так выбрала себе. И несет этот крест, не ропща.

****

Шереметьево встречает победителей московским шумом и вечным движением. Детей разбирают родители, взрослые рассаживаются по своим автомобилям, спешат к аэроэкспрессу или вызывают такси.

Илья даже не мог подумать, что совместный перелет с Леоновой может оказаться настолько плодотворным. Лайт-версия Домбровской работала отменно, подмечая детали, которые ускользали от взгляда загруженного хореографа.

Илья Сергеевич испытывал очень сложный комплекс чувств в отношении Люды Леоновой и огромное место там занимала обида, разделяемая с любимой женщиной. Но не признать, что девчонка умеет видеть программы, он не мог.

Горело поделиться с Викой. Дома той не оказалось. И не то, чтобы его это удивило. Так что Илья отправился туда, куда и следовало ехать с самого начала – на каток.

****

Ученики ушли. Виктория плавно отрабатывает перетяжки, вслушиваясь в движения мышц и работу суставов, чтобы после можно было доходчиво объяснить спортсменам, где они ошибаются. Из перетяжек в беговые, после беговых – вращения. И из раза в раз снова слушает, как отвечает тело на работу, находя все новые тонкости.

Она любила лед. И кататься. Даже сейчас, через двадцать с лишним лет после окончания спортивной карьеры. Может

быть, и поэтому тоже она так полно “танцевала” каждую программу своих девочек на всех стартах за бортиком. Тело понимает лучше, что происходит, чем глаза, но любви к чуду движения и скольжения это не отменяет.

Рядом раздаётся скрип чужих коньков и это вырывает женщину из собственных мыслей.

– И все-таки, Виктория Робертовна, давайте потанцуем?!

Илья притягивает наушник, в котором звучит:

Прольются все слова как дождь

И там где ты меня не ждёшь.

Ночные ветры принесут тебе прохладу.

На наших лицах без ответа

Лишь только отблески рассвета

Того где ты меня не ждёшь

Они просто скользят вдоль бортика в килиане и у Ландау постоянное ощущение, что она от него убегает, а он ее дого-

няет лишь потому, что она не слишком хочет сбежать и позволяет ему поддерживать себя.

Когда дыхание заканчивается, мужчина резко поворачивает партнершу к себе и крепко прижимает:

– Куда ты все время бежишь, Эр?

И то что было на бело откроется потом

Мой рок-н-ролл это не цель и даже не средство.

Не новое, а заново один и об одном

Дорога в мой дом и для любви это не место...

– Я просто делаю то, что люблю и умею, – улыбается она ему в плечо.

Так, обнявшись, они стоят на льду, переводя дыхание и радуясь близости друг друга.

Блондинка поднимает взгляд и натывается на пару светлых и пронзительных глаз за бортиком. Очень знакомых. Почти забытых и незабываемых..

– Здравствуй, Аля,– произносит Домбровская.

Этот круг ада начался с такой простой фразы. Привычной. Неожиданной. Да, пожалуй, именно неожиданной в том контексте, который предлагался.

—

* Блаженны, чьи грехи покрыты!